

РОДНАЯ СТАРИНА

В. Д. СИПОВСКИЙ

В. Д. Сиповский

Родная старина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3026745
Родная старина / В. Д. Сиповский; под ред. М. И. Дударева.: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53442-5

Аннотация

Эта книга выдающегося педагога и историка XIX в. Василия Дмитриевича Сиповского увлекательно повествует о происхождении древних славян, об этапах складывания русской государственности, о событиях отечественной истории вплоть до 1682 г. Перед читателем зримо и ярко предстанут исторические портреты Василия I, Ивана III, Ивана Грозного, Лжедмитрия I и других исторических деятелей. Книга дополнена развернутыми «Комментариями», цветными и черно-белыми иллюстрациями.

Содержание

Василий Дмитриевич Сиповский и «Родная старина»	5
Из предисловия к первому изданию	8
Вступление	10
Откуда узнаем мы наше прошлое	10
Восточная Европа до начала Русского государства	17
Природа страны	17
Древнейшие обитатели Восточной Европы	20
Славяне	27
Соседи восточных славян	37
Предания о первых русских князьях	40
О Рюрикe, Аскольде и Дире	40
Предания об Олеге	44
Предания об Игоре	47
Предания об Ольге	51
Предания о Святославе	54
Быт русских в девятом–десятом столетиях	59
Принятие христианства и распространение его на Руси	62
Владимир–язычник	62
Сказание об испытании вер	65
Крещение Владимира, киевлян и новгородцев	68
Первоучители славян – святые Кирилл и Мефодий	71
Владимир–христианин	76
Усобицы по смерти Владимира	78
Княжение Ярослава	81
Русская Правда	83
Сношения с иноземцами	86
Время удельных смут и усобиц	89
Усобицы при сыновьях Ярослава	89
Усобицы при внуках Ярослава	92
Ослепление Василька	96
Новые усобицы	98
Борьба с половцами	100
Владимир Мономах	102
Усобицы при сыновьях и внуках Владимира Мономаха	107
Сказание о походе Игоря	111
Монашество и просвещение на Руси в девятом–двенадцатом столетиях	115
Начало русского монашества	115
Святой Феодосий	118
Значение Киево–Печерского монастыря	126
Борьба с язычеством	128
Просвещение	131
Новгород и Владимир	135
Древний Новгород и его торговля	135
Новгородская община	138
Былины новгородские	142

Новгородские церкви и монастыри	146
Суздальская область	148
Андрей Боголюбский	150
Всеволод III	158
Борьба Суздаля с Новгородом	159
Государственный строй и быт русских одиннадцатого– тринадцатого столетий	165
Злые времена татарщины	172
Первая встреча русских с татарами	172
Татары	176
Нашествие татар на Северную Русь	179
Нашествие татар на Южную Русь	184
Поездки русских князей в Орду	186
Даниил Романович	190
Александр Невский	194
Смуты при сыновьях Александра Невского	199
Юрий и Иван Даниловичи	201
Состояние Русской земли в тринадцатом–четырнадцатом столетиях	208
Северные монастыри	212
Симеон Гордый, Иоанн II и Димитрий Донской	217
Куликовская битва	221
Нашествие Тохтамыша	231
Княжение Василия I (1389–1425)	236
Усиление Москвы	236
Нашествие Тамерлана и Едигея	239
Литва и Русь	244
Литва	244
Литовцы и крестоносцы	246
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Василий Дмитриевич Сиповский Родная старина

Василий Дмитриевич Сиповский и «Родная старина»

В конце XIX – начале XX в. мало кому из образованных русских людей были неизвестны труды и имя Василия Дмитриевича Сиповского (1844–1895), выдающегося педагога и популяризатора исторических знаний. Их читали дети и родители, учителя и гимназисты, члены императорской фамилии и люди без чинов и званий – словом, все интересовавшиеся

историей. Не одно поколение россиян начинало систематически знакомиться с прошлым родной страны по популярным книгам В. Д. Сиповского и лишь потом бралось за более академичных С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского. К сожалению, эти книги, выдержавшие множество прижизненных и посмертных изданий, были в советское время преданы незаслуженному забвению. Та же участь постигла и память об их авторе. Лишь в 1990-е гг. в России вновь вспомнили о В. Д. Сиповском, и был переиздан его основной труд – «Родная старина».

Владимир Дмитриевич родился в Умани (ныне Черкасская обл. Украины). Окончив гимназию с золотой медалью, он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где успешно завершил образование в 1868 г. Подающий большие надежды как ученый, Владимир Дмитриевич тем не менее вернулся на родину и работал простым учителем истории и русской словесности. В 1874 г. он перебрался из Киева в Петербург, приглашенный преподавать в столичную женскую гимназию. В столице он активно включился в педагогическую и общественную деятельность. С 1876 г. Сиповский издавал журнал «Женское образование» (с 1892 г. переименованный в «Образование»), а с 1878 г. преподавал историю и словесность на Высших женских курсах профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Помимо множества статей в собственном журнале, Сиповский часто публиковался и в других педагогических изданиях («Семья и Школа», «Русская Школа» и др.). А вскоре возникла идея книги, в которой бы популярно была изложена отечественная история, с широким использованием памятников древнерусской литературы. Во время подготовки книги не обошлось без непредвиденных неприятностей: в апреле 1879 г. квартира Сиповского была подвергнута обыску, а он сам – аресту по подозрению в хранении запрещенных изданий. Однако в бумагах Сиповского полиция не нашла ничего предосудительного, и Василий Дмитриевич смог вернуться к работе. В результате была написана трехтомная «Родная старина. Отечественная история в рассказах и картинах». Первый том (выпуск) был посвящен событиям российской истории с IX по XIV в. (до смерти Дмитрия Донского), второй – с XIV по XVI в. (до смерти Ивана Грозного), третий – с царствования Федора Ивановича до царствования Федора Алексеевича (т. е. до 1682 г., начала Петровской эпохи).

С момента выхода в свет первого тома (1879) «Родная старина» выдержала еще девять переизданий – настолько была велика популярность этой книги. Причем в прижизненные переиздания «Родной старины» автор вносил изменения и дополнения, в том числе очень существенные. Так, по сравнению с первоначальным вариантом, книга пополнилась вступительным рассказом об источниках знаний о прошлом, были существенно расширены рассказы о древнейших обитателях Восточной Европы, о древних литовцах и образовании Литовского княжества, о Западной Руси и Украине под властью Польши. Автор старался наполнить выпуски «Родной старины» иллюстративным материалом, чтобы сделать прошлое России для читателей более наглядным и доступным для понимания. В этом и состояла особенность метода преподавания истории Сиповским – благодаря доходчивому языку и увлекательному повествованию сделать прошлое понятным и интересным, чтобы перед читателем открывались не нудные перечни сухо изложенных фактов, дат и названий, а живые картины предыдущих эпох, слагающиеся из ярких запоминающихся образов. Кроме того, Василий Дмитриевич стремился не загромождать свои книги экономическими и социологическими концепциями, столь модными в его время, а сосредоточить внимание на том, что близко и доступно пониманию массового молодого читателя – на повседневной жизни людей, на взаимоотношениях между ними, на том, что их беспокоило или радовало. Читатели «Родной старины» постигали историю народа через знакомство с культурой, бытом и нравами, а историю государства – через мысли и поступки правителей и окружавших их деятелей. Для Сиповского было важно донести до современников живое слово людей ушедших поколений. Всюду, где только возможно, он пересказывает или цитирует отрывки изустных

и письменных литературных памятников – летописей, народных сказаний, былин, преданий и песен, эпических поэм и повестей, житий святых, посланий (в некоторых новейших переизданиях «Родной старины» многие из этих отрывков были, к сожалению, опущены). Особая ценность «Родной старины» заключается именно в насыщенности ее текста фрагментами исторических источников, большинство из которых осталось бы неизвестно неискушенному читателю. Это особенность не только этого произведения, но и других трудов Сиповского («История Древней Греции в рассказах и картинах» и «Сократ и его время»).

Работу над популярными книгами для народного чтения Сиповский совмещал с преподаванием и изданием журнала, а в 1885 г. Василий Дмитриевич был назначен директором училища для глухонемых. На этом посту он проработал до самой смерти. Педагогический талант В. Д. Сиповского был оценен императором Александром III, пригласившим автора «Родной старины» преподавать историю своим детям – великой княгине Ксении и великому князю Михаилу.

На титульных листах «Родной старины» Василий Дмитриевич скромно фигурировал в качестве составителя, тем самым подчеркивая, что он лишь добросовестно и популярно излагает либо результаты открытий других историков (их труды, использованные при подготовке книги, Сиповский перечислял в предисловиях к каждому из «выпусков»), либо содержание древних художественных памятников. И может показаться, что в «Родной старине» не отражены собственные взгляды Сиповского-исследователя. Но это не так. Автор «Родной старины» имел личные представления об историческом прогрессе, считал его главной силой просвещения. И недостаток просвещения он полагал одной из главных причин тех бед, которые постигли в прошлом Русь. Обычно избегая категоричных суждений, Сиповский все же делал однозначные выводы при оценке нравов той или иной эпохи, основываясь на мере просвещенности людей, их способности самостоятельно мыслить и свободно творить.

Даже в начале XXI в. книга В. Д. Сиповского сохраняет интерес для всех интересующихся историей. Конечно, нынешнему читателю «Родной старины» нужно всегда помнить, что автор адресовал свой текст юному поколению конца XIX в., а потому, проводя параллели с «современностью», он имел в виду реалии позапрошлого столетия. Нужно помнить, что «Родная старина» при всех ее достоинствах – не историческое исследование в современном смысле слова. Для автора важнее не реконструировать исторические события и процессы в том виде, в каком они происходили в реальности, а в том, в каком они остались в исторической памяти народа, превратившись в легенды и предания, отразившись в песнях и поговорках, оставив отпечаток в письменных литературных памятниках. Конечно, автор не слепо доверял этим источникам; нередко на страницах «Родной старины» он иронизировал над народной фантазией и прямо называл отдельные сообщения летописей и исторических преданий «баснословными». В то же время современная историческая наука подвергла справедливому сомнению многие из тех фактов, которые для

В. Д. Сиповского и современных ему историков были бесспорными. Впрочем, выводы современной науки тоже не истина в последней инстанции. Поэтому поправлять и комментировать «Родную старину» – дело неблагодарное и не всегда нужное. Ведь к труду Сиповского сегодня следует относиться не как к справочнику по отечественной истории, а как к талантливому литературно-историческому произведению, посвященному прошлому нашей родины. Тем не менее ряд мест в книге, трудных для понимания современного читателя или содержащих заведомые ошибки (в которых повинен не столько автор, сколько используемые им источники), пришлось снабдить примечаниями – либо в конце книги, либо в самом тексте [в квадратных скобках].

Из предисловия к первому изданию

Преподавание отечественной истории в наших мужских и женских учебных заведениях начинается обыкновенно в средних классах. Учащимся лет 13–15 дается в руки учебник, который и представляет основу преподавания. Учитель должен позаботиться, чтобы учащиеся вполне поняли и усвоили учебник. Учебники истории, даже и наилучшие, представляют по самой сущности своей сжатое и сухое изложение фактов, усвоить которые надо памятью. Объяснения учителя касаются смысла событий, значения их, причинной связи между ними и пр. и действуют преимущественно на рассудочную способность. Воображению и чувству учащихся уроки истории, особенно отечественной, дают обыкновенно слишком мало пищи. Даже и в тех случаях, когда учитель хороший рассказчик и мог бы своими рассказами вызвать у учащихся живые представления исторических событий и лиц, он очень редко бывает в состоянии это сделать: времени на уроки отечественной истории отводится обыкновенно немного, да притом половина его уходит на необходимое спрашивание уроков. Сухое же изложение фактов, не затрагивая воображения и чувства, плохо держится в памяти; частые и притом скучные повторения одного и того же мало помогают беде. Особенно же печально то, что при этом нередко гибнет у учащихся интерес к родной истории.

Если примем во внимание, что только крайне незначительному меньшинству удается слышать профессорские лекции по русской истории, что научные сочинения малодоступны для обыкновенного читателя, то пойдем, почему знание родной истории не процветает у нашего юношества.

А между тем отечественная история и словесность считаются краеугольными камнями национального воспитания. И действительно, только тот из образованных людей может понимать свой народ – не говорим уже – жить одним сердцем с ним, – кто хорошо знает пережитое и передуманное им.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендует на национальное воспитание, должна в своих питомцах возбуждать интерес к отечественной истории и давать им навык к чтению научных и исторических сочинений.

Более заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало-помалу вводят своих учеников в чтение исторических сочинений, советуя им иногда прочесть известные главы или страницы из сочинений Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьем в этом отношении может служить «Хрестоматия по русской истории» Гуревича и Павловича, представляющая хороший подбор статей из научной литературы по русской истории.) Но чтение исторических сочинений и научных статей возможно лишь для старшего возраста. Притом чтение это может принести действительную пользу только при двух условиях: во-первых, необходим большой такт со стороны преподавателя при выборе статей для чтения и, во-вторых, необходимо, чтобы у учащихся был сильный интерес к отечественной истории. А для того, чтобы этот интерес был пробужден у них, надо, чтобы с первых же шагов изучения родная история не ложилась только тяжелым бременем на память, но производила бы впечатление на чувства учащихся, давала бы пищу и воображению их. Для этого необходимо, кроме учебника, кроме объяснений учителя – подспорье в самостоятельном чтении учащихся.

Вполне подходящего для этого и законченного труда нет в нашей учебной литературе; мы делаем попытку восполнить этот пробел. Мы задались целью пересказать все важнейшие события русской истории, строго придерживаясь источников и научной разработки их, – пересказать так, чтобы у читающих получилось сколько-нибудь живое представление о минувших событиях, лицах и древнем строе жизни. Для верного понимания исторических лиц и дел их важно знать, как смотрели на них современники или ближайшие потомки. В

этом отношении взгляд летописца, слова древнего проповедника, старинное суеверное предание, простодушное сказание современника и т. п. получают высокую цену. Всюду, где можно было, мы и старались показать, как события и дела исторических деятелей отражались в сознании современников. Хотя мы и пользовались научными трудами, но всегда старались держаться как можно ближе к источникам; некоторые памятники («Поучение» Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве, места из Жития св. Феодосия и пр.) переданы нами почти дословно. Личная жизнь, как известно, мало проявлялась в древние времена нашей истории. Мало потому и биографического материала дают наши исторические источники, но все-таки по ним, хотя и в общих чертах, можно представить несколько типов, порожденных складом древней жизни и историческими обстоятельствами. С типом князя – сурового и беспощадного воителя – читатели нашей книги познакомятся из преданий о первых князьях: Олеге, Игоре и Святославе; с типом воителя, смягченным и просветленным христианским учением, – из рассказа о Владимире Мономахе; с непоседливым князем-удальцом удельно-вечевое периода – из рассказа о Мстиславе Удалом. Типы монахов-подвижников представлены в рассказах о св. Феодосии и св. Сергии. В XIV в. начинает выясняться тип князя-политика, скопидома, изворотливого и дальновидного – в рассказах о Юрии и Иване Даниловичах.

Особенное внимание обращено нами на изложение. Мы старались довести язык до возможной чистоты и простоты, старались в то же время избежать сухости.

Вступление

Откуда узнаем мы наше прошлое

Более тысячи лет минуло с той поры, как положено начало Русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупных дел, и хороших и дурных; немало бед и горя пережил русский народ; были у него и светлые дни радости; были и люди, память о которых дорога всякому русскому сердцу. Есть о чем порассказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать нам о том, что было за несколько веков до нас? Откуда проведать о стародавних временах?

Жизнь народов обыкновенно не проходит бесследно. Устные рассказы о давно минувших событиях, древние письменные памятники, здания, утварь, оружие и другие вещи, уцелевшие от прежних времен, – все это следы минувшей жизни народа. Чем образованнее становятся люди, тем больше они дорожат этими остатками старины: понимают, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его нравов, обычаев, учреждения; а узнать и вполне понять их только и можно, уяснив себе, как складывались они в многовековой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача истории, а всевозможные остатки старины служат источником, откуда историк черпает сведения о былом.

Как отдельному человеку, так и целому народу врожденно помнить свое прошлое и дорожить им. Кому не приходилось замечать, как любят рассказывать о минувших днях люди старые да бывалые, как говорится, выдавшие виды на своем веку? Рассказывают они порой так хорошо, подробно да складно, что и заслушаться их можно. Память у стариков бывает нередко и богата, и торовата – были бы только желающие слушать их, а за охотой рассказывать дело у них не станет.

Такая охота у старых людей была во все времена. Рассказывают старики про былое своим детям и внукам, и глубоко им в память да в сердце западают эти рассказы. Пройдет десятка два-три лет – деды уже в могилу сошли, внуки их и дети сами стали отцами и дедами; рассказывают и они своим детям о старой дедовской были и о том, что сами на своем веку видали. Так из рода в род и передаются рассказы о былом, потому и называют их преданиями. Века проходят, а сказания о старине, словно наследство заповедное, наряду с дедовскими обычаями, переходят от поколения к поколению.

Хоть и крепка бывает память у стариков на прошлое, а все-таки ей не удержать всего, что они сами видывали и от других слыхивали: ускользают имена, путаются события, забываются порой место и время, где и когда что случилось. Притом ведь не все, что знаешь, и рассказывать хочется; что глубже врезалось в память да к сердцу ближе, только то и на язык просится. Лихие беды, подвиги молодецкие, лютое горе и светлые радости – вот что больше всего сказывается в народных преданиях. На беду, когда сердце слишком уж сильно заговорит, то ум порой молчит... Иной рассказчик говорит о силе дивной могучего богатыря, о чудесных подвигах его, да невольно от полноты души и прикинет от себя словцо-другое, – где преувеличит, где приукрасит; смотришь, с былью уже и сплелась небылица. Прошел такой рассказ через уста нескольких поколений, предание уж и в сказку обратилось, и трудно в ней отличить быль от небылицы. А то найдутся в народе и такие досужие да умелые люди, что иные сказания в песни переложат: в песне они выходят складнее, и слушать их приятнее.

Жизнь не стоит: года идут за годами; совершаются новые дела; у каждого поколения свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новые сказания, новые песни складываются. Они мало-помалу смешиваются между собой в народной памяти, новое сплетается со старым или вытесняет его. Много древних преданий и старых песен затерялось, забыто

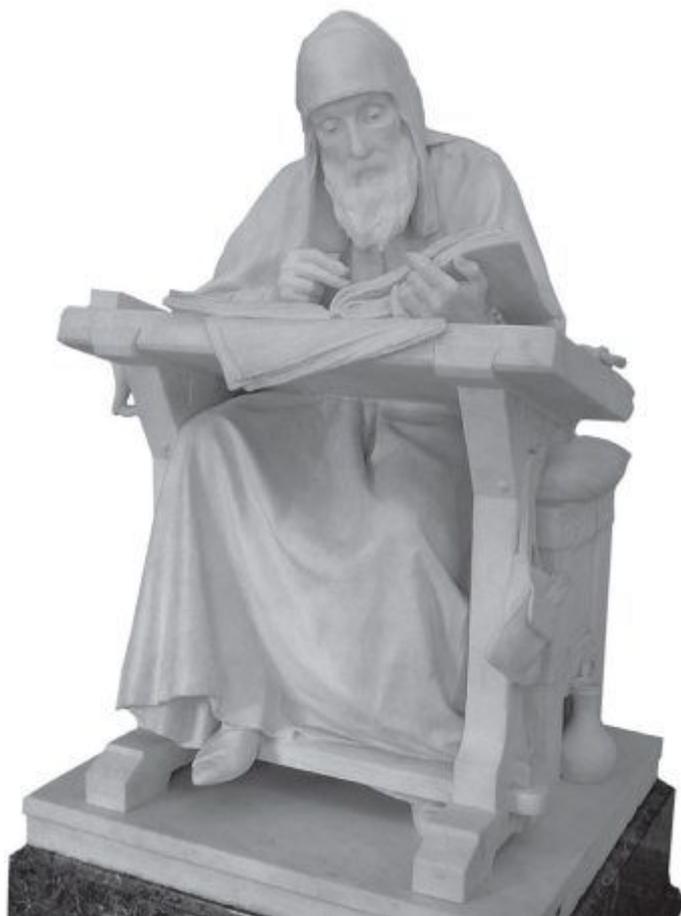
народом прежде, чем ученые стали у нас собирать, записывать и изучать их; но все же немало их хранится и до сих пор в народной памяти. Давным-давно уж нет на свете тех, про кого говорится в иной песне, даже и от могил их давно уж и следа нет, а живая песня все еще говорит про их дела; сотни лет проходят, а горе и радости их все живут в этих песнях...

Народные песни, сказки, предания служат историку драгоценным устным источником. Не станет он черпать из них сведений о событиях и лицах, но узнает отсюда, во что верил народ, на что надеялся, что любил он и что из пережитого и передуманного им особенно глубоко врезалось в его память. Вот чем дороги для истории устные народные произведения.

В древности, когда у наших предков и в помине еще не было письменности, в наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей земле от бывалых людей и разносили известия о ней, порой вели записи, описывали нравы, обычаи, быт наших предков. Из этого источника можно почерпнуть много любопытных подробностей о старинном житье-бытье русских; притом отсюда узнаем мы, как смотрели на них иноземцы в ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, у нас нашлись грамотные монахи, которые стали вести записи о событиях в родной земле. Делалось это сначала очень просто: выставляли года и под ними коротко отмечали, что случилось в это время; а ничего особенного не было, то ничего и не писали – год пустым оставался. Эти отрывочные записи и называются летописями.

Таких начальных записей до нашего времени не сохранилось. Самый древний летописный труд, дошедший до нас, Повесть временных лет (полное ее заглавие: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первые княжити и откуду Русская земля стала есть»). Этот труд относится к XII в. Составитель летописи – был ли он инок Киево-Печерской лавры Нестор, как думали прежде, или Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, как полагают теперь, – потрудился немало над своей книгой.

«Нестор-летописец». Скульптура работы М. М. Антокольского. 1890 г.

Жил он в конце XI и начале XII в., а задумал начать книгу по примеру греческих летописцев со времен Всемирного потопа. Пришлось ему собирать сведения из греческих летописей, из разных сказаний и преданий, особенно же из древнейших русских летописных заметок; пришлось все это сводить в одно целое, потому и называют труд его летописным сводом. Темное предание о первых князьях, благочестивое сказание о первых христианских подвижниках на Руси, отрывочные заметки о походе князя или нападении хищных врагов, сказочный рассказ бывалого человека о каких-либо диковинах Русской земли – все дорого для него, все старательно заносит в свою книгу простодушный составитель: только позднейшие события мог он описывать, как очевидец. Отрекся он от света, хочет думать только о Боге, о спасении душевном, да не вырвать ему из сердца своего привязанности к родной земле, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другим поведать о том, что сам знает. И вот, помолясь Богу, берется он усердно за свой труд: скорбно повествует о неурядицах на Руси, о злодеяниях, о княжеских усобицах, с умилением сердечным заносит сказания о подвигах христианского благочестия, приводит из Святого Писания подходящие места. На труд свой смотрит он, как на дело богоугодное: будут читать летопись князья, бояре, монахи – узнают, сколько зла творилось на земле, как Бог карал за это нечестивых, узнают и хорошие дела, подвиги лучших русских людей – и легче будет добрым людям избирать правые пути в жизни и от зла сторониться. Нелегко было написать целую книгу, когда приходилось букву за буквой вырисовывать. Но летописец усердно трудится –

он надеется «от Бога милости прияти», надеется, что и люди прочтут его книгу и добрым словом помянут его.

Великое дело свершил трудолюбивый составитель Повести временных лет: из нее более всего мы и узнаем о древнейших событиях на Руси до 1110 г., которым заканчивается эта летопись.

Вслед за нею стали вести летописные сказания и в других городах, по монастырям (Новгородские летописи, Псковская, Суздальская и др.). Позднейшие летописцы обыкновенно списывали сначала Повесть временных лет, а затем уже сами продолжали – отмечали больше события тех областей и городов, где сами жили. Летописи велись у нас до XVII в. Множество рукописных летописей дошло до нашего времени; но, к сожалению, самые древние из дошедших до нас писаны не раньше конца XIV – начала XV в. (Лаврентьевский и Ипатьевский списки); стало быть, Повесть временных лет сохранилась лишь в позднейших списках.

Н. М. Карамзин. Портрет работы Е. И. Гейтмана. 1820-е гг.

Кроме летописей, от древней письменности уцелело много отдельных сказаний о достопамятных событиях, житий святых, записок современников, посланий; сохранились также древние договоры, княжеские грамоты, указы, постановления правительства, уставы, законы. Все это драгоценные для истории письменные источники.

С течением времени все больше и больше копилось разных рукописей. Целые груды их сотни лет таились в полной неизвестности в монастырских и других древних книгохранилищах. С XVI в. началось в Москве книгопечатание, но долго никто и не думал печатать драгоценные для истории рукописи. Чтобы разобраться в грудах их, отделить важные от неважных, нужны были не только труд и усердие, но и знание и умение, а их-то и не доставало у наших предков. Не умели они беречь дорогих рукописей: много затерялось, немало погибло не только от пожаров, но и от небрежности и невежества владельцев.

Только с XVIII в. в нашем отечестве зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великого возникло в Петербурге ученое учреждение, Академия наук, куда призваны были ученые, за неимением русских, из Германии. Между ними нашлись люди, знавшие цену древним рукописям, – стали их старательно собирать, изучать, печатать. Начиная с М. В. Ломоносова, первого русского ученого, и русские люди принимаются за науку. Многие стали усердно трудиться и над разными вопросами русской истории; иные пытались изложить ее последовательно и связно с древнейших времен. В начале нашего века [автор имеет в виду XIX в.] является знаменитый труд Карамзина: «История государства Российского» (доведена до 1613 г.). С этого времени любовь к старине все растет и растет: является все больше и больше исследователей, учреждаются целые общества любителей древностей, общими силами работают над источниками русской истории. Дорога родная старина всякому, но дороже всего она тому, кто всю жизнь кладет на изучение ее. Усердно роются ученые в грудах старинных рукописей, изучают древние сказания, темные предания, сказки, песни, обычаи, поверья, язык народа, раскапывают древние могилы (курганы), отыскивают древнее оружие, утварь и пр.; всюду ищут остатки старины, как золотоискатели золота.

И не напрасен их труд: все больше и больше набирается сведений о старине, все яснее и яснее возникает прошлое пред нами, словно оживает. Учреждаются новые ученые общества, работающие над русской стариной. Возникает у нас целая наука древностей (археология) со многими отделами, охватывающими все стороны древнего быта (старинные здания, иконы, древние письма, утварь, оружие, одежды, монеты и пр.). Кроме больших государственных собраний и хранилищ древностей, как, например, Оружейная палата в Москве и Эрмитаж в Петербурге, изучению старины способствуют и частные собрания древних вещей у некоторых богатых любителей древностей. Издаются благодаря помощи правительства и частных лиц летописи, государственные грамоты, изображения древних зданий, вещей, одежд. Являются богатые собрания устных, народных произведений (песен, сказок, пословиц и пр.), издаются научные исследования народных обычаев, поверий. Правительство открывает свои собрания древних документов и бумаг (архивы) для любознательных ученых. Частные лица, владеющие важными для истории записками или письмами, обнаруживают их. Возникает несколько исторических журналов («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник» и др.), которые издаются в течение многих лет и не могут исчерпать всего нашего «исторического богатства», накопленного в минувшие годы.

Много даровитых и высокоталантливых ученых, много и скромных тружеников работало над русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать их именами, если бы мы вздумали всех их назвать. Всем им скажет сердечное спасибо всякий русский, кому дорога родная старина; скажет большое спасибо и историк, которому и подумать нельзя было бы об изложении истории, не будь подготовлено для нее источников. А собрать их и подготовить, как говорится, материалы для истории – дело очень нелегкое. Доверчивый летописец спокойно заносил в свой труд всякие известия, предания, рассказы, не задумываясь долго над тем, верны ли они или нет; а настоящий ученый может пользоваться ими лишь после строгой, разумной проверки (критики) источников. Откроет ли ученый какое-либо неизвестное раньше древнее сказание, он, прежде всего, если не помечен год, когда оно написано, постарается разведать по начертанию писем, по языку, какому времени принад-

лежит рукопись. Если в ней рассказано о каком-либо событии, то исследователь задумывается, мог ли писавший и хотел ли сказать правду; найдет ли ученый исследователь старины древнюю монету, он еще проверит, так ли стара она, как кажется, не поддельна ли она и т. д. Только после осторожных критических изысканий, порою очень долгих и кропотливых, указана будет настоящая цена памятника для истории.

С. М. Соловьев. Гравюра Л. А. Серякова. 1881 г.

После такой разработки, после изданий источников можно вернее и полнее излагать русскую историю, чем прежде. С пятидесятих годов [XIX в.] Соловьев начал свой огромный труд (теперь 29 томов); затем появились многочисленные труды Костомарова – они усилили в русском обществе любовь к историческому чтению. Наконец, в наше время [имеются в виду 1880-е гг.] начато несколько новых больших работ по русской истории (Бестужева-Рюмина, Забелина и Иловайского), которые стараются решить некоторые темные вопросы нашей истории и осветить полнее древнерусскую жизнь.

Над разъяснением ее много еще придется поработать и теперешним нашим историкам, и будущим. Нелегко разобраться в горах письменных, вещевых и устных источников, еще труднее добыть из них то, что составляет главную задачу всякой науки – правду, ту правду, которую и народ наш высоко ценит, говорит о которой в своих пословицах: «Правда светлее солнца, дороже золота», «Без правды не живут люди, а только маются».

Образованные люди могут узнавать эту правду о родной старине из трудов ученых; грамотному простолюдину кое-что скажут о ней доступные ему книжки; неграмотный же человек узнает о ней от грамотных, а в глухих уголках нашей земли – тем же способом, как предки наши тысячу лет назад, – из рассказов стариков, из преданий да песен. Все реже и реже слышатся в наших деревнях старинные песни: они мало-помалу вытесняются новыми, книжными. Былины о старых богатырях сказываются только кое-где у нас на севере уже немногими умелыми стариками; на юге России былин этих народ уже не знает – их заменили песни (думы) о казацких временах. Здесь встречаются еще, хотя и редко, народные певцы (кобзари), большею частью нищие-слепцы. Еще и до сих пор можно видеть, какое великое значение имели они для народа. Ходят они за своими поводырями (вожаками) из

села в село. Везде кобзарь – желанный гость. Куда ни придет, вокруг него скоро собирается толпа и старого, и юного люда: всякому хочется послушать песни о старине. Играет кобзарь на своей кобзе (род гитары) и под звуки ее струн поет свою песню: поет он о том, как попадали казаки в татарскую или турецкую неволю, о муках нестерпимых, какие выносили они в руках басурман. Уныло звучит старческий голос певца, жалобно стонут струны. Стоят кругом слушатели, стоят недвижно с опущенными головами, словно слышат они стоны предков своих, – слышат, а помочь не могут... Кончил свою песню кобзарь. Смутно у всех на душе. Но вот он снова запел, и запел иную песню: поет он про степь широкую, вольную, поет о том, как по ней развивалась удаль казацкая, поет про лихие подвиги прадедов, про силу их могучую. Звонче гудят живые струны; крепнет голос старого певца, будто молодость вернулась к нему. Поднимаются опущенные головы слушателей, расправляют свои согнутые спины старые казаки, а у молодых и глаза блещут – почуяли они, что и в их жилах течет казацкая прадедовская кровь...

Восточная Европа до начала Русского государства

Природа страны

Восточная часть Европы вовсе не походит на западную. Нигде на всем земном шаре нет такого извилистого, изрезанного заливами морского берега, как на Европейском Западе, нигде не бросаются так в глаза, как тут, следы упорной многовековой борьбы моря с материком. Оно охватывает сушу с трех сторон, волнами изрезывает берега, промывает низменности, отрывает клочки суши от материка, образуя прибрежные острова, врывается в него множеством больших и малых заливов. А материк, в свою очередь, словно напрягая силы свои, вздымается горными кряжами, вторгается отрогами их в море, врезывается в него скалистыми мысами, об утесы которых целые тысячелетия разбиваются морские волны...

Нигде горы, долины и морские берега не сочетались так выгодно для человека, как в Западной Европе. Море расчлняет ее на несколько больших полуостровов, на севере своими теплыми течениями греет ее, на юге спасает от жгучего африканского зноя. Горные хребты, идущие по ней вдоль и поперек, делят ее на несколько областей, на множество долин и уютных уголков. Равнины и долины, во многих местах огражденные горами от северных холодных ветров, обильно орошенные горными потоками и реками, цветут богатой растительностью. Горы всегда облегчали жителям Западной Европы защиту от врагов; роскошная природа ее, особенно на юге, издавна влекла население, щедро осыпая человека своими дарами, лаская взоры его своими красотами, а море, никогда не замерзающее, с его многочисленными заливами и островами, облегчало сношения народа и манило смелых на поиски счастья в чуждальние края...

Мудрено ли, что на Европейском Западе богатые, цветущие страны рано наполнились густым населением, что рано сложилось здесь несколько государств, возникли многолюдные богатые города, развились промышленность, торговля, мореплавание и расцвели искусство и образованность?

Не то представляет Европейский Восток. Громадной равниной раскинулся тут материк от Северного моря до Черного, от Уральских гор до Карпат и Балтийского моря. Трудно было поселенцам найти здесь уютное место и сесть плотными поселками где-либо на безграничной равнине, трудно было не разбросаться в разные стороны по ее широкому простору. Много сил и труда должно было пойти здесь у жителей на оборону от лютого холода, от хищного врага, да и почва здесь большей частью скупа – скудно платит человеку за его труд.

Западноевропейская природа, справедливо отмечает один из наших историков, всегда была для человека нежной матерью, а восточная – суровой мачехой. Понятно, что на востоке Европы гораздо труднее было, чем на западе, сложиться государству, возникнуть большим городам, разрастись промышленности и торговле.

На громадной Восточно-Европейской равнине, только по дальним своим окраинам имеющей естественные границы, рано или поздно должно было сложиться одно большое государство. Равнина эта предназначена была для нашего огромного государства, для многочисленного и могучего нашего народа, медленно крепшего, закаленного в бедах и невзгодах, много веков поливавшего землю своим потом и кровью, – народа, терпение и удаль которого так же безграничны, как широкий простор его полей...

На Крайнем Севере Восточной Европы большую часть года стоит лютая зима, белой пеленой снег покрывает промерзлую почву, страшной стужей веет с Ледовитого моря, ночной сумрак полгода висит над землей. Не будь на дальнем Севере хорошей рыбной ловли,

охоты за пушным зверем и птицей да быстрого и выносливого северного оленя, не жить бы там и человеку. Край этот совсем бесплодный: ни посадить ничего, ни посеять нельзя. Коротким летом поверхность промерзлой болотистой почвы (тундры) оттаивает лишь на несколько вершков: расти на ней может только мох – пища северного оленя. К югу от этого дикого и бесплодного края появляются деревья, сначала в виде мелкого кустарника, а далее идут дремучие сосновые и еловые леса.

Средняя полоса Восточной Европы богата и теперь лесами, а тысячу лет назад их было гораздо больше: на целые сотни верст тянулись непроглядные непроходимые лесные дебри, которые перемежались озерами да болотами. В лесной глуши привольно было всякому лесному зверю: белки, зайцы, волки, медведи, лисицы, куницы наполняли их; стадами бродили дикие кабаны, серны, зубры; раздолье было здесь и лесной птице! На севере, в лесах, больше встречаются хвойные деревья – ель да сосна, а южнее идут лиственные – клен, дуб, липа и другие. Здесь в изобилии роятся пчелы и кладут свой мед в дуплах старых деревьев. Тут гораздо легче, чем на Крайнем Севере, живет и человеку: кроме разных лесных промыслов может он возделывать здесь рожь, овес, гречиху, лен и другие полезные полевые и огородные растения.

К югу от средней полосы все реже и реже встречаются леса: они ютятся по берегам рек да по влажным низменностям и все больше и больше места уступают полям да лугам, а дальше расстилается широкая, неоглядная степь. Теплее греет землю тут солнце, и тучная почва во многих местах дает обильные урожаи пшеницы, растит нежные плодовые деревья, а в самых южных частях даже и виноградную лозу. Долго эта степная полоса не имела постоянного населения – бродили тут порою лишь кочевники. Ранней весной покрывалась степь густыми, высокими травами: словно волны ходили по этому зеленому травяному морю, когда степной ветер гулял здесь на просторе. Раздолье было в степи диким коням и другим травоядным животным, привольно жилось и степной птице: стрепеты, дрофы, дикие голуби, горлинки целыми стаями носились над степью; рои мелких голосистых птиц наполняли воздух свистом и пением. Ранним летом степь пестрела яркими цветами, запахом их наполнялся степной сухой воздух. Мудрено ли, что роскошная степь эта постоянно привлекала с востока, из Азии, кочевников? Но случалось, что жгучим летним зноем высушивало и даже выжигало степные травы, и тогда до весны степь обращалась в мертвую пустыню...

Степь спускается к берегам Черного, Азовского и Каспийского морей.

Чем дальше уходит она на восток, тем низменнее и бесплоднее становится почва: попадают здесь местами и голые пески, пропитанные солью (солончаки). Дальше на востоке европейские степи сливаются с азиатскими.

Среди всего громадного простора Восточной Европы, хоть изъездить ее вдоль и поперек, не найти настоящих гор, попадутся кое-где разве небольшие возвышенности да холмы. Внутри эта громадная равнина незаметно поднимается и образует плоскую возвышенность (Алаунскую), покрытую в иных местах холмами: здесь много лесов, болот и озер – отсюда и берут начало наши большие реки.

С западной части возвышенности (Валдайские горы) течет на восток Волга, сначала маленькой речонкой, справа и слева бегут к ней ее притоки, ручьи и речки. Но чем дальше, тем полноводнее, глубже и шире делается она, а когда, приняв в себя Оку, сливается с рекой Камой, то становится такой широкой, что с одного берега еле видишь другой. Здесь Волга поворачивает на юг, медленно и величаво несет свои воды через дремучие леса, через степи широкие в Каспийское море. С той же возвышенности берет начало Днепр. И он начинается маленькой речкой, а потом все растет и растет, принимая в себя воды притоков, и тихо, не спеша, пробирается через густые леса к вольной степи. В одном месте тут заслонили было ему путь камни да утесы (пороги) и забурлили его воды: тесно им после приволья да простора степного пробираться по узким проходам между камнями! Пробившись сквозь

пороги, свободно и вольно разливается Днепр вширь и впадает в Черное море таким широким устьем, что и не разберешь, где кончается река и где начинается море. Между Волгой и Днепром Дон с притоками орошает степь и несет свои воды в Азовское море. С Валдайской возвышенности течет Западная Двина в Балтийское море. Тут же неподалеку начинаются и реки, текущие в озеро Ильмень: из него Волхов идет в Ладожское озеро, и оно рекою Невой вливается в Балтийское море. С Алаунской гряды текут на север притоки реки Северной Двины, а на юг – притоки Волги. Кроме этих рек, много других меньших пересекают страну по всем направлениям. Из середины ее они со множеством притоков расходятся на север и юг, на запад и восток и, словно водной сетью, покрывают всю громадную равнину. Многие из этих рек, полноводные, рыбные, текут на целые сотни верст, текут спокойно, не спеша, через леса, поля и степи.

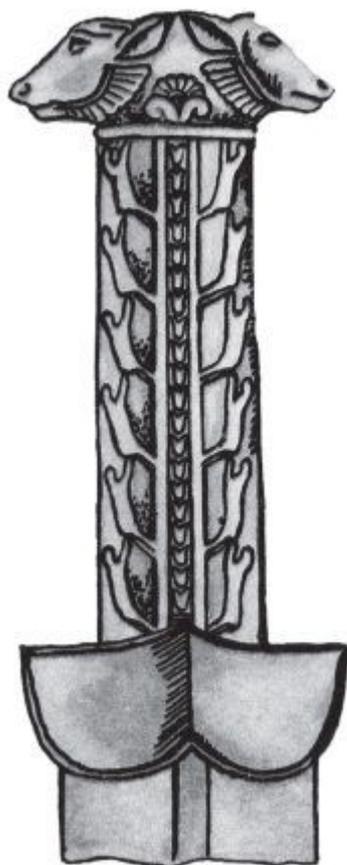
Не будь этих рек, трудно было бы расходиться по стране первым поселенцам ее – легко было затеряться в беспредельных степях, заблудиться в лесных чащобах, да и пробираться сквозь непролазные дебри по топким болотам было очень тяжело и опасно: на каждом шагу можно было встретиться с хищным зверем. То ли дело река... Путь ровный! Сделать челн из старого дуплистого дерева не трудно. По течению реки плыть совсем легко – сама вода несет, да и вверх подниматься не тяжело по тем рекам, которые текут тихо и ровно. Поднимешься к верховью одной реки, плыть дальше нельзя, смотришь – недалеко начинается другая река. Три-четыре человека могут без особого труда перетащить челн до нее: где место гладкое, можно тащить по земле волоком, а где нельзя, там легкую ладью и на руках можно перенести. Стоит только добраться до другой реки, спустить лодку в воду – и плыви себе иной раз хоть целые сотни верст без помехи. Плавая по рекам, не заблудишься: они и обратный путь покажут, если надо вернуться, да и опасности меньше. Приходится плыть сквозь темные леса: полны они рева и воя звериного, да не опасно – не достанет зверь людей среди большой реки. Случается им иной раз и на берег выйти поохотиться, раздобыться дичью: приходится тут и с большим лютым зверем встретиться. Опасно и это, но все же не то, что пробираться по лесам целые дни, недели, не зная покоя ни днем ни ночью, быть постоянно в страхе среди лесного сумрака...

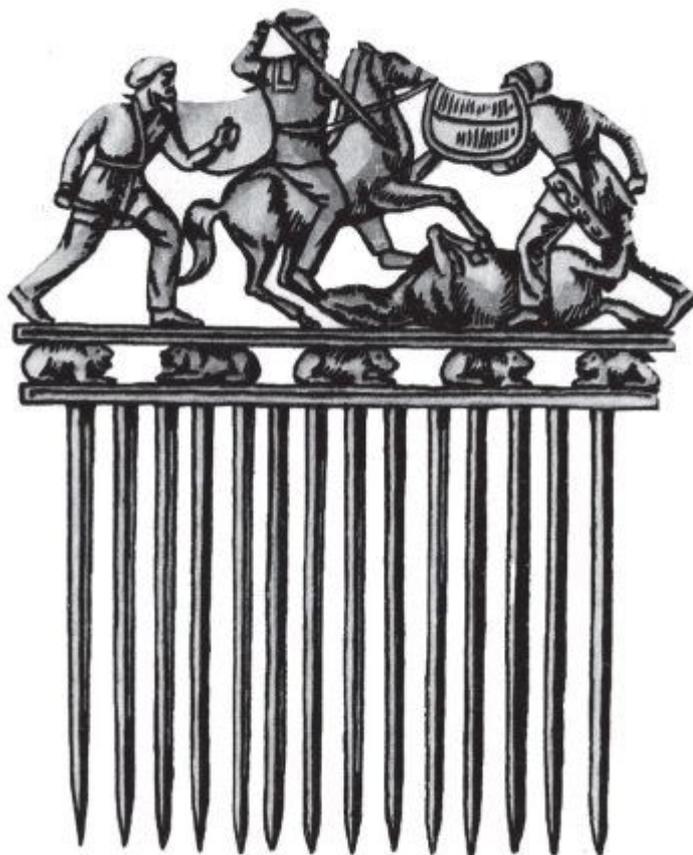
Понятно, почему население более всего ютилось к рекам, а они, текущие во все стороны Восточно-Европейской равнины, разносили его мало-помалу во все концы ее.

Древнейшие обитатели Восточной Европы

В глубокой древности, тысячи за три лет или более до Рождества Христова (Р. Х.), в разных местах Европы уже обитали люди. Тяжела и непроглядна была жизнь этих первобытных диких поселенцев Европы. Они еще не знали железа: кости животных и камни заменяли им железные орудия. Из кремней и других твердых камней, терпеливо отбивая кусок за куском, тогда выделяли себе люди необходимые орудия: топоры, молоты, ножи, домашнюю утварь, наконечники копий и стрелы и пр. Трудно было сделать их, нелегко было пользоваться ими: сколько надо было труда, чтобы каменным топором срубить толстое дерево.

Сколько надо было поработать, чтобы каменным ножом сделать из дерева какую-нибудь вещь. Но с течением времени и эти первобытные каменные орудия человек ухитрился довести до значительного совершенства, научился трением при помощи песка придавать им гладкость (шлифовать), оттачивать их, нашел способ сверлить в них отверстия, удобнее прилаживать рукояти, стал даже придавать своим изделиям изящный вид и выделять из камней украшения, бусы и пр. Те времена, когда люди ютились в пещерах или для безопасности от лютого зверя и хищника-врага устраивали себе шалаши по озерам на сваях, пробавлялись охотой да рыболовством, довольствуясь каменными орудиями, ученые назвали каменным веком.

Скифские изделия из золота: слева – рукоять меча, справа – гребень

Конечно, не одно столетие первобытные обитатели Европы в своем житейском обиходе довольствовались каменными орудиями подобно тому, как еще двести лет назад обходились ими, например, наши камчадалы.

Великим событием в бытовой истории человека было открытие способа делать вещи из бронзы (сплава меди и олова). С этой поры люди мало-помалу научились отливать не только хорошие мечи, ножи, серпы, наконечники копий и стрел, но и сосуды, и довольно красивые украшения: ожерелья, кольца, серьги и пр. Время господства бронзы называется бронзовым веком.

Когда же, наконец, человек совладал с твердым железом, научился ковать его, делать из него орудия более прочные и удобные, чем бронзовые, наступает железный век.

Как на западе Европы, так и на востоке сохранилось много остатков от каменного и бронзового веков.

Уже издавна в разных местностях России случалось, что крестьяне выпаживали из земли маленькие заостренные камешки, называли их «громовыми стрелками», так как суеверного народа сложилось поверье, будто они находятся там, куда ударила молния. Изучение древностей каменного века показало, что эти камешки – наконечники стрел, уцелевшие от глубокой древности.

Раскопки и случайные находки почти всюду в России доставили огромное количество каменных вещей, разных орудий, от самых первобытных, грубо отесанных, до красиво отделанных, просверленных; нашли также и куски глиняных сосудов (горшков), от самых грубых, плохо вылепленных, полуобожженных до искусно сделанных и украшенных затейли-

выми узорами. Точно так же немало найдено на западе России, в северных и восточных частях ее разных бронзовых вещей и железных, которые относятся к глубокой старине.

Все эти любопытные вещевые остатки ясно показывают, что восточная половина Европы была обитаема подобно западной уже за несколько тысячелетий до Рождества Христова, что древнейшим жителям ее много веков приходилось биться изо всех сил, чтобы с каменным орудием в руках поддерживать и охранять свою жалкую жизнь.

Показывают эти остатки, как первобытные люди путем вековых усилий ума, приноравливаясь и приспособляясь всячески к окружающей их природе, старались мало-помалу улучшить, облегчить и скрасить свою жизнь и как, наконец, дознались до искусства плавить некоторые металлы и ковать железо.

Кроме того, в России во многих местах находят немало древностей времен, хотя и позднейших, но все же дохристианских. В наших южных степях много сменилось кочевых племен задолго еще до Рождества Христова. От них остались тоже вещевые следы.

В разных местах степи встречаются и малые, и большие курганы (могильники), попадаются и небольшие могилы, обложенные или обставленные камнями. На некоторых насыпях найдено множество каменных, по большей части грубо изваянных, изображений женщин и мужчин. Значение этих загадочных истуканов, или «каменных баб», как их называют, до сих пор еще не объяснено. Все это – памятники давно минувшей жизни народов, но памятники немые: по ним можно судить только о состоянии искусства у этих народов в разные времена, путем домыслов и догадок можно добыть и некоторые сведения о внешнем быте, но не скажут ничего определенного нам эти немые памятники о внутренней жизни, о верованиях, о понятиях народов, не расскажут и о том, что пережили они. Поведать нам об этом может только человеческое слово: без него нет и быть не может настоящей истории. Те времена, от которых не сохранилось словесных известий, называются доисторическими.

Первое веское слово о народах Восточной Европы сказал греческий писатель Геродот, которого называли «отцом истории». Уже в шестом столетии до Рождества Христова по северному берегу Черного моря процветали греческие колонии: Ольвия при устье Буга, Херсонес и Пантикапея на Таврическом полуострове и др. Жители этих городов, особенно Ольвии, были в сношениях с соседними народами, жившими в нашей южной степи, и, конечно, должны были многое знать о них. Геродот, посетивший в V в. до Рождества Христова Ольвию, не довольствуясь одними слухами и рассказами о занимавших его странах, сам побывал в устьях Днепра, Буга и Днестра и рассказал подробно и живо все, что видел и слышал.

Прежде всего любознательного историка поразила громадность страны, раскинувшейся пред ним, и величина рек, орошающих ее. Ближайшими соседями греческих колоний, жителями нашей южной степи, были скифы-кочевники, а к северу от них вверх по Днепру жили, по словам Геродота, подвластные им скифы-пахари. Далее он приводит несколько баснословных рассказов о людоедах (антропофагах), будто бы живущих к северу от этих скифов, о чудовищах с львиным туловищем, с орлиным клювом и крыльями (грифах), стерегущих на севере золото и прочее. В такие басни облекались слухи о страшных опасностях, ждущих смелых путешественников на дальнем севере, и о богатствах, скрытых в Уральских, или Сибирских, горах. Но то, что рассказывает Геродот о скифах-кочевниках, дышит простотой и правдивостью.

Скифы-кочевники, по его словам, очень мудро устроили свою жизнь: на них трудно напасть врагу, трудно и уйти от них – ни городов, ни крепостей у них нет; живут они не от плуга, а от скота, все они конные стрелки, жилища свои имеют при себе – перевозят их за собой на телегах.

Как трудно покорить кочевников, на широком степном приволье, хорошо видно из рассказа того же Геродота о походе персидского царя Дария на скифов. С бесчисленным войском двинулся он в степь, надеясь скоро обуздать их, но ошибся в расчете: скифы не всту-

пали в бой, а беспрестанно переходили с места на место, уходя ввиду персидского войска все дальше и дальше в глубь своих степей.

Дарий потерял наконец терпение и послал к скифскому царю гонца с такими словами:

«Если ты силен, остановись и сразись со мною, если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бегай, а дай мне, как владыке своему, земли свои и воды и вступи в переговоры».

«Никогда ни перед кем не бегал я от страха, – отвечал персидскому владыке скифский царь, – ни прежде, ни теперь. Ничего небывалого не делаю я и ныне. Я по своему обычаю кочую. Остановиться мне негде: у нас нет ни городов, ни возделанной земли, и защищать нам нечего, а потому и сражаться с вами у нас нет ни случая, ни причины. Если же непременно хочешь битвы, то у нас есть отцовские могилы, – найдите их и попробуйте тронуть, тогда вы узнаете, будем ли мы готовы на битву или нет... Ты называешь себя моим владыкой. Да будет тебе ведомо, что над собой я знаю только одного владыку – Бога... За дерзкие слова твои заплатишь ты слезами».

С этого времени скифы стали всячески вредить персам: не давали им покою по ночам, нападали во время обеденных привалов. Скифская конница постоянно одолевала персидскую; когда же пехота готовилась вступить в бой, то скифы уносились от нее на своих степных конях.

Сначала скифы, отступая перед персами, засыпали колодцы и родники, уничтожали траву, чтобы всячески затруднить путь врагам, а теперь, наоборот, облегчали им поход, даже подгоняли к ним нарочно стада...

Догадался Дарий, что скифы хотят заманить персов подальше в свои степи, чтобы вконец измучить их внезапными нападениями и затем истребить, убедился он, что при всех его громадных силах ему не покорить степных кочевников, и поспешил выбраться из дикой их страны.

Поклонялись скифы, по словам Геродота, многим богам (небу, солнцу, луне и др.). Храмов, жертвенников и кумиров не ставили, только одному богу войны устраивали жертвенник. Волхвов, гадателей и предсказателей у скифов было великое множество. Горе было тем из них, предсказания которых не оправдались: их ставили на повозку, запряженную волами, в кучу хвороста, зажигали его и пускали волов по степи... В жертву богам приносили скифы волов, коров, лошадей и других домашних животных. Богу войны приносились жертвы иначе. Устраивали из хвороста огромный курган; на верхней площадке его водружали старинный железный меч, который и служил кумиром бога войны. Этому мечу приносили в жертву скот и лошадей в гораздо большем количестве, чем другим богам. Когда же брали в плен неприятелей, то от каждой сотни одного приносили в жертву: возлив вино на головы обреченных в жертву людей, резали их над сосудом, потом несли кровь на курган и лили ее на меч.

Скифы были вообще кровожадны. На войне скиф пил кровь первого убитого им врага. Головы убитых неприятелей скифы относили царю, чтобы иметь право участвовать в добыче, а кто не приносил, тот ничего и не получал. Кожа с вражьих черепов искусно снималась и привешивалась на узде к коню. Тот воин считался храбрейшим, у которого было больше таких победных знаков. Из черепов знатнейших и злейших врагов своих скифы делали себе чаши: богатые отделявали их золотом, а бедные обтягивали воловьей кожей. На пирах и торжествах, которые устраивались раз в год, более отважным воителям оказывался особенный почет, им подносили вино, тогда как не отличившиеся ничем сидели поодаль от храбрых, без всякой почести и без вина... Вина пили скифы очень много, и притом чистого, не разведенного водою, что у древних греков считалось признаком грубости и варварства.

Своих царей скифы погребали с большими почестями и особенным образом. Тело умершего, вынув из него внутренности, наполняли благовонными травами (бальзамировали), обмазывали воском, клали в колесницу и объезжали по всем подвластным народам.

Печаль их выражалась тем, что они наносили себе раны, урезывали уши, царапали лицо, стригли волосы. Чем дальше везли погребальную колесницу, тем больше и больше народу присоединялось к печальному шествию, и наконец накопилось великое множество людей. Когда привозили тело царя на царское кладбище (некоторые полагают – поблизости от Днепровских порогов), здесь выкапывали большую четырехугольную яму, а в ней отдельные пещеры. В одной погребали царя, а затем, удушив одну из царских жен и самых близких к царю слуг, хоронили их в остальных пещерах. С ними клали царскую утварь, оружие и различные украшения, большей частью золотые, так как скифы серебра и меди употребляли мало. Наконец все собравшиеся на погребение наперерыв друг перед другом засыпали могилу землей, стараясь сделать насыпь как можно выше, таким образом сооружали иногда громаднейший курган, сажень десять вышиною, шагов 500 в окружности. Через год справлялись поминки: снова убивали лучших из уцелевших слуг умершего царя, убивали и лучших его коней и мертвых всадников на мертвых конях ставили на кольях вокруг кургана.

Скифский воин

Когда умирали простые скифы, то родственники умерших возили их на повозках по их друзьям; те угощали провожатых пирами. Такие похоронные объезды длились 40 дней, затем совершалось погребение.

Строго соблюдая свои обычаи, скифы, по словам Геродота, питали отвращение к обычаям иноземцев и ничего не заимствовали от них...

Из приведенного рассказа ясно рисуются суровые нравы скифов-кочевников. Нравы и обычаи скифов-пахарей, к сожалению, не описаны, но они, конечно, отличались большою мягкостью и миролюбием, как оседлые мирные промышленники. Они возделывали хлеб не только для себя, но и для продажи.

К рассказам Геродота о богатстве скифских могил ученые относились долго недоверчиво, но когда стали раскапывать курганы, то рассказы «отца истории» блистательно подтвердились.

Несмотря на то что сокровища многих скифских могил оказались расхищенными еще в глубокой древности, несмотря на то что при раскопке одного царского кургана (Куль-Оба) близ города Керчи грабителями было сделано нападение и захвачено множество древних золотых вещей, все-таки найти и сберечь удалось огромное количество скифских древностей. При раскопке, например, одной могилы в 1863 г. (Чертомлыцкой) близ Днепровских порогов, неподалеку от местечка Никополя, было найдено множество принадлежностей и украшений конской сбруи, колесниц, шатров; найдены золотые и серебряные обручи, серьги, около 700 золотых блях, золотые перстни... Раскопка этого кургана производилась почти два года; но труды увенчались блестящим успехом: добыто было около 2500 предметов, драгоценных для науки. Хотя большая часть вещей была греческой работы, но делались они сообразно нравам и вкусам скифов.

Особенно важны две вазы: одна – золотая, найденная в кургане близ Керчи, другая – серебряная, добытая из Чертомлыцкой могилы, недалеко от местечка Никополя. Оба эти изящных сосуда греческого изделия украшены изображениями скифов и дают понятие об их вооружении и одежде.

Скифская одежда была одеждою лихого наездника. Короткий кафтан не мешал верховой езде: запахивался он пола на полу и туго опоясывался ремненным поясом, украшенным бронзовыми пластинками. Кафтаны были холодные и теплые: последние подбивались и опускались по краям мехом. Обувь скифа состояла из коротких сапог, которые перевязывались ремнем. У царей и богатых вельмож и кафтаны, и шаровары украшались золотыми бляшками, из которых составлялись узоры; кроме того, одежда украшалась множеством блестящих пуговиц.

Скифы носили бороды и длинные волосы, зачесывая их назад; башлыки, которыми они прикрывали голову, точно так же как и одежда, украшались нашитыми бляхами и пуговицами. Вожди носили на голове золотые ленточные перевязи вроде венчиков. На шею надевали гривны, то есть ожерелья: цари и вельможи – золотые в полфунта и больше весом, простые люди – бронзовые. Женщины у скифов очень любили украшения, в их могилах было найдено множество золотых и бронзовых ожерелий, обручей (браслетов), перстней, колец, серег.

Главным оружием скифов были лук и стрелы, на поясе у каждого висел лук в налучии, при котором был небольшой колчан со стрелами; кроме того, употреблялись короткие мечи и копья. Самым ценным богатством степного наездника был, конечно, конь. Простые скифы, как видно по изображениям, довольствовались ременной уздечкой и незатейливым седлом, но цари и вельможи у них щеголяли великолепными конскими уборами, которые были обильно украшены золотыми разнообразными бляхами, на шеи коням иногда навешивались гремящие цепочки с бубенчиками и колокольцами.

Скифские вазы

Из утвари скифов найдены большие котлы на высоких подставах; они, очевидно, ставились прямо на землю, и под ними разводился огонь. Кроме того, найдены чаши и роги, служившие скифам на их пирах, а также вазы, блюда, ложки, ножи и проч.

Хотя и после Геродота греки говорят о скифах, жителях Восточной Европы, а затем римские писатели сообщают некоторые известия о ее обитателях, называя их сарматами и другими именами, но известия эти по большей части темны и сбивчивы. Под скифами и сарматами древние писатели разумели вообще жителей южной части малоизвестной Восточной Европы, между тем на ее равнинах обитало разом по несколько различных племен, притом кочевые народы здесь часто сменялись один другим. Некоторые наши ученые думают, что под общими названиями скифов и сарматов скрываются и наши предки – славяне.

После Рождества Христова греческие и римские писатели начинают уже различать на Европейском Востоке несколько племен и называют их разными именами, но в путанице этих имен очень трудно разобраться. В IV в. в юго-западной части нашего отечества готы, народ германского племени, образовали было большое государство, но страшное нашествие азиатских кочевников, гуннов, уничтожило его и произвело в Средней Европе общее передвижение племен, так называемое Великое переселение народов.

С пятого столетия после Рождества Христова появляются уже довольно ясные известия о славянах.

Славяне

Сравнение языков, древних верований и обычаев европейских и некоторых азиатских народов показало, что славяне принадлежат к большой семье племен, которые ведут начало от одного праотца-народа – арийцев, в незапамятные времена живших в Азии, на Иранской возвышенности. Арийское племя, размножаясь, постепенно выделяло из себя части, которые, мало-помалу подвигаясь от своей родины на юг и на запад, расселялись по разным странам и складывались в отдельные племена (в Европе греко-италийцы, кельты, германцы, литовцы, славяне, в Азии – иранцы и индийцы). Тем же способом дознано, что славяне, пришедшие в Европу еще в доисторические времена, не походили на древнейших диких обитателей ее, чтили уже родственные связи и обязанности, могли приручать животных, занимались скотоводством, имели сведения о земледелии, умели плести, ткать, шить, знакомы были с золотом, серебром, медью, стало быть, давно уже вышли из первобытного состояния дикарей.

Где в Европе поселились славяне по выходе из Азии – неизвестно. Вероятно, не раз им приходилось менять место во время народных движений. По древним преданиям славян, можно заключить, что древнейшим местом их в Европе были страны по нижнему и среднему течению Дуная и земли к северу от него до Карпатских гор. На Дунае жить было привольно: воздух здесь теплый, земли плодородные, растительность богатая. Не ушли бы славяне отсюда по своей воле, да стали их теснить с юга, как говорит предание, другие народы (волохи), пришлось славянскому племени раздробиться и двинуться в другие земли. Одна только часть их осталась на Дунае; от этих славян ведут начало сербы и болгары. Другая часть их пошла дальше на север; от них произошли чехи, мороване, словаки и поляки, а те славяне, которые поселились по реке

Эльбе да по берегу Балтийского моря, мало-помалу затерялись среди сильных немецких племен, слились с ними в один народ – онемечились. Третья часть славян пошла на северо-восток по Днепру и его притокам. Эти восточные славяне наши предки: от них-то и ведет начало русский народ.

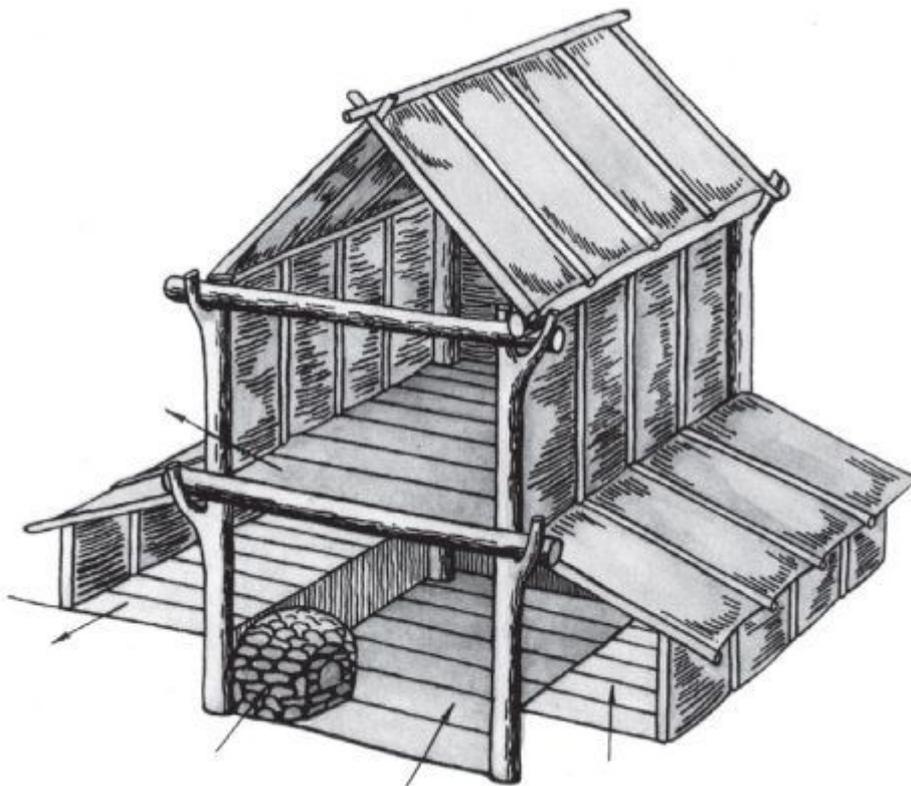
Места по Днепру было вдоволь, тесниться было нечего – свободно расходись хоть во все стороны! Пробираются по реке поселенцы: приглянется им какое-нибудь место на берегу – остановятся, поживут несколько времени. Хорошо живется, можно добыть пищу и не очень опасно – устроят незатейливые жилища и живут себе, а худо – пойдут дальше искать новых мест. Широко раскинулись по долине Днепра, по его притокам и дальше к северу и востоку поселения восточных славян, и разбились они на несколько частей или небольших племен. Те славяне, что расселились на полях по среднему течению Днепра, назвались полянами. К западу от них водворились древляне, в лесах (деревах) по реке Припяти. К северо-востоку от полян, по реке Десне, – северяне. От реки Припяти до Западной Двины болотистую местность заняли дреговичи (от слова «дрягва», что означает «болото»). По верховьям Днепра и Западной Двины поселилось большое племя кривичей; самая северная часть славян, жившая по озеру Ильмень и по рекам, впадающим в него, не имела особого названия, а называлась общим именем – словенами. К востоку от Днепра, по реке Сожи, жили радимичи, а еще далее, к верховьям Оки, жили вятичи, самое восточное из славянских племен. По Западному Бугу жили дулебы, или бужане, а далее по Карпатским горам – хорваты. По Днестру, к Дунаю и Черному морю, поселились уличи и тиверцы.

Из отрывочных известий Византийских, германских, арабских писателей (с седьмого по десятое столетие до Р.Х.) и нашей летописи можно добыть кое-какие сведения о житье-бытье наших предков до начала государства.

Разбросавшись по огромному пространству, не только все эти племена восточных славян не сливались в один народ, но и каждое племя в свою очередь дробилось на отдельные общины, и каждый поселок жил особняком. До девятого столетия по Р. Х. не было такой силы, той одной власти, которая сплотила бы их в один народ. В каждой отдельной семье повелителем был отец; несколько семейств, происшедших от одной семьи, составляли род. Если жив был дед, от которого вели начало эти семьи, то он был и главою всего рода; все родичи должны были слушаться своего родоначальника, как дети отца. Умирал дед, тогда брат его или старший сын становился главою рода. Когда же с течением времени род разрастался, многие забывали уже о том, что они ведут начало от одной семьи, не помнили о кровном родстве между собою, тогда род распадался на несколько отдельных родов. Они порой даже враждовали между собой, но один язык и одинаковые нравы отличали их от иноземных народов и напоминали им, что они одноплеменники.

Расселившись по полям, по лесам, по степям, восточные славяне не могли, конечно, вести повсюду один и тот же образ жизни. По среднему течению Днепра земля плодородная – тучная почва давала здесь богатые урожаи, могла прокормить много народа, и потому поляне могли тут селиться большими поселками и промышленять земледелием. А древляне, занявшие лесную область, принуждены были пробавляться больше всего звероловством, охотою и жили небольшими поселками вразброску. Так и другие племена промышленляли кто чем мог, смотря по месту: где охотою и звероловством, где рыболовством, а где были хорошие луга, там – скотоводством, но издавна больше всего славяне любили заниматься хлебопашеством. Не только на юге, где тучная почва давала богатую жатву, но и на севере, среди дремучих лесов, на бедной земле, где только можно было, славянин выбирал полянку для своей пашни, бороздил лесную глинистую почву своим оралом, и хотя скудный плод давала северная почва, но и тут издавна наш народ чтит землю, свою «мать-кормилицу», как величает он ее.

Селиться славяне любили по берегам рек и озер, на высоких местах, чтобы жилье не затопило во время весенних разливов. Тысячу лет тому назад славяне еще не умели строить хороших жилищ – сплетали себе жалкие лачуги из хвороста, покрывали соломой, лишь бы укрыться от дождя да непогоды; жили и в землянках. Ненастье и стужа заставили, однако, уже в древности предков наших задуматься о том, как бы получше устраивать себе жилища: стали они свои плетенные из ветвей шалаши обмазывать глиною (до сих пор так делаются в иных местах на юге мазанки, или хаты), там, где было вдоволь лесу, научились делать стены из плотно сложенных бревен и строить себе избы. Печей и дымовых труб совсем не умели делать в древности, а устраивали среди жилищ очаги, где и разводили огонь, а дым уходил в отверстие в крыше или в стене (до сих пор еще в северных деревнях у нас встречаются курные избы без дымовых труб и без хорошо устроенных печей). Скамьи, столы и домашняя утварь делались в древности, как и теперь, из дерева.

Славянское жилище VIII–X вв: 1 — «горница» (чердак), 2, 5 — полати; 3 — печь; 4 — «голубец»

Ненастье да мороз заставили наших предков, сошедших с юга, подумать и о теплой одежде. Где нужда, тут и помога: леса были полны пушным зверем; надо было только изловчиться, а добыть шубы можно было. Быстрая стрела догонит и зайца, и птицу в небе. Силен лесной богатырь-медведь, а и с ним может управиться человек, когда в руках у него рогатина или копьё да тяжелый топор или секира про запас. Умели издавна наши предки ловить зверей и живьем капканами, и западнями.

Из шкур пушных зверей делали себе славяне шубы и шапки; обувались сначала в лапти, а потом научились делать и кожаные сапоги. Летом мужчины носили только рубахи и шаровары, а в бою, в жаркую пору, сбрасывали и рубашки, бились полунагие; вместо рубах иногда накидывали на плечи куски грубой ткани вроде плаща. Женщины носили длинные сорочки и такие же плащи, как и мужчины, и очень любили рядиться, издавна были в большом ходу у славянок разные украшения: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Предки наши, стройные, русые, румяные, по словам иноземцев, отличались могучим телосложением, высоким ростом, большой силой и необыкновенной выносливостью: могли долго терпеть зной, холод и голод, пищей довольствовались самой простой, а иногда, в случае нужды, питались даже сырым мясом животных и рыбой. Из хлебных растений особенно охотно возделывали просо и гречиху.

Не будь у наших предков большой выносливости, которой удивлялись иноземцы, не под силу было бы им обжиться в суровых северных странах, не будь они сильны и стойки в бою, не отстоять бы им своих земель от тех степных хищников, которые то и дело налетали на своих быстрых конях на поселения славян, грабили их, захватывали людей в рабство.

Особенно много терпеть от степняков приходилось славянам, жившим близ степей, а северным славянам не давали покоя морские удалцы, варяги, рыскавшие на легких ладьях по морям и рекам. Живи славяне большими плотными поселениями, они смогли бы, конечно, дать врагу сильный отпор и наказать дерзкого хищника, но, на беду, раскинулись они на огромном пространстве небольшими, редкими поселками, притом не ладили между собою – и сотня-другая степных или морских грабителей, нагрянув внезапно, могла натворить им много зла, не дав им даже и времени собраться с силами. Вот почему много бед пришлось вынести от врагов восточным славянам, хотя они уже издавна славились силой и храбростью в бою.

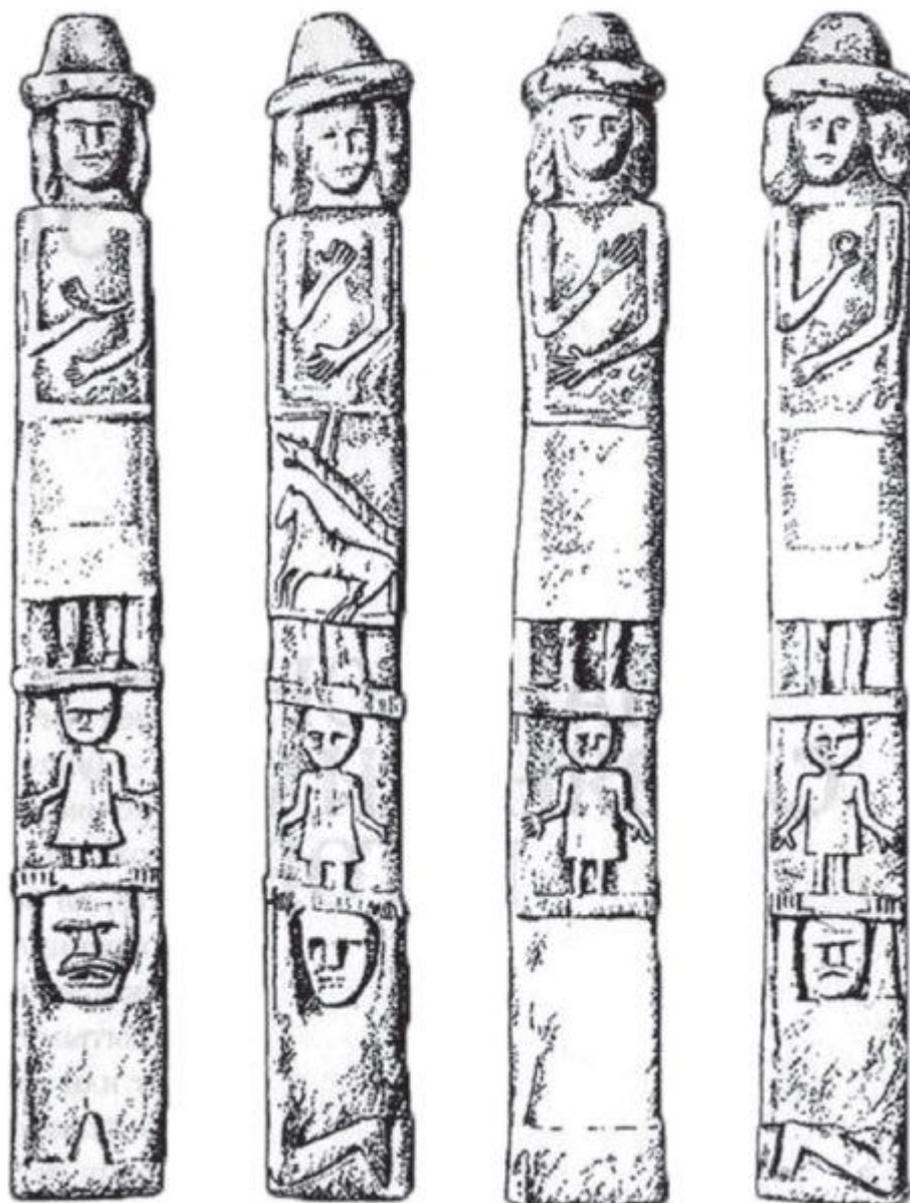
«Славяне, – говорит один славянский писатель, – народ столь могущественный и страшный, что, не будь они разделены на множество поколений и родов, ни один народ в мире не померялся бы с ним силою».

Жилища себе славяне устраивали иногда со многими выходами, чтобы легче было уйти при внезапном нападении; пожитки свои и запасы они обыкновенно зарывали в землю, а сами уходили и скрывались в лесах. Научились они хорошо прятаться в высокой степной траве, умели устраивать засады в лесу; часто сами нападали нежданно-негаданно на неприятеля и одерживали верх даже над сильным врагом; умели ловко притворным бегством заманить неприятеля в лесную глушь и там, скрываясь сами за деревьями, поражали врагов стрелами, концы которых иной раз намазывали ядом. Особенно ловко умели славяне плавать по рекам и нырять, могли даже по несколько часов скрываться на дне реки; они брали в рот один конец выдолбленного тростника (камыш), а другой выставляли из воды и таким образом могли дышать, лежа на дне реки; у берегов их росли тростники, и потому врагам трудно было заметить хитрость славян. Кроме копий и стрел, они употребляли на войне еще большие деревянные щиты; панцирей и лат сначала не имели.

Постоянно славянам грозила беда от нечаянного нападения; стали они на высоких берегах рек или озер, на холмах устраивать укрепленные места, городить город; огорожат небольшое пространство тыном из толстых бревен, насыплют земляной вал – и крепость (город) готова. Заслышат врага – и спешат жители окрестных поселков снести свои пожитки в город. Если враг не особенно силен, попытаются в открытом бою сразиться с ним; в противном случае старались укрыться в город и обороняться из-за ограды. До сих пор в Приднепровье встречается много остатков древних земляных валов, так называемых городищ. Они-то, по мнению некоторых ученых, и служили в древности укреплениями, куда в случае нападения сбегались окрестные жители-славяне для обороны.

Враги сильно беспокоили славян, больше и больше городили они городов, все ближе и ближе к их оградям ютились поселенцы. Прежде каждый род, даже каждая семья старались жить особняком, а тут, напротив, опасность заставляла их сблизиться – сообща можно скорей и крепкий город срубить, и легче с врагом справиться.

Сначала в каждом роде был свой старшина (называли его восточные славяне иной раз князем), а тут, когда вместе жило несколько родов, приходилось, чтобы сообща какое-либо дело сделать, старшинам родов собираться на совещание, на мирскую сходку, как говорят теперь у нас в деревне. В древности такие мирские сходы называли вечем. Сначала на вече, вероятно, ходили только старшины родов, а потом и другие взрослые люди. Здесь уже не отдельные родовые старшины заправляли всем, как было это прежде, когда каждый род жил особняком, а решали всякое дело сообща. Община управлялась не одним лицом, а миром, как говорит наш народ.

Славянские идолы

Нравы славян тринадцать веков назад были еще очень грубы. Встречалось у них даже многоженство: кто был побогаче, тот мог иметь две, три жены и больше. У грубых древлян, у которых дольше держалась вражда между родами, мужчины силою уводили из других родов себе жен, похищали их, «умыкали», по словам летописца. У полян, где уже по нескольку родов жило вместе, в союзе, мужчины брали себе жен с согласия их родителей, платили за девиц вено (плата за невесту), то есть покупали себе жен. До сих пор у народа нашего сохранились свадебные обряды, которые указывают на древние обычаи похищать или покупать себе жен. В иных деревнях наших, когда невесте приходится ехать к венцу, жених должен ее перенести через порог, как бы силою оторвать от родного дома. А в других местах жених обязан дать какую-нибудь монету брату невесты, который иначе не пускает его сестрь рядом с ней.

Сурова была доля женщины: она становилась безответной рабой своего мужа; на ее руках лежали самые трудные домашние работы. Но как ни тяжка была участь женщин, они

все-таки были привязаны к своим мужьям; есть известие, будто некоторые по смерти мужа даже добровольно сжигались на кострах с их трупами.

Во время войны, по рассказам византийцев, славяне иногда становились так свирепы, что не давали пощады ни женщинам, ни детям и страшно истязали попавших к ним в руки врагов; порою приносили в жертву богам пленных и даже своих детей. У тех племен, которые вели охотничью жизнь, нравы были гораздо суровее, чем у земледельческих племен. К жестоким обычаям относятся и родовая месть. Если кому-нибудь наносилась обида, то сам обиженный или его родичи должны были непременно отомстить обидчику или его родне. В случае убийства не только убийца, но и весь его род мог ждать гибели от детей убитого или родичей его: позорным считалось не отомстить жестоко за обиду. Суда такого, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить и суд, и расправу над обидчиком, если он принадлежал к другому роду. Немудрено, что у предков наших в древности беспрестанно совершалась кровавая расправа и долго отдельные роды враждовали между собою. Постоянная взаимная вражда была главным несчастьем славян.

«Между ними, – говорит греческий писатель, – постоянный раздор; ни в чем они не могут согласиться между собой; все питают один к другому вражду, никто не хочет повиноваться другому». И вот население все больше и больше скучивается около городов, отдельные виды входят в союзы, и нравы понемногу начинают смягчаться. Между родами, которые сблизились, породнились между собою, вражды стало гораздо меньше. «В мире жить – с миром жить», – говорит пословица. Начинают больше заниматься мирными промыслами, вступают с соседними племенами в мирные сношения, вводят меновую торговлю: выменивают звериные шкуры, меха, которые добывались в изобилии в северных лесах, на оружие, разные металлические вещи и ткани, которые привозят иноземцы. Меха предкам нашим тысячу лет назад, между прочим, заменяли деньги. Иноземцы, заходившие к славянам, очень хвалят их добродушие, почтительность к родителям и особенно радушие и гостеприимство: всякого гостя они принимали ласково, старались угостить, чем только могли; даже не считали пороком, если бедный хозяин крал что-либо у богатого соседа для угощения гостя. Хотя и суровы были обычаи у славян, но жестокость, которая проявлялась в пылу боя или тотчас после него, не была постоянным их свойством; с пленными обходились они дружелюбно, назначали срок их рабству, отпускали их за выкуп на родину, а если освобожденные не хотели возвращаться, то могли жить и среди славян на свободе. Любили предки наши и повеселиться: умели петь песни, играть и плясать; были у них уже издавна и гусли, и гудок, и дудка. Пляски были, верно, такие же лихие, как и теперь в ходу у нашего народа (вроде трепака или казачка).

К дурным свойствам восточных славян надо отнести склонность к пьянству и неряшество: пили они не в меру, и ходить в грязной одежде было им нипочем. Конечно, чем более смягчалась грубость нравов, тем реже становились эти недостатки.

До конца X в. предки наши были язычниками: боготворили разные силы и явления природы. Люди в глубокой древности, как дети, совсем не понимали еще, что творится вокруг них в природе; всюду чудились им могучие существа, благие и злые. Благодетельным существом считали они солнце, оно своим светом прогоняло ночную тьму, своим теплом согревало землю. Предки наши думали, что солнце ведет, как живое существо, постоянную борьбу с холодом и тьмою. Зимой, по древним верованиям, брал верх над солнцем холод, мороз: в зимнюю пору хоть и показывается на небе солнце, да реже, чем летом; сизый холодный туман часто скрывает его, а если оно и проглянет, то недолго остается на небе, хоть и светит, да не греет. Мороз гуляет по земле, и она костенеет от его дыхания. Вся природа словно замирает: ни травы в поле, ни листьев на дереве – холодной снежной пеленой покрыта помертвевшая земля. Тяжело было на душе у первобытного человека в такую пору: не знал он еще

наверно, вернется ли снова красное солнышко на небо, согреет ли своим теплом застывшую землю... Но вот наступает весна. Солнце понемногу входит в силу: дольше остается оно на небе, светит ярче, начинает пригревать землю, мороз слабеет, лед и снег начинают таять; стекают с полей в реки ручьи воды из растаявшего снега. Входят реки в силу, взламывают подтаявший лед, что сковывал их всю зиму, и несут его в море. Входит в силу и «мать сыра земля»: показывается трава, разбиваются в листьях древесные почки; защелкали весело в свежей листве и лесные пташки. Повеселело и у людей на сердце, радостно встречают они песнями ясное солнце, радуются его победе – победе жизни над смертью, молят его, чтобы оно побольше дало тепла и света...

Черные тучи представлялись первобытным людям страшными чудовищами, драконами, громадными птицами – врагами солнца. Страшно становилось людям, когда темная грозовая туча надвигалась на небо, будто неведомое темное существо ползло по небу, все ближе и ближе подбиралось к солнцу и вдруг хватало его. Вместо ясного солнечного света тяжелая мгла охватывала землю; смутно становилось и на душе у людей. Вдруг удар грома, грохот раскатывается по всему небу, огненные стрелы пронизывают тучу: то идет страшная небесная борьба, то бог-громовник разит чудовище-тучу своими молниями-стрелами. Из тучи льется дождь: это живая вода, которую таило чудовище, но заставил его бог-громовник пролить ее на землю. Жадно пьет земля живую воду и входит еще в большую силу. Разбита стрелами бога-громовника черная туча: сильный ветер разносит клочки ее и гонит своим могучим дыханием с неба. Снова голубое небо приветно обнимает землю; снова над нею весело сияет красное солнышко; радуются ему люди, приносят благодарность и небесному воителю, богу-громовнику, и могучему ветру.

Но не всегда эти боги благодетельны для человека: иногда солнце так жжет землю, что почва трескается от зноя, травы выгорают на полях, хлеба на нивах; ветер порою задует с такую яростью, что выворачивает из земли вековые деревья, разметывает жалкие хижинки людей... Но страшней всех бог-громовник, когда раздаются над землей его страшные удары, когда он разит и землю своими могучими огненными стрелами. Вековой дуб разлетается мелкой щепой от их ударов. Не щадят порою эти стрелы и человека. Велика милость богов к нему, но ужасны ему эти боги в гневе своем! В страхе падает на землю несчастный человек, умоляет грозных богов о пощаде, готов он все отдать им в жертву, показать им полную свою покорность.

Таким путем воображение первобытных людей наполняло природу множеством мнимых существ и создавало себе богов. До сих пор еще в наших народных сказках, сложившихся в глубокой древности, видно, как олицетворялись различные силы и явления природы, как народ представлял их в виде животных или людей. Солнце, например, представлялось в виде жар-птицы, златогривого коня и др., мороз – в виде Кощея Бессмертного, вьюга – Бабы-яги и т. д.

Мало дошло до нас сведений о языческой вере славян, притом она не успела еще окончательно сложиться, как предки наши приняли христианство. Из отрывочных известий мы знаем, что восточные славяне чтили бога-громовника под именем Перуна, бога ветра – под именем Стрибога. Божество солнца называли Дажь-Богом, Хорсом, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителем стад и потому назывался «скотским богом», и некоторых других. Все эти боги считались детьми одного божества – бога неба Сварога, и потому их всех называли иногда Сварожичами. Кроме этих главных богов, верили во многих других: в лесу, по древнему верованию наших предков, жил лесной бог, леший; в воде – водяной бог, в руслах рек – русалки; особенно же чтили домашнего бога – домового.

Славяне, как и другие родственные народы, думали, что души умерших предков не покидают родного очага, что они заботятся о своем потомстве, хранят его от всяких бед, если оно чтит память их, если же нет, тогда эти домашние боги становятся беспокойными,

производят часто тревогу в доме, наводят беду. Души предков чтились под именем домовых, называли их также чурами, или шурами. В случае какой-нибудь беды говаривали в старину: «Чур, меня защити». (До сих пор в играх деревенских детей слышатся слова «чур, меня», произносятся они, конечно, без понимания древнего их смысла.)

Давно уже народ наш принял христианскую веру, а много еще осталось у него обрядов, песен и праздников от языческой старины: осталось у него немало и неполных верований, то есть суеверий. Когда случится перебираться из старой избы в новую, то в иных деревнях у нас совершается такой обряд: старуха выгребает из печки несколько тлеющих угольков в горшок, бережно несет их в новую избу, высыпает в печку и говорит при этом: «Пожалуй, батюшка домовый!» Суеверный народ думает, что при этом домовый переходит из старой избы в новую. Если домовый недоволен чем, тогда и в избе беспокойно. Когда что-то стучит под кровлею, лошадь бьется в стойле или скотина в хлеву, то нередко народ говорит, что это дело домового, что он невзлюбил лошади и прочее.

Много древних языческих праздников в честь бога-солнца до сих пор удержалось у нашего народа. В конце декабря, когда дни начинают прибывать, когда солнце, как говорит народ, поворачивает на лето, в старину язычники радовались, что солнце одерживает верх, приносили ему жертвы, молились. А теперь в некоторых деревнях накануне Рождества молодые люди и дети собираются под окнами богатых крестьян, поют песни, величают Коляду (вероятно, одно из названий солнца).

Вот одна из этих песен:

За рекою, за быстрою,
Ой Колядка, ой Колядка!
Леса стоят дремучие,
В тех лесах огни горят,
Огни горят великие.
Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовые;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни колядушке.
Ой Колядка, ой Колядка!
В середине их старик сидит;
Он точит свой булатный нож.
Котел кипит горючий.
Возле котла козел стоит,
Хотят козла зарезати...

В этой песне говорится о старом языческом празднике в честь солнца, причем приносили в жертву козла. Обычай на Святках гадать, переряживаться – тоже древние, языческие. Весну (во время теперешней Масленицы), когда солнце уже заметно входило в силу, предки наши встречали опять радостными песнями и празднествами. И теперь у нашего народа сохранился обычай закликать весну песнею:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, радостью,
С великою милостью,
Сольном высоким,

С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

В некоторых деревнях в конце Масленицы сжигают соломенное чучело, которое называют Зимой (в других местах – Мораной) и радуются уничтожению зимы. В первый день Пасхи, по народному верованию, солнышко во всем своем блеске играет на небе. Если набегит тучка, в деревнях поют дети:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Твои детки плачут,
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!

При наступлении лета до сих пор празднуется праздник Красная горка: поют песни, водят хороводы, пляшут. Эти песни и хороводы ведут начало от древних языческих обрядов и богослужений.

В разгар лета, в конце июня (23 числа), совершается праздник Купалы (одно из названий солнца). Солнце в эту пору еще в полной силе, но с этого времени наступает поворот к осени. В иных деревнях совершается в ночь с 23-го на 24 июня такой обряд: берут колесо, обертывают его соломой, зажигают и скатывают с горы. Катящееся с горы огненное колесо знаменует солнце, сходящее с прежней своей высоты. Кроме того, зажигают костры, прыгают через огонь, купаются в реке.

В старину почитали огонь и воду, верили, что в иных случаях они имели очистительную и целебную силу. До сих пор у народа нашего считается грехом плевать в огонь и на воду. Старухи-лекарки стараются в Купальский день набрать побольше целебных трав. По их верованию, травы, собранные в это время, имеют особенно врачующую силу. Много еще и других верований и обрядов языческой старины до сих пор сохранилось у нашего народа. Многие из них уже совсем непонятны и для самого народа, и он держится их только по привычке. В народных сказках особенно много уцелело следов языческих верований.

Особых языческих храмов у предков наших не было, а молились они своим богам в лесной глуши, у озер, у рек, на возвышенных местах, потом в городах. Делали идолов, то есть изображения своих богов в виде людей, обыкновенно из дерева (вероятно, вроде тех «каменных баб», о которых говорилось выше). В жертву приносил и им разных животных, молились, гадали о будущем по разным приметам. Особенных жрецов у восточных славян не было, а совершали жертвы старцы, старшины родов. Было у славян верование и в будущую загробную жизнь. Покойников своих они зарывали в землю, а иногда сжигали; с покойником зарывали в могилу или клали с ним на костер пожитки его, утварь, а также оружие и боевого коня, если покойник был воин. Предки наши, видно, верили, что загробная жизнь походит на земную и умершим понадобятся их пожитки.

После погребения на могилах совершали пиры (тризны).

Верили славяне и в предзнаменования – отсюда ведет начало обычай гадать. Те люди, которые умели объяснять знамения и гадать, назывались волхвами, кудесниками, ведунами, знахарями и пр. По верованиям славян, они даже могли своими заклинаниями и волхованиями отворотить беду или накликать ее. До сих пор суеверный народ не только затмение солнца, появление новой луны, но и вой собаки, карканье вороны, кукование кукушки и т. п. принимает за предзнаменования. В некоторых деревнях наших до сих пор встречаются знахари и знахарки, которые заговаривают от разных болезней, и многие суеверные простолю-

дины вполне верят им. Все эти заговоры, заклинания, приметы, поверья – остатки темной языческой старины.

Соседи восточных славян

По соседству с восточными славянами в IX в. жило несколько инородных племен. На востоке, по Волге, у Каспийского моря жил и хазары, народ турецко-татарского происхождения. Хотя у хазар были уже города (например, Итиль, при устье Волги), но все-таки вернее их считать кочевниками, чем оседлыми: немногие богатые хазары имели глиняные мазанки, и только у кагана (так называли хазары главного вождя своего) были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали свои пожитки и откочевывали в степь. Хазары вели торговлю с азиатскими народами и с восточными славянами, а некоторых из них принудили платить себе дань.

К северу от хазар, по Волге и Каме, жили болгары. Они были того же происхождения, как и хазары, но с ними смешались в один народ финны, жившие в тех же краях. Болгары занимались хлебопашеством, но главным их промыслом была торговля: по рекам они сносились и торговали с хазарами, финнами и славянами.

Весь северный край нынешней России был населен в древности финскими племенами. Предки наши звали их чудью.

Финны дробились, подобно славянам, на несколько племен (весь, меря, мурома, мордва и др.) и жили среди лесов и болот, по берегам рек и озер, занимались рыболовством и звероловством. Жили они разбросанно, небольшими поселками и не были опасны своим соседям. Северные славяне вели с ними мирные сношения и могли расселяться в северном краю без особенной помехи.

Западными соседями славян были литовцы. Они тоже делились на несколько племен (литва, пруссы, жмудь и др.) и жили по большей части в лесной и болотистой местности, по нижнему течению рек Западной Двины, Немана, Вислы. По языку, древним верованиям и обычаям видно, что литовцы того же происхождения, как и славяне.

Кроме этих соседних племен, за тысячу лет до нынешнего времени предкам нашим приходилось сталкиваться еще с некоторыми народами. По Днепру восточные славяне вели сношения с греками, получали от них разные ткани, оружие и другие изделия, а взамен продавали им меха, медь и воск. Сношениям этим много мешали степные хищные племена, похожие на нынешних калмыков и киргизов. Заходили эти степняки из Азии, кочевали в степях между Доном и Днепром, рыскали по степям на своих быстрых лошадях и выжидали только удобного случая, чтобы нагрнуть врасплох на поселян или на караван купцов.

На севере славянам пришлось рано познакомиться и с морскими удалцами – норманнами – народом германского происхождения, уже издавна поселившимся в Скандинавии. Страна эта суровая: покрыта она большею частью скалами, озерами, дремучими хвойными лесами... Трудно было тут заниматься земледелием, а тем, кому пришлось жить по берегам, где были голые утесы или пески, и совсем невозможно: им приходилось искать пропитание в море. Рыболовство стало главным промыслом этих береговых жителей. Приходилось тут им выносить жесткую стужу, бороться с бурями, нередко терпеть и голод. Слабые не выносили такой жизни и гибли, но зато люди здоровые, сильные свыкались с тяжелыми лишениями, постоянная борьба с невзгодами и препятствиями закаляла их, становились они крепкими и телом, и духом, равнодушными к холоду и голоду, а когда буря завывала, гудел прибрежный сосновый лес, море бешено билось своими волнами в береговые скалы, им даже любо становилось. Смолоду роднились они с морем, привыкали отлично управлять своими легкими лодками. Буря им была нипочем; тут можно было показать лучше и свое молодечество, и сноровку в морском деле. Таким удалцам не по вкусу было заниматься рыбной ловлей; нашли они себе другое дело: стали рыскать по морям, грабить встречные корабли с товарами да прибрежных жителей разных стран. Все лучшее на земле принадлежит храбрейшему и

сильнейшему – вот правило, которым они руководились. На то боги дали и силу, и удасть, верили они, чтобы пользоваться ими. Мирного труда они не уважали, законов никаких не знали, смерти не боялись. По их верованиям, только тот и в рай-то мог попасть, кто погибал в бою или в морской пучине; находились между ними и такие бойцы, что в пылу битвы с открытой грудью неистово кидались на врага, чтобы погибнуть, но не попасть в плен, в рабство. Всюду, куда можно было зайти смельчакам на ходких ладьях, заходили они и добывали все, что может добыть храбрый и могучий воин тяжелой секирой и длинным мечом. Шайки этих морских удальцов с VI в. под начальством своих бесстрашных вождей (морских королей) наводили ужас на всех береговых жителей Европы. Норманны не только грабили приморских жителей, но по рекам входили на своих легких плоскодонных ладьях в глубину страны, грабили жителей, брали богатые выкупы с горожан или обращали города в груды пепла и развалин. Нагнали норманны такого страха на прибрежных жителей Европы, что те в церквах в особых молитвах молили Бога об избавлении страны от норманского погрома. До сих пор во Франции, в Бельгии по берегам рек Сены, Рейна и др. виднеются развалины замков (небольших крепостей или укрепленных жилищ), где в былые времена помещики со своими семьями и людьми искали спасения от норманского меча.

Вооружение норманнов

Шайки морских воителей не всегда состояли из одних норманнов. Нередко к ним присоединялись удальцы и из других племен, живших у берега моря, близ Скандинавии, из литовских и славянских племен, обитавших по южному берегу Балтийского моря. Отвага, жажда добычи, один вождь да общая опасность связывали такую сбродную шайку в крепкую дружину. Пришлось и нашим предкам столкнуться с этими воителями. Норманны издавна все пробирались по рекам Восточной Европы в Черное море. Из Финского залива по Неве плыли они в Ладожское озеро, затем поднимались по Волхову в озеро Ильмень, отсюда плыли по Ловати. Здесь доходили они до верховья и, где нельзя было плыть по какой-нибудь реке, тащили волоком по земле свои ладьи или несли их, добирались до верховья Днепра, спускались по течению до порогов его; тут опять тащили лодки несколько времени волоком и затем без помехи доходили до Черного моря и плыли в Константинополь, столицу Греции.

Ездили сюда они для наживы, вели торговлю, нанимались в императорскую гвардию; рослых и сильных воинов охотно брали на службу и платили им хорошие деньги. Норманны называли себя варингерами (вооруженные люди), потому славяне и прозвали их варягами.

Предания о первых русских князьях

О Рюрике, Аскольде и Дире

Славянское племя, раскидавшись небольшими поселками на огромном пространстве в Приднепровской равнине и по Ильменю, не могло сохранить независимость.

В 859 г., по словам летописца, «варяги из-за моря» брали дань со славян, ехавших по Ильменю, и со всех кривичей, а также с двух соседних финских племен, чуди и мери, а хазары – с полян, северян и вятичей.

В 862 г. ильменские славяне и кривичи, собравшись с силами, свергли власть варягов, прогнали их за море и начали сами собой управляться; не стало между ними правды, восстал род на род, и начались усобицы. Терпеть их, видно, невмочь было, и порешили тогда ильменские славяне, кривичи и чудь: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву».

Послы отправлены были к варяжскому племени Русь и сказали русским князьям: «Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) в ней нет; велите княжить и владеть нами». Братья согласились и в 862 г. пришли в землю северных славян и соседних финнов. Старший из этих братьев – Рюрик – водворился сначала при устье Волхова, у Ладожского озера, срубил себе здесь город Ладогу, а потом перешел к истоку Волхова и поселился в Новгороде; второй брат – Синеус – водворился на Белом озере, а третий – Трувор – в Изборске.

От них и страна, где они утвердились, стала называться Русью.

Так рассказывает о начале нашего государства предание, занесенное в древнюю летопись.

Там, где именно жили эти варяго-русы и к какому племени принадлежали, про это нет сколько-нибудь точного указания. Много трудились наши ученые над изъяснением этого темного вопроса: одни предполагали, что под «варяго-руссами» надо разуместь норманнов; другие думали, что призванные князья-варяги были вождями сборной дружины, в которой было очень много славян, и потому эта пришедшая дружина скоро вполне слилась с призывавшими. Наконец, в наше время некоторые думают, что руссы – славяне; один ученый полагает, что они – балтийские славяне, другой – что они из Приднепровья и ведут начало от роксолан. Словом, вопрос о том, откуда, как пришли и кто были первые наши князья, несмотря на все усилия и домыслы ученых, вопрос темный, нерешенный и таким, вероятно, останется навсегда, если не будет открыто каких-либо новых источников.

Два года спустя, говорит предание, умерли оба младшие брата Рюрика, и он стал владеть на севере один. Приказывал он своим дружинникам в разных местах области рубить (строить) новые города, то есть строить деревянные ограды, крепости, где легко было держаться против внутренних и внешних врагов и где можно было хранить добычу и держать пленников. Врагов у Рюрика довольно было и между славянами: не все из них хотели подчиняться чужеземцу и платить ему дань – приходилось многих силою принуждать к повиновению.

В Новгороде, по преданию, произошло даже восстание: попробовали свергнуть Рюрика, но он одержал верх и казнил Вадима, главного мятежника, и многих сообщников его.

Рюрик

Много городов роздал Рюрик своим старшим дружинникам; они имели при себе вооруженные отряды и заставляли окрестных жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое из дружины Рюрика, не получившие в управление городов, отпросились у него идти со своими родичами в Константинополь искать счастья. Отправились они обычным путем варягов – поплыли по Днепру мимо Смоленска, города кривичей, мимо Любеча, города северян, дошли до неведомого им городка в очень красивой местности, на крутом берегу Днепра. Узнали они, что город этот называется Киевом, по имени Кия, который некогда основал здесь первые поселки с братьями Щеком и Хоривом и сестрою Лыбедью. Узнали также, что киевляне платят дань хазарам.

Сильно полюбилось Аскольду и Диру это место: они помогли киевлянам освободиться от власти хазар и сами стали властвовать здесь; набрали они себе сильную дружину из своих земляков и утвердились в стране полян.

Так явилось новое Русское государство на среднем течении Днепра.

Недолго усидели на одном месте эти воинственные дружинники: привыкли они к боевым тревогам, и скучна была для них мирная жизнь, а тут еще то и дело приходилось им слышать от бывалых людей баснословные рассказы о дивных богатствах Константинополя, о необычайной его роскоши. Слышали они часто о том, что греки – народ слабый, изнежен-

ный, что они боятся войны, что готовы скорее золотом откупаться от врагов, чем встречаться с ними в поле или море с оружием в руках.

Соблазн был очень велик. Добраться до Константинополя было не особенно трудно. Начались приготовления к походу. И вот собрались непоседливые, предприимчивые удалыцы с разных сторон к Аскольду и Диру, охотники до воинских утех и богатой добычи, и пустились на двухстах лодках в путь. Легко было плыть по течению Днепра до самых порогов его, здесь приходилось с немалым трудом проводить лодки между камнями, а в иных местах надо было волочить их по земле, а кое-где нести и на плечах. Затем опять течение широкого Днепра несло ладьи в Черное море. В затишье приходилось плыть по морю на веслах, а при попутном ветре подымались паруса, и легкие ладьи быстро скользили по поверхности моря – неслись, словно чайки морские, по широкому его простору.

Напали руссы на Константинополь врасплох. Император был в это время с войском в Азии, у восточных пределов империи. Ужас охватил все население роскошной столицы, когда из соседних прибрежных селений беглецы принесли страшную весть, что множество русских лодок плывет к столице. Заперли городские ворота, расставили в разных местах по стене городской и по башням стражу и послали к императору весть о беде.

Страшны были для изнеженных византийцев суровые воины севера. Это были рослые, рьяные и крепкие люди со светло-русскими волосами, бритыми подбородками; тяжелые шлемы покрывали их головы; грудь защищена была кольчугой; сверх нее накидывали они плащи, углы которых соединялись на правом плече запонкой. Тугие луки, острые оперенные стрелы, дротики, копья, тяжелые секиры (топоры) и обоюдоострые мечи составляли наступательное оружие этих воинов. Большие, полукруглые сверху и заостренные снизу щиты хорошо охраняли их от вражьих ударов.

«Смерть Аскольда и Дира». Гравюра Ф. А. Бруни. 1839 г.

Подшли руссы с моря к Константинополю, высадились на берег, отрядами рассеялись по окрестным селам и беззащитным предместьям столицы и, по свидетельству византийцев, принялись страшно свирепствовать, разорять их, истреблять все мечом и огнем. Ни старому, ни малому пощады не было; ни вопли детей, ни мольбы матерей – ничто не трогало свирепых воителей! Отчаяние овладело жителями столицы. Духовенство непрерывно совершало молебствия в церквах; они полны были молящимися. Патриарх Фотий говорил проповеди. Он называл нашествие руссов карою, посланной Богом за пороки и тяжкие грехи, в которых погрязло население столицы.

«Народ жестокий и дерзкий, – говорил он, – разоряет и губит все: нивы, жилища, стада, женщин, детей, старцев, всех сражает мечом, никого не милуя, никого не щадя. Он, как саранча на ниве, как жгучий зной, как наводнение, явился в стране нашей и сгубил жителей ее...»

Указывал патриарх и на малодушие жителей, обезумевших от страха.

«Не вопите, не шумите, перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны!» – увещевал он их.

Но все напрасно: страх был сильнее его красноречия! Руссы у стен города насыпали огромный вал, добрались до верха стены, и жители трепетали от ужаса, что враги вот-вот ворвутся в город... Но этого не случилось – руссы совсем неожиданно для осажденных поспешно ушли из-под стен Константинополя. Буря ли, поднявшаяся на море, или весть о приближении императора с большим войском побудила их к этому, неизвестно. Долго после того сохранялось у греков предание об этом первом нападении на их столицу руссов. Есть известие, что около этого времени некоторые из них приняли христианство от греков.

В 879 г. умер Рюрик. Сын его Игорь был еще очень мал, и за малолетством его стал княжить его родич Олег.

Предания об Олеге

Олег, по преданию, был князь очень предприимчивый и воинственный. Только власть попала в его руки, как он задумал большое дело – овладеть всем течением Днепра, забрать в свои руки весь водный путь в богатую Грецию, а для этого приходилось покорить всех славян, живших по Днепру. Тут одной княжеской дружины было мало. Олег набрал из ильменских славян, из кривичей, подчиненных ему, финских племен большое войско и двинулся с ними и дружиной на юг.

Овладел Олег прежде всего Смоленском, городом тех кривичей, которые не были еще подвластны никому, затем взял Любеч, город северян, оставил в этих городах отряды своей дружины под начальством надежных, опытных воевод, а сам пошел дальше. Наконец показался и Киев. Знал Олег, что силою нелегко будет взять этот город: княжили там Аскольд и Дир, опытные вожди, да и дружина у них храбрая, бывалая. Пришлось пуститься на хитрость: войско было оставлено позади, а Олег с несколькими лодками подплыл к Киеву, остановился неподалеку от города и послал сказать Аскольду и Диру, что их земляки, купцы варяжские, едут в Грецию, хотят повидаться с ними и просят их прийти к лодкам.

Киевские князья, не подозревая вовсе злого умысла, вышли одни на берег. Тогда воины, спрятавшиеся в лодках, выскочили и окружили их.

«Вы не князья и не княжеского рода, – сказал им Олег и прибавил, указывая на Игоря, – а вот сын Рюрика».

По знаку Олега воины его бросились на Аскольда и Дира и убили их. Погребли их у берега Днепра на горе (доныне одна прибрежная гора у Киева называется Аскольдовой могилой). Киевляне, оставшиеся без князей и застигнутые врасплох, подчинились Олегу.

Полюбился ему Киев, назвал он его «матерью русских городов», и стал Киев с этого времени главным русским городом. Чтобы утвердить свою власть на покоренной области, Олег начал строить новые города, как Рюрик отстраивал их на севере. Города эти раздавал он под начало своим дружинникам и установил дань с покоренных племен.

Не сиделось Олегу спокойно в Киеве. Каждый год, лишь только вскрывались реки, с дружиною своей пускался он в путь, на быстрых ладьях входил в притоки Днепра с правой и с левой стороны, подчинил себе жившие по берегам славянские племена; по Припяти покорил древлян и принудил их платить себе дань по черной кунице с жилья; в следующем году поднялся по Десне, победил северян, данников хазар, и заставил их платить себе небольшую дань; затем принудил он и радимичей, по реке Сож, платить себе дань, которую прежде они платили хазарам.

Покорил Олег также и еще некоторые славянские племена, жившие на западе от Днепра, по Бугу и Днестру, всюду строил города или крепости, ставил наместниками своих дружинников и ежегодно ходил с дружиною собирать дань с подчиненных племен.

Но, видно, дани этой было мало князю и дружине или слишком уж расходилась их удаля: задумал Олег большой поход на Византию. Силы у него было гораздо больше, чем у Аскольда и Дира. Закипела работа – приходилось одних ладей заготовить, по преданию, до двух тысяч. Каждая ладья могла поднять до 40 человек, войско, стало быть, для того времени было огромное, составилось оно из варягов, славян и финнов.

В 906 г. явились во второй раз руссы под стенами Византии. Запылали опять села в окрестностях столицы: загородные дворцы, дачи и церкви гибли в пламени...

Горе было тем, кто пробовал противиться свирепым воинам с севера и попадал в их руки: пленных рубили они мечами, расстреливали стрелами, топили в море.

«Кончина Олега». Гравюра Ф. А. Бруни. 1839 г.

Византийцы успели загородить вход в свою гавань громадной цепью и заперлись в городе. Олег стал готовиться к приступу. Византийский двор предложил уплатить большую дань русским, лишь бы они не разоряли города. Олег потребовал по двенадцати гривен (фунтов) серебра на человека. Выплатить сразу такую громадную дань было не под силу и богатым византийцам: приходилось выдавать несколько тысяч пудов серебра. Серебро и золото в то время ценились гораздо дороже, чем теперь. Начались переговоры. Олег несколько сбавил свои требования, но все-таки взял с греков большую дань: она была рассчитана не только на дружинников и воинов, бывших с ним в походе, но и на те отряды, что стояли по разным русским городам.

Кроме того, князь потребовал разных льгот русским купцам, или «гостям», как их звали в старину. Согласились греки на все требования, и Олег с дружиною и воинами вернулись домой, обремененные добычей.

Дивились все необычайной удаче походов удалого князя, уму и хитрости его. Стали ходить из уст в уста всякие рассказы о нем: говорили, будто он велел под Константинополем вытащить ладьи на берег, приспособить к ним колеса и при попутном ветре на парусах подкатил на лодках к самым стенам греческой столицы и навел на жителей ужас. Рассказывали, как он не поддался на разные уловки греков, которые славились своей хитростью, как прибил на воротах города свой щит в знак победы, как приказал на всех лодках простых воинов сделать паруса из полотна, а на лодках дружины – из шелковой материи, взятой в добычу у греков, и т. д. Рассказы эти перешли потом в предания. Стали даже многие думать, что Олег одарен был какими-то особенными, нечеловеческими свойствами, прозвали его вещим (чародеем). Через пять лет после похода он скрепил свой мир с греками письменным договором. Для этого он послал несколько знатнейших мужей из дружины своей в Константинополь.

Олег умер в 912 г. Кончина его, по преданию, была необычайна. Спросил он у волхва, или кудесника, о причине своей смерти.

«Князь, – сказал кудесник, – умрешь ты от своего любимого коня».

С тех пор Олег не садился больше на этого коня, велел его и кормить, и холить, но не подводить к себе. Прошло много лет. Как-то раз вспомнил князь о своем коне, а узнав, что он уже давно околел, посмеялся над лживым предсказанием кудесника и вздумал посмотреть кости коня. Приехав на то место, где лежали они, Олег наступил на череп коня и с усмешкой сказал: «Не от этой ли кости умереть мне?»

Вдруг из черепа взвилась змея и укусила князя в ногу. От этого он заболел и умер...

Предания об Игоре

После Олега стал княжить Игорь. Древляне возмутились было, думали освободиться от дани. Игорь усмирил их и заставил платить более прежнего. Он тоже совершал походы в чужие края, но удачи ему такой, как Олегу, не было. При нем совершен был набег на прикаспийских жителей. В 913 г. русские на пятистах ладьях явились в Черном море, проплыли в Азовское, поднялись по Дону до того места, где он близко подходит к Волге, и послали к хазарскому кагану просить пропуска через его владения по Волге в Каспийское море: обещали отдать хазарам половину всей добычи, какую захватят. Каган согласился. Переволокли русские воины свои ладьи в море, рассеялись по южным и западным берегам его, стали беспощадно избивать жителей, забирать в плен женщин и детей. Попробовали жители сопротивляться, но русские разбили их рать. Огромную добычу захватили победители и поплыли обратно в Волгу. Здесь отдали они, как условились раньше, половину награбленной добычи кагану, но захотели хазары и другую половину отнять у руссов. После трехдневной страшной битвы большая часть русской рати была истреблена, а остатки ее, спасавшиеся вверх по Волге, почти все погибли в борьбе с болгарами.

В конце IX в. по соседству с русскими появились новые орды кочевников-печенегов. Они стали кочевать в степях от Дуная до Дона. Византийское правительство, чтобы спасти свои владения от их набегов, старалось жить с ними в мире, посылало богатые подарки их вождям, а иногда коварные греки подкупали печенегов, чтобы те нападали на руссов. В мирное время печенеги продавали русским коней, быков, овец, нанимались иной раз перевозить товары и таким образом помогали торговым сношениям с греками. Но по большей части эти кочевники враждовали с русскими, неожиданно врывались небольшими отрядами в русскую область, грабили ее, сжигали поселения, уничтожали нивы, часто нападали на русские купеческие караваны, поджидая их у Днепровских порогов.

Игорь Рюрикович

Печенеги были рослые, сильные люди дикого, свирепого вида. Они были превосходные наездники и отличные стрелки. Стрелы и копья были главным их оружием, а кольчуги и шлемы защищали их от вражьих ударов. На своих легких степных конях с дикими криками кидались они на врагов, осыпая их стрелами. Затем, если не могли сразу сломить противника, обращались в притворное бегство, стараясь завлечь врага в погоню за собой и при помощи засады окружить его и уничтожить.

Игорю, первому из русских князей, пришлось оборонять свою область от этих степных хищников. Задумал он, по примеру Олега, сделать большой набег на Грецию и промыслить себе и дружине большую добычу. Собрав огромную рать, направился он обычным путем на ладьях к берегам Греции. Как только показались бесчисленные суда русские в Черном море, дунайские болгары дали знать об этом императору. На этот раз руссы напали на азиатские берега империи и стали здесь, если верить греческим известиям, страшно свирепствовать: они предавали разным истязаниям пленных, выжигали селения, грабили церкви и монастыри. Наконец греки собрались с силами, снарядили корабли и выступили против врагов. Игорь был вполне уверен, что руссы одержат победу, но ошибся. Когда сошлись греческие суда с русскими, вдруг греки стали метать огонь на русские ладьи. Попадет он на лодку – спасения нет! Пламя охватывает ее – вода его неймет, упадет огонь на воду – и на воде горит!.. Ужас овладел всеми; самые смелые, боевые дружинники, и те дрогнули, все пустились в бегство. Иные кидались с загоревшихся лодок прямо в воду и тонули; множество руссов погибло тут, много их попало в руки грекам. Спаслись немногие и рассказывали потом с ужасом, что у греков во время этого боя была в руках небесная молния, что они бросали ее на русские ладьи и те гибли в пламени. Дело в том, что греки употребляли на войне особый состав из нескольких горючих веществ (нефти, серы, смолы и др.). Когда состав этот зажигали, огонь нельзя было погасить водою, она даже усиливала пламя. По воде состав этот плавал и горел. На греческих судах на носовой части устраивались особые медные трубы, при помощи их греки, подойдя близко к неприятельским судам, бросали горящий состав и зажигали их. Этот «греческий огонь», как его называли, не одних руссов приводил в ужас, но и других иноплеменников, нападавших на греков.

Игорь хотел во что бы то ни стало загладить стыд своего поражения и отомстить грекам. Он послал за море звать охочих людей из норманнов в поход на Грецию. Толпы хищных воителей, падких на добычу, направились в Киев. Три года собирался Игорь, наконец изготовился, нанял и печенегов, а чтобы они не изменили, взял у них заложников и отправился в путь.

Пришла в Константинополь грозная весть из Корсуни (греческого города на Таврическом полуострове): «Идет Русь без числа: корабли их покрыли все море!..» За этой вестью последовала другая от болгар: «Идет Русь и печенеги с ними!»

Император рассудил, что лучше ублажить как-нибудь врагов, не вступая с ними в новую борьбу, и послал нескольких знатных бояр сказать Игорю: «Не ходи на нас, возьми дань, какую брал Олег, мы еще и прибавим к ней».

Отправили греки и печенегам богатые дары – много золота и дорогих паволок (шелковых тканей). Руссы в это время дошли уже до Дуная. Созвал Игорь свою дружину, сказал ей о предложении императора и стал советоваться, как быть. Порешили принять предложение.

«Когда император, – сказала дружина, – и так предлагает уплатить дань и мы можем взять золото, серебро и паволоки без боя, то чего же нам еще? Разве известно, кто одолеет – мы или они! Да и с морем не уговоришься. Не по земле ведь ходим, а по глубине морской – общая всем нам может быть смерть».

Принял этот совет князь, взял у греков золото и паволоки себе и на всех воинов своих и вернулся в Киев.

На следующий же год он и император обменялись посольствами и заключили новый договор, похожий на договор Олега с греками. Игорь пришел со старшими своими дружинниками (боярами) на холм, где стоял идол Перуна. Все положили свое оружие, копья, мечи, щиты и клялись греческим послам, что будут соблюдать договор. Были между дружинниками и христиане, они присягали в церкви св. Ильи.

Одарил князь греческих послов мехами, воском и челядью (то есть рабами) и отпустил их.

Древнерусские воины X в.

Договоры с греками Игоря и раньше – Олега – показывают, что русские совершали не просто дикие набеги, но имели в виду и торговые выгоды. В договорах этих уже выговариваются русским торговцам разные льготы; обязываются та и другая стороны оказывать помощь купцам, потерпевшим крушение, справедливо разбирать и судить разные споры, могущие возникнуть при торговых сношениях и пр. Опасливые греки, видимо побаиваясь воинственных руссов, требуют, чтобы в столицу не входило их разом более 50 человек, при том безоружных... Под старость Игорь не ходил сам на полюдье. Полюдьем назывался сбор дани: князь с дружиной обыкновенно ходил по селам и городам «по людям» и собирал дань, которую делил с дружинниками. Стал князь поручать сбор дани своему боярину Свенельду. Это невыгодно было для Игоревой дружины, и стала она роптать:

«Отроки (дружинники) Свенельда разбогатели оружием и платьем, а мы наги, пойдя, князь, с нами за данью, и ты добудешь, и мы!»

Послушался их Игорь, пошел в землю древлян собирать дань, причем он и дружина его прибегали к насилиям. Князь уже возвращался в Киев с данью, но захотелось ему пособирать еще, большую часть дружины отпустил он, а с небольшим отрядом вернулся опять в

землю древлян производить поборы. Древляне возмутились, собрались на вече и порешили с Малом, своим старшиною, или князем, как величали они его: «Когда повадится ходить волк в стадо овец, то все стадо расхитит, если не убьют его; так и этот (Игорь), если не убьем его, всех нас погубит».

Когда Игорь снова начал силою собирать дань, древляне из города Коростеня перебили маленький отряд Игоря и самого его убили (945 г.). Есть известие, будто они, пригнув стволы двух деревьев один к другому, привязали к ним несчастного князя, потом отпустили их, и он был разорван на две части.

Предания об Ольге

Положение Руси было опасно по смерти Игоря. Святослав, сын его, был еще ребенком, а тут древляне подняли мятеж; за ними могли восстать и другие недовольные племена; степные соседи – печенеги тоже только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но Ольга, мать Святослава, оказалась женщиною очень умною, притом твердого и решительного нрава, к счастью, были и между боярами опытные военачальники, вполне преданные ей.

Прежде всего она жестоко отомстила мятежникам за смерть мужа. Вот что говорят предания об этой мести. Древляне, убивши Игоря, порешили уладить дело с Ольгою: выбрали из среды своей двадцать лучших мужей и послали к ней с предложением выйти замуж за князя их Мала. Когда они прибыли в Киев и княгиня узнала, в чем дело, то сказала им:

– Люба мне ваша речь, мужа своего мне не воскресить. Хочу вам завтра оказать почет перед людьми моими. Идите теперь в ладьи ваши; завтра я пришлю за вами людей, а вы скажите им: не хотим ни верхом ехать, ни пешком идти, несите нас в лодках, вас и понесут.

«Святая Ольга». Эскиз к мозаике Н. К. Рериха. 1915 г.

Когда на другой день утром к древлянам пришли от Ольги люди звать их, они отвечали так, как она научила.

– Нам неволя, князь наш убит, а княгиня наша хочет выходить за вашего князя! – сказали киевляне и понесли древлян в лодке.

Послы же сидели спесиво, гордясь высокою честью. Принесли их на двор и бросили с лодкою в яму, которую раньше вырыли по приказу Ольги. Наклонилась она к яме и спросила:

– Хороша ли вам честь?

– Честь эта нам хуже Игоревой смерти! – отвечали несчастные.

Ольга приказала засыпать их живых землею. Затем отправила послов к древлянам сказать: «Если вправду вы просите меня, то пришлите за мною самых лучших мужей ваших, чтобы с великою честью я пришла к вам, иначе не пустят меня киевляне».

Прибыли новые послы от древлян. Ольга, по тогдашнему обычаю, приказала приготовить для них баню. Когда они вошли туда, их по приказу княгини заперли и сожгли вместе с

баней. Тогда послала она опять сказать древлянам: «Я уже иду к вам, приготовьте побольше меду – хочу сотворить на могиле моего мужа тризну (поминки)».

Древляне исполнили ее требование. Ольга с небольшою дружиною пришла к могиле Игоря, плакала по муже своем и приказала своим людям насыпать высокий могильный холм. Затем стали править тризну. Древляне сели пить, отроки (младшие дружинники) Ольгины обслуживали им.

– Где же наши послы? – спрашивали древляне у княгини.

– Идут с дружиною мужа моего, – отвечала она.

Когда древляне опьянели, княгиня велела своей дружине рубить их мечами. Много их было изрублено. Ольга поспешила в Киев, стала собирать войско и на следующий год пошла на Древлянскую землю; при ней был и сын. Древляне думали было сразиться в поле. Когда обе рати сошлись, маленький Святослав первый бросил копьё, но слаба была еще его детская рука: копьё едва пролетело между ушей коня и упало к ногам его.

– Князь уже начал! – крикнули воеводы. – Дружина, вперед, за князем!

Древляне были разбиты, бежали и укрылись в городах. Ольга хотела приступом взять главный из них – Коростень, но тут все усилия были напрасны. Отчаянно оборонялись жители: знали они, что ждет их, если сдадутся. Целое лето простояла киевская рать под городом, а взять его не могла. Где сила не берет, там иной раз умом да сноровкою можно взять. Послала княгиня сказать коростенцам:

– Чего вы не сдаетесь? Все города уже сдались мне, платят дань и спокойно возделывают нивы свои, а вы, видно, хотите досидеться до голодной смерти?!

Коростенцы отвечали, что они опасаются мести, а дань они готовы дать и медом, и мехами. Ольга послала сказать им, что она уже достаточно отомстила и требует от них лишь малой дани: по три голубя и по три воробья с каждого двора. Обрадовались осажденные, что так дешево могут отделаться от беды, и исполнили ее желание. Ольга приказала воинам своим привязать к ногам птиц куски трута (то есть тряпок, пропитанных серою) и, когда смеркнется, зажечь трут и пустить птиц. Воробьи полетели под крыши в свои гнезда, голуби в свои голубятни. Жилища в то время были все деревянные, крыши соломенные. Скоро Коростень запылал со всех концов, все дома охватил пожар! В ужасе кинулся народ вон из города и попадал прямо в руки врагов своих. Старшин княгиня взяла в плен, а простых людей – одних велела избить, других отдала в рабство дружинникам своим, а на остальных наложила тяжелую дань.

Многих пленных древлян Ольга принесла в жертву богам и велела похоронить вокруг могилы Игоря; затем справила тризну по мужу, причем в честь покойного князя происходили воинственные игры, как требовали обычаи.

Если Ольга и не была так хитра, а древляне так просты и доверчивы, как говорит предание, то все-таки в народе и в дружине верили, что дело было именно так: хвалили княгиню за то, что она хитро и жестоко отомстила древлянам за смерть мужа. Суровы были в старину нравы наших предков: кровавой мести требовал обычай, и чем ужаснее мститель мстил убийцам за смерть своего родича, тем большей похвалы заслуживал.

Усмирив древлян, Ольга с сыном и дружиною пошла по их селам и городам и установила, какую дань должны они платить ей. На следующий год обошла она с дружиною и другие свои владения, делила земли на участки, определяла, какие подати и оброки должны были жители платить ей. Умная княгиня, как видно, ясно понимала, сколько зла было от того, что князь и дружина брали дани, сколько вздумается, а народ не знал вперед, сколько он обязан уплатить. Самым же важным делом Ольги было то, что она первая из княжеской семьи приняла христианство.

Со времен Аскольда и Дира, как говорит предание, христианство стало понемногу распространяться среди полян. Руссы давно уже сносились с греками, часто ездили в Царьград

для торговли и там могли познакомиться с христианской верою. Великолепие греческих храмов и торжественность богослужения возбуждали у них удивление. При Игоре и в Киеве была уже христианская церковь Св. Ильи; было несколько христиан и в дружине, стало быть, с той поры русские могли и у себя дома узнать, в чем состоит христианская вера. Нетрудно было Ольге при ее уме понять, насколько эта вера выше языческой.

В 957 г. Ольга отправилась в Константинополь; она хотела принять крещение от самого патриарха. Когда русская княгиня прибыла в Царьград, здесь пришлось ей в гавани довольно долго ждать доступа к императорскому дворцу. При дворе долго обдумывали, как бы устроить ей торжественный прием так, чтобы и достоинства императора не унижить, и высокую гостью не обидеть: придворным церемониям византийки придавали слишком большое значение. Наконец после разных проволочек и выполнения всяких придворных обычаев и обрядов она была допущена во дворец и удостоилась видеть императора и императрицу.

Император сидел на великолепном золотом троне в одежде, сияющей драгоценными камнями, около него стояли знатнейшие вельможи в пышных нарядах. Затем длинным рядом богатых покоев повели Ольгу к императрице. В огромной палате, которая роскошно была отделана мрамором, блистала позолотой и драгоценными материями, находилось возвышение, покрытое пурпуровой тканью. На нем стоял золотой трон, на котором сидела императрица; подле нее также на золотом троне сидела ее невестка. Около них стояли царедворцы и придворные женщины в известном порядке, смотря по знатности. Один из сановников от имени императрицы приветствовал русскую княгиню, после чего она и сопровождавшие ее русские боярыни были отведены в особый покой для отдыха.

Затем последовал торжественный обед. Когда ввели русских в палату, где был приготовлен стол, все сделали очень низкий поклон императору и императрице. Ольга же только слегка наклонила голову. Императрица и ее невестка сидели за особым столом на возвышении, русской княгине пришлось сидеть с придворными женщинами. Во время обеда певчие пели хвалебные песни в честь императорского дома, играла музыка, а придворные плясуны тешили всех своей ловкой, искусной пляской. После обеда императорское семейство с Ольгою перешло в другой покой, где приготовлены были разные сласти на блюдах, украшенных драгоценными камнями. Русской княгине и окружавшим ее русским боярыням были поднесены в подарок по несколько десятков червонцев. Тогда было в обычае обмениваться подарками. Ольга привезла императорской семье много драгоценных мехов.

Константинопольский патриарх, по словам нашего летописца, сам совершал обряд святого крещения, а император Константин Багрянородный был крестным отцом Ольги. Нарекли ее при крещении Еленою в честь матери Константина Великого.

Немало, конечно, дивились русские богатствам и великолепию императорского дворца и роскошной столицы. Какая разница между тем, к чему привыкли они у себя в Киеве, и тем, что они увидели здесь! Там – жалкие деревянные лачуги, плетенные из ветвей изгороди, бревенчатые городские стены; здесь – громадные роскошные дворцы, великолепные храмы с позолоченными сияющими главами, крепкие и красивые городские стены с бойницами и сторожевыми башнями.

По возвращении в Киев сильно хотела Ольга обратить и Святослава в христианскую веру.

– Вот я познала истинного Бога и радуюсь, – говорила она сыну, – крестись, познаешь и ты Бога, будет радость и в твоей душе.

– Как я приму один иную веру? – возразил Святослав. – Дружина станет смеяться надо мною!..

– Если ты крестишься, – настаивала Ольга, – все за тобою последуют.

Но Святослав оставался непреклонен. Не лежала душа воителя-князя к христианству с его кротостью и милосердием.

Предания о Святославе

С малых лет сроднился Святослав с боевой жизнью. Удачные набеги да битвы кровавые – вот что больше всего тешило его, в них только была и жизнь ему... Походы совершал он необычайно быстро, ходил как барс, по словам летописца, никакого обоза, никаких шатров не возил с собою; спал как простой воин на земле, постелив только конскую попону да подложив под голову седло. Котлов тоже не брал он, да и кушаний никаких не готовилось для него: сам пек он себе на угольях, что доводилось – конину, говядину, а не то и зверину.

Каков был князь, такова была и дружина его.

Не любил он хитрости, не нападал на неприятеля неожиданно. «Иду на вас!» – посылал он сказать врагам, готовясь напасть на них, и давал им возможность приготовиться к боевой встрече. Закаленная в боях дружина, сильное испытанное войско да своя молодая сила и отвага давали Святославу веру в успех.

Задумал он совершить большой поход на хазар. По степям, по рекам, через лесные дебри добрался он до Оки; там жило суровое племя вятичей.

– Кому дань платите? – спросил он.

– Даем дань хазарам, – отвечали вятичи.

Князь заставил их платить себе и продолжал поход.

Спустился он с войском своим по Оке в Волгу и поплыл вниз по течению ее. Плохо пришлось болгарам, жившим по Волге: Святослав разорил и предал грабежу и города, и села их. Большое хазарское войско с самим каганом вышло навстречу русским. Хазары были совершенно разбиты. Разорил Святослав землю их, взял славный город их на Дону – Белую Вежу – и победил ясов и кософов, воинственных жителей Прикавказья. Молва о победах удалого князя, о неукротимой отваге его и страшной его дружине надолго нагнала страху на жителей закаспийских областей.

Не успел Святослав отдохнуть в Киеве от походов на восток, как явилось к нему посольство от греческого императора Никифора-Фоки – просить у него помощи против дунайских болгар: 30 пудов золота обещали ему за помощь.

Как было не принять ему предложение: война да еще такая плата, не считая добычи. С войском тысяч в шестьдесят в 968 г. русские ладьи явились на Дунае. Напрасно болгарское ополчение пыталось помешать русским высадиться на берег. Болгары были разбиты. Множество городов их было взято и разграблено, в том числе и Малая Преслава, или Переяславец, и сильно укрепленный Доростол. Святославу сильно полюбилось в Болгарии: земля богатая, всего вдоволь, положение выгодное, с Византией и другими богатыми соседними странами большая торговля. Не хотел он уходить отсюда; а Русь оставалась без князя.

В Киеве же находилась Ольга, совсем уже престарелая, с малолетними внуками; недалеко от русской столицы расстилалась степь, а по ней рыскали орды кочевников-печенегов; они только и выжидали удобного случая напасть врасплох и пограбить. Нахлынули орды их на Русь. Заперлась Ольга с внуками в городе.

Толпы печенегов расположились станом вокруг Киева: ни в город нельзя было никому пройти, ни из города. Плохо пришлось киевлянам: мало у них уже оставалось съестных припасов, помощи ждать им было неоткуда – приходилось сдаваться. На противоположном берегу Днепра собрался небольшой отряд ратных людей под начальством воеводы Претича. Мог бы он попытаться помочь киевлянам и спасти Ольгу с внуками от плена, да, на беду, он вовсе и не знал, что киевлянам приходится так плохо; он думал, что они еще смогут продержаться до прихода Святослава. Стали киевляне думать, как бы известить Претича о том, что им приходится сдаваться, если никто не поможет им. Нашелся между ними, как говорит предание, отважный юноша, который взялся уведомить воеводу о положении киевлян. Неза-

метно для врагов вышел он из города с уздечкой в руке, прошел между печенегами, спрашивая всех встречных, не видали ли его лошади (он говорил по-печенежски, и печенеги приняли его за одного из своих). Добравшись до берега Днепра, юноша сбросил с себя одежду, кинулся в реку и быстро поплыл... Тут только спохватились печенеги: засвистели стрелы, но он был уже далеко – попасть в него было трудно. Русские с той стороны Днепра завидели пловца и поспешили навстречу ему в лодке.

– Если не подступите завтра к городу, – сказал он, – то киевляне хотят сдаться печенегам.

– Подступим завтра же, постараемся спасти княгиню и княжичей, – сказал Претич дружине, – перевезем их на эту сторону. Если не сделаем этого, то погубит нас всех Святослав.

Все согласились. На другой день на рассвете раздались на Днепре громкие звуки труб, показались лодки с вооруженными людьми. Киевляне громким, радостным криком приветствовали их со стен. Смелая попытка Претича удалась: печенеги испугались – им представилось, что сам

Святослав с войском идет на выручку Киева. Они поспешно отошли от города. Того только и нужно было Претичу.

Ольга с внуками успела сесть в лодку и переехать на другой берег. Печенежский князь вступил с русскими в переговоры.

– Кто это пришел? – спросил он у Претича.

– Люди с той стороны, – отвечал тот.

– А ты не князь ли? – спросил печенег.

– Я княжий муж, – сказал Претич, – и пришел с передовым отрядом, а за мною идет князь с большим войском.

Хитрость удалась. Печенежский князь вовсе не расположен был встречаться с самим Святославом и предложил заключить мир. Претич, конечно, согласился. Оба подали друг другу руки и обменялись подарками: печенежский князь подарил русскому воеводе коня, саблю и стрелы, а Претич дал ему броню, щит и меч.

Киевляне, говорит предание, послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, а от своей отрекся: нас вместе с твоею матерью и детьми чуть не взяли печенеги. Если ты не защитишь, то они возьмут нас. Неужели тебе не жаль ни твоей отчины, ни старухи-матери, ни детей твоих?»

Святослав поспешил с дружиной в Киев, собрал сильное войско и прогнал печенегов далеко в степь. Недолго пожил он с семьей, не сиделось ему дома.

– Нелюбомне в Киеве, – говорил он матери и боярам, – хочу жить в Переяславце-на-Дунае. Там середина земли моей; туда сходится все благое с разных сторон: из Греции – золото, ткани, вина и разные плоды; из земли чехов и венгров – серебро и кони; из Руси – меха, мед, воск и рыба.

Ольга уговаривала его несколько повременить.

– Я уже больна, не уходи, – просила она, – похорони меня сперва, а там иди куда хочешь.

Три дня спустя Ольга скончалась. Она заповедала, чтобы по ней не справляли языческой тризны: у нее был священник, он и похоронил ее по христианскому православному обряду.

Между тем в Греции дела изменились. Император Никифор Фока был убит, и убийца его, Иоанн Цимисхий, завладел тронem. Новый император был человек очень деятельный, предприимчивый, знал хорошо и военное дело. Понимал он, что Византии грозит постоянная опасность, если в Болгарии утвердится воинственный Святослав. Болгары тоже не хотели господства русского князя. Ему пришлось бороться с ними. Большое болгарское войско вышло навстречу русскому.

Началась у Переяславца жестокая сеча. Несколько раз возобновлялся ожесточенный бой, наконец к вечеру Святослав одолел и взял в плен двух сыновей болгарского царя. Потом прошел он с огнем и мечом всю Болгарию и страшно отомстил болгарам за враждебную встречу! Иоанн Цимисхий отправил к нему посольство с богатыми дарами. Послы от имени императора объявили князю, чтобы он, получив награду, обещанную прежним императором, удалился из Болгарии. Не понравилось это Святославу: он считал уже этот край своим.

– Выкупите у меня все взятые мною города, – отвечал он послам, – выкупите ваших пленников, заплатите золотом за Болгарию, и я оставлю ее, а если не хотите, то нет вам мира!

Началась война с греками. По словам нашего летописца, Святославу пришлось встретиться с огромным греческим войском. Смутились сначала руссы – их было гораздо меньше, чем врагов, но бесстрашный князь воодушевил своих сподвижников. «Некуда нам уж деться, – сказал он им. – Волею или неволею надо сразиться. Не посраим Русской земли, ляжем костьми; мертвым нет срама!.. Если в бегство обратимся, то и срам нам будет, и беды не избежим. Станем твердо. Я пойду впереди. Если сложу голову, то думайте о себе сами».

Воин-печенег

«Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!» – отвечали воины.

Завязался жестокий бой, и Святослав одолел. Так говорит наш летописец. Но с каждой битвой все меньше и меньше становилось русских воинов, а ждать помощи им было неоткуда: до Русской земли далеко было, а греки были у себя дома! Император поднял громадные силы, снарядил корабли, заготовил множество запасов и с наступлением весны двинулся на Святослава. Тяжелое время настало для русского войска. В Дунай вошли греческие корабли с ужасными огнеметательными снарядами. Огромное и хорошо устроенное греческое войско явилось в Болгарии. Болгаре тоже восстали против Святослава. Напали греки неожиданно на Переяславец и завладели им. Стоявший там русский отряд сразился с греками сначала перед городом, потом должен был защищаться в городе. Когда греки вытеснили русских

отсюда, они заперлись в царском дворце, который был расположен на отдельном возвышении и окружен особою стеною. Не могли греки никак взять этого дворца; стали они со всех сторон бросать в него огонь. Здание запылало. Пришлось русским выйти, и окружили их со всех сторон враги... Отчаянно рубились руссы, но почти все погибли здесь, только несколькими воинам удалось спастись и уйти к Святославу, который с главным своим войском стоял в Доростоле. Первая битва под стенами этой крепости была очень упорна; руссы, сомкнув свои щиты, стояли несокрушимой стеной перед городом.

Дружинники были хорошо вооружены: крепкие шлемы, кольчуги, щиты защищали их от ударов; тяжелыми мечами, секирами и острыми копьями поражали они неприятелей. Простые воины были вооружены похуже: не у всех были шлемы и кольчуги; стояли они в то время очень дорого, и только князья да дружинники могли иметь хорошее вооружение. Лучшее оружие приобреталось из Византии.

Бой под Доростолом был отчаянный. Руссы дрались с неукротимую отвагою и с ярим криком поражали врагов. День уже склонялся к вечеру, а победа все еще колебалась. Греков было гораздо больше, чем русских; вооружены были они лучше, а главное, русские сражались пешие, у греков же была конница. Иоанн Цимисхий пустил ее в дело. Она ринулась на руссов, уже сильно утомленных боем. Не выдержали они этого стремительного натиска, отступили и заключились в городских стенах. Император приказал устроить укрепленный лагерь на возвышении, близ города. Греки окопались и поставили свои шатры. Греческие корабли стояли на Дунае, и русским нельзя было отступить; они старались только как-нибудь укрыть у берега свои лодки, чтобы греки не истребили их своим «губительным огнем»: руссы живо еще помнили рассказы отцов о том, как этот огонь уничтожил суда Игоря.

Русские оборонялись с необычайным мужеством и стойкостью. Они не укрывались постоянно за городскими стенами, но очень часто выходили из города и сражались с греками в открытом поле. Русская кольчужная рать обыкновенно выступала из города и, закрывшись своими длинными щитами, стеною шла на неприятеля. Ничто не могло устоять против могучего напора этого железного строя, но Цимисхий недаром слыл искусным вождем: он и его полководцы умели внезапными нападениями с боков и с тыла, стремительными налетами отрядов конницы расстраивать сомкнутый строй русских воинов и принуждали их отступать. Руссы не обращались в бегство, но, закинув за спину свои огромные щиты, медленно шли к городу. Ночью иной раз выходили в поле, подбирали тела убитых товарищей и сжигали их на кострах; при этом закалывали в жертву своим богам многих пленников, убивали, по своему обычаю, и женщин (вероятно, жен более знатных покойников). Кроме того, приносили в жертву младенцев и петухов, которых погружали в Дунай. Погребальные обряды они сопровождали дикими воплями и плачем в честь покойников. Есть известие, что греки в числе убитых русских находили женщин, они в мужской одежде шли за своими мужьями в сражения.

Греки установили метательные машины, кидали тяжелые камни в город и убивали многих осажденных. Русские в свою очередь делали по ночам вылазки, старались уничтожить эти машины и добыть в окрестных селах съестные припасы: в них уже чувствовался недостаток. Иной раз вылазки эти были удачные и производили в греческом стане большой переполох.

Два месяца с лишком длилась осада Доростола. Многих храбрых дружинников не стало; погибли в бою и лучшие русские воеводы. Приуныли храбрые воины Святослава. Созвал он на совет своих воевод и старших дружинников и спросил, как быть, что делать. Кто советовал в глухую ночь, в удобную пору, спасаться бегством, кто думал, что лучше заключить мир с императором. Но не по душе Святославу были такие советы: жизнь, спасенная бегством или купленная ценою унижительного мира, не привлекала его. Его мнение было – или победить, или погибнуть славною смертью в бою.

Опять начались отчаянные схватки. В одной из них греческий витязь, одаренный необыкновенною силою, заметил в толпе русских воинов Святослава, ринулся к нему, мечом своим проложил себе путь к русскому князю и нанес ему страшный удар в плечо. Святослав упал – так силен был удар. Но щит и крепкая кольчуга спасли его. Греческий витязь погиб под ударами русских. Смерть этого богатыря поразила греческих воинов страхом. Руссы стали теснить их. Плохо приходилось грекам. Император увидел опасность, велел ударить в бубны и трубить в трубы, а сам с копьём в руках во главе своего отряда «бессмертных» (так назывался отряд лучших воинов в греческом войске) понесся на русских. Бой загорелся с прежним ожесточением. Греческая рать, воодушевленная своим вождем, сильно напирала на руссов. На беду для них, вдруг поднялась сильная буря, ветер дул им прямо в лицо, облака пыли неслись им в глаза. Между тем один отряд греков зашел в тыл русскому войску и грозил отрезать его от города – пришлось поспешно отступить. Сам Святослав, израненный, истекающий кровью, едва спасся от плена...

Дольше сопротивляться нельзя было. В Доростоле настал голод. Приходилось мириться. Цимисхию тоже было нелегко продолжать войну: греки были изнурены продолжительными битвами и сильно желали мира. Русский князь обязался выдать всех пленных греков, сдать Доростол и уйти из Болгарии; обязывался он и вперед не начинать войны с греками и даже мешать нападению других племен на Грецию. По обычаю, руссы должны были клясться Перуном и Волосом, что они будут точно соблюдать договор. Святослав пожелал повидаться с императором. По словам одного греческого писателя (Льва Диакона), свиделись они на берегу Дуная. Цимисхий, верхом на богато убранном коне, в раззолоченных доспехах, окруженный блестящей свитой, подъехал к берегу Дуная, а Святослав подплыл на простой ладье, сам управляя веслом наравне с другими гребцами.

С любопытством смотрели греки на страшного для них Святослава. От них узнаем мы о наружности его. Это был человек среднего роста, коренастый, широкоплечий. Голова у него была бритая, с темени свешивался пук волос (означавший благородство), в одном ухе висела золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубином посередине. Лицо его было мрачно. Сурово глядели его голубые глаза из-под густых бровей, нос был несколько плоский, борода бритая, усы длинные. Одежда его поразила греков своей простотой – белая рубаха его отличалась от одежды других его товарищей только большей чистотой. Свидание его с императором продолжалось недолго.

Пока Святослав боролся с греками в Болгарии, орды диких печенегов опустошали его области и чуть не овладели Киевом. Святослав с остатком своего войска и дружиною зимовал у Днепровского устья. С наступлением весны поплыли они вверх по Днепру. У порогов подстерегали русских печенеги; говорят, греки известили их, что в отряде Святослава мало воинов и справиться с ним будет нетрудно. В самом опасном месте, где надо было обходить пороги по берегу, русский отряд был окружен со всех сторон печенегами. Завязалась схватка, и Святослав погиб в бою со всеми дружинниками: только нескольким воинам удалось уйти в Киев (972).

Предание говорит, что печенежский вождь Куря велел из черепа Святослава сделать себе чашу и на пирах пил пиво из нее.

Быт русских в девятом–десятом столетиях

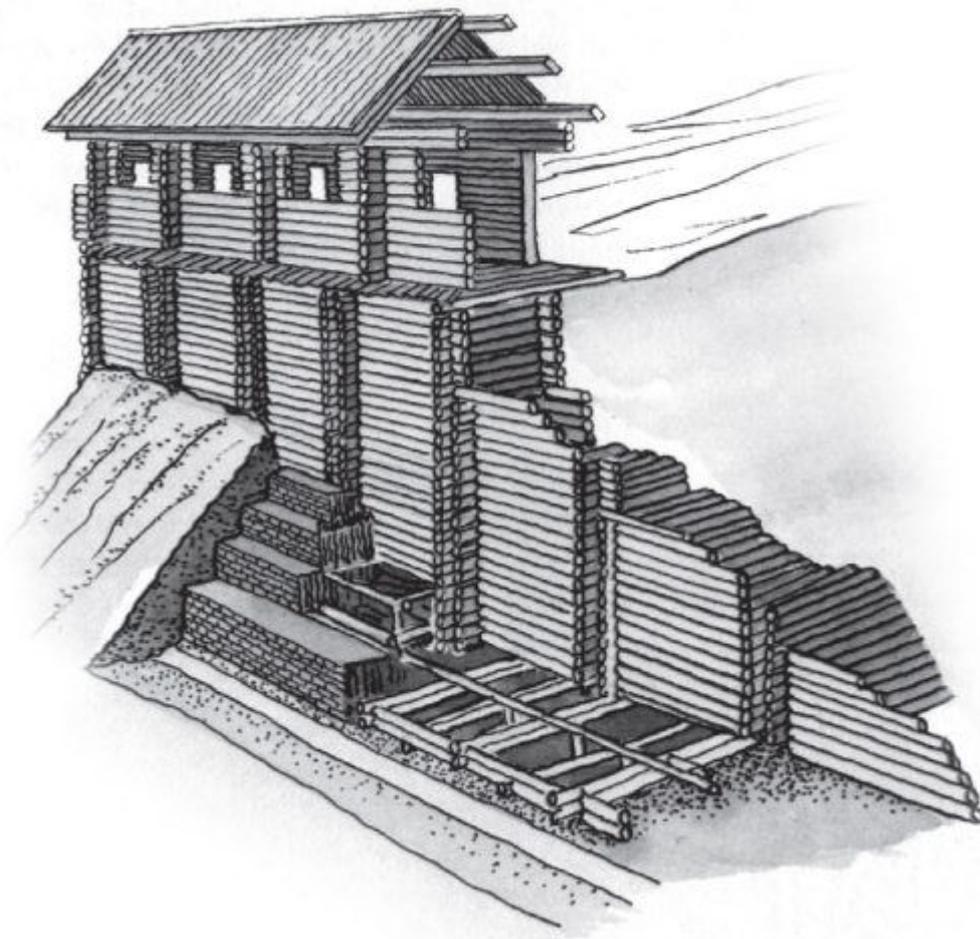
Из преданий видно, что первые князья, кроме Ольги, мало думали о своей земле. Собирали они дань с подвластных им славян, брали у них людей в свое войско, делились данью с храброю дружиною своей и больше всего думали об удалых походах и богатой добыче. Не всегда даже князья могли, как следует, защищать подвластные им племена от врагов. Но все-таки совершилось великое дело: восточные славяне соединились под одной властью, составили один народ. Явилась сила, которая мало-помалу должна была сплотить разрозненные племена и роды в одно целое. Силою этою был князь с дружиною своей. Он стоит выше родовых споров; ему нечего мирволить одним, обижать других; он становится князем всей земли, и для него подвластные роды и племена равны. Не слушаться его опасно: у него под рукою надежная сила – его верная дружина, с нею он заставит себе повиноваться – словом, в князе у восточных славян явилась сильная правящая власть, которой раньше не было и без которой не может быть и государства.

Первые князья, как это видно из преданий, не привязаны еще к той или другой части населения, к тому или другому месту: Олег перенес столицу в Киев; Святослав подумывал водвориться еще южнее, в Переяславце-на-Дунае. Связаны первые князья неразрывными узами лишь с дружиною – в ней вся сила их, без нее ни лихого похода нельзя предпринять, ни оборониться от нападений хищников, нельзя даже и дани собрать с некоторых данников своих и сдержать в своей воле покоренные, но непокорные племена – словом, князь без дружины шагу ступить не может, без нее он – что голова без тела, да и она без князя – что тело без головы. С дружиною князь совещается, с нею делит боевые труды и добычу, старшим дружинникам (боярам) дает в управление города и области. Предприимчив князь да удачлив – нет недостатка и в лихих удалцах, готовых служить в его дружине, идут в нее из народа сильные да удалые люди. Задумал князь большой поход, который сулит богатую добычу, но мало ему дружины – стоит только клич кликнуть, из населения найдется всегда множество охотников до боевой потехи, до богатой добычи, до пиров веселых – и вот у князя собирается, кроме постоянной дружины, и временное войско. Вот почему Олег, Игорь и Святослав могли предпринимать большие походы на богатый юг. Но мало-помалу начинают князья сознавать, что и у себя дома дела довольно: то в одном месте поднимается мятеж от беспорядочного сбора дани, сравнивают алчного сборщика с хищным волком; то в другом месте население сетует и корит своего князя за то, что он чужие земли воюет, а своей не блюдет. Приходится князьям подумать о порядке в стране, о том «наряде», для которого, по преданию, и призваны были они; необходимо заняться устройством земли, охраною ее от врагов-хищников. Своя же личная выгода побуждает князей оборонять своих подданных от разорения. И вот князья мало-помалу из непоседливых воителей, ублажающих свою дружину славой и добычей, должны обратиться в устроителей земли своей, в охранителей ее. Для обороны страны и для управления ею строятся новые города, куда князья сажают наместниками своих бояр с отрядами дружины.

Хотя при первых князьях сословия не обозначались еще резко, но все-таки видно, что князья мужи, бояре и дружинники, занимают первое место, затем идут свободные люди, низший разряд которых составляли смерды. Наконец были еще рабы, пленные, захваченные на войне. Почти непрерывная борьба с хищными кочевниками доставляла рабов, вероятно, очень много, так что русские торговали ими.

Около городов собирается все больше и больше населения, усиливаются разные промыслы и торговля. В городе живет князь или княжий боярин с дружиною. Война дает дружинникам богатую добычу, князья делятся с ними и данью. Есть чем платить, тут был бы только товар пригодный, а покупатель найдется. Нужны дружинникам и жилища хорошие,

и одежда красивая, и обувь, и оружие: немало работы разным пригородным ремесленникам: плотникам, скорнякам, кузнецам, оружейникам и др. Находятся и люди, которые тем промышляют, что в одном месте купят какие-нибудь вещи, а в другом продадут их с выгодой для себя, с большим барышом. Где явятся такие купцы, или гости, как их называли в старину, там усиливается сбыт изделий, разные промыслы и ремесла идут лучше.

Крепостная стена русского города X в. Реконструкция

Князь и дружинники в старину, между прочим, и сами часто торговали. С наступлением зимы они выходили за сбором дани (на полюдье), весной возвращались в Киев и привозили с собою множество мехов, воску и меду; избыток всего этого отправляли в Византию, туда же посылали они на продажу и рабов. На севере, где было вдоволь лесу и между жителями было много плотников, за зиму заготавливалось множество лодок. С наступлением весны их сплавляли по Днепру к Киеву. Здесь их отделявали, снастили, грузили товарами и отправляли в Византию. Новгород и Киев, расположенные на водном пути с севера в Византию, все больше и больше богатели благодаря торговле. Из Греции привозили тонкие ткани (паволоки), вина, различные южные плоды, золото. Ездили русские купцы и на Восток для торговли в землю хазар, обыкновенно тоже водным путем: по Черному морю плыли в Азовское море, затем в устье Дона, поднимались вверх по этой реке до хазарской крепости Саркела (Белой Вежи), перетаскивали отсюда свои ладьи волоком до Волги и спускались по течению ее в Итиль, столицу хазар. Главным товаром, который сбывался здесь, были дорогие меха. С Востока же к русским шли драгоценные камни, золотые и серебряные изделия;

цепочки, ожерелья, кольца, серебряные украшения для одежды, для конской сбруи, разные материи и пр. С Востока же, из Греции, попадали к русским золотые и серебряные монеты. Они очень ценились и наравне с другими украшениями переходили из рода в род, закапывались с покойниками, по старому обычаю, в могилы.

Предки наши, верившие, что и за пределами гроба продолжается жизнь, погребая покойника, словно снаряжали живого человека в путь: клали в могилу все вещи, которые особенно любил умерший, некоторые драгоценности его, ставили ему даже питье и яства в сосудах. Вот почему в древних могилах иногда много драгоценностей. В землю же наши предки скрывали обыкновенно свои сокровища – другого лучшего способа хранить их они не знали. Отлучаясь на торг или на войну, зажиточный человек тем временем зарывал тайком где-нибудь недалеко от жилья свои деньги и другие драгоценности, клал на это место камень, или сажал дерево, или как-нибудь иначе по разным приметам запоминал место, чтобы, вернувшись, найти свое достояние. Нередко случалось, что обладатель клада умирал или погибал на чужбине, не сказав о нем, и тогда целые века земля хранила скрытые драгоценности, и они попадали в руки ученых-исследователей или каких-нибудь счастливых, случайно открывших их. По древним торговым путям много находили на Руси таких кладов. Иные из них весили по несколько пудов, заключая в себе тысячи монет; особенно много найдено арабских денег IX–X вв. по восточному торговому пути. Это доказывает, что уже при начале государственной жизни и даже раньше у предков наших шла деятельная торговля с Востоком. По южному торговому пути, то есть по Днепру, найдено немало византийских, римских и других денег, начиная от первых веков христианства и до X в. Все это свидетельствует о древних торговых сношениях с Византией.

Кроме того, вели торговлю и с соседними народами, с болгарами, жившими по Волге и Каме, и финскими племенами. Торговля на севере с полудикими народами шла больше меновая. Вот что говорят о подобной торговле болгар с весью (одним из финских племен). Приезжают болгарские купцы в определенное место, оставляют там свои товары, а сами удаляются. Туземцы приходят, раскладывают свои вещи рядом с болгарскими. Болгары через некоторое время возвращаются и, если находят, что мена для них выгодна, берут с собою туземные товары, а свои оставляют. Если же им кажется, что финны мало предлагают в обмен, то удаляются опять, не тронув товаров. Это значило, что желают прибавки. Финны надбавляли своего товара и таким образом удовлетворяли болгар. Такую торговлю арабы называли «немою». Вероятно, русские таким же способом, как болгары, производили обмен с полудикими финскими племенами, жившими на далеком севере.

Разные промыслы и занятия вели к тому, что люди стали больше различаться, чем прежде, и по занятиям, и по состоянию. Те занятия, где нужно было больше силы, ловкости и смелости, давали и больше значения людям. Война и охота были главным делом дружинников. Когда князья затевали большой поход, то одной дружины было мало, и они набирали воев. В войско шли из народа крепкие и смелые люди, «мужи», как их называли в старину, а те, что были слабее и мало годились для войны, «мужики» (уменьшительное имя от «муж»), те оставались дома и занимались мирными промыслами: земледелием, пчеловодством, скотоводством и разными ремеслами.

Война и торговля обогащали некоторых. Богатые люди, дружинники и купцы стали больше отличаться от бедных, чем прежде. Жилье начали себе строить, конечно, лучше, просторнее и удобнее, одежду делать богаче, носить дорогие украшения, пищу употреблять более изысканную. Торговля доставляла русским разные плоды, тонкие ткани, серебряные и золотые украшения, разные драгоценности. Все это шло на потребу более богатых людей. Особенно женщины любили рядиться; в большом ходу были серьги, браслеты, ожерелья (особенно любили женщины носить зеленые бусы на шее). При раскопках древних могил много найдено этих вещей.

Принятие христианства и распространение его на Руси

Владимир–язычник

При жизни своей Святослав разделил Русскую землю на три части, или уделы, и раздал их своим сыновьям. Ярополк, как старший, получил Киевскую область и звание великого князя; Олег – землю Древлянскую, а Владимир – Новгородскую. Недолго братья ладили между собою. Случилось раз, что Олег Древлянский на охоте убил Люта, сына престарелого Свенельда, главного советника Ярополка. Озлобленный отец стал подбивать своего князя к войне: «Пойди на брата твоего Олега и отними у него волость».

Тот послушался, начал войну с братом и победил его. Олег во время битвы погиб: он упал в ров с моста, на котором теснились его бегущие воины. Тело его потом едва могли найти под грудой мертвых. Горько плакал Ярополк: он вовсе не хотел смерти своего брата. Узнал о печальном событии младший из братьев – Владимир, князь новгородский, и поспешил с дядею Добрынею, руководителем своим, к варягам, чтобы набрать там войско и отомстить старшему брату за смерть Олега, как требовал обычай. Ярополк присоединил Новгород к своим владениям; но Владимир скоро вернулся из-за моря с хорошею ратью, занял снова свой удел, завоевал Полоцк, умертвил князя полоцкого Рогвольда и двух сыновей его, женился на дочери его Рогнеде, невесте Ярополка, против ее воли; затем двинулся на Киев. У Ярополка войска было немного, но он сначала оборонялся, а потом, по совету своего вероломного боярина, сдался на милость брата. По приказу Владимира два варяжских воина поразили мечами Ярополка в то время, когда тот шел к нему мириться.

Снова соединилась вся Русская земля в руках одного князя. Немало пришлось Владимиру вести войн с соседями: воевал он с поляками и отнял у них несколько городов (часть нынешней Галиции), два раза ходил на вятичей, которые пробовали освободиться от дани, и усмирил их; овладел землею хищного племени ятвягов, западных соседей Русской земли, живших по верховьям Немана; ходил и на волжских болгар и победил их.

Удачны были походы эти, и всякий раз Владимир возвращался в Киев с большой добычей. Было чем поделиться с удалой дружиной! Начинались тут пиры и веселья: раздавались веселые песни, гудела музыка: крепкие меды туманили головы удалых дружинников; турий рог наполнялся вином заморским и обходил ряды пирующих. Обильны были пиры Владимира и яствами и питьями. Случилось раз, говорит летописец, захмелевшие дружинники стали корить князя: «Горе головам нашим! – дают нам есть ложками деревянными, а не серебряными».

Услышал это князь и велел исковать им серебряные ложки. «Серебром и золотом не найду я храброй дружины, – сказал он, – ас удалою дружиной найду серебро и золото».

Понимал Владимир, что без храброй и сильной дружины и власти бы у него было немного: у соседей добычи ему не промыслить бы, да и с народа своего не собрать бы дани. Понимал все это князь и высоко ценил дружину, жил с нею душа в душу.

Ласковый к дружине, склонный к веселым пирам и разгулу, Владимир был сначала плохим семьянином: он был многоженец. Тогда было в обычае держать по несколько жен; у Владимира же их было несколько сот. Вот что говорит предание об одной из жен его, Рогнеде. Жила она с маленьким сыном Изяславом близ Киева, в своем тереме. Давно уже Владимир не видался с нею, и она горевала, что он позабыл ее для других. Раз, возвращаясь

с охоты, он случайно заехал к ней. Задумала она из ревности убить его. Когда он уснул, она взяла нож и хотела уже поразить его; но он внезапно проснулся и успел схватить ее за руку.

– Полюбила я тебя, – сказала Рогнеда, – хоть ты убил и отца моего, и мать, и братьев; но теперь ты охладел и ко мне, и к младенцу моему.

Владимир решил сам казнить Рогнеду за преступный замысел. Он велел ей одеться в княжеское платье, как была она одета в день свадьбы, сесть на богато убранном ложе и ждать его. Вошел он с мечом, но вдруг явился маленький Изяслав и сказал: «Отец, ты не один здесь!» (Так сделать научила его мать.) Владимир не решил при сыне убить мать; он велел позвать своих бояр, рассказал им все как было и просил у них совета. Бояре посоветовали ему пощадить мать ради сына; Владимир послушался их и даже дал Изяславу с матерью Полоцкую область во владение.

Владимир был сначала очень ревностным язычником: с первых лет своего княжения стал он ставить в Киеве на видных местах, на холмах, кумиров, или идолов (т. е. изображение языческих божеств). Идол главного бога Перуна был сделан из дерева, голова серебряная, а усы золотые. Поставили также кумиры Дажьбога, Стрибога и других. Перед этими идолами совершались языческие обряды, жертвоприношения; приносили иногда в жертву даже людей.

Князь Владимир I Святославич

Вот какой случай рассказывает наш летописец. После удачного похода на ятвягов старцы и бояре сказали:

– Бросим жеребей на юношей и девиц; на кого падет он, того и принесем в жертву богам.

Жребий пал на сына одного варяга, христианина, жившего в Киеве. Посланы были люди взять обреченного на жертву отрока. Отец его стал противиться.

– Ваши боги – дерево, – говорил он, – сегодня стоят, а завтра сгниют; они не едят, не пьют; они сделаны руками людей. Есть единый истинный Бог, которого почитают греки, который сотворил землю и звезды, луну и солнце; Он сотворил и человека. Ваши же боги что сотворили? Они сами деланные! Не дам сына своего бесам!

Народ рассвирепел, толпами, с оружием в руках, ринулся на двор варяга, разметал забор. Несчастный отец стоял на крыльце своего дома и заслонял сына.

– Отдай сына твоего в жертву богам! – кричал ему народ.

– Если они боги, то пусть пошлют одного из среды своей, пусть он возьмет у меня сына моего, а вы зачем требуете?

Язычники в ярости с дикими криками бросились на жилище несчастного варяга, подрубали сени, на которых стоял отец с сыном, и оба они погибли.

Это были первые и последние мученики-христиане в Киеве (Федор и Иоанн).

Сказание об испытании вер

Видеть такие случаи и слышать такие речи приходилось Владимиру, вероятно, не раз. В Киеве жило много христиан, было немало их и в дружине. Владимир при его уме легко мог задуматься о том, где же истина, – в том ли язычестве, которому он сначала ревностно служил, или в христианстве.

Нетрудно было умному князю почувствовать высоту христианского учения сравнительно с грубым язычеством, – и стал он колебаться в своей вере. Об этом, конечно, проведдали и в соседних странах. В Киеве, как в торговом городе, сходились купцы со всех сторон; они разносили молву по своим землям обо всем, что видели и слышали. Стали пытаться соседние народы обратить Владимира в свою веру: каждому из них хотелось сделать такого сильного князя своим единоверцем. Вот как передает наш летописец сказание об этом. В 986 г. пришли из земли болгар магометане к Владимиру и сказали ему:

– Ты – князь мудрый, а истинной веры не знаешь. Прими нашу веру и поклонись Магомету.

– Какая же ваша вера? – спросил Владимир.

– Веруем мы в единого Бога, – отвечали болгары, – а Магомет заповедует нам свинины не есть, вина не пить.

Затем рассказали о рае, где люди, исполнявшие закон Магометов, будут вечно наслаждаться. Рассказ о будущей жизни пришелся Владимиру по душе, но запрет есть свинину и особенно пить вино совсем не понравился.

– Руси веселье есть питье, не можем без него быть! – сказал он.

Затем явились к Владимиру немцы, послы от папы (римского патриарха). Владимир выслушал их и отпустил ни с чем.

– Отцы наши не принимали вашего закона, – сухо сказал он им.

Приходили и евреи из земли Хазарской.

– Слышали мы, – сказали они, – что были у тебя послы от магометан и христиан и проповедовали каждый свою веру. Христиане верят в того, кого мы распяли; мы же верим в единого Бога – Бога Авраама, Исаака и Иакова.

– В чем состоит закон ваш? – спросил Владимир.

– Свинины не есть и субботу чтить, – сказали евреи.

– Где же ваша земля? – спросил князь.

– В Иерусалиме, – отвечали они.

– Там ли? – переспросил Владимир.

– Бог разгневался на отцов наших, зазнались евреи, и рассеял нас за грехи наши по разным странам, а землю нашу отдал во власть христиан.

– Как же вы других учите, – сказал Владимир, – когда сами отвергнуты Богом и расточены по разным странам за грехи ваши? Если бы Бог любил вас и веру вашу, то не рассеял бы вас по чужим землям. Хотите ли, чтобы и с нами было то же?

Прислали к Владимиру и греки человека красноречивого и ученого (философа). Стал он говорить Владимиру о заблуждениях магометан, об ошибках западных христиан, подчиненных папе. Владимир с любопытством слушал красноречивого грека.

– Приходили ко мне евреи, – сказал он, – и говорили, что в того, кого они распяли, немцы и греки веруют, как в Бога. Правда ли это?

– Если хочешь послушать, – сказал философ, – я расскажу тебе все сначала, ради чего сошел Бог с неба на землю.

– Рад послушать, – сказал Владимир.

И начал греческий проповедник рассказывать о том, как Бог сотворил весь мир и первых людей, как блаженствовали они в раю, как нарушили заповеди и лишились рая, как люди потом погрязли в грехах и наказаны были Всемирным потопом. Рассказывал дальше проповедник об истории евреев, пребывании их в Египте, о том, как Моисей вывел их оттуда, как стали управлять евреями цари, как народ стал забывать заповеди Божий, как Бог посылал пророков, чтобы образумить заблуждающихся и предсказать рождение Спасителя.

Внимательно слушал Владимир чудный рассказ проповедника.

– Сбылось ли то, что предсказали пророки, или теперь сбудется? – спросил он.

И рассказал проповедник о рождении Христа, об учении Его, чудесах, страдании, смерти, воскресении и вознесении на небо; объяснил, ради чего пострадал Христос, какую жизнь заповедал христианам.

– Настанет день, – сказал проповедник в заключение, – когда Бог, сойдя с неба, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведным даст царство небесное, красоту неизреченную, радость без конца и жизнь вечную; грешникам – мучения бесконечные. Такие же мучения будут и тем, кто не верует в Бога нашего Иисуса Христа. В огне будут мучиться те, кто не крестится.

При этом проповедник показал Владимиру картину Страшного суда Господня, указал праведников на правой стороне, которые с радостью шли в рай, и грешников на левой стороне, идущих в муку. И рассказ проповедника, и картины сильно подействовали на князя. Вздыхнул он и сказал:

– Добро этим, что на правой стороне, и горе тем, что на левой!

– Если хочешь стоять с праведниками на правой стороне, – сказал проповедник, – то крестись.

– Подожду еще немного, – сказал Владимир после раздумий.

Хотелось ему разузнать хорошенько о всех верах. Щедро одарив красноречивого проповедника, князь с великим почетом отпустил его от себя.

Созвал после этого Владимир бояр своих и городских старцев и сказал им:

– Приходили ко мне болгары, предлагали принять их веру; потом были немцы, и те хвалили свой закон; после них пришли евреи. Наконец, приходил ко мне посол от греков. Он порицает все законы, а свой хвалит. Много говорил он о начале мира. Чудны эти рассказы; всякому любо слушать их. Сказывал, что и другой свет есть; кто вступит в греческую веру, тот, говорит, если и умрет, то снова воскреснет и не умрет уже вовеки, а кто другую веру примет – гореть тому на том свете в вечном огне. Что вы мне посоветуете? Что скажете?

– Сам знаешь, князь, – сказали бояре и старцы, – всякий свое хвалит, а не хулит. У тебя есть мужи; пошли их разведать, как служат Богу разные народы.

Совет этот понравился Владимиру; выбрал он десять лучших и смышленных мужей и послал их к болгарам, немцам, грекам разведать, как у них совершается церковная служба.

Послы эти побывали у болгар и у немцев; не понравилось им богослужение этих народов. Наконец прибыли послы в Царьград. Узнал царь, с какою целью явились они, принял их с большой честью и послал сказать патриарху, чтобы он совершил богослужение как можно торжественнее для русских, «да видят славу Бога нашего».

Повели княжеских послов в церковь. Храм сиял огнями. Блистали на иконах золотые ризы и драгоценные камни. Шла торжественная архиерейская служба. Раздавалось прекрасное пение певчих. Благовониями курились кадильницы. Русские послы были поставлены на удобном месте, так что могли видеть всю службу. Ничего подобного они никогда не видели!.. Они были поражены великолепием и торжественностью службы. На прощание их богато одарили и с большой честью проводили.

Когда вернулись они в Киев, созвал Владимир снова бояр своих и старцев и сказал:

– Вот пришли посланные нами мужи: послушаем, что скажут они.

– Ходили мы, – рассказывали послы, – к болгарам, смотрели, как они молятся в своих храмах (в мечетях): стоят они без пояса; поклонившись, сядут и глядят и туда и сюда, словно бешеные. Нет красоты в служенье их; нехорош их закон. Ходили мы и к немцам, были у них в храмах, – красоты никакой не нашли. Когда же пришли мы к грекам и когда ввели нас во храм, где служат Богу своему, мы не знали, на небе ли мы были или на земле. Нет на земле такого вида и такой красоты, и рассказать о ней мы не умеем: знаем только то, что там Бог пребывает с людьми и служба их лучше всех стран. Мы не можем забыть той красоты: всякий человек, вкусивши сладкого, не захочет после вкушать горького, так и мы не хотим здесь быть.

– Если бы худ был закон греческий, – сказали Владимиру бояре, созванные на совет, – то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрейшая из всех людей.

– Где же мы примем крещение? – спросил Владимир.

– Где тебе угодно, – отвечали бояре.

Крещение Владимира, киевлян и новгородцев

Не хотелось русскому князю просить у греков крещения, как милости, да, кроме того, у него были, видно, какие-нибудь счеты с греками. Он выступил с войском на Корсунь, богатый греческий город на Таврическом полуострове. Корсунцы затворились в городе и крепко отбивались. Владимир послал сказать им, что, если они не сдадутся, он будет хоть три года стоять под городом. Угроза эта не помогла. Князь приказал у стен города сделать земляную насыпь: с высоты удобнее было поражать стрелами и камнями осажденных. Но они прорыли под стеною подземный ход и ночью тайком унесли к себе в город землю, что насыпали русские за день. Долго бы пришлось Владимиру простоять под Корсунем, да нашелся в городе доброхот русским. Он пустил в их стан стрелу, на которой было написано князю: «За тобою, с восточной стороны находятся колодцы; от них вода идет по трубе в городу, перекопай ее и перейми воду». Владимир, узнав об этом, сказал:

– Если это сбудется и Корсунь сдастся, я крещусь.

Он велел в указанном месте перекопать водопровод; корсунцы остались без воды, и жажда заставила их сдаться. Владимир вошел с дружиною в город и послал сказать греческим императорам:

– Взял я славный ваш город; я слышал, что у вас есть сестра-девица. Если не отдадите ее за меня, то и с вашей столицей будет то же, что с Корсунем.

Опечалились императоры и послали сказать, что нет обычая у христиан выдавать родственниц своих за язычников.

– Если крестишься, – прибавили они, – то и сестру нашу получишь, а также и царство небесное, и с нами будешь единоверник.

Владимир отвечал на это царским посланцам:

– Скажите царям, что я хочу креститься; я уже прежде испытал ваш закон: любя мне ваша вера.

Затем он послал сказать императорам:

– Пусть те священники, которые придут с вашею сестрою, крестят меня.

Немало труда стоило царям уговорить сестру свою Анну выйти за русского князя.

– Иду точно в полон, – говорила она, – лучше бы здесь мне умереть.

Братья убедили ее тем, что она будет содействовать обращению всей Русской земли к истинному Богу, а Греческую землю избавит от лютой рати.

– Видишь, – прибавили они, – сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же.

Анна с большою печалью простилась с роднею своею, села на корабль с несколькими священниками и отплыла в Корсунь. Здесь она была торжественно встречена. В это время, говорит предание, у Владимира разболелись глаза; он не мог ничего видеть и сильно тужил. Царевна сказала ему:

– Если хочешь исцелиться от болезни, то крестись поскорее.

Епископ Корсунский с теми священниками, что прибыли с царвеною, крестил Владимира, и когда возложил на него руки, он вдруг прозрел. Удивился князь такому чуду и воскликнул: «Теперь только я узнал истинного Бога!»

Многие из дружины его, видя это, крестились. Затем совершено было бракосочетание.

Владимир отдал Корсунь грекам «в вено за жену свою», как говорит летописец. Затем он взял отсюда священников, мощи двух святых (Климента и Фива), церковные сосуды, иконы, кресты и вернулся в Киев. Здесь прежде всего крестил он своих сыновей и близких людей; затем велел уничтожить кумиры: некоторые изрубить, другие сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и стащить с горы в реку. В то время, когда волокли кумира,

несколько человек били его прутьями для большего поругания язычества. Многие язычники горько плакали, видя это. Идол был брошен в Днепр; до самых порогов шли по берегу по приказанию Владимира люди и смотрели, чтобы кумир не пристал где-нибудь. В то время как он, колыхаясь, плыл по течению, некоторые язычники бежали по берегу и кричали: «Выдыбай, Перуне!» (т. е. выплывай).

Многие киевляне сами с радостью крестились; были и такие, что колебались и выжидали; довольно было и ревностных язычников, которые крепко держались за старую веру. Видя это, Владимир послал по всему городу оповестить, чтобы на другой день все некрещенные шли к реке.

– Кто не придет к реке, – возвещали вестники, – богатый или бедный, работник или нищий, тот будет считаться противником князю.

Призыв этот заставил решиться и тех, кто еще раздумывал и колебался, побудил и многих закоренелых язычников страха ради исполнить приказание князя. Некоторые, по словам летописца, утешали себя мыслью, что, не будь крещение делом благим, не приняли бы его князь и бояре.

На другой день пришел Владимир с митрополитом, с корсунскими священниками на Днепр. Множество народа сошлось сюда. Все вошли в воду. Одни стояли в воде по шею, другие по грудь, малые дети стояли у берега, взрослые держали на руках младенцев. На берегу было немало крещенных раньше. Священники читали молитвы. Рад был Владимир, что познал истинного Бога и сам, и народ его. Поднял взоры он к небу и молился:

– Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новыя люди сия, и подаждь им, Господи, уведети Тебя, истиннаго Бога, яко же уведеша страны христианския; утверди и веру в них праву и несовратну.

Так рассказывает наш летописец о крещении киевлян. Свершилось это великое событие в 988 г.

Тотчас после крещения Владимир велит строить церкви на тех местах, где прежде находились кумиры. На холме, где стоял идол Перуна, воздвигли церковь во имя Св. Василия (Владимир во святом крещении назван был Василием).

Есть известие, что первый митрополит Михаил, прибывший вместе с Владимиром из Корсуни, ходил с епископами, присланными из Царьграда, и с Добрынею, дядею Владимира, на север от Киева и повсюду на пути крестил народ. Язычество держалось на севере крепче, чем на юге, и немало понадобилось труда, чтобы обратить суровых язычников в христианство.

Всполошились новгородцы, когда проведали, что Добрыня идет крестить их, – собрали вече, поклялись не пускать его в город и не давать кумиров на поругание. Когда же он пришел, новгородцы разобрали наскоро мост, ведущий через Волхов в самый город, и взялись за оружие. Попробовал Добрыня уговаривать их, – они и слушать ничего не хотели, вывезли пороки (камнеметательные машины) против дружины его. Епископ со священниками остановились на Торговой стороне. Ходили они по рынкам и улицам, учили людей сколько могли, в два дня успели окрестить несколько сот человек. На другой же стороне один из старшин новгородских, Угоняй, ездил на коне среди народа и кричал:

– Лучше умереть нам, чем дать богов наших на поругание!

Разъяренный народ кинулся на дом Добрыни, разорил, разграбил его имение, убил жену и некоторых родичей. Тогда Путята, воевода Владимира, с небольшим отрядом надежных воинов ночью тайком переправился через Волхов, немного выше города, напал на двор Угоняя, схватил его и еще нескольких главных коноводов и отправил их к Добрыне за реку. Узнал об этом народ; сбежалось несколько тысяч людей. Окружили они маленький отряд Путяты, и началась злая сеча; но на рассвете подоспел на помощь ему Добрыня с людьми своими и велел для острастки мятежникам зажечь некоторые дома на берегу. Нов-

городцы испугались и запросили пощады... Добрыня приказал уничтожить идола: деревянные сжечь, а каменные разбивать и бросать в реку. Многие язычники с воплями и слезами умоляли не трогать их богов; но Добрыня с насмешкой сказал им:

– Нечего вам жалеть о тех, которые сами не могут оборонить себя! Какой пользы вы можете ждать от них?

Он приказал всем креститься: многих удалось уговорить, и они шли по своей воле; но были и такие, которых воины тащили силою. О новгородцах сложилась поговорка, что их «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Есть известие, что сам великий князь ходил в 992 г. с епископами на юго-запад, распространял христианскую веру в земле Червенской, крестил людей, построил здесь город и назвал его по своему имени Владимиром. Если в Новгороде, в большом городе, где уже немало жило христиан, крепко держалось язычество, то в других, более глухих местах оно было еще упорнее. Много времени протекло прежде, чем Христова вера озарила всю Русь. Да и большею частью те, кто принял новую веру, сначала не понимали ее как следует. Проповедников, которые могли объяснять Св. Писание, было очень мало. Корсунские священники, прибывшие в Киев с великим князем, были греки, – им пришлось еще учиться славянскому языку. Если и были на Руси священнослужители из дунайских болгар, то, конечно, не в большом числе. Понял Владимир, что без своих духовных лиц, способных говорить доступным для народа языком, не обойтись, и приказал брать детей у лучших людей и отдавать их в книжное учение. Матери плакали о них, говорил летописец, как о мертвых, потому что еще не утвердились верою. Детей раздавали учиться по церквам священникам и церковным причетникам.

Сначала все необходимые для церкви книги шли к нам из Болгарии.

Первоучители славян – святые Кирилл и Мефодий

За сто с лишком лет до крещения Руси, почти в одно время с основанием Русского государства, совершилось великое дело в истории церкви – впервые раздалось в храмах слово Божие на славянском языке.

В городе Солуни, в Македонии, населенной по большей части славянами, жил знатный сановник-грек по имени Лев. Из семерых сыновей его двоим, Мефодию и Константину (в монашестве Кирилл), на долю выпало совершить великий подвиг на пользу славян. Младший из братьев, Константин, уже с детства поражал всех блестящими способностями и страстью к учению. Он получил хорошее домашнее воспитание, а затем в Византии закончил свое образование под руководством лучших учителей. Тут страсть в наукам развилась в нем с полной силой, и он усвоил всю доступную ему книжную мудрость... Слава, почести, богатства – всякие мирские блага ждали даровитого юношу, но он не поддавался никаким искушениям – всем соблазнам мира предпочел скромное звание священника и должность библиотекаря при церкви Св. Софии, где мог продолжать свои любимые занятия – изучать священные книги, вникать в дух их. Его глубокие знания и способности доставили ему высокое ученое звание философа.

Старший брат его, Мефодий, пошел сначала другой дорогой – поступил в военную службу и несколько лет был правителем области, населенной славянами; но мирская жизнь не удовлетворила его, и он постригся в монахи в обители на горе Олимп. Братьям не пришлось, однако, успокоиться, одному – в мирных книжных занятиях, а другому – в тихой монашеской келье. Константину не раз приходилось принимать участие в спорах по вопросам веры, защищать ее силою своего ума и знаний; затем он должен был с братом по желанию царя отправиться в землю хазар, проповедовать Христову веру и отстаивать ее против евреев и сарацин. По возвращении оттуда Мефодий крестил болгарского князя Бориса и болгар.

Кирилл и Мефодий. Икона. XVIII–XIX вв.

Вероятно, еще раньше этого задумали братья перевести для македонских славян священные и богослужебные книги на их язык, с которым могли вполне освоиться еще с детства, в родном своем городе.

Для этого Константин составил славянскую азбуку – взял все 24 греческие буквы, а так как в славянском языке звуков больше, чем в греческом, то прибавил недостающие буквы из армянского, еврейского и других азбук; некоторые же сам придумал. Всех букв в первой славянской азбуке набралось 38. Важнее изобретения азбуки был перевод главнейших священных и богослужебных книг: переводить с такого богатого словами и оборотами языка, как греческий, на язык совсем необразованных македонских славян было делом весьма трудным. Приходилось придумывать подходящие обороты, создавать новые слова, чтобы передать новые для славян понятия... Все это требовало не только основательного знания языка, но и большого таланта.

Труд перевода не был еще кончен, когда по просьбе моравского князя Ростислава Константин и Мефодий должны были отправиться в Моравию. Там и в соседней Паннонии уже раньше начали распространять христианское учение латинские проповедники из Южной Германии, но дело шло очень туго, так как богослужение совершалось на латинском языке, вовсе непонятном народу. Западное духовенство, подчиненное римскому папе, держалось странного предрассудка: будто совершать богослужение можно только на еврейском языке, греческом и латинском, потому что надпись на Кресте Господнем была на этих трех языках; восточное же духовенство допускало слово Божие на всех языках. Вот почему моравский князь, заботясь об истинном просвещении своего народа Христовым учением, и обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой прислать в Моравию сведущих людей, которые учили бы народ вере на понятном языке.

Император поручил это важное дело Константину и Мефодию. Они прибыли в Моравию и ревностно принялись за труд: строили церкви, начали совершать богослужение на славянском языке, заводил и учил ища. Христианство не по виду только, а по духу стало быстро распространяться среди народа. Сильную вражду возбудило это в латинском духовенстве: клеветы, доносы, жалобы – все пошло в ход, лишь бы погубить дело славянских апостолов. Они принуждены были даже ехать в Рим – оправдываться перед самим папою. Папа внимательно исследовал дело, вполне оправдал их и благословил их труды. Константин, изнуренный работой и борьбой, не поехал уже в Моравию, постригся в монахи под именем Кирилла; он скоро скончался (14 февраля 868 г.) и погребен был в Риме.

Все думы, все заботы св. Кирилла пред смертью были о его великом деле.

– Мы, брат, – говорил он Мефодию, – тянули с тобой одну борозду, и вот я падаю, кончаю дни мои. Ты слишком любишь наш родной Олимп (монастырь), но ради него, смотри, не покидай нашего служения – им ты скорей можешь спастись.

Папа возвел Мефодия в сан епископа Моравии; но там в эту пору начались тяжелые смуты и усобицы. Князь Ростислав был изгнан своим племянником Святополком.

Кириллический алфавит. XI в.

Латинское духовенство напрягло все силы против Мефодия; но несмотря на все – на клеветы, обиды и гонения, – он продолжал свое святое дело, просвещал Христовой верой славян на понятном им языке и книжным учением.

Около 871 г. он крестил Боривоя, князя Чехии, утвердил и здесь славянское богослужение.

Скончался св. Мефодий 6 апреля 885 г.

По смерти его латинскому духовенству удалось-таки вытеснить славянское богослужение из Чехии и Моравии. Ученики святых Кирилла и Мефодия были изгнаны отсюда, бежали в Болгарию и тут продолжали святой подвиг первоучителей славян – переводили с греческого языка церковные и поучительные книги, творения «отцов церкви»... Книжное богатство все росло и росло и как великое наследие досталось нашим предкам.

Церковнославянская письменность особенно процветала в Болгарии при царе Симеоне, в начале X в.: было переведено множество книг, не только необходимых для богослужения, но и сочинений разных церковных писателей и проповедников.

Сначала готовые церковные книги шли к нам из Болгарии, а потом, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переписываться и у нас, а затем и переводиться. Таким образом, с христианством вместе явилась на Руси и грамотность.

Владимир–христианин

Владимир, по словам летописца, совсем переменялся после крещения. Из князя жестокосердного и разгульного он стал кротким, человеколюбивым и умеренным: он не хотел даже казнить смертью разбойников; сами епископы стали убеждать его строже карать преступников.

Владимир высказывал большую охоту строить церкви и украшать их; пожелал он построить во имя Богоматери храм в Киеве, подобный Корсунскому. Семь лет трудились греческие мастера над постройкой церкви; соорудили ее на том месте, где пролита была кровь христиан-варягов. Владимир отдал в эту церковь все, что привез из Корсуни: иконы, сосуды, кресты и определил на содержание ее десятую часть доходов от всего имения и городов своих, потому и назвали ее Десятинной церковью.

Склонность к войне у него после принятия христианства видимо ослабела: больших походов на соседей он уже не предпринимал; только с печенегами приходилось вести беспрерывную борьбу. Владимир еще в начале своего княжения построил много городов по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне для обороны своей земли со стороны степей. Но все-таки орды печенегов, кочевавших в привольных южных степях, то и дело врываются в Русскую землю и беспощадно опустошали ее.

Вот что говорит предание об одной войне с печенегами. Русские встретились с ними на реке Трубеже. Наши стояли по одну сторону реки, печенеги – по другую; ни те ни другие не решались перейти реку. Тогда подъехал к берегу печенежский князь и предложил Владимиру кончить дело единоборством.

– Выставим – ты своего воина, а я своего, пусть сразятся, – сказал он. – Если твой одолеет моего, то мы не будем воевать три года; если же мой победит, то мы будем три года опустошать твою землю.

Послал Владимир бирючей (вестников) по войску клич кликать: «Нет ли охотника на поединок с печенегом?» Никто не отозвался. Закручинился князь...

Но вот приходит к нему один старый воин и говорит:

– Князь, вышел я на войну с четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшей сын дома. С самого детства никто не мог его одолеть. Раз я забранил его – а мял он в ту пору воловью кожу, – осерчал он на меня и в досаде разорвал кожу руками.

Обрадовался князь, услышав о таком силаче, послал за ним и рассказал ему, в чем дело.

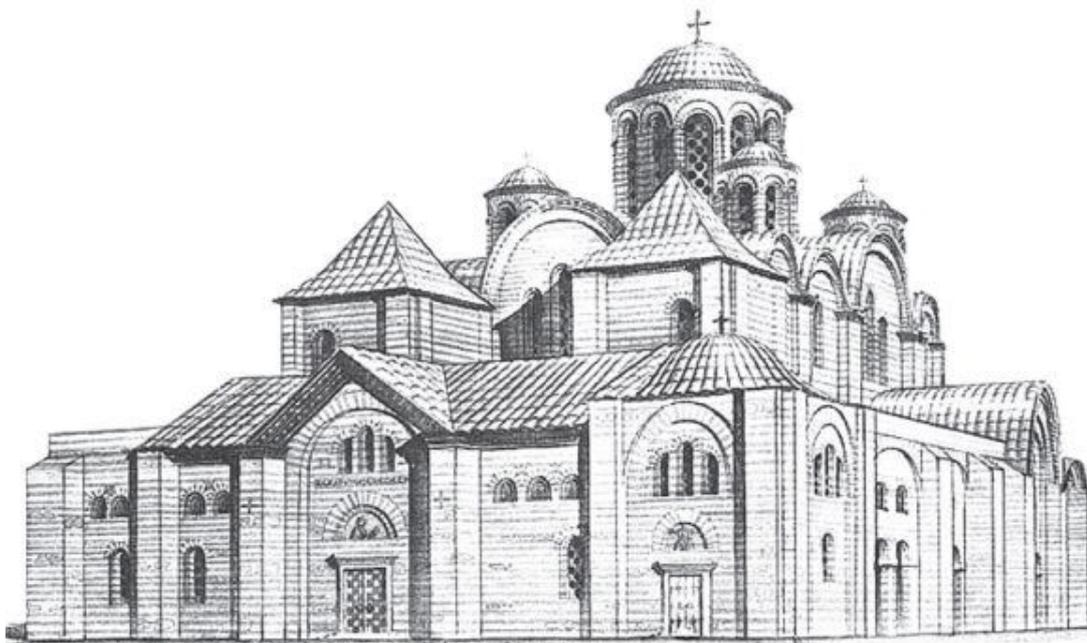
– Не знаю, – сказал тот, – смогу ли... Пусть сперва испытают мою силу. Нет ли большого и сильного быка?

Привели огромного быка. Разъярили раскаленным железом, и расвирепевшее животное помчалось в бешенстве мимо силача; тот изловчился, ухватил быка за бок и вырвал у него куски мяса с кожей, сколько захватила рука.

– Ты можешь бороться с печенегом, – сказал Владимир.

На другой день произошло единоборство. Выступили оба борца друг против друга. Печенежский богатырь был громадного роста и страшен на вид. Вышел и русский боец. Печенег-великан, увидев его, стал смеяться над его небольшим ростом. Размерили место между обоими войсками.

Началась борьба. Крепко обхватили бойцы друг друга; русский силач задавил печенега руками и ударил его мертвого оземь. Радостный крик вырвался у русских, а печенеги бежали. Русские гнались за ними, рубили их и далеко загнали их в степи. Рад был Владимир победе и тут же на месте борьбы, по преданию, заложил город и назвал его Переяславль. (Назван так город, объясняет летописец, потому, что русский боец переял славу у печенежского витязя.)

Десятинная церковь – один из главных христианских храмов Киева

Три года спустя печенеги снова напали на Русскую землю. Владимир не успел собрать много ратной силы, вышел с небольшим отрядом. Враги одолели, князь едва спасся от плена. Через два года после этого степные хищники сделали новый набег. Эти беспрестанные нападения заставили Владимира подумать об укреплении границ со стороны степей, с юга и востока. Он велел строить новые города по южным окраинам Русской земли.

Много пришлось потрудиться княжеской дружине, отражая врагов. Любил Владимир своих дружинников, всегда советовался с ними о военных делах и о мирных.

Был он щедр: ничего не жалел для них, тешил их часто веселыми пирами; не забывал при этом и меньшую братию. Слова Евангелия: «Блажен милостивии, яко тии помилованиии будут» и «Продайте имения ваши и дадите нищим» – глубоко запали ему в сердце. Приказывал он всякому нищему, всякому убогому приходить на княжий двор и брать все нужное из княжеских запасов: питье, пищу; раздавались и куны (деньги). Мало того. «Немощные и больные не могут дойти до двора моего», – сказал он и велел возить по городу на телегах хлеб, мясо, рыбу, разные овощи, бочки с медом и квасом. Княжьи люди останавливались у дворов и спрашивали: «Где здесь больные и нищие, что ходить не могут?» – и щедро оделяли их всем нужным. Кроме больших праздников, каждую неделю по воскресным дням устраивались в княжеской гриднице пиры: бояре, все дружинники, старшие и младшие, и лучшие люди из горожан собирались сюда и пировали при князе и без него.

Усобицы по смерти Владимира

Владимир умер в 1015 г. Святополк, сын Ярополка, усыновленный Владимиром, узнав о его смерти, поспешил в Киев с дружиной из своего удела, Турова, и как старший в роде сел на великокняжеский престол. Но этого было ему мало, хотел он забрать всю Русскую землю в свои руки и замыслил страшное дело: истребить всех сыновей Владимира святого и завладеть их уделами.

Борис с киевскою ратью в это время возвращался с похода на печенегов. Его дружинники советовали ему овладеть Киевом и сделаться великим князем, но благочестивый князь и думать боялся поднять руку на старшего брата и даже распустил свою рать и остался с небольшой дружиной. Убийцы, подсланные Святополком, ночью подкрались к шатру Бориса, на реке Альте, и в то время, когда он молился, поразили его и несколько отроков (младших дружинников). У Смоленска убийцы настигли Глеба, погиб и он мученическою смертью. Борис и Глеб, любимые сыновья Владимира, отличались необычайной кротостью, добротой и христианским благочестием. Церковь наша признала их святыми. (Память их чтится 2 мая.)

Был убит затем и Святослав Древлянский. Святополк, чтобы расположить к себе киевлян, стал очень щедро раздавать многим из них подарки: кому дарил корзна (плащи), кому куны (деньги), и роздал их многое множество.

Ярослав Новгородский еще ничего не знал ни о смерти отца, ни о том, что творится в Киеве. Незадолго пред тем собрал он в Новгороде много варяжских наемных воинов. Они бесчинствовали в городе, творили разные насилия народу и так озлобили новгородцев, что те восстали и избили их. Ярослав жестоко отомстил мятежникам – зазвал к себе под видом совещания знатнейших людей новгородских и велел их умертвить. После той кровавой расправы вдруг ночью получает он страшную весть из Киева от своей сестры:

– Отец умер, Святополк в Киеве. Он убил Бориса, послал убийц на Глеба, – берегись и ты.

Ужаснулся Ярослав: беда велика, а помощи ждать неоткуда! Созвал он на другой день вече и сказал новгородцам:

– Отец мой умер; Святополк утвердился в Киеве и губит братьев.

Новгородцы порешили помочь своему князю, несмотря на зло, какое он причинил им. И деньги, и войско готовы были дать ему, лишь бы не подчиняться киевскому князю, не платить ему тяжкой дани и не принимать к себе его посадника. Подобно отцу, воспользовался Ярослав в борьбе с братом услугами норманнских, или варяжских, воинов. Бродячие дружины варягов, привыкших с юных лет к военному делу, охотно нанимались на службу: война была для них промыслом. Испытанные бойцы, закаленные в битвах, хорошо вооруженные, они ценились высоко и получали хорошую плату.

Собрал Ярослав варяжскую дружину числом около тысячи человек да прочего войска около сорока тысяч и пошел на Святополка; тот призвал на помощь печенегов. Сошлись обе рати на Днепре, у Любеча; одна стала по эту сторону реки, другая – по ту. Ни те ни другие долго не решались переправиться и начать битву. Первые напали новгородцы. Один из воевод Святополка побудил их к этому – он разъезжал на коне по берегу взад и вперед и подзадоривал их.

– Чего вы, плотники, – кричал он, – пришли сюда с хромым князем вашим? (Ярослав был хром.) Вот погодите, мы вас заставим рубить себе хоромы!

Обозлились новгородцы.

– Завтра же переправимся и ударим на них, – решили они.

Святополк всю ночь беспечно пировал с дружиной. До рассвета тайком переехали новгородцы через Днепр, высадились на берег, а лодки оттолкнули, чтобы и не думать о бегстве...

Святополк и его войско бились храбро; но печенеги, стоявшие за озером, не успели вовремя ему помочь: новгородская рать оттеснила войско его на озеро. Тогда начались уже морозы, и озеро покрылось льдом; но он был еще тонок, не выдержал толпы людей, подломился – и множество воинов Святополка утонуло. Он бежал в Польшу, а Ярослав занял Киев.

Но Святополку помог его тесть, польский король, и Ярославу пришлось опять уйти в Новгород. Когда поляки ушли из Киевской области, Ярослав снова напал на своего противника. Упорная битва завязалась на берегах реки Альты, где был убит Борис. С восхода солнца до вечера шла злая сеча. Три раза загоралась рукопашная схватка, кровь лилась ручьями по земле. К вечеру Ярослав одолел.

Святополк бежал. Он, по словам летописца, впал в тяжкую болезнь и так ослабел, что не мог даже сидеть – несли его на носилках; укоры совести и страх обуревали его...

– Бежим, бежим, – беспрестанно вскрикивал он, – гонятся за нами!

Скоро Святополк умер в тяжких мучениях. Летописец сравнивает этого князя-братоубийцу с Каином, называет «Окаянным».

Пришлось Ярославу вести борьбу и с племянником своим Брячиславом Изяславичем, князем полоцким, который напал на Новгород, и с братом Мстиславом, который княжил в Тмутаракани (у Азовского моря).

Мстислав страха не знал и обладал богатырской силой. Вот что рассказывает летописец о нем. Пошел он раз на косогов, кавказское воинственное племя. Князь косожский Редедя – навстречу. Когда сошлись обе рати, Редедя сказал Мстиславу:

– Чем губить нам свои дружины, лучше покончим дело единоборством. Одолеешь ты – возьмешь мое имение, жену, детей моих и землю, а одолею я – возьму я у тебя все твое.

Б. А. Чориков. «Бегство Святополка». XIX в.

Редедя был богатырь громадного роста и необычайной силы и надеялся на себя. Мстислав принял вызов; решено было бороться без оружия.

Крепко схватились лихие борцы. Долго длилась борьба, оба были почти равной силы. Наконец Мстислав стал изнемогать и начал молиться:

– Пречистая Богородица, помоги мне! Если одолею, построю церковь во имя Твое.

Напряг он все свои силы, сломил Редедю и ударил его оземь; затем вынул нож и зарезал его.

С этим-то князем-богатырем пришлось бороться Ярославу: Мстислав не довольствовался одною Тмутараканскою областью, требовал от брата еще земель. Дошло дело до войны. Мстислав одолел, и Ярослав уступил ему все земли к востоку от Днепра.

В 1036 г. Мстислав умер; тогда вся Русская земля соединилась в руках Ярослава.

Княжение Ярослава

Хотя Ярослав не охотник был до войны, но без нее дело не обошлось, – печенеги продолжали свои опустошительные набеги. Ярославу удалось наконец нанести им сильное поражение под самым Киевом. Ходил он и на север – на чудь, и на запад – на ятвягов, и на литву, – вернул от Польши червенские города (Галицию), захваченные раньше королем Болеславом.

При Ярославе в последний раз предпринимали русские поход на Византию. Со времени крещения сношения с греками были дружелюбны, но в 1043 г. в Константинополе случилась ссора из-за чего-то между греческими и русскими купцами. Дело кончилось тем, что один из знатных русских гостей (купцов) был убит. Отсюда возникло недовольство между обоими правительствами и привело к войне. Огромную русскую рать и наемных варягов повел на Византию старший сын Ярослава, Владимир; но поход кончился неудачно: русские ладьи были истреблены частью греческим огнем, частью бурей.

Чтобы укрепить сильные границы своего государства, Ярослав построил несколько новых городов: на севере, в земле финского племени, неподалеку от озера Чудского, основан был город Юрьев (христианское имя Ярослава было Юрий); на Волге – Ярославль; по южной границе, на реке Роси, было тоже построено несколько городов. Киев обведен хорошо каменной стеною. Главные городские ворота названы были Золотыми.

Ярослав очень любил строиться; он украсил Киев новыми церквями. Особенным великолепием поражал современников Софийский собор. Заложен был он в память победы, одержанной над печенегами, на месте самой битвы. Здание сооружалось греческими мастерами. Князь не жалел издержки: храм был украшен роскошной мозаикой (мусией, как говорили в старину), стены были расписаны живописью; иконы византийского письма блистали в богатых серебряных и золотых ризах.

Стенная живопись (фрески), над которою трудились греческие живописцы, уцелевшая местами и до сих пор, представляет много любопытного. Тут находим изображения охоты, всадников, стрелков, князя в торжественной одежде, оруженосцев, даже музыкантов, плясунов и скоморохов.

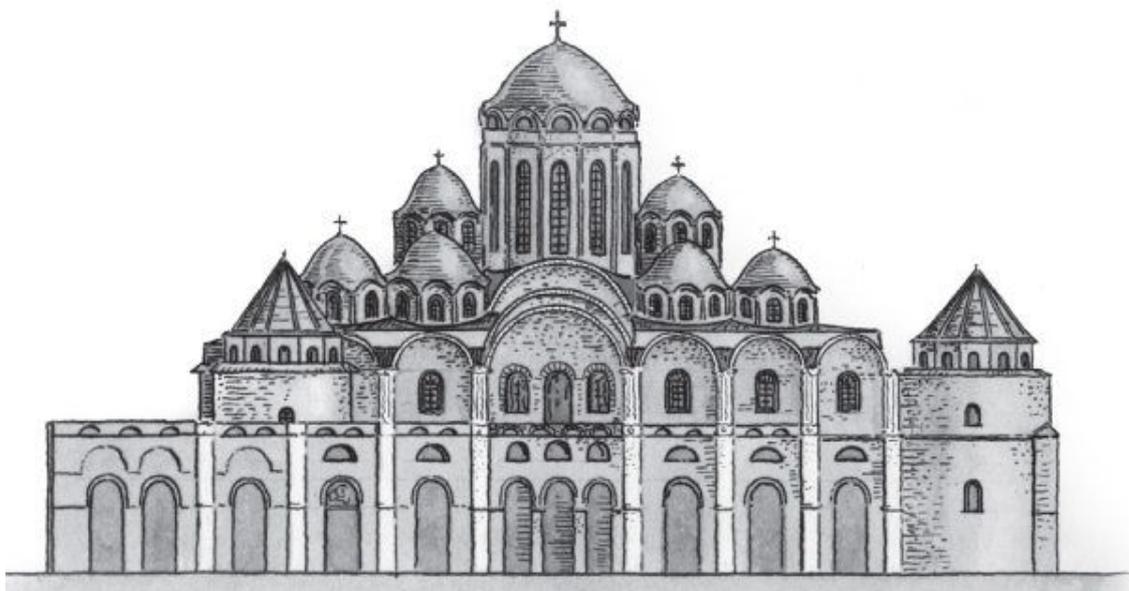
Небольшие искусники были тогда греческие живописцы, но рисунки их любопытны для нас особенно тем, что представляют картины из русской жизни и дают понятие об одежде и некоторых обычаях XI в.

Ярослав построил также монастырь Св. Георгия в честь своего ангела, монастырь Св. Ирины, возобновил Десятинную церковь, построенную при Владимире святом. Главные храмы Киева строились большей частью в подражание царьградским и носили их имена (Св. Софии, Св. Ирины). Много церквей сооружалось так же, как и в Царь-граде, в честь Богородицы. По примеру Киева возникали и в других главных русских городах соборные храмы, или софийские, или богородичные (Рождественские и Успенские). В Новгороде сын Ярослава Владимир заложил новый Софийский собор в 1045 г.

С постройкой храмов появляется на Руси не только зодчество, но и живопись.

Мало-помалу русские должны были перенимать эти искусства у приезжих греческих мастеров, которых призывал князь, не жалея издержек на украшение храмов и благолепие церковной службы. Из Греции были вызваны в Киев и певчие, у которых русские переняли церковные напевы и научились согласному пению.

По примеру византийских императоров Ярослав, а раньше и Владимир святой давали известную часть из княжеских доходов на содержание храмов и их причта, наделяли их землями и разными угодьями. Кроме того, епископы занимались судопроизводством (по церковным и семейным делам), и судебные пошлины шли в пользу их церквей.

Софийский собор. Реконструкция вида здания в XII в.

Много строилось новых церквей – много нужно было и грамотных людей для церковного притча; нужны были и книги богослужебные. Ярослав ревностно заботился о просвещении: в Новгороде по его приказу было устроено училище на 300 мальчиков, сыновей священников и старост. Он любил церковное дело, духовенство, монахов, а священные книги читал не только днем, но и ночью и много собрал их; поручал иногда переводить их прямо с греческого языка или переписывать болгарские переводы.

Под его покровительством начали распространяться на Руси монастыри. Среди иноков были грамотные люди, которые принялись за переписку книг и помогали распространению христианского просвещения на Руси.

Летописец высоко ценит заслуги Ярослава и говорит:

– Как один вспашет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, – так Владимир вспахал и умягчил землю, т. е. просветил ее крещением, Ярослав насеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение.

Русская Правда

Вместе с христианством из Византии перенесены были в Русскую землю все церковные порядки и законы. Свод церковных законов, «Номоканон», перешел к нам, вероятно, в болгарском переводе, под названием «Кормчая книга».

Задумал Ярослав установить и в мирских делах лучший порядок суда и расправы. По его приказу, по словам летописи, были записаны судебные обычаи и явился первый сборник законов – Русская Правда.

В первобытные времена люди руководствуются во всех своих действиях только природными побуждениями, чувствами. Убьет кто-нибудь человека – близкие родичи убитого, естественно из чувства мести, стараются убить убийцу. Побьют кого – побитый чувствует злобу и желает выместить свою обиду на обидчике. Украдут ли у кого вещь какую-нибудь, потерпевший от кражи, понятно, будет стараться отыскать вора, отобрать у него свою вещь и вдобавок причинить как можно больше зла ему, чтобы отвести его от воровства. Так и в других случаях в первобытное время люди творили суд и расправу, следуя только природному чувству. С течением времени все это входило в привычку. Видели люди, как творили отцы их и деды в разных случаях, и сами поступают точно так же, руководясь уже не только своим чувством и соображением, но и примером предков. Таким образом известные действия при суде и расправе входят в привычку целого племени, становятся «обычаем».

В течение веков родовые старшины свято хранят старые обычаи, и многие поколения довольствуются ими. Но со временем судебных обычаев накапливается слишком много, а если племя сталкивается с другими народами, то от них заходят и новые обычаи, иной раз непохожие на прежние, происходит путаница; тогда является надобность привести их в порядок, записать точно и ясно, чтобы можно было судьям руководиться ими. Записанные обычаи, которые делаются обязательными правилами для всех и поддерживаются правительством, становятся законами.

Русская Правда представляет у нас первое собрание обычаев. Здесь говорится о мести за убийство, о наказании за побои и оскорбления, за кражу. 1. За смерть мужа мстит брат, или сын, или отец, или двоюродные братья, или племянники. Если не будет мстителя, убийца должен уплатить 40 гривен. 2. За удар палкою, жердью, мечом виновный платит 12 гривен; за отсечение руки 40 гривен; за вырывание уса или бороды 12 гривен; за обнажение меча 1 гривну. 3. За увод челядница и коня 3 гривны и проч.

За убийство дружинника или тиуна (слуга князя) положена пеня, вира двойная, то есть 80 гривен. Вира шла князю. Если же виновный не мог уплатить, то он лишался всего имущества и дом его предавался разграблению. Если преступник скрывался, то виру платила вервь (округ), где было совершено убийство.

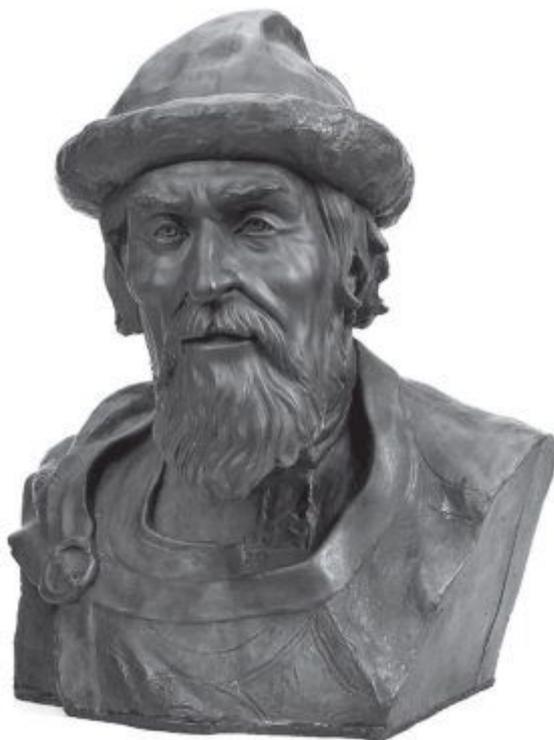
Воровство считалось также тяжким преступлением. Хозяин имел право даже убить «как пса» пойманного вора в том случае, если он сопротивлялся и не позволял себя связать. Итак, мы видим, что родичам убитого предоставлялось самим отыскивать убийцу и чинить над ним суд и расправу, а хозяин мог распорядиться, как хотел, с вором.

Понятно, что при таком самоуправстве творилось немало неправды и насилий, но следует помнить, что это было с лишком за восемь столетий до нашего времени, когда государственная жизнь только еще начиналась. Незадолго до Ярослава русские жили родами, которые вели между собою борьбу. Случится обида или убийство, у кого было искать управы? Родичи убитого считали своим священным долгом отомстить убийце; позор ожидал того, кто не выполнял этой обязанности. Привыкли предки наши из поколения в поколение так поступать, и родовая месть вошла в обычай, а обычай этот попал и в Русскую Правду.

Сверх наказаний за преступления в Русской Правде находим постановления о наследстве. Все сыновья по закону получали поровну; сестра при братьях не получала ничего, но они обязаны были выдать ее замуж; жена умершего, если оставалась жить с детьми, имела право на часть наследства. Так поступали, если не было завещания, но умирающий мог иначе распределить свое достояние между наследниками.

Любопытно постановление о холопах (челядинцах, рабах). Не только пленные обращались в рабов или «обельных» (полных) холопов, но становились ими также и свободные люди; если женились на рабынях, не заключив предварительно условия с их господином, – также если поступали в слуги или тиуны к другому лицу без всякого договора; обращались в холопов и несостоятельные должники. Господин имел полную власть не только продать своего раба, но даже и убить его.

Суд творил сам князь, а там, где князя не было, – наместник. Местом разбирательства был княжий двор. Обиженный должен был представить свидетелей (видоков и послухов); но можно было обойтись и без них, если были ясные доказательства обиды, например знаки побоев, увечья.

Ярослав Мудрый

Исследовать и разбирать преступления в XI в. предки наши не умели: если трудно было решить, виноват или нет обвиняемый, он же сам не сознавался, а дело было важное, тогда прибегали, как и раньше, в языческие времена, к «испытанию водой и железом»: верили, что сам Бог покажет, прав или виновен подсудимый. Заставляли его опускать руку в кипяток или подержать несколько времени раскаленное железо в руке. Если оказывались после этого на руке сильные ожоги и язвы, то обвиняемого считали виновным. К сожалению, до нас не дошло подробных известий, как совершалось испытание водой и железом у наших предков: вероятно, подобным же образом, как у родственных племен. В Чехии, например, подсудимый должен был, пока произносил слова присяги, продержать два пальца на раскаленном

железе или простоять на нем. У сербов обвиненный должен был опускать руку в раскаленный котел или брать из огня раскаленное железо.

Прибегали к подобным испытаниям, конечно, только в тех случаях, когда уверенность в преступности подсудимого была очень уж сильна, но он не сознавался, а ясных улик не было. Притом, конечно, немногие из подсудимых отваживались на испытание, если признавали за собой вину, и потому надо думать, что дикий обычай «испытания водой и железом» применялся очень редко.

Когда происходила тяжба между двумя сторонами и никак не могли рассудить тяжущихся, то предоставлялось им судиться судом Божиим – «полем», то есть выйти на поединок. Кто побеждал, тот и считался правым.

В девятом столетии и у других западных народов судопроизводство было не лучше; только в Италии и Византии, где образованность стояла выше, оно велось правильнее.

Издание Русской Правды было великим делом. Настоящее правосудие только тогда и может быть, когда есть твердые и определенные законы, которые высшая власть берет под свою охрану. Современники Ярослава понимали, какую услугу народу он оказал своим законодательством, и называли его Правосудом и Мудрым!

А. Д. Кившенко. «Чтение народу Русской Правды». 1888 г.

Сношения с иноземцами

С принятием христианства сношения русских с греками, а затем с другими европейскими народами усилились. Из Византии шли в Русскую землю церковные обычаи, разные искусства, образование; отсюда же потом стали проникать к нам и новые порядки государственные. Когда грубый, первобытный народ входит в сношения с народами образованными, прежде всего заимствует то, что больше бросается в глаза, – внешнюю обстановку. Строились у русских, как сказано уже, великолепные храмы наподобие византийских, украшались иконами, живописью, золотом и серебром. Князь стал жить роскошнее, чем прежде: жилище его стало отличаться большим великолепием, чем раньше; одежду князя в торжественных случаях стали носить богатую, златотканую, подобно византийским царям, на голову надевали золотые венцы или короны.

Русские в это время вошли в постоянные сношения не только с Византией, но и с Западной Европой. Ярослав даже породнился с несколькими иноземными государями: одну дочь свою выдал он за принца норвежского, другую – за французского короля (Генриха I), третью – за венгерского короля; сыновей своих тоже поженил на иностранных принцессах.

Киев благодаря постройке новых храмов, городских стен и каменных домов изменился к лучшему. Иноземцы, видевшие его в это время, очень хвалят не только красоту местоположения, но и самый город. Видно, в те годы русская столица не уступала уже западноевропейским городам, да и русский народ по нравам и понятиям не стоял тогда ниже своих западных соседей.

В Киев съезжалось много торговцев со всех сторон: тут встречались венгры, немцы, скандинавы, восточные купцы; немало было и евреев. Целые части города заселялись иноземными купцами. На Днепре у Киева стояло множество купеческих судов. В городе было восемь рынков, и торговля шла бойко. Хотя еще держалась меновая торговля и русские менялись на меха куньи, лисьи, беличьи (слово «куньи» означало «деньги»), но были уже и металлические деньги.

В это время часто упоминаются гривны. Так назывались сначала ожерелья, а потом они стали употребляться как деньги. Серебряная гривна весила около фунта. При Ярославе и даже при Владимире явились на Руси свои серебряные и золотые монеты. Греческих мастеров в Киеве было довольно – они могли чеканить монету для русских по образцу греческой. При раскопке древних могил найдены серебряные и золотые монеты с именами Ярослава и Владимира.

Золотые и серебряные монеты Владимира и Ярослава

Время удельных смут и усобиц

Усобицы при сыновьях Ярослава

Перед смертью Ярослав призвал своих сыновей и, по словам летописи, сказал им:

– Отхожу я уже из этого света, дети мои! Да будет между вами любовь: вы – родные братья, дети одного отца и одной матери. Если будете жить в любви и согласии между собою, то Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших; если же будете жить в ненависти и распрях, то и сами погибнете, и погубите землю отцов ваших и дедов, которую приобрели они с большим трудом. Живите мирно, слушайте брат брата. Назначаю Киев старшему сыну моему и брату вашему Изяславу. Слушайте его, как слушали меня; пусть он будет вам вместо отца. Святославу даю Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Игорю – Владимир (Волынский), Вячеславу – Смоленск.

Разделив таким образом землю Русскую между своими сыновьями, Ярослав заповедал им не трогать чужих областей и затем сказал Изяславу:

– Если кто захочет обидеть брата своего, то ты помогай правому.

Умер Ярослав в 1054 г. 76 лет от роду. Тело его положили в мраморную гробницу в Софийском соборе.

Ярослав следовал примеру отца и деда и поделил Русскую землю на уделы, да, без сомнения, он и не мог бы иначе поступить. Раздела земли требовал обычай: по понятиям того времени, вся земля была достоянием целого княжеского рода, и каждый родич должен был владеть какой-нибудь областью.

Понятия о государстве и необходимости для него одной сильной власти тогда еще не было. Вот почему удельный порядок долго держался на Руси. Много бед и горя принес он русскому народу!

Лет десять сыновья Ярослава княжили мирно в своих уделах, не ссорились между собою; с общего согласия они дополняли Русскую Правду и отменили кровавую родовую месть; взамен ее установили платить виру, то есть пеню.

В 1061 г. нападают на русские области половцы, сменившие печенегов в степях на южных и восточных окраинах Русской земли. Это были такие же хищники, как и печенеги: грабеж и убийство служили для них, по словам летописца, воинской потехой, шатры – жилищем, а лошадиное молоко, сырое мясо, кровь животных, а иногда и падаль – пищей. Половцы с того времени, как стали кочевать в степях у реки Дона, не давали покою русским: весною или ранним летом, когда был для лошадей подножный корм, эти хищники на своих степных конях ордами врывались в русские пределы, беспощадно опустошали землю и целыми тысячами угоняли к себе в рабство захваченных пленных...

Через три года после первого набега половцев начинаются усобицы и между русскими князьями.

Ярослав наделил своих сыновей областями, но ничего не дал внуку своему Ростиславу Владимировичу. Недовольный этим князь с отрядом удальцов, набранных в Новгороде, напал внезапно на Тмутараканскую область (у Азовского моря) и выгнал отсюда своего двоюродного брата. Через два года Ростислава не стало. Тогда начинаются усобицы на севере. Всеслав, князь Полоцкий, хотел увеличить свой удел, напал на Новгород, захватил в плен многих жителей, ограбил Софийский собор. Изяслав с братьями пошел против Всеслава, разбил его и зазвал к себе в шатер будто для переговоров. Он поверил клятве

Ярославичей, что ему ничего худого не сделают, явился к великому князю, а тот велел своим воинам схватить его. Обманутого Всеслава вместе с двумя его сыновьями отвезли в Киев и посадили в темницу.

Из вероломства этого ничего путного не вышло – мир не водворился на Руси. И году не прошло, как снова нахлынули половцы. Вышли Ярославичи против них с небольшими силами, но так были разбиты, что пришлось спасаться бегством. Хищные степняки рассеялись по южным русским областям, разоряли их и творили всякие насилия... Собрались киевляне на вече и потребовали у Изяслава, чтобы он вел их биться с половцами. Князь колебался и не знал, что делать. Тогда народ в Киеве восстал, выпустил из темницы Всеслава, провозгласил его своим князем, разграбил княжий двор, расхитил множество золота, серебра, куньих и беличьих мехов. Изяслав бежал в Польшу. С помощью поляков он снова водворился в Киеве, но ненадолго. Братья его, Святослав и Всеволод, выгнали его из Киева, – великим князем сделался Святослав.

Напрасно искал Изяслав помощи у иноземных государей: у императора германского (Генриха IV), у папы. Император прислал послов к Святославу, чтобы убедить его вернуть брату захваченный киевский престол. Великий князь принял послов радушно, показывал им свои богатства и щедро одарил: уехали они от него очень довольные, но того, за чем приезжали, не добились.

Вооружение половца

Не помогли и увещания духовенства – Святослав не мирился со старшим братом и продолжал княжить в Киеве. Только после смерти его (1076) Изяслав, примирившись с Всеволодом, вернулся в Киев, но и тогда усобица не стихла: пришлось им обоим вместе вести упорную борьбу с племянником Олегом Святославичем. Это был князь очень воинственный; он хотел во что бы то ни стало завладеть Черниговской областью, где княжил раньше его отец и которую занял по смерти Святослава Всеволод. Олег призвал на помощь половцев, а те рады были случаю пограбить и сильно опустошили Черниговскую область. Изяслав и Всеволод выступили против них. Произошла кровопролитная битва близ Чернигова (при

селе Нежatina Нива). Олег был разбит и едва успел спастись с небольшою дружиною в Тмутаракань, но в бою пал и сам великий князь Изяслав (1078).

Тогда занял Киевскую область брат его – Всеволод Ярославич. Это был князь набожный, добродушный и большой книголюб. Трудно было ему в то тревожное время: племянники его добивались областей, то и дело спорили между собой, приходилось их мирить, разбирать да унимать, а тут еще кочевники (торки и половцы) постоянно беспокоили с юга Русскую землю. Не справился бы со всеми делами своими Всеволод, да был и у него хороший помощник – сын Владимир. Это был князь очень деятельный; много ему пришлось потрудиться при отце: то он усмирял непокорных князей, то поражал хищных половцев.

Под старость немощный Всеволод слишком уж стал доверяться своим наместникам и тиунам (должностные люди при князе). Много зла творили они: стали на суде мирволить богатым, брать взятки и творить всякие насилия бедным. Киевляне все это сносили – надеялись, что после смерти престарелого князя станет княжить в Киеве всеми любимый сын его Владимир Мономах, названный так потому, что его мать была дочь византийского императора Константина Мономаха.

Усобицы при внуках Ярослава

Умер Всеволод в 1093 г. Киевляне хотели, чтобы княжил у них Владимир, но он рассудил, что несправедливо будет ему занять Киев помимо Святополка Изяславича, старшего двоюродного брата: заботился Владимир больше всего о том, чтобы мир был на Руси, и послал звать Святополка на великое княжение, а сам вернулся в Чернигов.

Владимир, как видно, хотел соблюдать порядок старшинства. Русская земля, по понятиям того времени, принадлежала всему княжескому роду. Делилась она на уделы по числу членов княжеского рода. Старший брат, великий князь, занимал главный город – Киев с его областью, а младшие братья размещались в других уделах по старшинству. Когда умирал великий князь, то не сын, а старший за ним брат занимал Киев и становился великим князем; оставленный же им удел переходил в руки следующего за ним по старшинству брата и т. д. По смерти великого князя должно было совершаться перемещение всех удельных князей. При этом надо заметить, что сыновья тех князей, которые умирали, не достигнув великокняжеского престола, навсегда лишались права на него и даже исключались из княжеского рода. Такие князья назывались изгоями. Если и получали они небольшие уделы, то как бы из милости старших князей. Великие князья иной раз сильно хлопотали о том, чтобы своих сыновей пристроить на хорошие уделы, и при дележе земли поступали не всегда справедливо. Распоряжениям же старших князей иногда не повиновались младшие.

Если родные братья Ярославичи ссорились между собою, то еще труднее было ужиться в мире двоюродным и троюродным братьям. Могли ли удельные князья чтить великого князя «как отца», когда князь этот, хотя и старший в роде, мог быть и несправедлив, и менее других князей опытен, и менее способен? Кроме того, при общем передвижении не все князья охотно оставляли прежние свои области; в иных городах и народ не хотел тех князей, каким приходилось по очереди занимать эти города, восставал против них и призывал других. Понятно, сколько смуты и неурядицы поднималось на Руси в удельное время: споры, раздоры, усобицы шли без конца... Пользуясь этим, чуть не каждый год вторгались в Русскую землю орды половцев и других врагов, которым иной раз сами же русские князья показывали путь в свою землю. Тяжело жилось в это время русскому народу!

Только что Святополк занял великокняжеский стол, как началась война с половцами. Не послушался он опытных своих воевод и Владимира, которые советовали ему снарядить побольше войска, выступил в поход с незначительными силами и был разбит. Русским пришлось спасаться бегством. Рассеялись шайки хищников по Русской земле, и начался грабеж...

Запустили города и села. Целыми толпами угоняли половцы пленных к себе в степи. Шли несчастные в плен, по словам летописца, скорбные, дрожащие от холода, голодные, томимые жаждою, исхудалые, нагие и босые; ноги их были истерзаны тернием. Со слезами они рассказывали друг другу, откуда кто из них, из какого города, из какой деревни...

Попытался опять Святополк сразиться с хищниками, но снова был разбит и принужден был заключить в 1094 г. мир с ними, даже женился на дочери Тугорхана, одного из сильнейших половецких ханов, думая хоть этим оградить свою землю от бесконечных хищнических вторжений и грабежей. Напрасная надежда! Несчастливая война с половцами была только началом бедствий и горя, обрушившихся на Русскую землю в злополучное княжение Святополка II.

Поднялись усобицы. Причиной их были старые счеты за Чернигов, а потом споры за Волынь. Олег Святославич, княживший в Тмутаракани, после смерти Всеволода задумал во что бы ни стало добиться Чернигова, отцовской области. В 1094 г. он внезапно явился с большими ордами половцев под Чернигов. Здесь был в это время Владимир Мономах.

Сил у него после злосчастной борьбы с половцами было мало, не мог он встретить врага в открытом поле и заперся в городе. Восемь дней Владимир отбивался. Но когда Олег дал волю половцам беспощадно разорять и грабить села и деревни, расхищать и жечь монастыри, Владимир сдал Чернигов, а сам ушел в отцовский удел – Переяславль: тяжело ему было видеть разорение Русской земли и не хотел он ценою ее бедствий покупать свои выгоды... Вошел Олег в отцовский город, но грабежи половцев продолжались. Князь не только не запрещал им, но, по словам летописи, даже сам побуждал их грабить. Да и как было ему иначе отблагодарить своих хищных пособников?!

«Это уже третий раз, – скорбно замечает летописец, – он наводил нечестивых на Русскую землю!»

Ему волею или неволей приходилось дружить с половцами – в них только он и находил себе опору. Но зато трудно ему было ужиться с другими князьями: когда они стали звать его на половцев, то он, конечно, уклонился... В 1096 г. Святополк и Владимир послали сказать ему:

– Приезжай в Киев, урядимся о Русской земле пред епископами, игуменами, пред мужами отцов наших и пред горожанами, как бы оборонить Русскую землю от поганых.

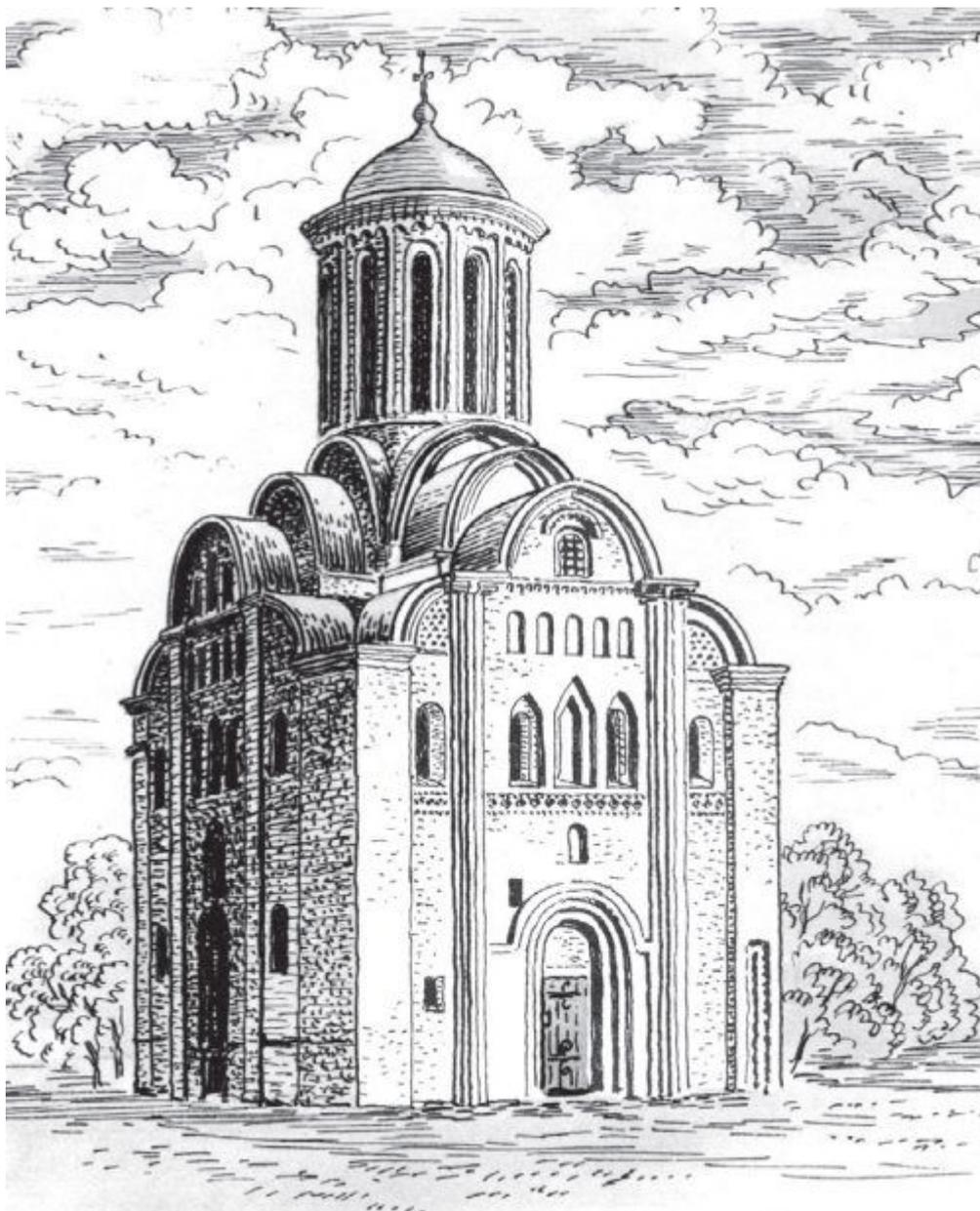
На это приглашение Олег гордо ответил:

– Не подобает меня судить ни епископу, ни игуменам, ни смердам!

Тогда князья велели сказать ему:

– Вот ты ни на поганых не идешь, ни к нам на совет; стало быть, ты мыслишь против нас и хочешь поганым помогать. Пусть же Бог нас рассудит!

Святополк и Владимир пошли на Олега. Он бежал из Чернигова, заперся в Стародубе и более месяца отбивался здесь; а в это время орды половцев снова нахлынули на Русскую землю и стали грабить ее. Наконец Олег запросил мира у князей; они согласились. Но не о мире думал Олег: кинулся он на север в отцовские Муромо-Рязанские земли, напал здесь на сына Мономахова Изяслава, который завладел было Муромским уделом. В битве под стенами Мурома пал Изяслав Владимирович.

Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове. Реконструкция

Неугомонный Олег не довольствовался отцовскими землями, а занял Ростов и Суздаль, наследственные волости Мономаха, посадил там своих наместников и стал собирать дань. Тогда старший сын Мономаха Мстислав, крестник Олега, княживший в Новгороде, пришел в Суздальскую область, прогнал Олеговых сборщиков дани и наместников, затем предложил крестному отцу мир.

– Я моложе тебя, – говорил он, – договаривайся с моим отцом, а я во всем тебя слушаю.

Неизтакихбыл Олег, чтобы уступить в чем-либо... Он высказал готовность помириться, но затем быстро двинулся на Мстислава, когда тот распустил дружину свою по деревням. Недаром современники называли его Гореславичем – много горя наделал он Русской земле! Мстислав, однако, успел собраться с силами, встретил Олега на берегах речки Колокши, впадающей в Клязьму, и разбил его. Преследуя дядю своего и крестного отца, Мстислав послал сказать ему:

– Не бегай никуда, но пошли к братьям своим с мольбой не лишать тебя Русской земли, а я буду просить за тебя у отца моего!

На этот раз Олег последовал совету. Как ни горевал Владимир по своему убитому сыну, но все же для блага Русской земли готов был помириться с Олегом.

В 1097 г. князья по мысли Владимира съехались в Любече, чтобы уладить спорные дела.

– Зачем губим мы землю Русскую, ссорясь между собою? – говорили некоторые из князей. – А половцы разоряют нашу землю и радуются, что у нас усобицы. Станем отныне жить согласно, станем общими силами блюсти Русскую землю. Пусть каждый из нас владеет отцовской волостью (отчиною).

Владимир уступил Черниговскую область сыновьям Святослава (Олегу, Давиду и Ярославу). Давиду Игоревичу достался Владимир-Волынский, а Володарю и Васильку Ростиславичам, князьям-изгоям (внукам Владимира Ярославича) – города Перемышль и Теребовль. Так порешили князья и целовали крест.

– Если кто из князей, – клялись они, – восстанет на другого, то против него будем все мы и честной крест.

Благое было намерение у князей, собравшихся на съезд, но мало вышло пользы от этого. Не успели еще они разъехаться по своим областям, как клятва их жить мирно между собою была нарушена. Совершилось злодейство, неслыханное до тех пор на Руси!..

Ослепление Василька

Давид Игоревич, который и раньше злобил на Василька за то, что тому досталась лучшая часть Волынской области, стал наговаривать Святополку на Василька, будто он с Владимиром тайно согласился захватить волости Киевскую, Волынскую и поделить их между собою.

– Если не схватим Василька, – говорил Давид великому князю, – то не княжить ни тебе в Киеве, ни мне во Владимире.

Подозрительный Святополк поверил Давиду. В это время Василько возвращался из Любеча и остановился на ночлег с людьми своими неподалеку от Киева. На другой день утром прислал Святополк звать его к себе на именины. Василько отговаривался тем, что ему необходимо спешить домой.

Святополк посылает снова сказать ему:

– Если не хочешь оставаться здесь до моих именин, то хоть зайди ко мне повидаться, побеседуем с тобою и Давидом.

Предостерегал Василька один из отроков его, чтоб он не доверялся великому князю, но Василько не обратил на это внимания – ведь так еще недавно все князья клялись жить между собою мирно – и поехал в Киев с несколькими дружинниками. На княжьем дворе вышел навстречу ему Святополк, ввел его в комнату; пришел сюда и Давид. Стал снова великий князь уговаривать гостя остаться на именины, но тот решительно отказался, говоря, что уже отправил своих людей вперед.

– Хоть позавтракай у меня, брат, – просил великий князь.

На это Василько согласился.

– Посидите здесь, – сказал Святополк ему и Давиду, – а я пойду распоряжусь!

Начал Василько разговаривать с Давидом, но тот был в таком смущении, что ни говорить, ни слушать не мог; немного спустя и он вышел из комнаты. Тогда пришли воины, заковали Василька в двойные оковы и стали стеречь его. Утром на другой день великий князь созвал бояр и киевлян и передал им слова Давида, будто Василько с Владимиром условились напасть на него, великого князя, и погубить его и города захватить. Бояре и киевляне уклончиво ответили:

– Тебе, князь, следует беречь себя: пусть Василько примет казнь, если Давид сказал правду; если же неправду, то его Бог накажет, пусть он отвечает пред Богом.

Святополк колебался и не знал, как поступить.

– Если отпустишь, – твердил Давид ему, – то ни тебе не княжить, ни мне.

Малодушный Святополк уступил Давиду и позволил ему делать, что он хочет. В ту же ночь привезли Василька скованного на телеге в Белгород, в 10 верстах от Киева, ввели его в избу. Сидя тут, он увидел торчина, который точил нож. Догадался Василько, что грозит ему большая беда, и стал с плачем и стоном призывать Бога... Вошли конюхи Святополка и Давида, разостлали на полу ковер, схватили Василька и хотели его повалить на ковер; но князь был силен, упорно боролся, и они не могли справиться с ним. Тогда пришли им на помощь другие слуги, повалили князя, связали его, сняли с полатей доску, положили ему на грудь и сели на концы доски, но все-таки не могли его сдержать. Взяли другую доску, и еще двое человек сели на нее; так сдавили несчастного, что в груди его затрещали кости. Тогда торчин, пастух Святополков, подошел с ножом и хотел ударить в глаз, но не попал и порезал Васильку лицо; затем ударил ножом в глаз и выхватил его, потом другой... Василько лежал, как мертвый. Его положили на повозку и повезли во Владимир. В городке Вздвиженье сняли с него окровавленную рубашку и дали вымыть попадье. Она вымыла, надела на него и стала плакать по нем, как по мертвом.

Он очнулся, услышав плач, и спросил: «Где я?»

– В городе Вздвиженье, – отвечали ему.

Попросил он воды испить, пришел в себя, ощупал свою рубаху и сказал:

– Зачем это вы надели на меня другую? Пусть я умер бы в той окровавленной сорочке и предстал в ней пред Богом.

На шестой день приехали во Владимир. Прибыл сюда и Давид; приставил он тридцать человек стеречь Василька – радовался, словно зверя затравил.

В ужас пришли все русские князья, когда узнали о злодействе. Владимир заплакал...

– Не бывало еще такого зла в Русской земле ни при отцах наших, ни при дедах! – воскликнул он.

Возмущены были и Святославичи (Давид и Олег) этим зверством и вероломством. Все эти князья послали к Святополку потребовать ответа...

– Чего ради ты совершил это зло Русской земле? – спрашивал они у него. – Зачем ты бросил среди нас нож (то есть завел новую распрю)? Зачем ослепил своего брата? Если на нем была какая вина, то почему ты не обличил его перед нами? Объясни теперь нам, какая его вина!

Святополк отвечал:

– Давид сказал мне, что Василько хочет и меня погубить, и землями моими завладеть, что он и Владимир порешили овладеть Киевскою областью и Волынскою. А свою жизнь я волен защищать, и не я ослепил Василька, а Давид; он и увел его к себе.

На это сказали Святополку послы:

– Не ссылайся на Давида, что он ослепил; не в Давидовом городе Василько взят и ослеплен, но в твоём.

Князья хотели немедленно переправиться через Днепр и напасть на Святополка, а он собирался уже бежать из Киева, но киевляне не допустили этого. Они послали к Владимиру мачеху его, вдову Всеволода, жившую в Киеве, и митрополита Николая.

– Умоляем, князь, тебя и братьев твоих, – сказали они, – не губите Русской земли. Когда начнется война между вами, порадуются поганые враги наши (половцы и другие) и захватят землю Русскую, которую приобрели с великим трудом отцы наши и деды, а вы хотите погубить ее!

Когда эти слова услышал Владимир, то прослезился и сказал:

– Поистине отцы наши и деды берегли землю Русскую, а мы хотим погубить ее!

Послушал Владимир митрополита и княгиню, которую чтит как мать.

Начались переговоры. Порешили, что идти на Давида Игоревича, захватить его в плен или выгнать из его области должен сам Святополк. Он клялся, целовал крест, что исполнит это. Проведал Давид о беде, какая грозит ему, не знал, как ему быть, попробовал даже помириться с Васильком и послал к нему просить, чтобы он не допустил новой усобицы, причем складывал всю вину на Святополка. Василько выслушал предложение и сказал посланцу:

– Слышал я, что Давид намерен отдать меня в руки ляхам; видно, он еще не насытился моею кровью. Я мстил ляхам за отечество и сделал им много зла. Не боюсь я смерти. Открою тебе всю мою душу. Бог наказал меня за мою гордость. Надеюсь я на помощь торков, берендеев и половцев и думал в гордости своей: теперь скажу брату Володарю и Давиду – дайте мне только свою младшую дружину, а сами пейте и веселитесь. Зимую выступлю в поход, летом завоюю Польшу. Земля у нас скудна жителями: пойду на дунайских болгаров и пленниками заселю пустыни. А там буду проситься у Святополка и Владимира на общих врагов земли Русской, на половцев: добуду славы или сложу голову за родную землю. В душе моей не было иной мысли. Клянусь Богом, не хотел сделать я ни малейшего зла ни Святополку, ни Давиду, ни другим братьям.

Новые усьобицы

Давид, несмотря на грозившую ему опасность, все еще думал овладеть уделом Василька и начал усьобицу с его братом Володарем. Но оказалось, что у князя этого мужества и ратной силы больше, чем ожидал Давид, и он побоялся даже сразиться в поле с ним, а заперся в городе Бужске. Осадил его тут Володарь и послал ему сказать:

– Совершил ты зло и не каешься в этом. Вспомни, сколько беды ты сотворил.

Давид стал оправдываться.

– Разве я это сделал, – отвечал он, – в моем ли городе я совершил это? Я боялся сам, чтобы меня не взяли и не сделали со мною того же. Неволья заставила меня действовать сообща с великим князем.

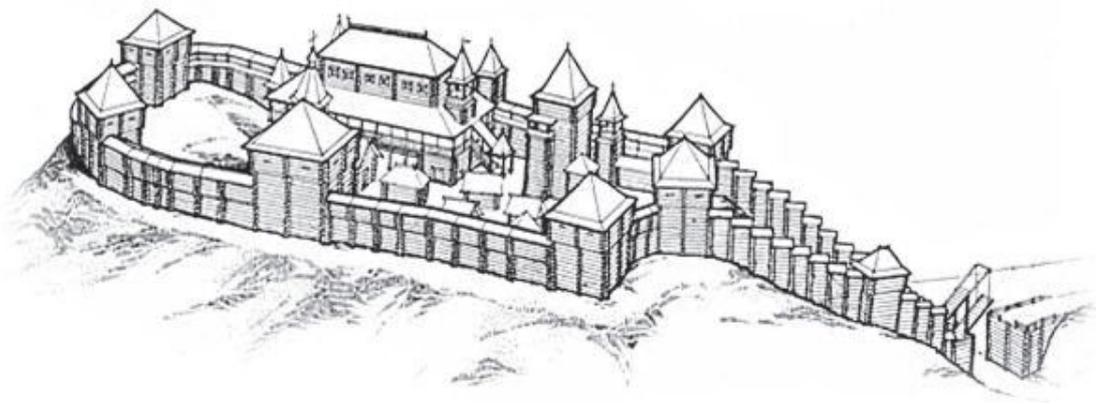
– Бог ведает, кто виноват, – отвечал Володарь, – а теперь отпусти брата моего, и я помирюсь с тобою.

Давид отпустил Василька. Но только что наступила весна, Володарь и Василько напали на Давида; задумали они жестоко отомстить ему: сожгли дотла город его Всеволожь, бесчеловечно умертвили жителей. Осадили Владимир, где заперся Давид, и потребовали, чтобы горожане выдали главных его советников, которые содействовали злодеянию. Собрались жители города на вече и потребовали от князя, чтобы он выдал виновных.

– Выдай этих людей, – говорили они, – за тебя биться можем, но за них не хотим. Если не выдашь их, то мы отворим городские ворота, а ты сам промышляй о себе как хочешь!

Давид принужден был выдать требуемых лиц. Их повесили, а затем расстреляли стрелами.

После этого Ростиславичи (Володарь и Василько) удалились. Но Давид не избежал беды. Великий князь шел на него и овладел его областью. Давиду пришлось бежать в Польшу.

Реконструкция застройки древнерусских крепостей

Святополк скоро опозорил себя новым вероломством. Вступая в Волынскую область, он торжественно клялся Ростиславичам, что их владений не тронет, а смирит только их общего врага – Давида. Но, победив его, вздумал захватить Перемышль и Теремовль, несмотря на клятву. Ростиславичи выступили против него, чтобы отстоять свои области. Когда сошлись оба войска, слепой Василько взял крест, поднял его и громко закричал Святополку:

– Вот крест, на котором ты клялся! Отнял ты у меня зрение, а теперь хочешь и жизнь от меня отнять. Пусть этот крест рассудит нас!

Началась битва. С той и с другой стороны бились отчаянно, множество людей пало. Володарь и Василько одержали победу, остановились на границе своих владений и дальше не пошли.

– Довлеет (довольно) нам стать на меже своей, – сказали они.

Святополк послал звать на помощь венгров. Между тем явился снова Давид, помирился с Ростиславичами, а сам отправился в землю половцев, чтобы с их помощью вернуть свое владение. Венгры потерпели поражение. Междоусобия продолжались. Вероломство, жестокость, малодушие и властолюбие Святополка и Давида возмущали Владимира Мономаха и других лучших князей. Решили они снова съехаться на съезд, чтобы сообща прекратить возмутительные распри...

Собрались они в августе 1100 г. в городе Витичеве. Святополк, Мономах и Святославичи заключили между собою союз и звали на съезд Давида. Он не посмел послушаться и приехал.

– Чего от меня хотите? Я здесь. Кто недоволен мной? – спросил он.

– Ты сам раньше говорил, – отвечал ему Владимир, – хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды. Вот теперь сидишь ты с нами на одном ковре. Чего же ты не жалуешься? На кого из нас есть у тебя жалоба?

Давид молчал. Князья встали и сели на коней. Отъехали в сторону, каждый советовался с дружиной своей. Давид сидел один. Наконец они согласились между собою и послали своих мужей объявить ему свое решение. Посланные торжественно заявили:

– Вот что говорят тебе твои братья: не хотим тебе дать Владимирской области за то; что ты между нас бросил нож; другого зла мы тебе не причиним. Даем тебе города Бужск и Острог, Святополк дает тебе Дубно и Черторижск. Сверх того Мономах дает тебе 200 гривен, Олег и Давид Святославичи дают столько же.

Послали князья своих послов и к Володарю Ростиславичу сказать ему:

– Возьми к себе брата своего Василька, и будет вам одна область Перемышль, или пусти его к нам – мы будем содержать его, а пленных, захваченных вами, отпустите.

Но Ростиславичи и не думали повиноваться этому несправедливому решению; Василько остался княжить в своем Теребовле.

Борьба с половцами

Распадение на уделы ослабило Русскую землю. Власть князей не имела уже той силы, как при Ярославе. Народ, видя постоянные ссоры князей, не чтит их как следует; особенно недружелюбно смотрел он на более беспокойных князей, виновников частых смут. Новгородцы даже не хотели пустить к себе на княжение Святополкова сына. Радовались бедам Русской земли только враги ее – половцы.

Весною, как только показывалась трава в степях, русские уж и ждали со страхом хищных гостей. Невыносимо тяжело становилось жить населению близ степи. Оборонять бесконечно длинную, вовсе не защищенную природой границу да еще при малочисленном и разбросанном населении русским было невозможно. Оставалось одно – идти самим в степи, попытаться разгромить орды хищников, чтобы хотя на время обезопасить свою землю от губительных налетов этой степной саранчи. Князья от обороны начали переходить и к наступательной войне.

На другой год после Витичевского съезда Владимир задумал побудить Святополка к войне с половцами общими силами, а тот обратился за советом к своей дружине.

– Не годится идти в поход весною, – сказала ему дружи на, – только лошадей и поселян от полевых работ отнимать!

Съехались Владимир и Святополк близ Киева, у Долобского озера, на левом берегу Днепра (1103), и сели в одном шатре, Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею, и долго молчали. Владимир наконец сказал Святополку:

– Брат, ты старший, говори, как бы нам промыслить о Русской земле.

– Лучше ты начни говорить, – возразил Святополк.

– Что же мне говорить? – сказал Владимир. – Против меня будут и твоя дружина, и моя – скажут, что хочу погубить поселян, оторвать их от работы. Дивлюсь я только тому, что и поселян жалеете, и лошадей их, а того и не подумаете, что весною станет крестьянин пахать с лошадью – придет половчин, застрелит мужика, а лошадь его и жену и детей возьмет себе и гумно сожжет.

Все дружинники согласились с Владимиром, и Святополк заявил:

– Готов и я идти с тобою против половцев.

– Великое добро, брат, сделаешь ты Русской земле! – сказал Владимир.

Они послали звать в поход и других князей. Многие пришли с пехотою и конницею. Пешие плыли в лодках по Днепру; конница шла по берегу. Русские после жестокого, кровавого боя разбили половцев, 20 ханов перебили, взяли много скота, овец, лошадей, верблюдов, кибитки со всякой рухлядью и множество рабов.

Еще значительно была война с половцами в 1111 г. Владимир Мономах снова уговорил всех князей общими силами ударить на половцев, которые не давали покоя русским. Был Великий пост. Народ молился в церквах, а воины собирались в поход. Выступили 26 февраля. На берегах реки Ворсклы все торжественно целовали крест, готовясь умереть. Наконец подошли к Дону. Здесь все воины надели на себя брони (оружие обычно возили в повозках) и двинулись к югу.

Половецкие каменные изваяния

Со времен Святослава русские не заходили еще так далеко в степи, как на этот раз. Перед ратниками Владимира шли по его приказанию священники и одушевляли воинов церковным пением. 24 марта русские разбили половцев и праздновали вместе с победою день Благовещения. Через два дня после этого половцы окружили русских со всех сторон на берегах реки Сала. Битва была отчаянная и кровопролитная. Владимир своим примером воодушевлял воинов. Искусным и быстрым движением своих полков он сломил неприятелей. Слава о нем разнеслась по всей Руси и по другим странам.

Долго после этого поражения половцы не тревожили Русской земли.

Владимир Мономах

Через два года после этого похода (1113) умер Святополк. Собрались киевляне на вече, порешили выбрать своим князем Владимира Мономаха и послали звать его. Владимир медлил – быть может, и на этот раз не хотел он нарушать старшинства и сесть на великокняжеский стол помимо Святославичей, старших двоюродных братьев своих. В Киеве начались беспорядки: разграбили двор Путяты, любимца покойного князя, стали грабить жидов, озлобивших народ своим лихоимством. Послали снова киевляне просить Владимира:

– Иди, князь, в Киев, а не то разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри.

Владимир наконец прибыл в Киев. Народ встретил своего любимца с восторгом. Мятеж утих. Святославичи не посмели противиться общему желанию; Владимира давно уже знала и любила вся Русская земля – трудно было оспаривать у него великокняжеский стол.

Владимир был человек необыкновенно деятельный. Беспреданно он ходил в походы, во все вникал, входил сам во все дела – и княжеские, и церковные, и домашние, любил читать книги и беседовать с духовными лицами. Был он притом и смелым охотником: нередко с несколькими удалцами-дружинниками на лихих конях он рыскал по степям, лавливал сам по нескольку диких степных коней в день; заходил и в дремучие леса; не раз случалось ему переведаться с хищным зверем.

Охоты в те времена были совсем не то, что теперь. Тогда приходилось близко подпускать к себе зверя: дикого кабана, зубра, медведя стрелою не убить – надо было действовать больше копьём да рогатиною. В те времена любили тешиться и птичьими – соколиными или ястребиными – охотами.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах

Вступил Владимир на великокняжеский стол уже шестидесяти лет, но был еще бодр и духом и телом. Половцы не смели при нем тревожить Русскую землю. Княжеские усобицы притихли. Правдивый и набожный, добродушный и вместе с тем воинственный, он высоко

стоял в глазах всех своих современников, привыкших видеть всюду вероломство, насилие и злобу. Удельные князья уважали Владимира и вместе с тем боялись его – был он милостив, но бывал и строг. Когда какой-нибудь князь начинал смуту, он старался всячески уговорить его, умиротворить, уладить дело мирным путем. Если же беспокойный князь упорствовал, то Владимир строго наказывал его, даже отнимал у него удел. Княжение Владимира Мономаха было самой счастливою порою в удельное время. Казалось, исполнилось заветное желание Ярослава Мудрого, чтобы великий князь заменял для младших удельных князей любящего и вместе с тем строгого отца. Был Владимир правосуден – не давал слабых в обиду сильным, сам на своем княжеском дворе творил суд.

Русскую Правду он дополнил – постановил, чтобы заимодавцы не брали больших резов, то есть лихвы (процентов), с должников.

Любил и чтит он духовенство; глубоко проникнут был Евангельским учением.

Лучше всего мысли и чувства Владимира видны из того поучения, которое написал он своим детям.

«Дети мои или кто иной, прочитав эту грамотку, не посмейтесь, но примите ее в сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страх Божий имейте в сердце своем и милостыню давайте нескудную. Это – начало всякому добру.

Тремя добрыми делами можно от греха избавиться и царствия Божия не лишиться: покаянием, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповедь, дети мои. Бога ради, не ленитесь; молю вас, не забываете этих дел. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голод (пост), чему подвергают себя некоторые благочестивые люди, не так важны, как эти три дела... Послушайте меня, дети мои. Если не все наставление мое примете, то примите хоть половину. Пусть Бог смягчит ваше сердце: проливайте слезы о грехах ваших, говоря: «Как разбойника и мытаря помиловал Ты, Господи, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви это делайте, и спать ложася. Когда на коне едете, говорите мысленно: «Господи, помилуй». Эта молитва всех лучше.

Всего же более убогих не забываете, но по мере сил кормите их. Сироту и вдову сами на суде по правде судите; не дайте их сильным в обиду. Ни первого, ни виноватого не убивайте и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживал смерти; не губите никакой христианской души.

Когда речь ведете о чем, не клянитесь Богом, не креститесь; нет в этом никакой нужды. Если же придется вам крест целовать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушив ее, не погубить своей души.

Епископов, попов и игуменов почитайте, принимайте от них благословение. Любите их и по мере сил заботьтесь о них, чтобы они молились за вас.

Более же всего не имейте гордости ни в сердце вашем, ни в уме: мы все смертны – сегодня живы, а завтра в гробу. Все, что дал нам Бог, не наше, а поручено нам на короткое время. В землю сокровищ не зарывайте: то великий грех. Старика почитайте как отца, молодых как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем присматривайте сами; не полагайтесь на тиуну вашего и отрока, чтобы приходящие к вам не посмеялись над домом вашим и над обедом. На войне не ленитесь, не надейтесь на воевод ваших, не предавайтесь ни питью, ни еде, ни спанью. Сами стражу расставляйте. Устроив все, ложитесь спать около воинов, а вставайте рано. Оружия с себя не снимайте, не разглядев, есть ли опасность или нет: от беспечности человек может внезапно погибнуть.

Когда проезжаете по своим землям, не давайте слугам бесчинствовать и причинять вред ни своим, ни чужим, ни в селах, ни на нивах, чтобы не проклинали вас.

Куда приедете, где остановитесь, напоите, накормите бедного. Более всего чтите гостя, откуда ни пришел бы он, простой ли человек, или знатный, или посол. Если не можете

почтить подарком, то угостите кушаньем и питьем. Гости этим мимоходом по всем странам разнесут молву о человеке, как о добром или как о злом.

Больного посетите; покойников провожайте и не минуйте никого без привета, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой.

Что знаете полезного, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отец, дома сидя, знал пять языков. За это большая честь от других земель. Лениость всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не ленитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите в церковь. Пусть не застанет вас солнце на постели. Так делал мой отец блаженный и все лучшие люди. Сотворив утреннюю молитву и воздав Богу хвалу, следует с дружиною думать о делах или творить суд людям, или ехать на охоту (если нет никаких важных дел), а потом лечь спать. В полдень самим Богом присуждено спать и человеку, и зверю, и птице.

А вот поведаю вам, дети мои, о своих трудах и ловах. (Здесь Владимир подробно перечисляет свои походы.) Всех моих походов было, говорится далее, 83 больших, а прочих меньших и не вспомню. Девятнадцать раз заключал я мир с половцами при отце и после смерти его. Более ста вождей их выпустил из оков (из плена). Избито их в разное время около двухсот. А вот как трудился я на охотах и ловах: коней диких по 10, по 20 вязал я своими руками; два тура (дикие быки) метали меня на рогах с конем вместе; олень меня бодал; два лося – один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь оторвал у меня меч с боку; медведь у колена прокусил подседельный войлок; лютей зверь вскочил ко мне на колени и повалил коня со мною, а Бог сохранил меня целым и невредимым; с коня много раз я падал, голову разбивал два раза и руки, и ноги вредил себе в юности моей, жизни своей не жалел, головы своей не щадил. Что можно было делать и отроку моему, то сам я делал – на войне и на ловах, ночью и днем, в летний зной и в зимнюю стужу. Не давал я себе покою, не полагался ни на посадников, ни на биричей – сам все делал, что надо; сам смотрел за порядком в доме, охотничье дело сам правил, о конюшнях, о соколах и ястребах сам заботился. Простого человека, убогой вдовицы не давал в обиду сильным; за церковным порядком и службой сам присматривал.

Золотой амулет-змеевик Владимира Мономаха

Не осудите меня, дети мои, или иной, кто прочтет эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, сохранял от смерти столько лет и сотворил меня неленивым и способным на все человеческие дела.

Прочитав эту грамотку, постарайтесь творить всякие добрые дела. Смерти, дети мои, не бойтесь ни от войны, ни от зверя, но творите свое дело, как даст вам Бог. Не будет вам, как и мне, вреда ни от войны, ни от зверя, ни от воды, ни от коня, если не будет на то воли Божией, а если от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут спасти. Божья охрана лучше человеческой...»

* * *

Из поучения этого ясно видно, как глубоко понимал Владимир Мономах учение Христово, как заботился он о правом суде и защите слабых, как высоко понимал обязанности князя.

Насколько Владимир Мономах был проникнут христианским чувством, это хорошо видно также из его письма к двоюродному брату Олегу Святославичу, который, напад на Муром, был, как известно, причиною смерти сына Владимира. Подавляя горькое чувство, Владимир пишет:

«О, многострастный печальный я! Много боролся я с моим сердцем, помышляя, как стать пред страшным Судьей без покаяния и примирения. Сказать: Бога люблю, а брата своего не люблю, будет ложь. «Аще не отпустите прегрешений брату, ни вам отпустит Отец ваш небесный»... Что может быть лучше и прекраснее, как жить дружно; но дьявол не хочет добра роду человеческому и ссорит нас. Написал тебе я это письмо, потому что побудил меня сын мой (Мстислав), крестник твой; прислал он мне грамотку, где говорит: уладимся и примиримся, а брату моему суд Божий пришел (смерть), а мы не будем местниками (мстителями), но возложим это на Бога... Дни станут перед Богом, а мы Русской земли не погубим. И я, видя смирение сына моего, умилился душою, утрашился Бога и сказал: сын мой в юности своей и неопытности так смиряется и все на Бога возлагает, а я – человек (зрелых лет) грешен больше других. И послушал я сына и написал тебе грамотку. Примешь ли ее с добром или с поруганием... Что мы, грешные люди! Ныне живы, а завтра мертвы; сегодня в славе и почете, а завтра в гробу, и другие разделят собранное нами имение. Вспомни, брат, о наших отцах. Что они взяли с собою? Только то, что сотворено их душами». Далее Владимир укоряет Олега, что он даже и утешительной грамотки не прислал по смерти сына, и просит послать к нему сноху... «Я не желаю зла братии, но желаю добра ей и Русской земле! – пишет Владимир в заключение. – Если кто из вас хочет добра и мира христианам, – не узреть ему от Бога мира для души своей в будущей жизни!»

Вспомним, как хлопотал он о прекращении усобиц, о примирении враждующих, – вспомним, что по его мысли собирались княжеские съезды (Любецкий, Витичевский и Долобский); что он постоянно настаивал на общем союзе князей против половцев, – и мы поймем, почему так высоко ставили современники этого великого человека.

Он, по словам летописца, не величался, по заповеди Божией творил добро врагам своим, был очень милостив к нищим и убогим, не щадил имения своего – все раздавал нуждающимся. Понятно, отчего его так любил и простой народ, и духовенство; да и дружина не могла не любить его – вождя, не знавшего страха в бою, отважного охотника, князя милостивого и щедрого, хотя и не дававшего своим приближенным большой воли, не позволявшего им обижать народ. Благочестием он отличался таким, что, стоя в церкви и слушая церковное пение, не мог удержаться от слез. Только к половцам, заклятым врагам Русской земли, он был суров, а иногда и беспощаден. (В одном случае он даже позволил своим боярам убить двух половецких послов.) Умер Мономах на 74-м году от роду (1125).

Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии; тут его и погребли рядом с отцом его. Народ плакал по нем, говорит летописец, как дети плачут по отце или матери.

Потрудился он для Русской земли. «Слава о его доблести сияла как солнце и прошла по всем странам». По метким словам летописца, он был «братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за землю Русскую». При жизни его было воздвигнуто немало новых красивых церквей. Они украшались иконами греческого письма. Книжное искусство тоже все больше и больше распространялось. Киев в начале XII в. украсился богатыми постройками. Еще при Святополке Изяславиче был сооружен в Киеве Михайловский Златоверхий монастырь; стены его до сих пор сохранились. Близ Киева построен Выдубицкий монастырь на том месте, где был загородный двор Всеволода. Незадолго до смерти Владимир соорудил прекрасную церковь на реке Альте.

Владимир Мономах был в близких сношениях со многими европейскими государями. С некоторыми из них и породнился. Сам он был, как сказано, сын греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь английского короля Гарольда. Старший сын Владимира – Мстислав был женат на Христине, дочери шведского короля. Одна дочь Владимира была замужем за угорским (венгерским) королем, другая за греческим царевичем.

Цари московские впоследствии великою честью для себя считали называться потомками Владимира Мономаха. В Оружейной палате хранятся так называемая Мономахова золотая шапка и еще некоторые принадлежности торжественного царского убора (скипетр, держава и бармы). По преданию, они были присланы греческим императором в дар Владимиру Мономаху. Впоследствии московские цари в день венчания на царство возлагали на себя эту шапку и бармы.

Усобицы при сыновьях и внуках Владимира Мономаха

Недолго продержались на Руси мир и тишина по смерти Владимира. Старший сын его Мстислав княжил всего семь лет. Он походил и умом и нравом на своего отца. Жестоко наказал он половцев, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русскую землю. В руках держал Мстислав и удельных князей. Большею частью это были или братья его, или племянники: Владимир Мономах сумел мало-помалу забрать в свои руки чуть не всю Русскую землю и раздать ее в уделы, своим сыновьям и внукам, а Мстислав овладел Полоцким княжеством и отдал его своему сыну Изяславу. Таким образом, в руки детей и внуков Мономаха попали почти все уделы (Киевский, Новгородский, Смоленский, Суздальский, Переяславский, Волынский и Полоцкий). Только два удела не принадлежали роду Мономаха – это Черниговский и Червенский (нынешняя Галиция).

Умер Мстислав (1132), и при его брате Ярополке настанут неурядицы и усобицы в потомстве Мономаха.

Усобицы начались за Переяславль (южный). Утвердился здесь Всеволод Мстиславич, но Юрий Суздальский, не желавший уступить племяннику, выгнал его и сам занял Переяславль. Затем начались ссоры племянников с дядями... Пользуясь этими раздорами Мономаховичей, Всеволод Ольгович Черниговский по смерти Ярополка (1139) сел на престоле киевском. Но как ни ловок был Всеволод, ему нелегко было держаться в Киеве: не хотел он ссориться с Мономаховичами и в то же время желал наделить волостями своих сородичей. Не раз при нем выражалась народом особенная любовь к детям и внукам Мономаха. В Киеве не любили Всеволода и по смерти его (1146) только тогда целовали крест брату его Игорю, когда тот поклялся, что он освободит Киев от ненавистных тиунов Всеволодовых и будет сам творить суд.

Но все-таки киевляне, несмотря на клятву, скоро призвали к себе Изяслава Мстиславича: «Ты наш князь; ступай скорее: Ольговичей не хотим!»

Тот недолго думая явился, разбил Игоря и взял его в плен, а сам сел в Киеве. Мало думал Изяслав о чьих-либо правах.

«Не место идет к голове, а голова к месту», – говаривал он.

Киевляне, впрочем, сами его желали.

– Ты нам князь, – сказали они ему, – не хотим переходить к Ольговичам по наследству!

Но дядя Изяслава, Юрий Владимирович Суздальский, считал себя более племянника в праве владеть Киевом, и между ними разгорается долгая и упорная борьба. Два раза Юрий изгонял отсюда Изяслава, и если он продержался около четырех лет (1150–1154), то благодаря только тому, что призвал в Киев другого дядю своего – слабого Вячеслава и правил под его именем до самой смерти. Много горестных дней пережила Русская земля за это время. Больше всего бед и вреда причинили ей Ольговичи, не раз приводившие половцев себе на помощь. Народ питал к этому княжескому роду сильную вражду, которая, случалось, переходила в дикую ярость.

Так, в 1147 г. Изяслав, узнав о враждебных замыслах черниговских князей, послал в Киев сказать об этом брату Владимиру, митрополиту и киевлянам. Когда народ собрался от мала до велика на вече, посол Изяслава сказал:

– Князь ваш вам кланяется и говорит: я вам прежде объявлял, что задумал с братом Ростиславом и Давидовичами идти на дядю Юрия, звал и вас в поход; но тогда вы сказали, что не можете на Владимирове племя, на Юрия, рук поднять, а на Ольговичей одних пошли бы и с детьми; так теперь вам объявляю: Давидовичи и Всеволодович Святослав, которому я много добра сделал, целовали тайком от меня крест Святославу Ольговичу, послали и к Юрию, а меня хотели или схватить, или убить за Игоря; но Бог меня заступил и крест чест-

ной... Так теперь, братья, что обещал и, то и делайте, – ступайте ко мне к Чернигову на Ольговичей, собирайтесь все от мала до велика: у кого есть конь, тот на коне, у кого нет, тот в ладье. Ведь они не меня одного хотели убить, но и вас всех искоренить.

Киевляне на это отвечали:

– Рады, что Бог сохранил тебя нам от большой беды; идем за тобой и с детьми.

Тут кто-то в толпе заговорил:

– За князем-то своим мы пойдем с радостью, но прежде надо вот о чем подумать, чтобы не случилось того, что при Изяславе Ярославиче; злые люди выпустили тогда из заключения Всеслава и поставили князем себе, и много зла было нашему городу; а теперь Игорь, враг нашего князя и наш, не в заточении, а в Федоровском монастыре. Убьем его и пойдем в Чернигов за своим князем...

Слова эти разожгли народную ярость. Толпа кинулась к монастырю. Напрасно князь Владимир в ужасе старался остановить толпу. В ответ ему кричали:

– Мы знаем, что добром не кончить с этим племенем ни вам, ни нам!

Тщетно и митрополит и тысяцкие думали удержать народ от дикого преступления. Толпа ворвалась в монастырскую церковь, где Игорь стоял у обедни, и потащила его с криками: «Бейте! Бейте!»

– Ох, брат, куда это меня ведут? – спросил несчастный, увидав князя Владимира.

Тот соскочил с коня, покрыл Игоря своим корзном (плащом), заслонял его собою от ударов и умолял киевлян:

– Братья мои! Не делайте этого зла, не убивайте Игоря!

Все усилия спасти несчастного остались тщетными: он погиб мученической смертью, как жертва народной ненависти к Ольговичам и любви к Мономаховичам...

Когда до Изяслава дошла весть о гибели Игоря, он заплакал и сказал дружине:

– Если бы я знал, что это может случиться, то отослал бы его подальше и сберег бы его. Теперь мне не уйти от людских речей: станут говорить, что я велел убить его; но Бог свидетель, что я не приказывал и никого не научал.

Дружина ответила князю:

– Нечего тебе заботиться о людских речах; Бог знает, да и все люди знают, что не ты его убил, а братья его: крест к тебе целовали они, а потом нарушили клятву, хотели убить тебя...

Борьба Юрия Владимировича Долгорукого с племянником Изяславом Мстиславичем отличалась большим упорством. Приводим некоторые любопытные подробности, рассказанные в летописи.

Изяслав при помощи венгров в 1151 г. во второй раз вытеснил Юрия Долгорукого из Киева, призвал другого своего дядю, добродушного и слабого Вячеслава, признал его великим князем киевским, а Вячеслав усыновил его, Изяслава. Таким образом титул достался первому как старшему из оставшихся в живых сыновей Владимира Мономаха, а действительная власть – ловкому и деятельному Изяславу. Но Юрий Долгорукий не хотел признать этой сделки, соединился с черниговскими князьями, призвал на помощь половцев, двинулся на Киев и стал на левой стороне Днепра. Изяслав старался помешать переправе неприятеля. Схватки начались на реке. Изяслав, по словам летописи, «дивно исхитрил свои лодки»: видны были только весла, а гребцы были скрыты под дощатой плоской кровлей, на которой стояли стрелки в бронях и поражали врагов стрелами. Лодки были так приспособлены, что могли ходить взад и вперед, не поворачиваясь; на носу и на корме каждой из них были кормчие.

После долгих тщетных попыток Юрию, однако, удалось переправиться вброд южнее Киева. Там стоял небольшой отряд Изяслава под начальством воеводы: воины обратились в бегство, потому что с ними не было никого из князей, а бояр не все охотно слушались. В войске и Юрия, и Изяслава были ватаги степных кочевников (торки, берендеи, черные

клубуки). Все они хищники, подобные половцам, рады были служить, кому угодно, а при случае готовы были пограбить своих союзников.

Вячеслав пытался удержать Юрия от кровопролития и послал сказать ему, между прочим, следующее:

«Изяслав, добывши Киев, теперь поклонился мне, честь мне воздал, в Киеве меня посадил и отцом своим назвал, а я его – сыном. Ты говорил: младшему не поклонюсь... А я тебя много старше: уже был братат, когда ты родился!»

Но никакие уговоры на честлюбивого Юрия не действовали. Однако после нескольких неудачных схваток он отступил, чтобы соединиться с князем галицким Владимиром, шедшим ему на помощь. К Изяславу тоже вел на подмогу полки венгров сын его Мстислав. Но союзники еще не явились ни к тому, ни к другому, как произошел решительный бой на берегах реки Руты (приток Роси). Лишь только затрубили в трубы, ударили в бубны, как сын Юрия, отважный Андрей, понесся на коне вперед и прежде всех ударил на врагов. Скоро копье его было изломано, щит оторван, шлем сбит с головы. Конь его, раненный в ноздри, стал соваться туда и сюда... Изяслав Мстиславич тоже один из первых врезался в неприятельские полки, изломал копье, получил рану и свалился с павшего коня. После упорного боя рать Изяслава одержала победу. Половцы, союзники Юрия, охотники пускать тучи стрел, не выносили горячих схваток. Они скоро ударились в бегство, за ними и Ольговичи, а там и Юрий с детьми. Много дружины их было побито, взято в плен и потонуло в Руте.

Когда победители возвращались с погони на поле битвы, то некоторые из них заметили, что из груды раненых один привставал. Толпа пеших киевлян подбежала к нему и хотела его убить.

– Я князь! – проговорил раненый.

– Ну, так тебя-то нам и надобно! – крикнул один из киевлян и начал сечь его по шлему, на котором было изображение св. Пантелеймона (таково было христианское имя Изяслава).

– Я Изяслав, князь ваш!.. – промолвил раненый и снял шлем.

Тогда киевляне, узнав своего любимого князя, с восторгом подняли его на руки и воскликнули: «Кирие елейсон!» (Господи помилуй!)

Все полки ликовали, когда проведали, что князь жив и одержана победа...

После того Киев переходит из рук в руки (чередовались здесь Ростислав Мстиславич, Изяслав Давидович, Юрий Владимирович).

Киевляне совсем потеряли голову: то одному клянутся в верности и готовности умереть за него, то принуждены признать князем своим другого. Наконец за Киев загорается усобица: Андрей Суздальский, сын Юрия, ведет борьбу с племянником своим Мстиславом Изяславичем. Плохо пришлось Киеву. Большую рать собрал Андрей. Одиннадцать князей было тут с их дружинами и войсками. Вел всю эту силу на Киев сын Андрея – Мстислав. Осадили город на второй неделе Великого поста. Три дня бился Мстислав Изяславич, три приступа отбиты, но 12 марта 1169 г. Киев пал.

Никогда еще до тех пор Киев, мать русских городов, как назвал его Олег, не подвергался такому поруганию. Грабили, жгли его два дня. Пощады не было ни женщинам, ни старикам, ни детям. В церкви врывались, срывали ризы с икон, колокола снимали. Мстили суздальцы киевлянам за старую обиду – за то, что после смерти Юрия они перебили суздальцев, пришедших к ним.

Все больше и больше пустеет Южная Русь. Тяжело здесь жилось мирному, промышленному люду. Не пойдет и работа на ум, когда не знаешь, будешь ли цел завтра: того и гляди, что степная погань нагрянет и к себе, в свои степи, погонит целые толпы в горькую неволю да в работу тяжкую. А не то так и русский князь какой-нибудь, враждая с другим, наедет с дружиной своей и воями, нивы потопчет, запасы заберет, а воины его, набранные из всяких встречных людей, охоч их до боевой жизни, а еще больше до грабежа, вконец разорят

– и лошадь возьмут, и скотину со двора сведут, да и других пожитков не минуют. Тут для поселянина совсем плохое житье. Много появилось в это время на Руси бедняков. У иного и силы довольно, и сноровка, и умение есть, да без сохи и без лошади земли не вспашешь. Остается одно – идти в работники, в наймиты к тому, у кого и соха есть, и лошадь лишняя найдется. Чтоб с голоду не умереть, шли бедняки в наемники к богатым. Таких наемников называли обыкновенно «закупами». Иногда они даже сами добровольно за деньги как бы продавали себя в неволю или шли в «кабалу» к богатому хозяину на несколько лет или на всю жизнь; тогда они назывались холопами и должны были, как рабы, быть в полной воле своего хозяина. Такие холопы жили на земле своего господина, работали на него, получали за это известную долю сбора с полей. Дети их обыкновенно тоже становились холопами. Рабы прежде были большею частью из пленных иноземцев, а с XI в. на Руси стало от бедности все больше и больше людей обращаться в холопство. Кроме беспрестанных усобиц и нападений половцев пустела Русская земля и от других бед: неурожая, голода, повальных болезней...

Народ с благодатного, хлебородного юга все больше и больше переходил на север. Земля здесь была хуже, бывали зачастую неурожай, да жить было покойнее: усобицы тут бывали реже, да и половцы сюда не заходили.

Запустели южнорусские области: Переяславская, Киевская и Черниговская. «Пуста земля моя, – говорит один переяславский князь, – от половецких нашествий!» А другой князь жалуется, что у него в Черниговской области города обезлюдели, что живут в них только псари его да половцы (пленные).

Плохо живется мирному люду во время постоянных войн да смут бесконечных, но в такое время много является и воинственных людей, которые так к войне привыкают, что она для них, словно охота, становится любимым делом, потехой молодецкой. Немало было на Руси таких князей-удальцов, которые только и ждали удобной поры, чтобы развернуться, показать свою удаль. Дружинники, постоянно ходившие с князьями своими на войну, тоже были падки до нее; силу и удаль здесь могли они показать, да и добычу захватить можно было хорошую. Нетрудно было тогда собрать удалому князю себе дружину и шайку воинов: дружинники других князей могли, как люди свободные, явиться и предложить свои услуги в случае войны.

В XII в. по южным окраинам Русской земли осталось население, которое привыкло к войне; оно терпело от набегов половцев, но и само, улучив время, готово было мстить врагу тем же.

Много было удали, силы и молодечества на Руси, да все это тратилось попусту, и князья не могли совладать с исконным своим врагом – половцами. Беда была в том, что не было единодушия у русских князей, ссорились они между собою, воевали и даже иной раз сами путь показывали половцам на Русскую землю.

Сказание о походе Игоря

Лучше всего можно видеть, сколько было отваги у князей и как напрасно тратилась она иной раз, из древнего сказания о походе в 1185 г. северского князя Игоря Святославича и брата его Всеволода. Вот это сказание («Слово о полку Игореве»).

«Не начать ли нам, братья, печальное сказание о походе Игоря? Станем сказывать повесть свою по былинам нашего времени, а не по вымыслам Бояна (древнего певца). Боян вещей, когда хотел кому песнь воспеть, то носился мыслью по лесам, серым волком рыскал по полю, сизым орлом парил под небесами... В старые времена князья на охоте пускали своих соколов на стаю лебедей; чей сокол прежде настигал лебедя, в честь тому князю первому и песнь пелась. Боян же не десять соколов пускал на стадо лебедей, а клал свои вещи персты на живые струны, и они сами князьям славу рокотали.

Начнем же повесть свою об Игоре. Наполнилось сердце его ратным духом и доблестью, захотелось ему повести свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую. Недоброе знамение было ему: солнце затмилось; тьма покрыла воинов его. Неймется князю: доблесть полонила сердце его. «Братья и дружина, – говорит он, – лучше изрублену быть, чем в плен попасть!.. Сядем, братцы, на своих борзых коней, поглядим на синий Дон. Хочу копьё свое испытать в поле половецком с вами, русичи, хочу голову свою там сложить или напиток шлемом из Дону». Кони ржут за рекою Сулою. Гремит слава в Киеве. Трубы трубят в Новгороде (Северском). Стоят знамена в Путивле. Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал Игорю Буй-тур Всеволод (за силу свою и удаль сравнивается он с буйным или ярим туром):

«Один брат, один свет ты, светлый Игорь! Оба мы дети Святослава. Седлай, брат, своих быстрых коней, а мои кони уже готовы, оседланы, стоят у Курска, впереди. Мои куряне – лихие наездники, под трубами они пеленаты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены; дороги им ведомы, овраги им знакомы; луки у них натянуты, колчаны открыты, сабли наострены; скажут на конях, словно волки в поле, ищут себе чести, а князю славы...»

Тогда вступил Игорь в свое золотое стремя и поехал по чистому полю. То пред ним солнце затмилось, а теперь, как наступила ночь, буря застонала, гроза разбудила птиц в лесах. Звери воют в степях; зловещая птица (див) кричит сверху дерева.

Нетореными дорогами несутся половцы к Великому Дону. Ведет Игорь к Дону и своих воинов. Птицы уже чуют добычу; волки по оврагам завывают; орлы своим клекотом скликают зверей на трупы.

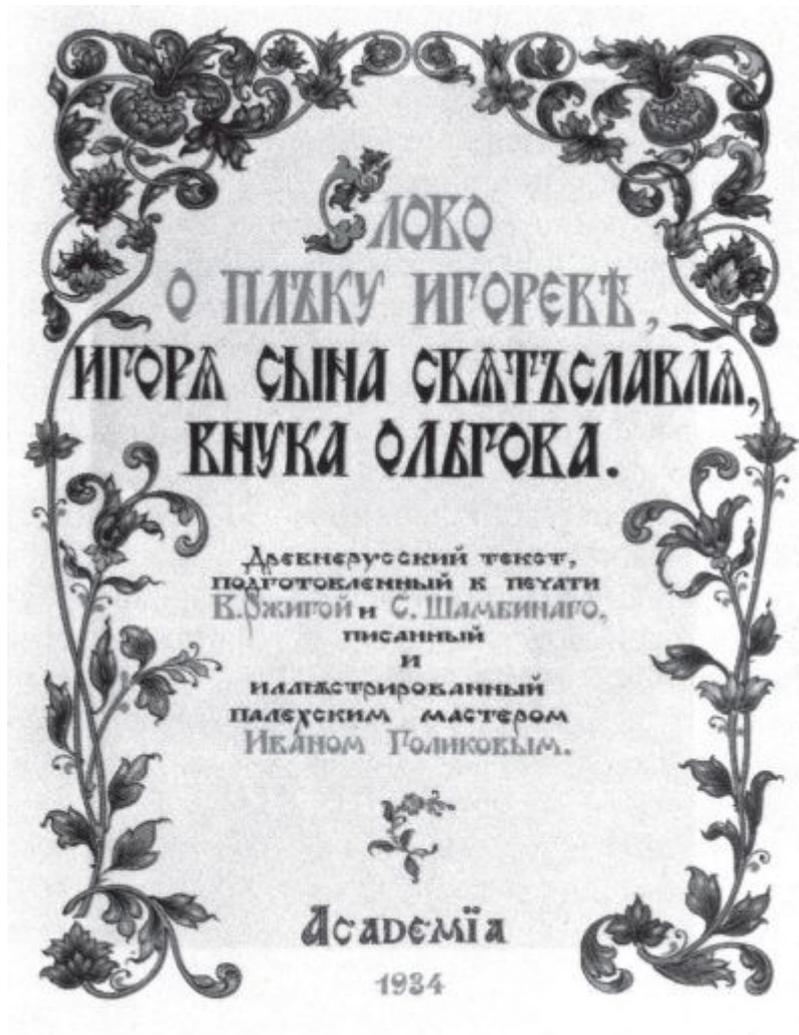
Утром в пятницу русские смяли поганые полки половецкие и помчали в плен красных девиц половецких, а с ними золото, ткани, дорогие парчи. Кожухами и епанчами стали дороги мостить по болотам да по топким местам. Красное знамя, белая хоругвь, серебряное древко достались храброму Игорю.

Отдыхает в поле храброе гнездо (русских воинов). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчин. Гзак (половецкий хан) бежит серым волком. Кончак след ему прокладывает к широкому Дону.

Кровавой зарею начинается день. Черные тучи с моря идут. Закроют они князей русских. Трепещут в тучах синие молнии. Быть грому великому; идти дождю стрелами с Дону широкого; копьям тут поизломаться, саблям зазубриться о шлемы половецкие на реке на Каяле у Дону широкого.

О Русь, далеко зашла ты! Вот ветры, Стрибоговы внуки, веют стрелами с моря на храбрые полки Игоря! Земля дрожит, реки мутно текут, пыль по полям стелется, знамена шумят. Идут половцы от Дона, идут от моря, со всех сторон окружили они русское войско. Криками своими наполнили они поля. Заградили себя храбрые русичи багряными щитами. Яр-тур

Всеволод! Ты стоишь впереди, прыщешь стрелами, гремишь мечами булатными по шлемам. Где проскачет Буй-тур, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы половецкие, раздроблены шлемы аварские твоими саблями закаленными, Яр-тур Всеволод!

Слово о полку Игореве. Титульный лист

Какой раны побоится тот, братцы, кто позабыл о почестях, о жизни, о золотом престоле, кто отказался от ласки жены своей, прекрасной Глебовны?

Были тяжелые времена, были походы Олега Святославича. Олег тот мечом крамолу ковал, стрелы по родной земле сеял. Много горя причинил он Всеволоду и Владимиру. Тогда при этом Олеге Гориславиче сеялись и восходили усобицы, гибла жизнь человеческая, в княжких крамолах век людской сократился. Редко тогда на полях в Русской земле раздавались голоса пахарей; но часто вороны каркали, деля между собою трупы убитых. То бывало во времена прежних битв, прежних походов, а о такой битве, как эта, и не слышано. С утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыта стальные в неведомом поле, среди земли Половецкой. Земля была копытами вспахана, костями засеяна, кровью полита; горем взошел посев этот по Русской земле...

Строит Игорь снова свои полки. Жаль ему милого брата Всеволода.

Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали знамена Игоря. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы, тут кровавого вина не достало, тут пир покончили храбрые русичи, сватов попоили, а сами полегли за Русскую землю!

Никнет трава от жалости, и дерево, словно в печали, опустило ветви к земле. Тяжелая невзгода в пустыне силу похоронила...

Не стало у князей единомыслия на поганых. Говаривал брат брату: «Это мое и то мое же», и стали князья малое считать за великое и сами на себя крамолу ковать, а поганные (половцы) тем временем со всех сторон с победами приходили на землю Русскую... О, далеко залетел сокол (Игорь), избивая птиц, к морю... Игоревой храброй дружины уже не воскресить! А по Русской земле поскакали половцы. Стали плакать жены русские причитаячи: «Уже нам своих милых мужей ни мыслию примыслить, ни думою придумать, ни глазом увидеть, а золотом и серебром совсем уж не тешиться». Застонал, братья, Киев от скорби, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась, печаль великая потекла по Русской земле!.. А князья сами друг на друга крамолу ковали; а поганные на Русскую землю нападали и дань брали по белке со двора. Храбрые Игорь и Всеволод пробудили снова ту вражду, которую усыпил было отец их, грозный Святослав. Он, как гроза, привел в трепет землю Половецкую своими сильными полками, своими булатными мечами... Тут (иноземные торговцы в Киеве) немцы и венециане, греки и моравцы прославляют Святослава, корят Игоря, что он силу потопил на дне Каялы, реки половецкой, много золота русского рассыпал...

Видит Святослав недобрый сон. «В прошлую ночь, – рассказывает он боярам, – снилось мне, что в Киеве на горах с вечера покрывали меня черным покрывалом на тесовой кровати, черпали мне синее вино, с зельем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг на постель... Всю ночь каркали вороны». И отвечали бояре князю: «Тоска, князь, полонила ум твой: два сокола слетели с отцовского золотого трона, чтобы опять добиться Тмутаракани или напиться шлемом из Дона. Уже подсекли сабли поганых крылья у обоих соколов, а самих оковали железными путами. На реке Каяле тьма покрыла свет. По Русской земле разошлись половцы, словно хищные барсы. Князья наши потопили свое счастье и дерзость придали хану».

Тогда Святослав изронил из души золотое слово, слезами облитое: «Дети мои, Игорь и Всеволод! Рано вы начали Половецкую землю сокрушать мечами, а себе славы искать: бесславно вы победили, бесславно кровь поганую пролили. Ваши мужественные сердца крепким булатом скованы, буйной удалью закалены! – и вот что причинили вы моей седине! (Далее сочинитель «Слова», выражая свою печаль, называет сильных князей, современных ему – Всеволода Юрьевича, Ярослава Галицкого и других, которые могли бы сокрушить половцев, если бы хотели.)

«Великий князь Всеволод! Тебе и на мысль не пришло прилететь издалека на защиту золотого отцовского престола? А можешь ты Волгу веслами раскропить, Дон шлемами вычерпать!.. А ты, Галицкий Осмомысл – Ярослав! Высоко ты сидишь на своем златокованном престоле, укрепил ты Карпатские горы своими могучими полками, заслонив путь венгерскому королю... Молва о грозных силах твоих разносится по земле. Стрелами своими грозишь ты с престола твоему султану. Стреляй, государь, в Кончака, раба поганого, заступись за Русскую землю, за раны Игоря, храброго Святославича. И ты, буйный Роман и Мстислав! Мужественная мысль возносит ум ваш на великий подвиг; вы пылко стремитесь на дело, как сокол, реющий по воздуху, на птицу...»

Далее в сказании припоминаются и другие князья, которые при всей их храбрости напрасно кровь проливали и своими крамолами накликали литовцев на Русскую землю, и от них приходилось терпеть те же насилия, как от половцев. Вспоминается и непоседливый, беспокойный князь Всеслав. Из-за него на реке Немизе (Немане) много сгибло русских сил, «словно на току вместо снопов стелили людей, молотили цепами булатными (мечами), веяли душу от тела»... И не добрым засеяны берега Немана – засеяны трупами сынов русских! Но беспокойный Всеслав и сам немало беды вытерпел. Еще в древности мудрый Боян припевал ему разумную припевку: «Ни хитрому, ни гораздому суда Божьего не миновать».

Затем сказание переходит к жене Игоря (Евфросинии Ярославне, дочери Галицкого князя «Осмомысла»).

«Слышен голос Ярославны (супруги Игоря), словно кукушка невидимая, рано она плачет и причитает: «Полечу, – говорит она, – к Дону кукушкой, омочу бобровый рукав свой в Каяле реке, оботру князю кровавые раны его на могучем теле его». Плачет Ярославна в Путивле на городской стене. «О ветер, ветрило! – говорит она. – Зачем, господин, несешь ты несчастье? Зачем несешь ты ханские стрелы на воев мужа моего? Мало тебе разве веять на высоте под облаками? Лелеешь корабли ты на море, зачем же ты мое счастье развеял по ковылю? О Днепр Словутич (славный)! ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую, ты лелеял на себе суда Святослава, взлелей, господин, моего мужа ко мне, чтобы я не слала ему слез моих. Светлое, пресветлое солнце! Всем тепло и красно ты, зачем же ты жгло лучами своими воев мужа моего? в поле безводном засухою у них луки согнуло, натуго у них колчаны сомкнуло?»

(Игорю удастся бежать из половецкого плена.)

«Игорю-князю Бог путь дает из земли Половецкой в землю Русскую к отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спит... Игорь пробудился... Мысленно он поле измеряет от Дону великого до малого Донца. Готов конь к полуночи, Овлурь (сообщник Игоря) свистнул за рекою. Князя Игоря нет! Крикнул он, дрогнула земля, зашумела трава, поднялся стан половецкий. Пустился Игорь, словно горностай, по тропинке, несется на борзом коне своем, словно волк в степи. Не догнать Гзаку и Кончаку своего пленного. «Тяжело тебе голове без плеч, – говаривал в старину Боян, – худо тебе телу без головы», так тяжело земле Русской без Игоря. Что солнце сияет на небе, так Игорь в Русской земле. Игорь едет по Боричеву к Святой Богородице Пирогощей (церковь в Киеве). Страны рады, города веселы, воспевая песнь старым князьям, а потом молодым. Воспоем и мы: слава Игорю Святославичу, Буй-туру-В се вол оду, Владимиру Игоревичу! Да здравствуют князья и дружина, поборающая за христиан на полки поганые!»

В приведенном сказании рассказано совершенно согласно с летописью о злополучном походе Игоря в 1185 г. Неизвестно, кто писал это сказание, но, конечно, не духовное лицо. Называть людей внуками Даждь-бога, упоминать Велеса, Стрибога и проч. мог только мирянин, который не чужд был народных языческих выражений и суеверий. Вероятно, это был дружинник, хорошо знакомый с военным делом, быть может, участник неудачного Игоревго похода, во всяком случае это был человек умный и талантливый, хорошо понимавший, в чем главное зло Русской земли, и умевший вылить свою мысль и чувство в живое слово... Дорога была его сердцу Русская земля, и глубоко скорбит он, что и сила русская, и удаль пропадают попусту от губительной розни князей, которые «куют крамолу» и степных хищников наводят на свою землю... Скорбно говорит он о родных полях, которые кровью политы, костями людскими усеяны, на которых редко слышится песня пахаря, а часто вороны каркают на мертвых телах!..

Монашество и просвещение на Руси в девятом–двенадцатом столетиях

Начало русского монашества

В конце X в., когда к предкам нашим зашло христианство из Византии, там было уже много монастырей. Монашество впервые явилось на Востоке в III в. по Р. Х. Учение Христа и набожность так увлекали многих людей, что они отказывались от всяких мирских утех и житейских забот, удалялись в пустыню и там проводили одинокую жизнь в тяжких лишениях, посте и молитве. С Востока монашество перешло в Грецию. В Константинополе и в других больших и богатых греческих городах нравственный упадок в IV–V вв. доходил до крайней степени: богачи утопали в роскоши, в излишествах всякого рода, в пороках, а чернь от нищеты более и более грубела и становилась склонна к зверству и насилию. Тщеславие, зависть, жадность, обман, хищение и всевозможные пороки встречались на каждом шагу. Напрасно лучшие проповедники в своих речах громили общество, обличали пороки его, напоминали ему о христианских обязанностях. Ничто не помогало... Тяжело, душно было жить всякому истинно нравственному человеку среди пороков и нечестия. Люди, исполненные благочестия и христианского чувства, не выносили подобной жизни – отказывались от семьи, от всяких благ земных, уходили из городов и проводили одинокую жизнь в благочестивом размышлении, покаянии и молитве. Богачи жили в роскошных палатах, сияли золототканой одеждой, блистали драгоценными камнями, наслаждались самою утонченною и дорогою пищею, а отшельники находили себе приют в мрачных пещерах, в дуплах старых деревьев, одевались в грубую, жесткую власяницу, питались сухим хлебом и то не всякий день. Эти отшельники, или аскеты (подвижники), как их называли в Греции, даже нарочно старались изнурять свое тело голодом, жаждою, зимою подвергали себя холоду, а летом жгучему зною: тело, по понятиям их, было только обузою, бременем для души, помехою для душевного спасения; на земную жизнь смотрели они, как на временное испытание для души.

«Антоний Печерский». Гравюра Л.Тарасевича. 1702 г.

Жизнь праведника, по их взгляду, должна была состоять в неустанной борьбе с телесными потребностями, при помощи которых лукавый искушал людей и старался ввести их в грех. Отшельник, изможденный голодом и жаждою и всякими лишениями, но сильный духом, могущий проводить дни и ночи в непрестанной молитве, покаянии и слезах, стал образцом истинного христианина-подвижника. Понятно, что среди изнеженного, малодушного и своекорыстного населения такие могучие духом подвижники возбуждали всеобщее удивление и вызывали свежих людей на подражание. По близости иных отшельников селились их подражатели – подвижники. Каждый жил особняком. Таким образом возникали уединенные жилища (монастыри). Обитатели этих монастырей – монахи (слово «монах» означает «одинок живущий, инок») – считались как бы братьями и подчинялись старейшему (игумену, настоятелю).

Русский народ, еще молодой и свежий, не страдал, конечно, теми неизлечимыми недугами и пороками, в каких погрязло изветшавшее византийское общество, но и на Руси творилось много всякого зла, долго держались еще языческие обычаи, много было грубости. Все это, конечно, должно было мало-помалу ослабеть с большим просвещением, с усилением Христовой веры в народе. Но пока все-таки людям с глубоким чувством и умом тяжело жилось в обществе, или, как говорилось, «в миру»: слишком уж груба и темна была для них «мирская жизнь» полуязыческого и невежественного населения, а от священных книг, от учения Христова веяло таким теплом, таким светом!.. Как же люди чуткие и умные могли бы не увлекаться ими? Иными овладевало страстное желание всецело служить

Богу, отречься от всего мирского. Притом рассказы о самоотвержении и подвигах византийских пустынников вызывали желание подражать им. Понятно, почему и на Руси должно было рано возникнуть монашество.

У нас явились монастыри вскоре после принятия христианства; при Ярославе их было уже несколько. Но ни один из них не имел такого важного значения, как Киево-Печерский. Основателями его были святые Антоний и Феодосий.

Антоний родился в местечке Любече, неподалеку от Чернигова. С юных лет он отличался уже благочестием и набожностью; странствовал по монастырям Греции и достиг Святой Горы (Афонской), где было несколько монастырей. Благочестивая жизнь в этих обителях так пришлась ему по душе, что он пожелал остаться иноком в одной из них. Настоятель постриг его в монахи и разъяснил ему все монашеские обязанности. Поселился Антоний отшельником в уединенной пещере и начал свою подвижническую жизнь. Его благочестие и строгая жизнь обратили на него общее внимание братии. Тогда игумен сказал ему:

– Иди снова в Русскую землю, да будет с тобою благословение Святой горы! От тебя произойдет множество черноризцев.

Прибыл Антоний в Киев, обошел все монастыри, но нигде не захотелось ему остаться. Тогда начал он ходить по горам и лесам близ Киева и наконец набрел на небольшую пещеру в лесу, у берега Днепра, и поселился здесь. Пещерку эту ископал Илларион, священник из села Берестова (впоследствии митрополит). Он любил уединяться для молитвы в лесу и на случай непогоды прокопал себе в крутом обрыве прибрежного холма углубление. Антоний прорыл его поглубже и поселился здесь. Пребывая постоянно в молитве, трудах, не давал он себе покою ни днем ни ночью; сухой хлеб, и то через день, был его пищею, простая вода – единственным напитком.

Скоро пошла по людям молва о новом подвижнике; начали приходить к нему набожные люди за благословением, приносили ему все нужное для жизни. Нашлись и такие, что стали просить у него позволения поселиться близ него и вести жизнь по его примеру. Первый поселился подле Антония Никон, а в 1032 г. пришел Феодосий.

Святой Феодосий

Родился Феодосий неподалеку от Киева, в городе Василеве. Родителям его пришлось скоро переселиться в Курск; здесь и провел Феодосий свое отрочество. С детских лет уже обнаруживал он большую набожность и благочестие. Церковь Божия была первым его училищем. Любил он слушать церковное пение и чтение божественных книг, детских игр чуждался, не хотел носить богатой цветной одежды. Не могли его принудить родители, люди зажиточные, надевать богатые наряды и играть с детьми. Скоро он научился грамоте у одного из учителей. Тринадцати лет он лишился отца. Мать Феодосия, женщина крутого нрава, очень упрямая, не могла выносить его склонностей. Она любила своего сына страстно. Поступки же его казались ей и странными и унижительными для него и ее рода: невыносимо было ей видеть, как ее сын в плохой одежде, ничем не отличаясь от рабов, шел с ними на работу. Она запрещала ему это, умоляла его одеться в богатое платье, идти играть со сверстниками, приходила в ярость, когда он не повиновался ей в этом, била его... Ничто не помогло! Смиренно выносил Феодосий побои матери, но продолжал поступать по-прежнему.

Наслушавшись рассказов о святых местах, где жил, учил и страдал Спаситель, Феодосий захотел во что бы то ни стало побывать там. Узнав от странников, проходивших через Курск, что они идут в Иерусалим, он упросил их взять его с собой. Когда они известили его, что собираются в путь, он встал ночью, тайком вышел из дому, не взял с собою ничего, кроме той плохой одежды, в какой обыкновенно ходил, и пошел вслед за странниками. Когда мать узнала, что сын ее ушел с богомольцами, бросилась она в погоню за ним – и догнала... Злоба ее не знала границ. В ярости схватила она его за волосы, бросила наземь, била его ногами. Связанного, словно злодея, привела домой. Гнев ее был так велик, что она и дома била его до изнеможения, после того велела заковать его. Наконец гнев ее мало-помалу улегся, и заговорила в сердце ее материнская любовь – жалко ей стало сына; начала она его увещевать, умолять, чтобы он не уходил от нее. Любила она его больше всех детей своих, не могла жить без него. Феодосий обещал не покидать ее, а она предоставила ему полную свободу поступать как он хочет.

По-прежнему стал он ежедневно ходить в церковь и, заметив, что был недостаток в просфорах, принялся печь их и продавать. Излишек вырученных денег раздавал он нищим, а на остальные снова покупал жито, сам молот его и пек просфоры. Сверстники Феодосия насмеялись над ним, стыдили, укоряли и ругали его. Он же сносил молча все поругания, тайно радуясь в сердце своем; но материнское чувство не вынесло насмешек над сыном, и начала снова она умолять его, с любовью увещевать.

– Молю тебя, дитя мое, – говорила она, – оставь это дело, не позорь своего рода: нестерпимо для меня слышать от всех укоры тебе. Неприлично тебе такое дело делать...

– О, мать моя, – отвечал Феодосий, – послушай меня. Господь наш Иисус Христос сам подал нам пример смирения: был Он и поруган, и оплеван, и заушаем, – все перенес Он спасения нашего ради. Нам же, грешным, тем более следует терпеть. А что до моего дела, то послушай: если сам Господь назвал хлеб своею плотью, то как же мне не радоваться, что Он сподобил меня готовить его плоть!

Подивилась мать разуму сына своего, перемогла она досаду и оставила его в покое, но ненадолго... Раз, увидев на нем ожоги, стала она снова укорять его, грозить, умолять, чтобы он оставил не подходящее его званию дело. Смутился юноша и долго недоумевал, как ему быть. Порешил он наконец уйти от матери. Ночью тайно ушел он из дому в соседний город. Там его принял к себе в дом один священник, и стал Феодосий по-прежнему печь просфоры

для церкви. Долго мать в страшной горести разыскивала беглеца-сына. Наконец узнала, где он, нашла его, и снова Феодосий подвергся побоям и истязаниям...

Понравился он властителю города (наместнику князьему), взял тот его к себе в дом, одевал в богатое платье; но Феодосий дарил нищим это платье, а сам по-прежнему ходил в старом и плохом. Мало того, он попросил кузнеца сковать тяжелые вериги (цепи), опоясался ими и носил их под платьем. Железо перетирало ему тело до крови; но он не показывал и виду, что ему больно. Случайно мать заметила кровь на одежде его, узнала, что он истязает себя, снова пришла в ярость, сорвала с него вериги и прибила его.

Однажды Феодосий при чтении Евангелия услышал слова: «Аще кто не оставит отца и мать, и вслед Мене не идет, несть Мене достоин» и далее: «приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз вы упокою». Не раз слышал эти слова Феодосий, но на этот раз они особенно сильно подействовали на него. Он решил уйти из дому во что бы то ни стало и посвятить себя всецело Богу. Слышал он, что в Киеве есть монастыри; там думал он найти приют. Дороги в Киев он не знал. По счастью для него, шел туда в это время купеческий обоз. Феодосий пошел следом за ним, не упуская его из виду, и таким образом добрался до Киева. Здесь ходил он по разным монастырям и просился, чтобы его приняли в иноки; но нигде не пожелали принять юношу, одетого в бедную, изорванную одежду.

«Феодосий Печерский». Гравюра Л. Тарасевича. 1702 г.

Услыхал он об Антонии и пришел к нему. Увидев отшельника, Феодосий поклонился до земли и стал со слезами просить, умолять его.

– Чадо, – сказал Антоний, – видишь ли эту пещеру? Место это скорбное и тесное; ты же еще юн и, думаю, не снесешь печали в этом месте.

– Честный отец, – отвечал Феодосий, – ты знаешь, что Бог привел меня к тебе, – все, что только ты велишь, буду я творить.

Тогда Антоний благословил Феодосия и велел Никону постричь его и возложить на него черные монашеские ризы.

Начались иноческие подвиги Феодосия. Но ему предстояло новое тяжелое испытание. Его мать была в отчаянии. . . Напрасно она разыскивала его сама по всем окрестным местам; тщетно искали его всюду ее слуги; щедрую награду обещала она тому, кто его приведет, – все напрасно! Четыре года прошло – о Феодосии ни слуху ни духу! Но вот случайно от путников, пришедших из Киева, узнает она, что Феодосия видели там. Немедленно спешит она туда, бросается по всем монастырям, наконец узнает, что он в пещере у преподобного Антония. Она приходит к пустыннику и слышит, что сын ее жив и находится здесь. Она хочет видеть его, но отдавший себя Богу решается отказать матери в свидании. Никакие мольбы не могут изменить его решения, даже увещания самого Антония не действуют на него. Тогда страстно любящая мать от мольбы переходит к угрозам.

– Покажи мне сына моего, – говорит она в отчаянии Антонию, – если не покажешь его, я погублю себя у твоей пещеры!

Антоний в тяжелой скорби идет и снова умоляет Феодосия выйти к матери; наконец он повинуетя и выходит. Увидела мать своего сына бледного, исхудалого, изможденного, бросилась к нему на шею, горько рыдала, обливала его слезами. Успокоившись немного, стала она умолять его:

– Возвратись в дом свой, детище мое! Все, что тебе надо для спасения души, – все ты будешь творить по своей воле, только не отлучайся от меня. Умру я, погребешь ты меня, тогда возвращайся в пещеру эту. Не могу я жить и не видеть тебя!

Напрасны были мольбы матери. Феодосий, верный данному монашескому обету, был непреклонен. Он предложил матери, если она хочет видаться с ним, постричься в одном из киевских ближних женских монастырей. После долгой борьбы материнское чувство взяло в душе ее верх над всеми мирскими утехами, и она, не имея сил расстаться навсегда с сыном, постриглась в женском монастыре Св. Николая. (Все подробности эти преподобный Нестор, написавший житие Феодосия, узнал от келаря Феодора, который слышал от самой матери святого подвижника.)

Молва о днепровской пещере и трех подвижниках ее: Антонии, Никоне и Феодосии – далеко разносилась по Русской земле. Со всех концов ее из разных сословий стала стекаться братия.

Сын одного знатного вельможи, Иоанна, явился раз к Антонию, долго беседовал с ним и выразил желание постричься в иноки. На другой день приехал он к пещере в светлой одежде, на богатом коне, в сопровождении своих слуг. Отшельники вышли из пещеры и приветствовали его, как вельможу; он же в ответ поклонился им до земли и, сняв с себя боярскую одежду, положил ее перед старцем, поставил перед ним и коней в богатых уборах и сказал:

– Все это, отче, прелесть мира сего; как хочешь, так и поступи с нею. Я же хочу, презрев все это, быть иноком и жить с вами в пещерах и не возвращусь больше в дом свой.

Антоний напоминал ему о силе обета, о власти отца, о гневе князя, но решимость юноши не поколебалась. Тогда Никон постриг его и нарек Варлаамом. Вслед за ним княжий слуга, любимец князя, также постригся в монахи под именем Ефрема. Узнав об этом, великий князь Изяслав сильно разгневался – велел привести к себе одного из отшельников. Явился Никон.

– Ты ли, – спросил его с гневом Изяслав, – постриг боярина моего и слугу в монахи без повеления моего?

– Божею благодатью, – отвечал Никон, – я постриг их повелением Царя небесного Иисуса Христа, призвавшего их на подвиг.

– Иди, – сказал князь, – и увещай их, чтобы они возвратились к себе домой; иначе я пошлю тебя и всех живущих с тобою в заточение и пещеру вашу раскопаю.

– Владыка, как тебе угодно, так и твори, а я не могу отнимать воинов у Царя небесного! – отвечал кротко Никон.

Жена Изяслава стала просить за иноков и смягчила гнев своего мужа.

Много стараний употребил отец Варлаама, чтобы вернуть сына из пещеры, наконец силою увел его к себе домой. Варлаам молча сидел в углу, не трогал пищи, принесенной ему, не обращал внимания на просьбы и ласки жены. Три дня просидел он молча, не евши, и только мысленно молил Бога, чтобы Он подкрепил его. Наконец родители поняли, что ничего с ним не поделают, и со слезами отпустили его. Оплакивала его жена, плакали слуги, любившие его. Он остался твердым в своем решении.

Варлаам был игуменом после того, как Никон ушел из Киева в Тмутаракань. Вскоре по желанию князя Варлаам стал настоятелем в монастыре Св. Димитрия в Киеве, тогда по благословию Антония братия избрала игуменом Феодосия.

Первыми подвигами его в игуменстве были постройка большой церкви и введение монастырского устава. Недалеко от пещеры нашел он удобное место, соорудил там храм во имя Пресвятой Богородицы, а около него выстроил кельи. В своем монастыре ввел он устав Студийского Константинопольского монастыря.

Правила этого устава очень просты. Общая молитва всей братии в церкви считается выше одиночной, келейной. У иноков должна быть общая трапеза; пищу вкушать за братской трапезой должны были все безмолвно, внимая чтению; без благословения игумена никто не смел ни есть, ни пить, ни держать хлеба или воды в келье, ни съесть ягоды в поле. Имуущество у иноков должно быть общим, даже и одежда; никто не мог ничего назвать своим; даже в разговоре запрещалось употреблять слова «мое, собственное, твое». Инок не должен был принимать милостыни ни от кого; взять что-либо у кого-нибудь позволялось не иначе как с благословения игумена. Инокам не позволялось ходить по кельям друг к другу. Без разрешения игумена никто не смел выходить за монастырские ворота. Разные ремесла и искусства составляли занятие иноков в досужее от молитвы время.

Более всего Феодосий требовал от иноков полнейшего повиновения воле игумена; всякое уклонение от приказаний его считалось тяжким грехом. Братия привыкла так повиноваться воле своего настоятеля, что раз вратарь не решился без спросу у него впустить в монастырь даже великого князя, потому что он приехал в такую пору, когда Феодосий запретил впускать посторонних в монастырскую ограду.

Жизнь иноков проходила в долгих церковных службах и тяжелых трудах. Пища была скудная; монастырь был еще беден, и случалось, что братия с вечера не знала, чем будет питаться завтра; но все иноки и игумен твердо верили, что Бог, питающий небесных птиц, пропитает и их. С течением времени, когда от разных пожертвований и вкладов обитель несколько обогатилась, Феодосий стал отделять десятую долю всех доходов монастыря на бедных, даже устроил особый двор, где жили на счет монастыря нищие, калеки и больные. Каждую субботу посылал Феодосий воз с хлебами по темницам. В келье у себя держал он расслабленного старца и взял на себя весь уход за ним.

Феодосий требовал, чтобы все иноки строго исполняли свои обязанности. Он часто посещал кельи, и если находил у кого из братии сверх общих братских вещей лишнюю одежду или другие вещи, то бросал их в огонь. Даже по ночам строгий игумен обходил кельи и слушал у дверей. Если он слышал в келье молитву, то благодарил Бога за благочестие инока; если же слышал беседу двух или трех иноков, то стучал в дверь. Утром призывал он виновных и обличал их, укорял кротко, со слезами...

«Молю вас, братия, – говорит он инокам в одном поучении, – будем подвизаться в посте и молитве. Попечемся о спасении душ наших. Возвратимся от злобы и от путей греха, каковы: клевета, празднословие, пьянство, объедение, неприязнь к брату. Взыщем Бога рыданием, слезами, постом, неустанною молитвою, покорностью, послушанием. Назвав-

шись чернецами, мы должны каждый день каяться в своих грехах. Покаяние есть путь, приводящий к Богу; оно есть ключ к царству; без него никому нельзя войти в царство небесное».

Строгий к другим, Феодосий был еще строже к самому себе. Никогда не видали его праздным: он не гнушался никаким трудом, работал целый день, не давая отдыха своим рукам и ногам, часто ходил в пекарню – месил тесто и пек хлебы вместе с пекарями. Пример его сильно действовал на братию. Раз пекарь сказал Феодосию, что нет воды, а наносить некому; тогда блаженный тотчас встал и принялся носить воду с колодца. Один из братии увидел это и поспешил сказать другим; сейчас же нашлось несколько человек, которые наносили воды с избытком... В другой раз случилось, что не было дров для кухни. Келарь пришел к Феодосию и сказал:

- Ты бы велел кому-нибудь из братии, кто не занят, наносить дров!
- Вот я не занят, – отвечал Феодосий, – так я и пойду.

Братии он велел идти в трапезу, так как было время обеда, а сам взял топор и стал рубить дрова. Когда иноки после обеда увидели настоятеля за работой, тотчас же каждый взял свой топор, и скоро накололи дров на много дней.

За братской трапезой ел он только сухой хлеб и вареную зелень без масла, не пил ничего, кроме воды, одежду носил ветхую в заплатках, а под нею колючую власяницу. Спать он обыкновенно не ложился, а после повечерья засыпал сидя; часто проводил он ночи без сна, молясь за себя и за братию. С наступлением Великого поста он обыкновенно удалялся в особую пещеру (известную до сих пор под именем Феодосиевой, или дальней), а возвращался в обитель накануне Лазаревой субботы.

Своим примером, добротой и приветом Феодосий производил чудесное действие даже на испорченных людей. Раз привели к нему связанных разбойников, которых поймали в одном монастырском селе за кражею. Блаженный при виде их связанных сильно опечалился. Прослезившись, он велел освободить их и накормить; потом долго поучал их никого не обижать, никому не делать зла, дал им много необходимого и отпустил их с миром. Отпущенные так умилились душою, что с этих пор перестали делать кому-либо зло, стали довольствоваться своим трудом.

Смирение Феодосия было необыкновенно. Случилось ему раз быть далеко от обители, у князя Изяслава. Князь приказал одному из своих слуг отвезти настоятеля в монастырь. Слуга, видя инока в нищенской одежде и не зная, кого везет, сказал ему дорогою:

– Ты, чернец, всегда празден, а я живу в трудах: пусти меня отдохнуть в повозке, а сам садись на лошадь.

Феодосий беспрекословно обменялся местом со слугою и целую ночь то ехал верхом, то шел подле лошади, чтобы не уснуть. Когда рассвело, бояре, ехавшие к великому князю, при встрече с подвижником сходили с коней и низко кланялись ему. Слуга, увидев это, испугался; но Феодосий успокоил его, ласково ввел его в обитель и приказал угостить.

Кроткий и смиренный Феодосий был в то же время очень строг, тверд и непоколебим, где надо было изобличить неправду. Когда, изгнав из Киева Изяслава, завладел его княжеством Святослав, Феодосий строго обличал его за это, не раз в присутствии бояр и княжих людей укорял князя за его несправедливость к брату и насилие и просил бояр передать свои слова князю. Мало того. Он сам написал ему большое послание, где сравнивал поступок его с преступлением Каина. Князь, прочитав это обличение, пришел в ярость... Братия, опасаясь за подвижника, умоляла его смириться и не раздражать князя. Многие бояре, приходившие в обитель, упрашивали игумена о том же и говорили, что Святослав грозит послать его в заточение.

– Радуюсь я этому, – сказал Феодосий, – для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне бояться? Потери ли имущества или богатства? Лишусь ли детей или сел? Нагими мы пришли в этот мир, нагими же подобает нам и уйти из него.

Феодосий продолжал свои обличения. И принужден был великий князь смириться перед иноком, сиявшим своим благочестием. Сила смирилась перед правдою. Князь старался даже сблизиться с обличителем своим, часто приезжал в обитель к нему, искал его беседы, кротко выслушивал укоры его, с радостью принимал наставления. К нему обращались часто миряне с просьбою заступиться за них, попросить за них у князей и бояр. Князья и бояре чтили Феодосия как праведника и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами к Феодосию, но нередко приглашали его к себе. Раз пришел он к Святославу во время пира. Гремела музыка, раздавались песни, плясали скоморохи... Подвижник сел поодаль, печально опустив голову, и наконец, обратившись к князю, проговорил:

– Будет ли так на том свете?!

Князь понял, как оскорбляет мирское веселье смиренного инока, проводящего дни и ночи в покаянии, слезах и молитве, и велел тотчас же прекратить веселье. С тех пор как только докладывали князю о приходе игумена, музыка и веселье прекращались. Князь так уважал Феодосия, что говорил ему:

– Если бы отец мой встал из мертвых, я так не был бы обрадован этим, как твоим приходом!

Феодосий, несмотря на то что Святослав благоговел перед ним и много добра сделал для братии, все-таки не простил ему проступка: на ектениях во время богослужения в монастыре всегда молились сначала за Изяслава как законного великого князя, а за ним уже упоминали Святослава...

От Феодосия до нашего времени сохранилось несколько поучений: одни из них касаются монашеской жизни, другие вообще христианских обязанностей. В одной проповеди своей «О казнях Божиих» он признает голод, болезни, нашествие врагов карою небесною за грехи; указывает на разные языческие суеверия народа, нерасположение его к духовным лицам (встречу, например, с чернецом, с черницею народ считал дурным предзнаменованием). Нападает также Феодосий на чародейство, на гаданья, на ростовщичество, на мирские забавы, на музыку и пляску. Более всего укоряет он за пьянство: как видно, этот порок был и в ту пору сильно распространен. Особенно в своих поучениях предостерегает он сближения с иноверцами – латинцами: он, видимо, опасался, чтобы они не совратили русских в свою веру.

Монастырь все более и более расширялся; благодаря вкладам и пожертвованиям он год от года богател; число братии росло. Задумал Феодосий воздвигнуть большую каменную церковь в честь Успения Богородицы. Великий князь Святослав подарил для новой церкви хорошее место близ старого Печерского монастыря и пожертвовал большие деньги (около ста гривен золота) на сооружение ее. Были и другие пожертвования. Закладка церкви происходила в 1073 г. Феодосий с братией ежедневно работал при постройке и помогал мастерам. Но не пришлось ему дожить до окончания ее: он сильно занемог и скоро почувствовал приближение кончины. Созвал он всю братию. Все плакали.

– Чада мои, любимая братия, – говорил он, – отхожу я уже к Владыке нашему Господу Иисусу Христу; изберите себе сами игумена и повинуйтесь ему, как духовному отцу, бойтесь его...

Затем умирающий заповедал, чтобы погребли его в той пещере, куда он обыкновенно удалялся во время Великого поста. Горько плакали все иноки. Феодосий утешал их:

– Обещаюсь вам, что я только телом отхожу, а духом вечно пребуду с вами.

Он скончался 3 мая 1074 г. на 65 году от роду. За год перед тем скончался Антоний 90 лет.

Долго строилась Успенская церковь. Окончена постройка была через 15 лет после закладки. Красота этой церкви изумляла современников: внутри она блистала золотом и

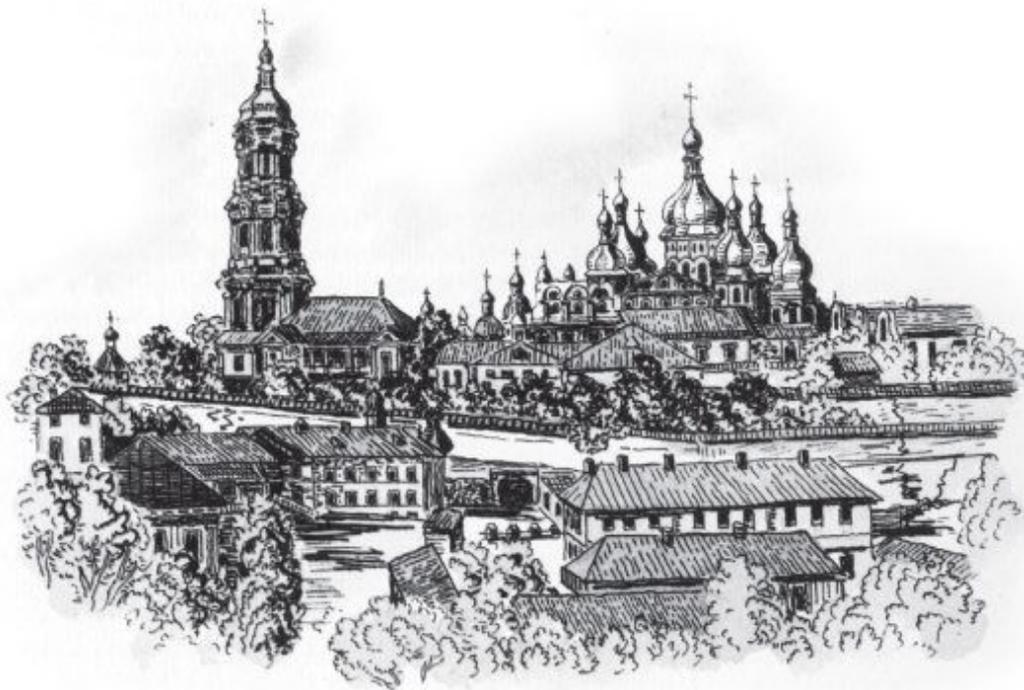
мозаикою; помост устроен был из разноцветных камней узорами; церковные главы были позолочены. Крест на главном куполе был выкован из чистого золота. Современники называли печерскую церковь «славою и украшением всей земли Русской».

Значение Киево–Печерского монастыря

Дух смиренного благочестия и строгого подвижничества, внесенный в обитель Феодосием, долго пребывал в ней. Много было здесь благочестивых иноков и суровых подвижников и при Феодосии, и по его смерти. Кроме иноков, живших по кельям и сходившихся по уставу в церкви за общею молитвою да в трапезной, в Печерской обители были и затворники. Таков был Исаакий, раньше богатый торопецкий купец. Увлекся он подвижническою жизнью, раздал все свое имение нищим, пришел в пещеру, постригся в монахи и начал тяжелую подвижническую жизнь, надел власяницу, сверх нее покрылся сырой козлиной кожей, которая на нем высохла, и затворился в тесной пещере. Здесь он непрестанно молился; воздерживался от пищи и питья; через день по одной просфоре подавали ему через окошечко, куда едва проходила рука. Воздерживался он также и от сна – сидя засыпал ненадолго. Изнурил он до крайности свою плоть; тяжелые видения томили его; он испытывал страшные искушения... Другой подвижник, Иоанн Многострадальный, старался умертвить свою плоть, убить в ней все потребности. Долго боролся он с самим собою. Наконец закопал себя в землю по грудь и так провел несколько лет. Кроме затворников, в Киево–Печерской обители было много и других иноков, прославившихся высоким благочестием. Таковы, например, Дамиан целитель, Матвей прозорливец, старец Иеремия, помнивший крещение Русской земли при Владимире, Агапит, безмездный врач, Алимпий, первый русский иконописец, и другие.

Много дивных рассказов о Киево–Печерском монастыре и подвижниках его разносили по Русской земле богомольцы, бывавшие в Киеве. Рассказывали о чудном воздержании, терпении печерских подвижников, смирении, непрестанной борьбе их с искушениями, чудесах... Дивились все подвигам печерских иноков – этих богатырей духовной силы.

Киев сделался священным городом в глазах всех православных. В самом городе красовались великолепные церкви: Десятинная и Софийская; в первой была гробница св. равноапостольного Владимира; близ Киева, в Вышгороде находились гробницы святых Бориса и Глеба, а в окрестностях Киева, на берегу Днепра, сияла Печерская обитель, где покоились мощи святых Антония, Феодосия и многих других подвижников, погребенных в пещерах. Мало-помалу народ привык со всех концов Русской земли стекаться в Киев для поклонения его святыням.

Киево-Печерская лавра. Вид конца XIX в.

Чем больше росла слава Печерской обители, тем больше приходило сюда и богомольцев; росли и пожертвования. Князь Ярополк Изяславич дал Печерскому монастырю три волости; дочь его пожертвовала пять сел с челядью; было немало и других щедрых и крупных пожертвований в пользу обители. Монастырь мог теперь в больших размерах совершать дела благотворительности: давать приют и пропитание калекам, больным и нищим, о которых всегда так заботился св. Феодосии; мог предпринимать богатые постройки, украшать свои церкви. По своей славе Киево-Печерский монастырь считался самым главным на Руси. Более пятидесяти человек из киево-печерских иноков были епископами; некоторые иноки становились игуменами других монастырей; всюду они старались водворить порядки, устав и дух Киево-Печерской лавры. Отсюда же распространялись святые книги и просвещение. Монастырей в то время на Руси было немало. В одном Киеве и его окрестностях было их семнадцать (мужских и женских).

Монашеская жизнь мало-помалу стала считаться на Руси образцом истинно праведной жизни. К сожалению, многие стали думать, будто мирянин никак уж не может вести угодной Богу, праведной жизни. Сложилось убеждение, что желающий угодить Богу должен изнурять свое тело постом, долгой молитвой, вести одинокую жизнь, постоянно сокрушаться о своей греховности, каяться и прочее. Жизнь, не похожая на монашескую, стала считаться греховною. Все благочестивые миряне старались по мере возможности подражать монахам и делали богатые вклады в монастыри, надеясь молитвами истинных угодников Божиих снискать себе душевное спасение.

Борьба с язычеством

В то время как в Киево-Печерском монастыре многие иноки сияли истинным благочестием и оно проникало мало-помалу в среду князей, бояр и горожан, вдали от Киева, на Севере, в глухих местах, многие языческие верования сильно еще держались. Народ, хотя и крестился, ходил в церкви, но многого не понимал, смешивал своих языческих богов с христианскими святыми – Перуна с пророком Ильею, Волоса со св. Власием. По-прежнему верил народ в домовых, леших, водяных и русалок. Много приходилось духовенству бороться против такого двоеверия.

Разные невежественные странники и богомольцы, сами плохо разумея то, что делалось и читалось в церквях, своими рассказами часто мешали народу понимать как следует христианское учение. С ним сплетались разные языческие поверия и суеверия. Жития святых смешивались со сказками (легенды); библейские рассказы, сказания о подвигах какого-нибудь святого сливались с песнями о богатырях (духовные стихи). Народ верил в разные приметы, прибегал к гаданиям, к помощи разных кудесников и волхвов. Особенно сильны были языческие суеверия на Севере. Летопись приводит несколько случаев возмущения народа волхвами.

В Ростове (около 1070 г.) настал страшный голод. В это время появились два волхва в Ростовской области; пошли они по Волге и везде распускали нелепую молву, будто женщины причиняют голод. Множество несчастных женщин было перебито суеверным народом, пока наконец Яну, боярину князя Святослава Черниговского, не удалось захватить волхвов. Они были преданы разным мучениям, а потом повешены.

Сильное волнение было и в Новгороде в 1071 г. Появился там кудесник и стал хулить христианство. Чернь взбунтовалась, хотела убить епископа Федора. Он с крестом в руках явился на вече, звал к себе всех христиан, но из народа никто не пошел к нему – все стали на сторону волхва; на стороне епископа был только князь Глеб с дружиною. Князь подошел к волхву и спросил:

– Знаешь ли ты, что будет завтра утром и вечером?

– Все знаю, – отвечал тот.

– Ну, а что будет нынче? – спросил князь.

– Я сотворю, – отвечал кудесник, – великие чудеса.

Тогда князь схватил спрятанный под корзном (плащом) топор и одним ударом рассек волхва надвое... Народ, пораженный ужасом, разошелся по домам. Князь, показав своей жестокой расправой при всем народе ничтожество волхва, прекратил народное восстание.

Мало-помалу наконец народ терял доверие к волхвам и менее поддавался их обманам. Когда в 1227 г. появились четыре волхва в Новгороде и попробовали своими рассказами возмутить население, то на них восстало уж не одно духовенство, но и весь народ. Само вече присудило казнить их.

В Киеве христианство укоренилось сильнее, чем на Севере, и поднять народ против духовенства было здесь труднее. В конце

XI в. появился и тут кудесник. Он стал рассказывать, будто боги ему открыли, что через пять лет Днепр потечет вверх и Русская земля станет на месте Греческой, а Греческая на месте Русской. Хотя нашлись в Киеве люди, которые поверили кудеснику, но большая часть смеялась над ним и говорила:

– Бес играет тобою на пагубу тебе!

Кудесник в Киеве не имел успеха.

Упорную борьбу с язычеством пришлось вести в Муроме. Край этот, глухой, лесистый, был заселен финскими племенами – муромой и мордвой; славянских поселков в этой обла-

сти было мало. Князья здесь являются с конца XI в., когда получил в удел Муромо-Рязанские земли сын Святослава Черниговского Ярослав, родоначальник рязанских князей и просветитель этого края. Прибыл он в Муром с сыновьями Михаилом и Федором, с духовенством и дружиною. Язычники встретили его враждебно, с оружием в руках, и даже убили княжича Михаила.

Ярослав занял город и велел строить в нем церкви. Чем усерднее старался князь распространять христианство, тем более злобились язычники. Однажды они целыми толпами обступили княжий двор и хотели убить князя; Ярослав неустрашимо вышел один к толпе с иконою в руках... Твердость князя смутила мятежников. Ему удалось многих из них обратить в христианство. В назначенный день на Оке произошло крещение народа подобно тому, как в Киеве при св. Владимире.

Ревнителям христианства много еще было дела; приходилось бороться не только с двоеверием, но и с настоящим упорным язычеством. Киево-Печерский монастырь сильно помогал делу просвещения Русской земли христианством.

Один из бывших иноков монастыря, св. Леонтий, сделался епископом в Ростове. Первые два епископа ростовские, греки по происхождению, принуждены были бежать от ярости язычников; но св. Леонтий не бежал, хотя язычники бранили, били, выгнали его из города и грозили убить. Он поселился за городом, привлекал к себе ласками детей и учил их: видел он, как трудно обратить в христианство людей взрослых, закоренелых язычников, и думал действовать на подрастающее поколение.

«Поклонение Стрибогу». Рисунок Г. Шлейзинга из книги «Древняя и современная религия москвитов». 1698 г.

Поднялись против него язычники за то, что он детей их совращает от старой веры, бросились к церкви с дубинами и оружием. Все окружавшие епископа трепетали от ужаса, но Леонтий облачился в святительские ризы и с крестом в руках вышел к дикой толпе. Спокойная твердость его поразила язычников, а сильное слово святителя так подействовало на толпу, что многие изъявили готовность принять крещение. Подвиги св. Леонтия кончились, однако, мученической смертью (около 1070 г.). Преемник его, св. Исая, усердно продолжал его дело: ходил по всей Ростовской и Суздальской земле, всюду проповедовал, крестил народ, уничтожал идолов и строил церкви.

Позже всех славянских племен крестились вятичи. И здесь просветителем язычников был инок Киево-Печерского монастыря св. Кукша. Подобно св. Леонтию, и он претерпел мученическую смерть. Сохранились церковные предания и о других мучениках из киево-печерских иноков. Преподобный Евстратий попался в плен к половцам, разграбившим Печерский монастырь в 1096 г. Он вместе с монастырскими работниками был продан в Корсунь одному еврею, который стал принуждать их отречься от христианства, морил их голодом; Евстратий подкреплял их своими наставлениями. Они решились скорее умереть, чем изменить вере; все они и умерли от голода. Евстратий пережил их: он в юности привык к посту и потому дольше других мог выносить голод. В день Пасхи еврей распял Евстратия на кресте.

Страдалец, умирая, благодарил Господа Иисуса Христа за то, что он удостоил его пострадать так, как пострадал некогда сам.

– Я верую, – говорил мученик своим мучителям, – наступит день, и мне Господь скажет, как сказал разбойнику: днесь будешь со мною в раю...

Тяжким мучениям подвергся и другой инок киево-печерский – преподобный Никон. Попал он также в плен к половцам. Богатые родственники хотели выкупить его из плена, но он воспротивился.

– Если бы Господу было угодно, – говорил он, – чтобы я был свободен, Он не отдал бы меня в руки беззаконников. Охотно перенесу все, что случится со мною по воле Его...

Не получив выкупа, половцы озлобились, начали мучить пленника разными муками: морили голодом, били, жгли на огне, резали ножами, летом сажали на солнце, зимой держали на морозе, подрезали ему жилы на обеих ногах, чтобы не мог он бежать. Он все переносил с терпением...

Примеры необыкновенной твердости духа и переходившие из уст в уста рассказы о подвижниках и мучениках – этих богатырях духовной силы – действовали на народ очень сильно, – сильнее, чем проповеди, и помогали распространению христианской веры и большому утверждению ее в народе.

Просвещение

Киево-Печерская обитель и другие монастыри помогали усилению на Руси христианства не только тем, что из них выходили проповедники, но и распространением книг. Они в то время были исключительно богослужебные и поучительные, и потому читать книги уже считалось делом благочестивым, а переписывать их и этим содействовать распространению слова Божьего, конечно, считалось подвигом очень важным и богоугодным. С каждым годом воздвигались новые церкви, и богослужебных книг (евангелий, псалтирей и др.) требовалось много. Князья и богатые люди, которые заботились о церквях, платили хорошие деньги за книги.

Ценились они в то время очень дорого, так как были рукописные. Понятно поэтому, что в монастырях монахи, умевшие писать, усердно трудились над перепиской книг: дело было и богоугодное, и выгодное для обители, так как плата за труд шла в пользу монастыря. Св. Феодосий во время своего игуменства очень заботился о том, чтобы грамотные иноки занимались перепиской книг. С тех пор это дело не прекращалось в Киево-Печерской обители.

В то время не знали еще скорописи и каждую букву старательно вырисовывали; некоторые писцы писали очень искусно. Заглавные и начальные буквы по большей части рисовались особенно тщательно, и придавался им иногда очень затейливый вид. Писали их большей частью киноварью (красною краскою); иногда эти буквы и узорчатые украшения в начале книги или главы наводили золотом. Писали в те времена на пергамене (так называлась особенным образом выделанная телячья или баранья кожа). Понятно, что пергаменная рукопись, изящно написанная, ценилась очень дорого.

Списывание книг считалось таким важным искусством, что занимались им не только духовные, но и высокопоставленные светские лица, например княжна Полоцкая Евфросиния (XII в.), Владимир, князь Волынский (XIII в.).

Самый древний памятник церковно-славянской письменности на Руси, дошедший до нас, – это Евангелие, написанное в Новгороде в 1056–1057 гг., в княжестве Изяслава Ярославича, дьяконом Григорием для посадника Остромира (хранится Остромирово Евангелие в настоящее время в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге).

Книги приобретались не только для церквей, но и благочестивые князья и богатые люди из бояр часто не жалели издержек, чтобы иметь у себя дома рукописи. Любил книги, как мы уже видели, Ярослав I; сын его Святослав Черниговский имел у себя полные клети книг; Всеволод Ярославич тоже был большой книголюб; Владимир Мономах не уступал в этом своему отцу.

После книг Св. Писания в переводах болгарских и русских распространялись у нас творения св. отцов, жития святых, византийские летописи (хронографы), сборники разнообразного содержания. Иной раз книги украшались картинками. Хотя некоторые из них рисованы и с большим старанием, но вообще очень неискусно. Живопись в те времена была в упадке и в Греции, и потому нашим рисовальщикам XI–XIII вв. не у кого было научиться.

Особенно любопытен сборник, переведенный с греческого языка для болгарского царя Симеона и переписанный с некоторыми изменениями для Святослава Ярославича 1073 г; здесь находим между раскрашенными рисунками изображение князя Святослава и его семьи. По этому рисунку можно судить об одежде князей и княгинь XI в.

В XI в. встречаются уже наряду с переводными сочинениями и произведения русских проповедников и писателей (Луки, новгородского епископа, Илариона, митрополита Киевского, Феодосия). В Киево-Печерской обители появляются первые жития русских святых. Из этих житий особенно замечательны «Житие Бориса и Глеба» и «Житие Феодосия», написанные преподобным Нестором. Пришел он в Печерскую обитель семнадцатилетним юно-

шей (1073), пострижен был в иноки, затем посвящен в дьяконы. В 1091 г. ему было поручено с двумя иноками откопать мощи св.

Феодосия. Обитель в это время полна была живых воспоминаний о своем великом основателе, и Нестор, человек книжный и любознательный, мог многое рассказать о Феодосии по свежим воспоминаниям. Глубоким благоговением и задушевностью проникнут этот замечательный труд Нестора.

«Когда я вспоминал, братия, – говорит он, приступая к описанию жития, – что жизнь преподобного никем не описана, то всякий день погружался в печаль и молил Бога, да сподобить меня все по порядку описать о жизни богоносного отца нашего Феодосия, чтобы и будущие после нас черноризцы, прочитав описание жизни и увидев доблесть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника Его, и укрепились на подвиг, особенно потому, что в сей стране явился такой муж и угодник Божий».

Таким же чувством руководствовались и другие составители житий, которые были любимым чтением в Древней Руси.

Преподобного Нестора считают также и древнейшим русским летописцем; но летописного труда его не сохранилось до нашего времени. Самая древняя летопись (Повесть временных лет), дошедшая до нас, составлена в начале XII в. Сильвестром, игуменом Выдубицкого монастыря, но и этот труд дошел до нас только в позднейших списках (не раньше XIV–XV вв.).

Кроме житий святых и летописей любознательных людей должны были сильно занимать описания путешествий. В XI–XII вв. в Древней Руси очень распространился обычай ходить на богомолье и на поклонение к святым местам. Многие отправлялись не только в византийские монастыри, на Афон, но даже и в Палестину. Таких странников называли паломниками, так как они приносили из Иерусалима пальмовые ветви. Странничество, или паломничество, так усилилось, что наша Церковь старалась даже ограничить его, убеждая богомольцев, что можно спастись и не предпринимая дальних странствий.

Из описаний благочестивых путешествий, дошедших до нас, особенно любопытно «Хождение игумена Даниила» в начале XII в. «Я, недостойный, – говорит Даниил, – по любви к святым местам, описал все, что видел своими грешными очами, чтобы не забыть того, что показал Бог мне, недостойному, а также и ради верных людей, чтобы, кто услышит о сих святых местах, свою душу и сердце наполнил бы мыслью о них и получил бы равную мзду с ходившими к сим святым местам». Все внимание Даниила в его труде направлено на святыню; о ней только и говорит он подробно, описывая Иерусалим, говоря об Иордане, о Гробе Господнем, о чудесном схождении света ко гробу и пр.

К XII в. относятся проповеди Кирилла, епископа Туровского, который подражал византийским проповедникам, путешествие Новгородского архиепископа Антония, Поучения Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве и другие.

Страница из Отромирова Евангелия

Все эти произведения, за исключением Слова о полку Игореве, отличаются церковным или поучительно-христианским направлением. Большая часть их выходит из монастырей.

Из сказанного видно, что Киево-Печерская обитель, а затем и другие монастыри помогли распространению не только христианства, но и книжного искусства и просвещения на Руси. При Андреевском женском монастыре в Киеве Янка, дочь Всеволода, завела училище для обучения девиц грамоте. Ярослав, князь Галицкий, распорядился, чтобы монастыри на свой счет содержали школы и учителей для народа. Кроме монастырей, заводились школы и при церквях.

Русский народ до сих пор высоко чтит киевские святыни и особенно Киево-Печерскую лавру. С наступления весны, особенно в последние недели Великого поста, по всем дорогам, ведущим в Киев, можно встретить множество богомольцев, по большей части пеших, с котомками за плечами, с посохами в руках. Идут они иной раз очень издалека в Киев, чтобы поклониться киево-печерским угодникам и встретить праздник Пасхи в стенах святой обители. Во время богослужения громадная пестрая толпа наполняет знаменитую Успенскую церковь Киево-Печерского монастыря и весь двор вокруг церкви. Тут можно видеть в толпе богомольцев и жителя Крайнего Севера, и южанина, и великоруса, и малоросса; тут можно услышать разные говоры, увидеть разные местные одежды; но вся эта пестрая толпа сливается здесь воедино: одной и той же святыне поклоняется, одни и те же молитвы творит. У церковных дверей, у входа в монастырский двор стоит множество нищих, калек, слепых. Сбредлись эти убогие тоже с разных концов Русской земли сюда в лавру; здесь монахи, по старому преданию, дают им приют и кормят их. Иной раз слепцы, сидя на церковной паперти с деревянными чашками в руках, поют заунывным голосом духовные стихи, особенно стихи о Лазаре, – поют так, как пелся этот стих лет пятьсот тому назад. И кладет православный люд ради душевного спасения свои трудовые гроши в чашки нищих-калек, немощных телом, но, по убеждению народа, сильных у Бога своей молитвою.

Софийский собор в Полоцке XI в. С изображения конца XIX в.

Новгород и Владимир

Древний Новгород и его торговля

Много было городов на Руси в XII в. – насчитывают их несколько сот, но они большею частью походили на села: постройки были бедные, деревянные, вроде теперешних крестьянских изб. В стольных городах, где жили князья, княжеские терема, конечно, устраивались пошире и побогаче. Лучшими зданиями в городе были церкви – обыкновенно тоже деревянные, только в более многолюдных и богатых городах встречаются каменные церкви. Главной принадлежностью древнего города была ограда. Огороженное место, или крепость, и называют собственно «городом»; называли его также «детинцем», «кремлем», иногда «верхним городом», так как строился он на более высоком месте.

В детинце, или в городе, жил обыкновенно князь со своею дружиною, а если город был не столичный, то наместник-боярин со своими людьми. Около стен города селились купцы, разные ремесленники и черный рабочий люд; таким образом кроме внутреннего города появляется город внешний, «кромный», или посад, как обыкновенно называли в старину внешний город. Иногда и такой посад обводился оградой. Бывали случаи, что в больших городах была еще и третья ограда. Самыми большими городами в XII в. у нас были Киев, Новгород, Чернигов и Смоленск. Города эти находились на торговом пути из Варяжского моря в Черное и могли процветать благодаря торговле.

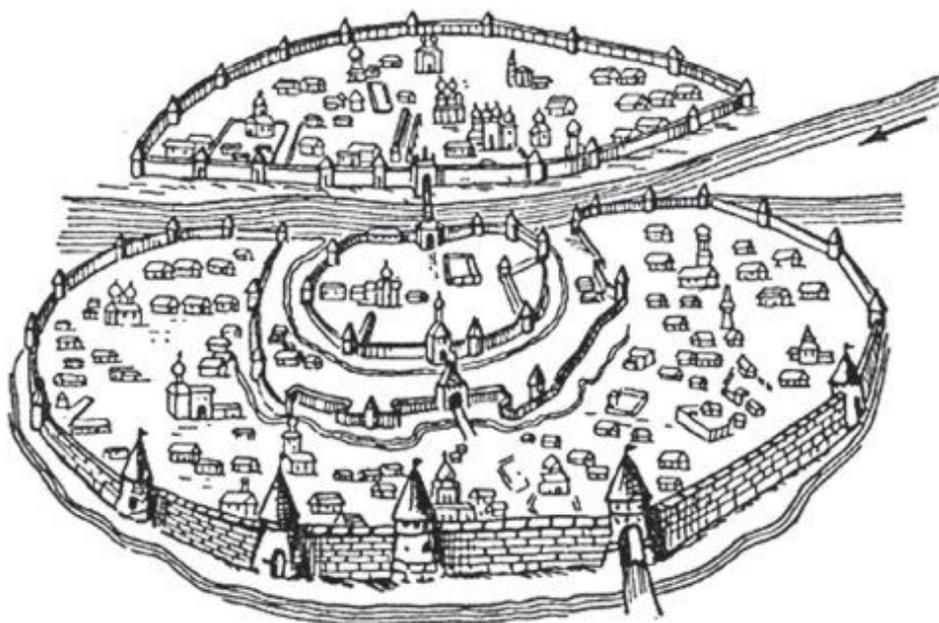
Новгород находится в двух верстах от истока реки Волхова из озера Ильменя. Река делит город на две стороны: Торговую на восточном берегу и Софийскую на западном. Главною частью города был детинец на Софийской стороне. Это было довольно просторное место, обнесенное стенами с башнями и воротами. В детинце, или кремле, жили князь со своей дружиной и новгородский владыка (архиепископ). Здесь же красовалась главная церковь новгородская – Софийский собор. Вокруг кремля шел посад, который образовался из отдельных поселков и делился на три части, или конца, как говорили в старину. Здесь было еще две стены с башнями и воротами. Каменные стены эти выстроены в XII или даже XIII в., а раньше в Новгороде, как и в других древних городах, укрепления состояли из земляных валов и частоколов.

На восточном берегу Волхова была Торговая сторона, где главным образом помещались торжища, или рынки, и лавки. Главным местом здесь было Ярославово дворище (тут некогда помещался двор Ярослава). Место это представляло обширную площадь, около которой было построено несколько церквей. Здесь находилась вечевая башня, у которой собиралось обыкновенно вече; подле нее расположены были готский торговый двор, немецкий и другие. Торговая сторона заключала в себе две части, или два конца города, так что весь Новгород заключал в себе, кроме кремля и Ярославова дворища, пять концов. Торговая и Софийская стороны соединялись мостом.

Новгород был самым торговым городом в Древней Руси. Местоположение его было удобно для торговли: по Волхову можно легко спуститься в Ладожское озеро, а отсюда по Неве – в Балтийское море; по рекам из Новгорода нетрудно было подойти довольно близко к верховьям Днепра и Волги. И в наше время для торговли лучшими путями считаются водные, а в старину они имели еще большее значение: народу жило тогда в стране мало, и прокладывать дороги сквозь леса, по болотам гати гатить да мосты через реки строить населению было не под силу.

В XI и XII вв. новгородцы ведут уже большую торговлю с островом Готландом на Балтийском море. Готландские купцы имели в Новгороде свой двор (готландский) и свою

церковь. На Готланде была тоже русская церковь, построенная заезжавшими туда новгородскими купцами. А в XII в. новгородцы заводят торговые сношения с немцами, особенно с городом Любеком. Позже, в XIII в., несколько немецких городов, в том числе и Любек, составляют союз (Ганзейский), и торговля с Новгородом усиливается. Иностранные корабли с товарами останавливались обыкновенно в устье Невы, у острова Котлина; здесь их встречали новгородские пристава, провожали до самого Новгорода, охраняли их от всякой опасности, приискивали лоцманов, хорошо знающих речной путь, подводные камни, мели.

План древнего Новгорода: 1 – кремль; 2 – Ярославов двор; 3 – Софийский собор; 4 – Неревский конец; 5 – Плотницкий конец; 6 – Торговая сторона; 7 – Славенский конец; 8 – Гончарский конец; 9 – Софийская сторона, Загородский конец

По Неве иноземные корабли шли в Ладожское озеро; доходили до устья Волхова. Здесь товары перегружались на меньшие суда (большие морские суда не могли идти по Волхову). Неподалеку от Новгорода товары подвергались осмотру, облагались небольшою пошлиною и тогда шли в город; здесь выгружались и на телегах свозились в склады на немецкий двор. Иностранцы привозили в Новгород разные товары в обработанном виде: шерстяные ткани, сукна, полотна, вина, стекло и другие изделия фабричной промышленности. Русские сбывали иноземцам по большей части произведения в сыром виде, необработанные: меха, кожи, сало, лен, коноплю и другие.

Иноземные товары новгородские купцы развозили и по другим русским городам – ездили в Суздаль, Владимир, Киев, Чернигов, Галич и там продавали товары с большим барышом для себя.

Софийский собор в Новгороде. Вид конца XIX в.

Новгородская область не отличалась плодородием, страдала часто неурожаями, и потому новгородцы нередко нуждались в хлебе, который доставлялся им из приволжских стран по Волге, а иногда и с юга по Днепру.

Меха и шкуры были наиболее ценным товаром, который продавали новгородцы иностранцам. Вдоволь можно было добыть этого товару и близ Новгорода; но чем дальше к северу, тем пушистее и красивее меха у зверей. Предприимчивые промышленники подвигались все дальше и дальше на север и восток. Земли здесь были бедные, малонаселенные; на далеком расстоянии один от другого были разбросаны маленькие финские поселки; зато лесные дебри здесь были бесконечные, а пушного зверя водилось в них пропасть. Новгородские промышленники, заходившие сюда обыкновенно вооруженными толпами, заставляли финнов подчиняться себе, платить дань мехами, а не то устраивали и сами новые поселки (колонии), охотничьи станицы, в более удобных местах, на берегах рек. Эти поселки иной раз разрастались в большие селения и города. Так основан был город Хлынов (Вятка). Таким образом, мало-помалу почти вся страна к северу от Волги, весь нынешний северный край был подчинен Новгороду, стал его волостью.

Новгородская община

Благодаря обширной торговле Новгород раньше других русских городов достиг цветущего состояния и даже независимости. Во всех городах в древности был обычай у жителей для решения наиболее важных дел собираться на вече, но нигде оно не имело такой силы, как в Новгороде. Ярослав I в благодарность за помощь новгородцев во время борьбы со Святополком дал им льготы: вероятно, уменьшил дань, какую они должны были платить великому князю, и дал больше прав вечу. С этого времени Новгород все больше и больше богатеет, и вече его становится все сильнее и сильнее; дело доходит наконец до того, что вече само приглашает князя и указывает ему путь из Новгорода, если князь чем-либо неугоден народу. Вече иной раз судит даже князя и иных властных людей, избирает всех должностных лиц, посадника, тысяцких и других, издает законы, отменяет их, объявляет войну, заключает мир, устанавливает подати и повинности.

Население Новгорода состояло из бояр, владевших большими владениями, житейх (т. е. богатых) людей, купцов и черных людей. На вече могли участвовать все члены новгородских общин, то есть все домовладельцы, хозяева, как богатые, так и бедные, как бояре, купцы, так и черные люди. Но не весь народ собирался поголовно. На правильное вече не могли приходиться, например, сыновья домохозяев, хотя бы и совершеннолетние, не могли приходиться и так называемые вольные люди, не принадлежащие ни к одной новгородской общине.

Собиралось вече, по старому обычаю, на Ярославовом дворе или на площади у Софийской церкви. Правильное вече созывал или князь, или посадник, посылая обыкновенно бирючей по улицам скликать людей. На такое вече новгородцы собирались каждой улицей, составлявшей отдельные общины, со своими старостами. Когда все сходились на Ярославов двор и рассаживались в известном порядке на приготовленных для них ступенях, тогда звоном колокола на вечевой башне возвещалось открытие веча. Водворялась тишина. Сам посадник или вечевой дьяк громогласно заявлял собравшимся те вопросы, которые надлежало решить. Собравшиеся на вече новгородцы свое согласие и несогласие выражали криками. Когда дело было решено, то писалась грамота обыкновенно таким образом: «От посадника Великого Новгорода (имя посадника), и от всех старых посадников, и от тысяцкого Великого Новгорода, от всех пяти концов. На вече на Ярославовом дворе положили сделать то-то» (излагалось самое решение). К грамоте прикладывалась вечевая печать с надписью: «печать Великого Новгорода». Новгород в грамотах обыкновенно величался «Господином Великим Новгородом».

На беду для новгородцев, не всегда веча у них бывали правильные. Случалось, что народ, недовольный распоряжениями посадника, собирался на сходку, не соблюдая никаких правил. Тут уж сходились все, кто хотел, даже и «вольные» люди... Порою разом в нескольких церквях начинали звонить и народ сходился в разных концах города. Иногда эти беспорядочные сходки имели такую силу, что невозможно было созвать правильного веча, и посадник и тысяцкий должны были пристать к какой-либо стороне. Нередко между противными сторонами происходили драки. Впоследствии нередко бывали случаи, что разом собиралось два враждебных друг другу веча: одно у Св. Софии, а другое на Ярославовом дворе. Враждебные стороны сходились на Волховском мосту, и завязывалась свалка... В таких случаях, бывало, новгородский владыка являлся с причтом в полном облачении с крестом в руках и старался умиротворить враждующих.

Владыка новгородский избирался так же, как и посадник, то есть на вече. Выбирали обыкновенно трех лиц из новгородского духовенства, достойных, по мнению народа, быть владыками. Затем три жеребья с именами этих лиц клали в алтарь Софийского собора на

престол, приводили в алтарь слепца или ребенка; он брал два жеребья; оставшийся на престоле третий жеребий указывал на избранника Божия. Он должен был съездить в Киев, где митрополит и посвящал его в архиепископы.

Главным выборным лицом в Новгороде был посадник. Он был посредником между народом и князем, созывал вече, вел переговоры с соседними областями. Без посадника не могла быть выдана ни одна важная грамота от имени Новгородской общины; у него была печать с надписью: «Новгородская печать посадника». В случае войны полки новгородские были обыкновенно под его начальством, так что князь мог вполне свободно распоряжаться только своею дружиной. Посадник, исправлявший свою должность, именовался «степенным посадником», в отличие от посадников смененных, которые назывались «старыми посадниками» и пользовались часто тоже большим уважением со стороны народа. Иные посадники, умевшие угождать народу, бывали «степенными» часто по несколько лет подряд.

Ближайшим помощником посадника был тысяцкий, избираемый подобно посадникам на вече из боярских фамилий. Посадник был земским начальником всего Новгорода, а тысяцкий – начальником черных людей. При помощи черни, составлявшей большинство, тысяцкие могли многое сделать на вече. Сверх того, они помогали посадникам во всех делах, имели свой отдельный суд, независимый от князя и посадника. Тысяцкий с пятью старостами заведовал преимущественно судом между черными людьми. На вече избирались и другие менее важные должностные лица: сотские, старосты, бирючи и другие.

А. П. Рябушкин. «Новгородское вече». Конец XIX в.

Народовластие в Новгороде было так сильно, что здесь издавна завелся обычай избирать себе князей и удалять их «по всей воле Новгородской»; но все же князь считался лицом необходимым: в нем видели верховного судью, а главное – предводителя войска, защитника земли от врагов. Княжеская дружина составляла главную военную силу, около которой собиралась земская рать; только князь, по взгляду народа, был настоящим вождем, которому под-

чинялись и дружина и войско, а бояр, если их ставили во главе военных сил, по словам летописца, не все слушались. Понятно, что князь получал большую силу в военное время, когда Новгороду грозило вражеское нападение: в мирное же время, напротив, значение князя уменьшалось, а орудовали всеми делами в городе свои избранные и излюбленные люди, посадские и тысяцкие.

Вече уже в XIII в. вошло в такую силу, что, призывая князей, вступало с ними в «ряды», то есть в договоры. Князь обязывался «держатъ Новгород по старине и по пошлине» (по обычаю), без посадника людей новгородских не судить, земель новгородских своим людям не раздавать, без вины не лишать власти никого из выборных должностных лиц.

Был раз в Новгороде такой случай (1218). Княжил здесь Святослав (один из смоленских князей). Не поладил он с посадником Твердиславом и стал требовать от веча, чтобы последнего сменили.

– В чем его вина? – спросили новгородцы.

Святослав объявил, что он за посадником вины никакой не знает, но что тот ему «нелюб». Тогда новгородцы сказали:

– Ты, князь, целовал нам крест, чтобы без вины не лишать мужа власти. Если тебе посадник нелюб, то мы тебе кланяемся (прощаемся, то есть ты можешь уйти от нас).

Волей или неволей Святославу пришлось примириться с посадником.

Понятно, что при таких порядках князьям не жилось в Новгороде: бывали случаи, что ему несколько лет подряд приходилось оставаться без князя. Князья, имевшие свою волость, не шли княжить сюда, а посылали обыкновенно своих сыновей. И те большей частью недолго сидели тут: как только выходила им очередь наследовать какую-нибудь другую область, они спешили покинуть беспокойный вечевой город.

Частая смена князей в Новгороде началась еще в конце XI в., а в XII в. дело дошло уже до того, что в одно это столетие князей сменилось здесь до тридцати, и редкий из них оставался более трех лет сряду.

За пределами Новгорода начиналась Новгородская земля. Она занимала большое пространство на востоке до Торжка, на западе до Финского залива, реки Наровы и Чудского озера, на юге до Великих Лук и на севере до Ладожского озера. На этой земле было до 30 городов, подчиненных Новгороду, или, как говорилось в древности, «пригородов» его. Важнейшие из них были: Псков, Ладога, Руса, Изборск, Великие Луки, Торжок и другие. Пригороды имели свои веча, но в общих делах они должны были подчиняться приговору новгородского веча. «На чем старшие сдумают, на том и пригороды станут» – говорили тогда, и этого правила должны были держаться все пригороды на Руси.

Кроме Новгородской земли, Новгороду, как сказано уже, принадлежала огромная волость, занимавшая почти весь север нынешней Европейской России. Из этой волости добывались меха – самый ценный товар вывозной торговли.

Бойко шла новгородская торговля. Предприимчивые и ловкие купцы наживали себе огромные состояния; немало было и богатых, именитых бояр; но не жилось никому спокойно в Новгороде. Много было тут и честолюбцев, и недовольных; многочисленная новгородская чернь нередко волновалась. Случались голодные годы, повальные болезни, губительные пожары – все это причиняло волнения. Бывали случаи, что новгородская чернь поднималась против нелюбимого посадника или против бояр, творивших какое-нибудь насилие. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собою, возбуждали народ к волнению, подкупали новгородскую чернь. Являлись на вечах подкупленные крикуны-вечники. Трудно бывало при этом удержать порядок, поднимался шум и гам со всех сторон; пускались в дело кулаки да дубины, и начиналась свалка... Немало гибло народу иной раз во время таких побоищ. Случалось, что дравшиеся входили в такой задор, что нельзя было и унять их. Ненавистных людей народ обыкновенно топил – бросал с моста в Волхов. Недовольных

в Новгороде и между чернью, и между боярами было много. Сохранилось здесь языческое предание, будто низвергнутый Перун, плывя по Волхову, кинул палку на мост и заповедал Новгороду вековечные распри и драки.

Бывали случаи, что недовольные люди или удальцы, которым не по вкусу приходились разные стеснения в Новгороде, уходили отсюда искать удачи да счастья на чужой стороне. Иногда составлялись целые шайки таких «повольников»; пускались они на ладьях (ушкуях) по рекам, разбойничали, грабили купцов, плавали и по морю, нападали на жителей. Основывали они и новые поселки.

Всякий «вольный человек» (то есть не входящий в общину), богатый или бедный, боярин или простолюдин, мог пойти в повольники – была бы только охота, сила да удаль. В дружины повольников шла обыкновенно буйная и разгульная молодежь, искавшая простора, где бы развернуться и себя показать. Вождями по большей части становились сыновья богатых новгородских бояр или купцов; они могли вооружить и на первых порах содержать ватагу бездомных удальцов. Старики новгородские, сами в молодости выдавшие всякие виды, не только не мешали своим сыновьям, но даже охотно отпускали их повольничать: на грабежи и буйство на чужой стороне смотрели равнодушно, пусть-де молодежь и погуляет, умнее будет, – недаром пословица говорит: «Чужая сторона прибавит ума!»

Повольников и нельзя назвать разбойниками в полном смысле этого слова: каждый из них должен был горячо любить родину, радеть о славе «Господина Великого Новгорода», обязан был уважать старость, оборонять слабых и несчастных от обид и в то же время считал позволительным для себя поубавить богатства у какого-нибудь чужого купца, обоз с товаром отбить у него, напасть на какой-нибудь чужой город, наделать переполоху, поочистить богатые дома...

Конечно, от этой буйной удали, не знавшей удержу, приходилось порою плохо и самому Господину Великому Новгороду.

Былины новгородские

До сих пор еще народ в своих песнях вспоминает и новгородскую необузданную вольницу, и народные драки, а также прежнюю славу и богатство Новгорода.

В одной новгородской былине (Василий Буслаевич) изображен буйный удалец-повольник.

«В славном Великом Новгороде, говорится в былине, жил старый Буслай девяносто лет, жил он со всеми в мире-согласии, ладил с чернью новгородской, поперек ей слова не говаривал. Умер он и остались по нем имение великое, вдова его да чадо малое, Васенька. Отдавала мать сына своего учить грамоте, письму да пению церковному. Ученье ему впрок пошло, и нет во всем Новгороде такого певца, как Васенька; да на беду повадился он пир пировать с веселыми удалыми молодцами. Пьет он, – допьяна напивается, по улицам похаживает да шуточки недобрые пошучивает: кого за руку возьмет – руку вывихнет, кого за ногу хватит – ногу вывернет... Идут мужики новгородские жаловаться Васиной матушке. «Честная вдова, – говорят ей, – уйми ты свое чадо милое! Нехорошие шуточки стал он пошучивать! А то ведь с такой удачей молодецкой быть ему в реке Волхове!» Стала мать журить сына. Не по душе это пришлось Васеньке: обозлился он на мужиков, что жаловались на него да грозили потопить его на Волхове. Задумал он собрать себе дружину храбрую. Пишет он «ярлыки (записки) скорописчаты»: «Кто хочет пить и есть из готового, валися к Ваське на широкий двор, – тот пей и ешь готовое и носи платье разноцветное». Рассылает он эти ярлыки по улицам и проулочкам новгородским. Собираются к нему удалыцы со всех концов: пришел Костя Новоторженин, пришли Потанюшка Хроменький, Хомушка Горбатый и другие. Пробует их силу Васенька Баслаевич, – заставляет выпить чару зелена вина на полтора ведра, бьет каждого из них палицей в двенадцать пуд. Коли молодец стоит при этом, не шелохнется, братается Васенька с ним и принимает его в «свою дружину храбрую». Набрал себе он тридцать удалыцов.

Вызывает тогда он всех мужиков новгородских на бой. Те принимают вызов. Начинается свалка на Волховском мосту. Плохо мужикам новгородским, – много их избито, изранено; дружина Васильева одолевает их. Видят они – дело плохо, – на хитрости пускаются. Побежали к матери Василия, принесли подарки и просят: «Прими у нас дорогие подарочки и уйми свое чадо милое!» Мать унимает сына, сажает в глубокий погреб; покоряется ей Васенька, – не смеет он послушаться родимой матушки. Плохо пришлось и дружине без него; стали одолевать ее мужики новгородские. Выпускают тогда Василия из погреба.

Разгорелось его сердце богатырское, схватил он ось тележную и бросается своим на помощь, – мужиков так валом и валит. Стали снова они просить матушку вступить за них. Посылает она Васильева крестового батюшку унять сынка. Одевает старчище-пилигримище колпак на голову в двадцать пуд, берет клюку в руки в десять пуд, приходит на мост к Василию, глядит ему прямо в ясны очи и говорит ему: «Ай же ты, мое чадо крестное! Укроти свое сердце богатырское, оставь мужичков хоть малую часть».

Расходилось сердце у Васеньки: нет на него ни уйму ни удержу. «Ай же ты, крестный мой батюшка! – говорит он в ответ. – Не дал я тебе яичко во Христов день, дам я тебе яичко в Петров день!» Щелкнул он крестного батюшку осью железною, – тут крестовому батюшке и славу поют. Сама мать приходит унимать расходившегося Васеньку; догадалась старушка, зашла сзади и пала на плечи его могучие. «Ай же ты, чадо мое милое, – говорит она, – укроти свое сердце богатырское, оставь мужичков хоть малую часть!»

Тут Васильюшка Буслаевич опускает руки свои могучие к сырой земле, выпадает ось железная из белых рук. «Ай ты, свет-государыня-матушка, – говорит он, – умела ты унять мою силу великую, догадалась зайти позади меня, и если бы зашла ты спереди, то не спу-

стил бы тебе государыне-матушке, убил бы тебя заместо мужика новгородского». Оставляет тогда Васенька смертное побоище. Оставил он мужиков малую часть, а набил их, что пройти нельзя.

Много беды да грехов натворил Василий Буслаевич. «Смолоду бито много, граблено, под старость надо душу спасти», – говорит он и просит у своей государыни-матушки благословенья великого «итти в Иерусалим-град со своей дружиною храброю, Господу Богу помолиться, ко святой святыне приложиться, в Ердане-реке искупатися». – «Чадо мое милое, – отвечает ему мать, – коли ты пойдешь на добрые дела, дам тебе благословение великое, а коли ты, дитя, на разбой пойдешь, и не дам тебе благословения, а и не носи Василья сыра земля!..» Пускается Василий со своей дружиной в путь далекий по рекам и морям. Приезжает он наконец в Иерусалим, служит обедню за матушку, за себя, служит панихиду по батюшке, купается в Иордане. На возвратном пути Василий гибнет. Увидел он большой камень на горе; написано на нем: «Кто перескочит через камень поперек – тому ничего не будет, а кто станет вдоль скакать – сломать тому буйну голову». Загорелось у Василия сердце неразумное, заговорила удаль буйная, – стал он вдоль скакать и убился до смерти».

Прорись новгородской берестяной грамоты

Другая былина о Садке-Богатом госте показывает, что у народа сохранилась память о богатстве старого Новгорода. Сказываются в этой былине и языческие верования – вера в «водяного бога».

Жил-был в Новгороде Садко. Был он гуслиар, ходил по веселым пирам, тешил богатых людей своей игрой искусной, – тем он и жил. Часты бывали пиры в богатом Новгороде. Но вот случилось раз – день приходит, другой, третий, – не зовут Садка на почестей пир. Соскучился Садко, пошел он к Ильмень-озеру, сел на камень прибрежный и стал наигрывать на своих гуселках. Как вдруг вода в озере всколыбалася; вышел из воды царь морской и говорит: «Ай же ты, Садко Новгородский, не знаю, чем тебя пожаловать за твои утехи великия, за твою игру нежную. Ступай ты в Новгород и бейся об заклад, заложи свою буйну голову, а с купцов выражай лавки товара красного и спорь, что в Ильмень-озере есть рыба-золоты перья. Как побьешься об заклад, поди свяжи шелковый невод и приезжай рыбу ловить в Ильмень-озере. Дам я тебе три рыбины-золоты перья; тогда ты, Садко, счастлив будешь». Он сделал так, как велел ему царь морской. Позвали Садко на почестей пир. Тешил гостей он игрой своей искусной, тешились гости и вином хмельным. Стал тут он хвастать, что знает чудо чудное в Ильмень-озере, что есть в озере рыба-золоты перья. Заспорили купцы, что не может быть в озере такой диковинной рыбы. Предлагает тогда Садко биться об заклад. «Заложу я свою буйну голову, – говорит он купцам, – а вы закладывайте лавки товара красного». Нашлись три купца – ударились об заклад. Связали невод шелковый и поехали ловить рыбу на Ильмень-озере. Закинули тоньку – и добыли рыбку-золоты перья, во второй раз

закинули – добыли вторую рыбку-золоты перья, третью тоньку закинули – третью золото-перую рыбку добыли. Делать нечего – отдали купцы Садку свои лавки товара красного. Стал с той поры он поторговывать, стал получать барыши хорошие; нажил он имение великое, построил себе палаты белокаменные, сам стал задавать пиры на славу.

Зазвал он раз к себе на пир гостей – настоятелей новгородских. Все на пиру наедались, все на пиру напивались, похвальбами все похвалялись: кто хвастает бессчетной золотой казной, кто похваляется силой молодецкой, кто – конем добрым, кто – славным отечеством, кто – молодым молодечеством. А Садко все помалчивает. Стали тут говорить гости: «Что же наш Садко ничем не похвастает?» Говорит он в ответ: «Чем мне хвастаться? У меня ли золота казна не тощится, цветно платьице не носится, дружина храбрая не изменяется. А похвастать – не похвастать бессчетной золотой казной: на свою золоту казну повыкуплю все товары новгородские, худые товары и добрые!» Не успел он и слова вымолвить, как настоятели новгородские ударились с ним о великий заклад – в тридцать тысяч, что не выкупить ему всех товаров новгородских.

Вставал на другой день Садко рано утром, будил своих молодцов, без счета давал им золотой казны, рассылал их по всем улицам торговым, а сам шел в гостиный ряд – вдвойне товаров привезено, вдвойне товаров привезено на славу Новгорода Великого. Садко опять скупил все товары. На третий день снова выходит он с дружиной своей покупать товары – тройне товаров привезено, тройне привезено; подоспели товары московские. Призадумался тут богатый Садко – не в меру, видно, похвастался. «Не выкупить товара со всего бела света, – говорит он, – выкуплю товары московские – подспеют товары заморские. Не я, видно, богат купец новгородский – побогаче меня славный Новгород!» Пришлось Садку уплатить заклад.

Построил он тридцать кораблей, нагрузил на них товары новгородские; продавал их за морем, получал барыши великие, насыпал бочки красна золота, чиста серебра. Едет Садко назад в Новгород. Приключилось вдруг диво дивное на море. Поднялась страшная буря, «волною бьет, паруса рвет, ломает корабли червленые, а корабли нейдут с места». «Век мы по морю ездили, – говорит Садко, – а морскому царю дани не оплачивали: видно, царь морской от нас дани требует. Приказывает Садко бросить в море бочку чиста серебра, а буря не унимается, а корабли все с места нейдут. Бросают бочку красна золота – не помогает и это. «Видно, царь морской требует живой головы во синее море!» – говорит Садко. Два раза мечут жеребей, кому идти во синее море. Оба раза жеребей указывает на Садко. Покоряется он своей участи. Пишет духовное завещание: часть имения отписывает Божьим церквям, часть – нищей братии, часть – молодой жене, а остаток – дружине своей храброй. Берет с собою он свои гуселки. «Бросьте, – говорит, – на воду доску дубовую – не так страшна будет мне смерть». Остался Садко на синем море, а корабли полетели, как черные вороны, – полетели в Новгород Великий. Заснул Садко на доске дубовой, а проснулся во синем море, на самом дне. Увидел он на дне палату белокаменную, зашел в палату, видит – сидит там царь морской. «Ай же ты, Садко купец, богатый гость! – говорит морской царь. – Век ты по морю ездил, мне, царю, дани не плачивал, а теперь сам пришел мне в подарочек. Поиграй мне в свои гуселки яровчаты». Стал Садко играть. Как расплясался тут царь морской! Играл Садко сутки, играл другие, играл и третьи, а все пляшет царь морской! В синем море вода всколыбалася, с песком желтым смутилася, стало разбивать много кораблей на синем море, стало много гибнуть добра, много тонуть людей праведных. Стал в Новгороде народ молиться Николе Можайскому. Вдруг слышит Садко – тронул кто-то его за плечо правое, и слышит он голос: «Полно тебе, Садко, играть в гуселки яровчаты!» Обернулся он, видит: стоит старик седой. Говорит ему Садко: «У меня воля не своя во синем море – приказано мне играть». Отвечает ему старик: «А ты струночки повырывай, шпенечки повыломай, скажи: у меня струночек не случилось, а шпенечков не пригодилось, сломались гуселки яровчаты – не

во что больше играть. Станет тебе царь предлагать жениться, выбирай девицу Чернавушку. Будешь в Новгороде, на свою бессчетну золоту казну построй церковь Николе Можайскому».

Послушался Садко, исполнил все, как приказал старец. (Женился на девице Чернавушке). Было на дне морском столование – почестей пир. Заснул Садко на синем море, а проснулся в Новгороде, на крутом берегу реки Чернавы. Смотрит он – бегут его корабли по Волхову. Встречает он свою дружину. Дивуется дружина: «Остался Садко в синем море, очутился он впереди нас в Новгороде!» Как повыгрузил Садко с кораблей свою бессчетну золоту казну, построил он церковь соборную Николе Можайскому. Не стал больше ездить Садко на синее море, стал себе поживать в Новгороде.

Так в песнях народа сказывается о Великом Новгороде старая быль пополам с вымыслом. Вспоминает народ о торговле и богатстве старого Новгорода, вспоминает об удальцах-повольниках, буйства и грабежи которых немало бед причинили Русской земле, вспоминает и о внутренних смутах в Новгороде, которые и сгубили его...

Новгородские церкви и монастыри

Много церквей было в Новгороде. Самой главной была каменная церковь Св. Софии, строилась она пять лет (1045–1050). Владимир Ярославич призвал мастеров из Греции, чтобы расписать стены церкви.

Чем больше богател Новгород, тем больше строилось и церквей: их строили владыки новгородские из своей казны, строили и князья, иногда вскладчину сооружала себе храм какая-нибудь улица. Во время повальных болезней ставили «обыденные» церкви, то есть в один день построенные и освященные. Большею частью они были небольшие и деревянные. Частные люди, богачи иной раз давали по какому-нибудь случаю обеты построить церковь. Иные сооружали храмы, чувствуя за собою какие-нибудь грехи, чтобы искупить их.

Сложилось следующее любопытное сказание, в котором слились и народная набожность, и суеверие, и ненависть к ростовщикам.

Жил в Новгороде богатый Щил; нажил он огромное состояние тем, что давал деньги в рост. Лихву (проценты) брал он небольшую. Скопив себе громадное имение, задумал он построить для спасения души своей церковь во имя Покрова и устроить монастырь на берегу Волхова; испросил он у владыки благословение на это дело. Когда церковь была построена, Щил попросил архиепископа освятить ее, и тут только сказал, что соорудил церковь на лихвенные деньги.

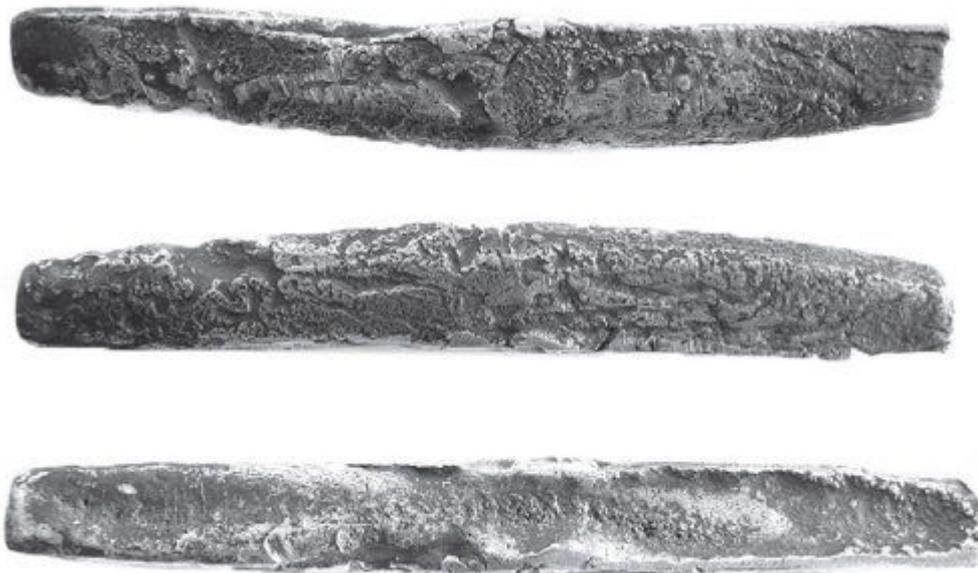
– Уподобился ты Исаву, – сказал архиепископ, – взял ты у меня обманом благословение. Иди и вели в твоей церкви в стене сделать гроб, надень саван, и пусть над тобой будет совершен похоронный обряд, вели сотворить по себе панихиду, а что случится далее, то пусть будет по воле Божией.

Горько плакал Щил, не посмел он послушаться архиепископа и сделал все, как было приказано. Как только стали его отпевать, вдруг гроб провалился в землю, и на месте, где стоял он, явилась пропасть. Когда узнал об этом архиепископ и велел в память этого чуда изобразить на церковной стене Щила в гробу посреди ада. Церковь была после этого запечатана.

В большом горе пришел сын Щила к архиепископу и просил у него совета, как помочь отцу. Владыка велел ему сорок дней поститься и молиться, раздавать в это время нищим щедрую милостыню, и в сорока церквях заказать по сорок панихид. Когда это было исполнено, послал архиепископ в церковь, построенную Щилом, посмотреть на стенную картину. Оказалось, что он лежит в гробу по-прежнему, но голова его уже вышла из ада. Отслужили еще сорок панихид, посмотрели на картину, а Щил уже по пояс вышел из ада. В третий раз отпели сорок панихид – Щил на картине совсем вышел из ада с гробом своим. Изображение так и осталось, в стене по-прежнему оказался гроб Щила, и пропасть исчезла...

В таком торговом городе, как Новгород, ростовщиков было, конечно, немало. Сказание о Щиле показывает, что, по взгляду народа и духовенства, давать деньги на лихву (на проценты), хоть и умеренную, считалось тяжким грехом. Действительно, церковь не раз сильно вооружалась против промысла ростовщиков, но искоренить его не могли.

В Новгороде было много монастырей. Самыми древними считаются Перыньский и Юрьев. Первый находится на левом берегу Волхова, у истока его, где прежде стоял истукан Перуна, а Юрьев был основан еще Ярославом (христианское имя его Юрий) в 1030 г. В XII в. возникли еще два знаменитых новгородских монастыря: Антониев и Хутынский. В начале XIII в. в Новгороде и его окрестностях было уже до 20 монастырей, а по всей области Новгородской более тридцати... Они владели землями, огородами, деревнями. Благочестивые князья, бояре и гости новгородские много жертвовали на монастыри и земель, и денег.

Новгородские гривны

В каждом пригороде был торг (торговая площадь), где находилась и церковь. Торжок стоял под покровительством Спаса, Порхов – Св. Николы. Церкви в небольших городах устраивались, конечно, попроще и поменьше, чем в Киеве и Новгороде.

В Ладоге, одном из самых древних русских городов, уцелела старинная церковь (XII в.), на стенах которой сохранилась в нескольких местах старинная живопись (фрески). Частые пожары истребляли у нас в древности целые города, и потому немного древних зданий сохранилось до нашего времени, но все-таки, кроме церквей, кое-где сохранились остатки стен городских, например в Старой Ладоге.

Духовенство приносило Новгороду много пользы, старалось умиротворить враждующих, удерживало, насколько могло, от разных насилий и беззаконий, неоднократно порицало ростовщичество, помогало разным должностным лицам наблюдать, чтобы в торговле не было обмана. В одной новгородской церкви (Иоанна Предтечи на Опоках) хранились образцы различных мер, которых должны были держаться при торговле. В Новгороде были свои особенные меры и деньги.

Новгородская серебряная гривна весила фунт. Кроме гривен встречаются полугривны, которые иногда рубились пополам, отсюда название «рубли»; отрубки в половину рубля стали называться «полтина». Ходила в Новгороде и мелкая монета, величиною с гривенник. Кроме того, были в ходу и иностранные монеты западные – европейские и восточные – арабские; случалось, конечно, что купцы по старине обходились и без денег, довольствуясь обменом товаров.

Суздальская область

В то время как на юге шли бесконечные усобицы между князьями, а в Новгороде ссоры и распри на вечах, на дальнем северо-востоке, в Ростово-Суздальской области, начинались новые порядки.

По верхнему течению Волги земля большею частью неплодородная, богата она лишь дремучими лесами да болотами. Сначала жили здесь финские племена, а потом стали малопомалу заселять этот край русские. Скупа здесь почва, скудные урожаи давала она земледельцу, – много ему приходилось трудиться, чтобы прокормить себя и семью; зато человеку, который хотел заниматься мирным трудом или промыслом, меньше было помехи на севере: не заходили сюда половцы; княжеских усобиц сначала тут совсем не было, и потом их было гораздо меньше, чем на юге, вот почему сюда охотно шли выходцы с юга. Особенно стала заселяться Ростово-Суздальская область с того времени, как начал тут княжить младший сын Владимира Мономаха – Юрий Долгорукий. При нем здесь возникло несколько новых поселений и городов: Москва, Юрьев, Переяславль-Залесский, Дмитров и другие. Князьям надо было устраивать укрепленные места, то есть города, чтобы легче было управлять страной и защищать ее. Кроме того, промышленники и купцы помогали заселению страны.

В иных местах, на торговом пути, у верховья какой-нибудь реки, где нельзя было везти товар на лодках и барках и приходилось его выгружать на возы, устраивались обыкновенно поселки; здесь жили работники, которые занимались перегрузкою товаров, да возчики, перевозившие всякую кладь. В других местах, по большей части при слиянии реки, куда удобно было свозить товары с разных сторон и производить обмен, устраивались склады товаров – торжки, или ярмарки.

Было тут вдоволь дела и торговому, и рабочему люду; возникают здесь поселки, растет торговля – растут и эти поселения, обращаются в города.

Помогли заселению северного края и монахи. Забредет какой-нибудь отшельник в глубину леса, поставит себе келью и ведет здесь одинокую жизнь свою в тяжком труде и непрестанной молитве. Проведают об этом другие благочестивые люди, богомольцы; селятся некоторые из них подле подвижника, стараются во всем уподобиться ему. Кельи огораживаются тыном, ставится деревянная церковь – и звон колокола впервые нарушает лесную тишь. Разрастается обитель: строятся тут и новая ограда, и более просторная церковь, и новые кельи. Немало всякой работы найдется по монастырю; одним монахам не справиться, нужны разные работники. Не прокормить их всех самим монахам: земли-то вдоволь, да рабочих рук мало, нужны и земледельцы. Мало-помалу подле монастыря являются поселки, становятся они все больше да люднее. Жить на монастырской земле льготно: монахи не притесняют, и князья чтят монастыри и работникам монастырским дают разные льготы. И вот на том месте, где некогда в темной чаще леса стояла одинокая убогая келья подвижника-отшельника, лет через пятьдесят или меньше стоит богатый монастырь с каменной оградой, с каменными златоглавыми церквями. Подле монастыря село. Далеко расстилаются возделанные монастырские поля. А если монастырь стоит у реки, на торговом пути близ него, то со временем село может разрастись и в многолюдный торговый город. Жизнь в таком монастыре уже не та, как в уединенной келье отшельника: слишком много тут шума людского, мирских забот и помышлений. Кому-нибудь из благочестивых монахов этого монастыря придет на мысль уединиться, пожить такую же жизнью, как жил святой отшельник, основатель обители. Уходит инок из монастыря, старается подалее уйти от людных мест – уйти в «пустынь», чтобы мирские заботы не мешали ему думать только о душевном спасении – «спасаться». Селится он также в лесной глуши или на островке каком-нибудь, среди озера, ставит здесь свою одинокую келейку. Пройдут годы, и тут явится монастырь, возникнет и подле него людное село,

и только старое предание гласит, что некогда на месте этом был темный непроходимый лес и спасался одинокий отшельник.

Таким образом, мало-помалу северный финский край заселялся русским людом. Финны во многих местах смешивались с русским населением, роднились с ним, забывали свой язык и сливались с русским в один народ.

Андрей Боголюбский

Юрию Долгорукому, хотя он и долго жил на севере, в Ростово-Суздальской земле, видимо, очень хотелось утвердиться на юге: сильно добивался он Киева, вел упорную борьбу с племянником своим Изяславом Мстиславичем, наконец добился-таки своего и умер великим князем киевским.

Завладев Киевом, Юрий посадил старшего сына своего Андрея княжить в Вышгороде, а Ростов и Суздаль отдал младшим своим сыновьям; но не нравилось Андрею на юге. Славился уже он боевой храбростью, не раз побывал в битвах, но он был умен, властолюбив и не любил войны. В Южной Руси постоянно грозили нападения или половцев, или русских же князей; надо было угождать дружине, зависеть от нее, – все это было не по душе властолюбивому Андрею. Ему сильно хотелось уйти в Суздальскую землю: там он родился и провел свои детские годы, там его знали и в детстве величали своим князем, а в Вышгороде ему было все чуждо. Решился он уйти отсюда, не испросив даже согласия отца. Он взял с собою из Вышгорода местную чудотворную икону Пресвятой Богородицы – увез тайком, так как жители добровольно не расстались бы с этой святыней. Икона эта, как гласило предание, была написана св. евангелистом Лукою и привезена из Царьграда.

За десять верст от города Владимира, по пути в Суздаль, как говорит предание, совершилось чудо: кони под иконою вдруг стали; запрягли других лошадей – воз с иконою ни с места! Дивятся все чуду... Князь приказал остановиться. Раскинули шатер и расположились на ночлег. Поутру князь объявил, что Богоматерь явилась ему во сне и велела не везти икону в Ростов, а поставить ее во Владимире, а на том месте, где было видение, построить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать монастырь. Тогда же на месте видения заложено было село – Боголюбове и построена богатая каменная церковь. Здесь, в этом храме, поставили временно и взятую из Вышгорода икону. Андрей украсил ее богатым окладом, в котором было пятнадцать фунтов золота, много жемчуга, драгоценных камней и серебра. Построил он себе в Боголюбове также и каменный дворец. Это село сделалось любимым местопребыванием Андрея. Отсюда и произошло его прозвище – Боголюбский.

Когда умер Юрий, жители Ростова и Суздаля признали своим князем Андрея, но он избрал своей столицей Владимир на Клязьме. Этот прежде небольшой и малонаселенный город теперь населился, разросся и очень украсился. Андрей построил здесь из белого камня великолепную церковь Успенья Богородицы с позолоченным куполом. Сюда была перенесена чудотворная икона Богоматери.

Андрей Боголюбский. Скульптурный портрет. Реконструкция М. М. Герасимова

Святыня эта в глазах народа сильно возвышала значение и города Владимира, и Андрея Боголюбского, которому сама Богоматерь как бы указала столицу. Уже Юрий привел на север много поселенцев из Южной России, теперь же стало еще больше южан переселяться сюда.

Одной церкви, названной Десятинной из подражания Киеву, Андрей, подобно Владимиру Святому, назначил десятую долю всех своих доходов, подарил села и угодья. Соорудил он много красивых церквей, снабжал их иконами и утварью, не жалея средств, – как видно, старался, чтобы Владимир красотой своих храмов уподобился

Киеву или же превзошел его; построил во Владимире Золотые ворота, подобно киевским, с церковью над ними. Соорудил он во Владимире тоже монастыри: Спасский и Вознесенский; строил церкви и по другим городам. Видел народ и щедрость его, и благочестие. Постоянные большие постройки давали работу многим, привлекали искусных рабочих из других мест, увеличивали население городов.

По своему благочестию и набожности Андрей Боголюбский напоминал деда своего Владимира Мономаха: Андрея всегда можно было видеть, говорил летописец, во храме на молитве, со слезами умиления на глазах; всенародно раздавал он милостыню убогим, чтит духовенство, чернецов, зато слышал похвалы своему христианскому милосердию и благочестию. Но подобно деду, он, хотя и не любил войны, однако постоять за Русскую землю с оружием в руках был готов.

В это время не в ладах были с русскими болгары, жившие по Волге и Каме, и делали частые набеги на русские земли. Войну с неверными (болгары были магометане) народ считал делом богоугодным. В 1164 г. Андрей предпринял поход на болгар. С войском шло духовенство и торжественно под знаменами несло св. икону Богоматери; князь и все войско перед

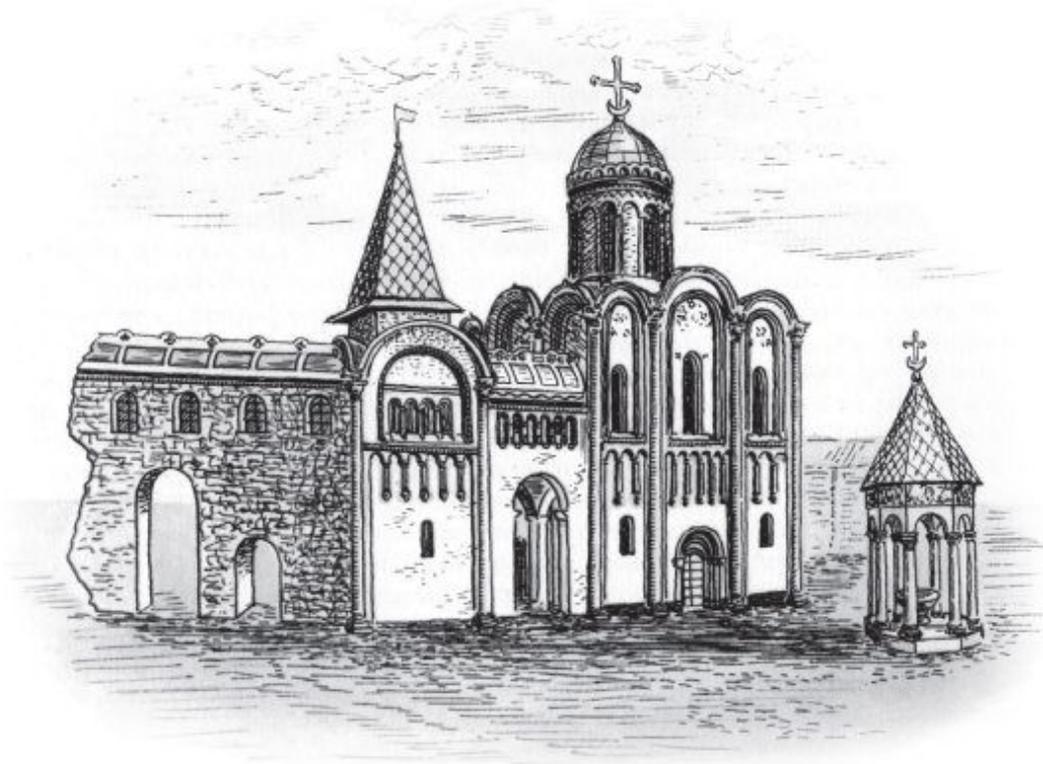
выступлением в поход приобщились Св. Тайн. Поход был удачен: болгарский князь обратился в бегство; русские взяли один болгарский город.

Хотел Андрей возвысить свой Владимир над всеми русскими городами, даже и над Киевом.

Когда в 1166 г. киевским князем сделался Мстислав Изяславич, правнук Владимира Мономаха, тогда как Андрей был внуком его, загорается снова борьба в Киеве. Андрей собрал огромное союзное войско (11 князей с их дружинами и ратью принимали участие в походе). 12 марта 1169 г. Киев был взят сыном Андрея Мстиславом. Древняя столица, мать русских городов, – город, красе которого дивились иноземцы, был разграблен, посрамлен, унижен. Андрей посадил княжить в Киеве подручного себе князя, брата своего Глеба, а сам, приняв титул великого князя, остался во Владимире.

С этого времени Владимир-на-Клязьме становится главным городом на Руси.

Недаром Андрей утвердился во Владимире и сделал его своею столицею: Ростов и Суздаль были города старые; жители их, подобно новгородцам, для решения важных дел сходились обыкновенно на вече; решению их должны были повиноваться младшие города, или «пригороды», как их называли. А Владимир-на-Клязьме был город новый, основанный князем, вечевого порядка здесь еще не укоренился; князь тут не мог встретить сильной помехи своей власти. Владимирцы рады были повиноваться скорее своему князю, чем чужому вечу. Притом они были очень расположены к Андрею: он украсил их город великолепными зданиями; при постройке их много нашлось дела для рабочего люда; наконец, он перенес из Вышгорода чудотворную икону Богоматери. Икона эта, под именем Владимирской Божьей Матери, стала главною святынею города Владимира. На поклонение ей стали приходиться люди из окрестных мест. Это придавало больше значения и самому городу. Когда великий князь сделал Владимир своею столицею и дружина поселилась тут, стало в городелюднее, промыслы разные и торговля пошли бойчее, город начал быстро расти и богатеть... Из Владимира по Клязьме, а потом по Оке нетрудно было добраться и до Южной Руси, которую хотел держать в руках властолюбивый Андрей.

Часть дворцового комплекса XII в. в Боголюбове. Реконструкция

Завладев Киевом, задумал он и другие области подчинить себе, а также уничтожить самостоятельность вечевого Новгорода. Уже Юрий Долгорукий стал теснить его. Суздальский князь мог всегда сильно вредить новгородцам: мешать им собирать дань с восточных их земель, прервать восточную торговлю их, которая шла через Суздальскую землю, а главное, мог прекратить подвоз в Новгород хлеба по Волге из низовых областей. Вот почему рано или поздно новгородцы должны были попасть в зависимость от суздальских князей. Зимой 1170 г. явилась под Новгородом грозная рать. Тут были суздальцы, смоляне, рязанцы, муромцы и полочане; начальствовал сын Андреев Мстислав. И предводитель и войска были те же, которые брали Киев. Слухи об их злодействах и насилиях повсюду, где они проходили, воспламенили новгородцев; вспоминали они о беспощадном разорении Киева суздальцами, о разграбленных церквах, о поруганной святыне и клялись умереть за св. Софию и за свою волю. Город поспешно укрепили новым тыном.

Редко когда русские пытались брать города приступом – обыкновенно долгой осадой принуждали жителей сдаться, брали город, как говорилось тогда, «измором». Но на этот раз Мстислав понадеялся на силу своей рати и решился на приступ. Три дня суздальская рать готовилась к нему, на четвертый начался бой. Новгородцы защищались мужественно, но силы у Мстислава было больше, и стал он одолевать... Казалось, пришел конец Новгороду, но, по преданию, он был спасен чудом. В ночь со вторника на среду новгородский владыка Иоанн усердно молился перед образом Спаса, вдруг ему послышался голос от иконы:

– Иди на Ильину улицу, в церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы, вознеси ее на стену, и Богородица спасет Новгород.

На другой день владыка в сопровождении многочисленного духовенства торжественно вынес икону на стену. Игумены и священники пели молитвы. Народ со слезами молился о спасении, всюду слышались громкие возгласы: «Господи помилуй!» Тучи стрел летели в город. «Одна стрела, – говорит предание, – попала в икону, и она в тот же миг обратилась ликом к городу, и слезы закапали из очей ее. В то же мгновение внезапный и необъяснимый страх охватил всю суздальскую рать, воины пришли в беспорядок, на них нашло какое-то одурение – стали они стрелять друг в друга». Новгородцы вышли из города и одержали блестящую победу над врагами, множество их избили, а пленных взяли столько, что, по словам новгородского летописца, «десяток суздальцев отдавали за гривну».

Мстислав бежал со своею ратью, и лютость его отозвалась на нем же: пришлось проходить ему по тем местам, которые раньше он опустошил, нигде больше не находили хлеба – воины умирали от голода и болезней и принуждены были с ужасом, говорит летописец, в Великий пост есть мясо коней своих.

Так говорит новгородское предание о чудесном избавлении Новгорода от суздальской рати. (С этого времени в честь иконы Богородицы Знаменской установлен праздник 27 ноября.)

Скоро, однако, новгородцам пришлось искать милости у Андрея Боголюбского. Был в Новгородской земле неурожай – настала страшная дороговизна, а хлеб, как выше сказано, шел в Новгород через Суздальскую землю, и вынуждены были новгородцы признать своим князем Юрия, сына Андрея. Но все-таки победа их имела значение. Хотя великий князь и посылал в Новгород своих подручных князей, но «старшины и пошлины новгородской» не нарушал...

Между тем Андрей затевал новые порядки: понимал он, что удельные распри губят Русскую землю, что она от них все больше и больше беднеет и слабеет, да и сам хотел быть великим князем не по имени только. Из Ростово-Суздальской области он, боясь ус-

биц, удалил своих родичей – младших братьев и племянников; выгнал и старых отцовских бояр, которые привыкли слишком вмешиваться в княжеские дела. Советоваться с дружиной Андрей не любил.

Хотел он быть «самовластцем» – и не только в своей области, но и во всей Руси. В Киеве умер брат его Глеб. Владимир Мстиславич надумал было водвориться здесь. Андрей приказал ему немедленно выехать из Киева и отдал его Роману Ростиславичу, князю кроткому, покорному, – отдал не по старшинству, а по «милости своей».

Андрей благоволил к Ростиславичам (князьям Смоленским), так как они признали его старшинство и повиновались ему.

– Вы назвали меня своим отцом, – велел он сказать им, – хочу вам добра и отдаю Киев брату вашему Роману.

Через несколько времени случилось, что Ростиславичи не исполнили одного желания Андрея, тогда он послал сказать Роману:

– Не ходишь в моей воле ты с братьями твоими – так иди вон из Киева, а Давид пускай идет вон из Вышгорода, Мстислав – из Белгорода. Ступайте себе в Смоленск и делитесь там между собою, как знаете!

Не слышали еще до сих пор русские удельные князья таких властных речей от великого князя. Роман повиновался, но другие Ростиславичи воспротивились и послали сказать Андрею:

– Брат! Мы назвали тебя своим отцом, крест тебе целовали и стоим на крестном целовании, хотим тебе добра; а ты теперь брата нашего Романа вывел из Киева и нам кажешь путь из Русской земли без всякой вины; так пусть рассудит нас Бог и крестная сила.

Андрей никакого ответа на эти слова не дал. Тогда Ростиславичи тайно ночью въехали в Киев, схватили Андреева младшего брата и племянника и посадили в Киеве брата своего Рюрика.

Узнав об этом, Андрей сильно разгневался. Обрадовались его гневу Ольговичи, князья черниговские: они надеялись сами завладеть Киевом и стали подстрекать Андрея против Ростиславичей.

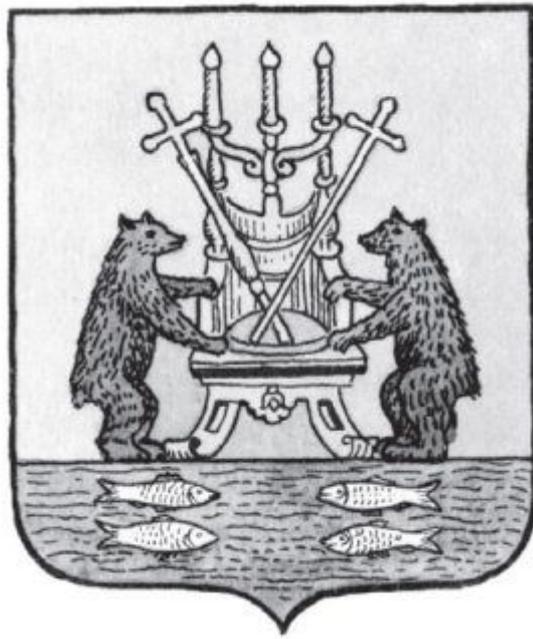
– Кто тебе враг, – послали они ему сказать, – тот и нам; мы готовы идти с тобою.

Андрей надеялся на свои силы. Призвал он своего мечника и наказал ему:

– Поезжай к Ростиславичам и скажи им от меня: не ходите в моей воле, – так ступай же ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; а ты, Давид, ступай в Берлад (город в нынешней Молдавии), не велю тебе быть в Русской земле. А Мстиславу скажите так: ты всему главный зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле!

Сильно оскорбился такою речью и самовластием Андрея Мстислав, стоявший всегда за правду и за старину. Смолоду он привык не бояться никого, кроме одного Бога. В сильном гневе приказал он при себе остричь послу голову и бороду и отослал его с такими словами великому князю:

– Мы доселе чтим тебя как отца по любви, а ты прислал к нам такие речи, как будто не князьям, а подручникам. Твори, что замыслил, пусть Бог нас рассудит!

Старинные гербы Новгорода и Владимира

Когда услышал Андрей эти слова, когда узнал об оскорблении посла, то пришел в такой гнев, что даже опал в лице. Он велел немедля собрать большое войско. Тут были ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы, рязанцы – всего около 50 тысяч воинов. Сын Андрея Юрий с опытным воеводою вел это войско. Получили они от великого князя такой приказ:

– Рюрика и Давида выгоните из моей отчины, а Мстислава схватите, ничего ему не делайте, приведите только ко мне.

Вся эта рать двинулась в Черниговскую область; тут соединились с нею черниговские князья; князья полоцкие тоже принуждены были идти. Казалось, Ростиславичам несдобровать. Рюрик Ростиславич заперся в Белгороде, Мстислав в Вышгороде, а Давида они послали к галицкому князю Ярославу просить помощи.

Главные силы северной рати пошли на Мстислава, дерзкого противника Андрея Боголюбского. Девять недель стояло под Вышгородом огромное ополчение.

Храбро отбивался Мстислав, несмотря на то что силы у него было немного. Союзная рать действовала неединодушно, многие из участников воевали против своей воли: между отдельными вождями согласия не было, и дело союзников не ладилось; больше было тут шуму, крику, суеты, чем толку. Многим надоело уже стоять под городом, взять который они потеряли надежду. Вдруг разнеслась молва, что галицкая рать, соединившись с Рюриком, хочет ударить на них. Ужас охватил сборную Андрееву рать; они бросились бежать из Вышгорода; бежали в таком беспорядке, что множество людей при переправе через Днепр утонуло.

Мстислав, видя поспешное отступление вражьей силы, вышел из города, погнался за врагами, захватил их обоз и забрал многих в плен.

Это дело доставило Мстиславу громкую славу. Двадцать союзных князей с их ратями не совладали с ним. С этого времени и назвали его Храбрым.

Стал после этого Киев снова переходить из рук в руки. Не такой был человек Андрей Боголюбский, чтобы помириться с неудачей и оставить враждебных себе князей полными хозяевами на юге; он, верно, добился бы своего, если бы неожиданная смерть не помешала ему.

Властолюбивый Андрей имел много врагов между князьями и боярами; оказались они и между ближними людьми. Был он и к ним очень строг, если они злоупотребляли его доверием или не повиновались ему. Казнил он за какую-то вину одного из родственников своих по жене, боярина Кучковича. Брат казненного с несколькими княжескими слугами решился злодейством освободиться от строгого господина. Андрей, подобно другим русским князьям, принимал к себе на службу иностранцев. Одним из приближенных слуг к нему был ключник Анбал из иноземцев. Он тоже принял участие в заговоре.

– Сегодня князь казнил Кучковича, – говорили заговорщики, – а завтра казнит и нас; покончим с ним.

Ночью, взявши оружие, пошли злоумышленники к княжескому терему. Когда они подошли к спальне князя, то их обуял страх; не хватало у них смелости совершить преступление. Тогда они пошли в медушу (погреб, где хранились меда и вина), напились вина и снова пошли в княжий терем.

Один из злодеев постучал в дверь спальни.

– Кто там? – спросил Андрей.

– Прокопий! – отвечал стучавший (Прокопий был одним из любимых слуг Андрея).

– Нет, это не Прокопий! – сказал князь, хорошо знавший голос своего слуги.

Дверей он не отпер. Злодеи стали ломиться в дверь. Князь бросился к своему мечу, который обыкновенно находился подле него. Меча не оказалось: Анбал раньше убрал его. Заговорщикам удалось выломать дверь; бросились они на князя...

Андрей был очень силен, стал обороняться и одного из противников своих сбил с ног. Вплотьмах, не разглядев, злодеи поранили упавшего, приняв его за князя. Затем, увидев свою ошибку, напали на князя, стали наносить ему удары мечами, саблями, копьями. Он сначала сильно боролся.

– Нечестивцы! Что я вам сделал? – говорил он. – За что вы проливаете кровь мою? Бог вам отомстит за мой хлеб.

Наконец израненный и окровавленный Андрей упал под ударами убийц. Злодеи думали, что он убит, взяли раненого товарища своего и поспешно понесли его. Князь поднялся и, обливаясь кровью, со стоном вышел из спальни. Убийцы услышали стон его и вернулись. Не нашедши его на том месте, где они оставили его, злодеи испугались...

– Скорее ищите его, – говорили они друг другу, – а не то мы погибли!

Зажгли свечу и по кровавому следу нашли несчастного князя; он успел сойти по лестнице вниз и думал скрыться за лестничным столбом. Злодеи кинулись на него.

– Господи, в руки Твои предаю дух мой! – были последние слова несчастного.

Умертвили заговорщики и Прокопия, верного слугу Андрея. Княжеское имущество было разграблено. Из кладовой князя забрали золото, драгоценные камни и разные ткани и одежды.

Тело убитого князя долго лежало брошенное в городе; никто не решался взять его, чтобы отдать ему последний христианский долг, – все боялись заговорщиков. Но нашелся между слугами князя один, киевлянин Кузьма, который не побоялся злодеев. Стал он плакать над трупом Андрея. Насилу выпросил этот верный слуга у ключника ковер и корзно покрыть труп убитого князя. Обернув тело, Кузьма понес его в церковь и стал просить, чтобы ее отперли. Ему закричали:

– Да кинь тело тут в притворе. Экая тебе печаль с ним!

Все были уже пьяны. Кузьма стал плакать и причитать над своим господином:

– Уж тебя, господин, слуги твои не хотят знать... Бывало прежде, придет ли гость из Царьграда или из какой-либо русской стороны, или латинянин, христианин ли, поганый ли, – ты, бывало, скажешь: введите его в церковь и на полати (на хоры), пусть видит истинное христианство и крестится, – что и бывало. Болгаре, жида и вся погань-язычники, видевшие здесь славу Божию и красоту церковную, больше сокрушаются по тебе, а эти твои слуги даже в церковь не пускают положить.

Только на третий день после убийства нашлось духовное лицо, которое решилось отпеть князя. На шестой день, когда волнение, поднявшееся во Владимире, стихло, владимирцы порешили перенести тело своего князя из Боголюбова во Владимир. Когда торжественная процессия приближалась к городу и толпы народа, стоявшего у городских ворот, завидели княжеский стяг (знамя), который несли перед гробом, многие из народа стали рыдать. Андрея похоронили в построенной им Богородичной церкви (1174).

После смерти его ростовцы и суздальцы выбрали себе в князья не сына его и не братьев, а племянников, – думали, что в благодарность за избрание они будут править «по старине». Владимирцы призвали к себе на княжение брата Андреева – Михаила. Начались тогда усобицы между племянниками и дядями, между старыми городами (Ростовом и Суздалем) и молодым городом Владимиром. В конце концов владимирцы одолели. Михаил Юрьевич утвердился во Владимире. Через год он умер, и место его занял брат его Всеволод по прозвищу Большое Гнездо (1176).

Всеволод III

Всеволод III Юрьевич действовал по примеру Андрея Боголюбского; не дал волостей своим племянникам, подчинил себе Рязань и Новгород и властно распорядился Киевом.

В Южной Руси в это время шли усобицы. Самым знаменитым князем тогда был сын Мстислава Храброго, Мстислав Удалой, – образец старого южнорусского князя: он не заботился об усилении своей области и власти – больше всего влекла его военная слава; на войну смотрел он, как на суд Божий. С дружиною своею, закаленною в боях, он беспрестанно переезжал из одного конца Руси на другой, являлся всюду, где нужно было оборонить слабого от сильного, постоять за «старину».

Всеволод III был князем совсем не такого нрава: крайне осторожный, не охотник до решительных действий, битв и походных тревог, он всегда рассчитывал на верняка; к своей цели шел осторожно и твердо. Главной задачей его было – приобрести как можно больше владений, усилить свою власть на счет других князей, забрать их всех в свои руки.

При Всеволоде во Владимире и в других городах Суздальской области было воздвигнуто много новых великолепных для того времени церквей. Во Владимире был построен Дмитриевский собор, по словам летописца, «дивно украшенный иконами и писанием».

В старину каменные церкви на Руси строили иноземные мастера – греки да немцы, но мало-помалу и русские стали перенимать у них кое-какие знания.

Когда понадобилось в Суздале обновить Богородничную церковь, то епископ не искал мастеров у немцев, а нашел у себя между церковными служителями и во Владимире людей, которые сумели и олово лить, и покрыть церковь свинцовыми листами, и известью выбелить.

Во Владимирской области было немало каменщиков, но хороших зодчих между русскими было немного: церкви, построенные ими, часто обваливались.

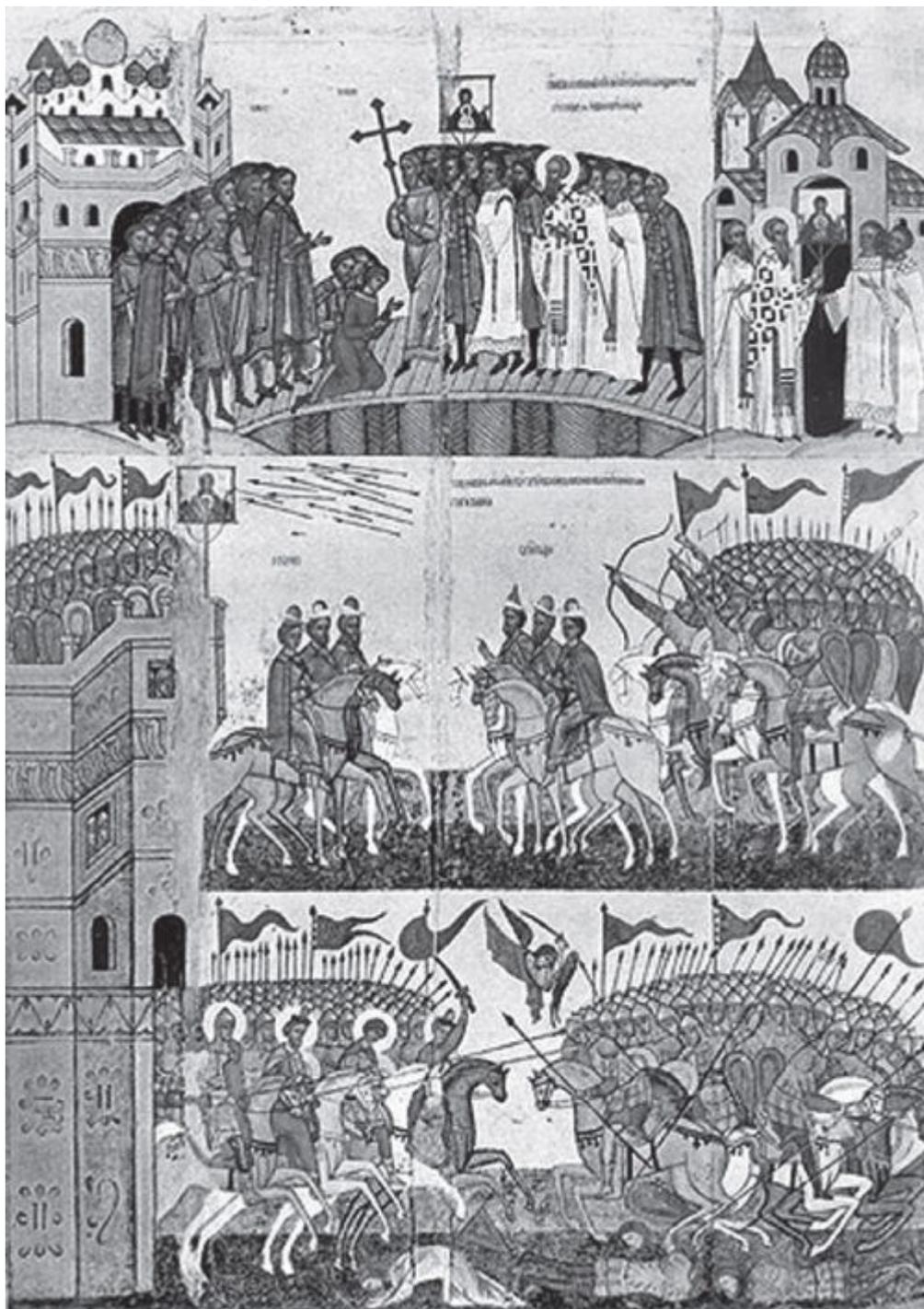
С XII в. все чаще и чаще воздвигаются каменные постройки. Кроме церквей из камня, стали строить городские стены, башни, иногда и княжеские дома. Большею же частью жилье в городе строилось по-прежнему из дерева и мало чем отличалось от крестьянских изб, было только попросторнее и покрасивее.

Лесу в северных русских областях было вдоволь, и постройка простого жилища стоила очень дешево. В случае пожаров, которые в древности истребляли целые города, или неприятельских нашествий жители старались спасти более ценные свои пожитки. Погоревшие города скоро вновь застраивались. При дешевизне построек и простоте быта жителям городов нетрудно было переселиться на новые места. Целые города иной раз бежали от неприятелей и затворялись в других городах. Бывали случаи, что князья переводили города из одной области в другую.

Земли было на Руси вдоволь, а народу мало. Каждому князю хотелось привлечь побольше переселенцев в свою область.

Борьба Суздаля с Новгородом

Сильную борьбу пришлось выдержать Новгороду с властолюбивыми суздальскими князьями, начиная с Юрия Долгорукого. Никогда вечники-новгородцы так не нуждались в боевых князьях, как в эту пору.

Битва новгородцев с суздальцами. Икона. Конец XV в.

Особенно замечательными князьями новгородскими были два Мстислава. Мстислав Храбрый (сын Ростислава Мстиславича, смоленского князя, внука Владимира Мономаха)

оказал большие услуги Новгороду – одержал блестящую победу над чудью и мужественно отстаивал свободу Великого Новгорода. Новгородцы очень любили своего князя. Когда он умер, тело его погребли они в церкви Св. Софии. Отличался он не только храбростью, но и благочестием, и делами милосердия. Летописец о нем говорит:

«Он всегда порывался на великие дела, – и не было земли на Руси, которая не хотела бы иметь его у себя и не любила бы его. Не может вся земля Русская забыть доблести его».

Священна для Новгорода была его память – гробница его стала предметом поклонения. Впоследствии Мстислава причли клику святых.

Не менее дорог был новгородцам и сын его Мстислав Удалой (Удатный, как звал его народ).

Всеволод, князь суздальский, не спросив согласия веча, назначил своего сына

Святослава князем в Новгород. Здесь поднялось волнение: многие новгородцы крепко стояли за свои порядки. Они напали на сторонников суздальского князя, разграбили и пожгли дворы их. Всеволод в наказание за это приказал задерживать новгородских купцов, ездивших по его землям, отбирать у них товары и не пропускать из своей земли хлеба в Новгород. Это было в 1210 г. В это время неожиданно является на помощь Мстислав Удалой.

– Кланяюсь св. Софии и гробу отца моего, и всем новгородцам, – послал он сказать им, – услышал я, что князья творят над вами насилие, – жаль мне своей отчины!

Новгородцы обрадовались, волнения стихли; сторонники суздальского князя при-
молкли – боялись перечесть большинству. Князя Святослава посадили под стражу, и вече послало сказать Мстиславу: «Иди, князь, на стол».

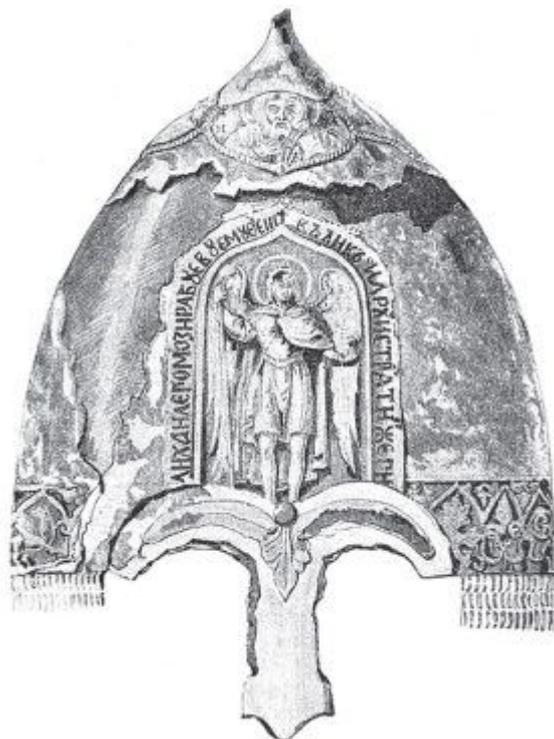
Пришел он со своею дружиной, собралось и новгородское ополчение, но на этот раз дело до войны не дошло; Всеволод не решился начать войну с Мстиславом и прислал к нему послов с такими словами:

– Отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородских гостей с их товарами и вознагражу убытки их.

Порадовались новгородцы, что Мстислав одержал верх над Всеволодом, не пролив ни капли крови.

Много пользы Новгороду принес удалой князь: он ездил по Новгородской земле, всюду учреждал порядок, строил укрепления и церкви. Два раза ходил на чудь и подчинил Новгороду всю Чудскую землю вплоть до самого моря.

В это время возникли усобицы на юге: Черниговский князь Всеволод овладел Киевом, выгнал отсюда родичей Мстислава и творил много всяких насилий. Мстиславу снова представился случай стать за правду. Он собрал вече и просил новгородцев помочь его изгнанным родичам.

Шлем (предположительно Ярослава)

– Куда, князь, ты взглянешь очами, – закричали новгородцы, – туда и мы обратимся своими головами!

С помощью новгородцев одолел удалой князь врага, посадил в Киеве своего двоюродного брата Мстислава Романовича и вернулся в Новгород. Но не сиделось ему тут: велика была у него охота к боевым трудам, к подвигам, а на юге было для него дело. Звали его туда на венгров, которые захватили Галицкую землю, пользуясь смутами, и посадили там своего королевича. Собрал Мстислав вече, поклонился Господину Великому Новгороду.

– Есть у меня, – сказал он, – дело на Руси, а вы вольны в князьях.

Он с дружиною своей уехал в Галич. Пока боролся он здесь с врагами Русской земли, в Новгороде взяли верх сторонники суздальских князей и призвали Ярослава Всеволодовича. Князь этот был человек крутого нрава и стал не по праву, без суда расправляться с противниками: двух из них заковал и выслал в Тверь, сторонники князя по его наущению разграбили дом тысяцкого. Тогда поднялся в Новгороде народ, и несколько сторонников князя было убито. Раздраженный этой народной расправой, Ярослав оставил в Новгороде своего наместника, а сам поселился в Торжке. Торжок, или Новый Торг, как иначе называли его в старину, был пригородом Новгорода. Ярослав задумал тут, поближе к Суздальской земле, устроить столицу, а Новгород обратить в пригород.

На горе новгородцам в земле их в это время мороз побил хлеб, он страшно вздорожал. Плохо пришлось бедному люду: Ярослав не пропускал в Новгород ни одного воза с хлебом. Начался голод. Бедные люди за кусок хлеба продавали детей своих в рабство. Много народу погибло голодною смертью. По улицам валялись тела умерших, собаки грызли их... Смирились новгородцы, послали к Ярославу звать его к себе; он ничего не отвечал, а посланных велел задержать. Второй раз отправили новгородцы к нему послов с такими словами:

– Иди, князь, в свою отчину ко святой Софии.

Посланные снова были задержаны, а ответа новгородцам не было дано. Ярослав велел хватать по всем дорогам новгородских гостей и держать их в Торжке, словно в плену... Кажется, пришел конец Новгороду.

Спасает его и на этот раз от беды неминуемой все тот же удалой князь, каратель неправды и насилия, восстановитель правды. Является он сюда (11 февраля 1216 г.). Ожили упавшие духом новгородцы, хотевшие отстоять свою «старину». Он прежде всего велит схватить и заковать ярославских людей, орудовавших в Новгороде. Затем собрано было вече; Мстислав торжественно целует крест верой и правдой послужить Великому Новгороду и говорит:

– Либо освобожу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою сложу за Великий Новгород!

– На жизнь и смерть готовы идти с тобою! – кричат в ответ новгородцы.

Потребовал сначала Мстислав опять уладить дело мирным путем, послал к Ярославу посла уговорить его оставить Новгород в покое и освободить захваченных новгородцев. Ярослав не только не исполнил требований Мстислава, но, чтобы досадить ему, приказал заковать взятых новгородцев и разослал их в заточение по разным городам, а товары раздал своим дружинникам.

Когда весть об этом новом насилии дошла до Мстислава, он велел звонить на вече на Ярославовом дворе, явился среди народа и сказал:

– Пойдем, освободим людей своих, ваших братьев. Не быть Торжку Великим Новгородом, ни Новгороду – Торжком! Где святая София – тут и Новгород!

Ополчились новгородцы. На помощь им по призыву Мстислава пришли псковичи, а потом и смоляне. В это время в Суздальской земле спорили за первенство Константин Всеволодович с младшим братом своим Юрием. Мстислав объявил, что он не только стоит за Новгород, но хочет правды и в Суздальской земле – хочет поддержать права старшего князя Константина.

Ярослав ушел к брату своему Юрию во Владимир. Стали они готовить большое ополчение. Вся Суздальская земля вооружилась; на войну погнали из сел и деревень земледельцев, суздальцам помогали муромцы, пристали к ним и бродники (так назывались сбродные шайки восточных степей).

Мстислав послал сказать Юрию, что новгородцы не питают никакой вражды к нему, что они обижены Ярославом. Юрий отвечал:

– Мы с братом Ярославом – один человек.

Отправил Мстислав посла и к Ярославу с таким словом:

– Освободи захваченных тобой новгородцев, верни волости новгородские, что ты занял, помирись с нами, целуй нам крест, – не будем проливать кровь!

– Мира не хотим, – отвечал Ярослав, – издалека вы пришли и попали как рыба на сушу!

Переговоры не привели ни к чему. Суздальские князья (Ярослав и Юрий) так были уверены в победе, что устроили у себя в шатре пир с боярами. Некоторые из старых и благоразумных бояр смущались тем, что правда была на стороне противника. Один из них даже уговаривал помириться с Мстиславом и Константином.

– Не смотрите, – говорил этот боярин, – что рати у них меньше, чем у вас. Ростиславова племени князья мудры, справедливы и храбры, и люди их – новгородцы и смоляне – смелы в бою. А про Мстислава сами знаете, что храбростью он выше всех!

Не по душе пришелся князьям такой совет. Больше нравились им речи молодых бояр.

– Никогда не бывало, – говорили эти бояре, – ни при отцах ваших, ни при дедах, чтобы кто вошел ратью в сильную Суздальскую землю и вышел бы из нее цел... Что нам эти полки?! Мы их седлами закидаем!

– Сама добыча идет к нам в руки, – говорили самоуверенно князя своим дружинникам, – достанутся вам кони, оружие, брони, платье; берите все, только врагов не щадите. Не оставим в живых никого!

Затем и между собою уговорились князя, кому какую областью владеть из земель, которые попадут в их руки после победы. Суздальские князя послали гонца пригласить Мстислава на бой на Липецкое поле.

Суздальцы стали на горе и несколько времени не вступали в решительный бой, не сходили с горы. Не утерпел удалой Мстислав.

– Братья, – сказал он своим воинам, – гора не поможет им, и гора не победит нас. С нами честной крест и правда; пойдём на них!

Проезжая по рядам новгородцев, он говорил:

– С Божьей помощью станем крепко. Не озирайтесь назад; побежавши, не уйдешь беды. Забудем жен, детей и дома свои. Идите в бой, как кому лучше, пешие или на коне!

– Не хотим умирать на конях, – закричали новгородцы. – Мы будем биться пешие, как отцы наши!

Сбросил и они с себя верхнюю одежду, даже сапоги сняли. Босые пустились они с криком вперед, за ними кинулись в бой и смоляне. Вожди были на конях, чтобы видели их все воины. Дружинники были тоже верхом на конях. Пешие новгородцы первые с громким криком схватились с неприятелем. Пошли в дело дубины и топоры. Новгородцы стали одолевать. Уже один стяг Ярославов был подрублен. Мстислав, заметив, что новгородцы зашли слишком далеко и неприятель может окружить их, крикнул своим:

– Не дай бог, братья, выдавать этих удальцов!

Он пустился вперед на своем борзом коне. За ним понеслись другие князя и дружина. Началась лютая сеча. Суздальские полки были смяты. Юрий и Ярослав обратились в бегство – кинули весь свой обоз. Мстислав три раза проехал сквозь неприятельские полки, прокладывая себе путь своим тяжелым топором.

Суздальская рать бросилась бежать врассыпную. До десяти тысяч суздальцев погибло под ударами топоров и утонуло во время бегства. Тридцать знамен, до ста труб и бубен и весь обоз достались победителям.

Липецкая битва произошла 21 апреля 1216 г.

Летописец живо говорит об ужасе этого побоища; сын шел на своего отца, брат на брата, слуга на господина. Было немало новгородцев, которые сражались за Ярослава; одни из родичей стояли под знаменами Мстислава и Константина, другие – под знаменами их противников.

Ярослав и Юрий бежали. Юрий загнал трех коней, на четвертом прискакал во Владимир... В городе оставались только мирные обыватели: священники, чернецы, старики, женщины да дети. Завидев всадника, владимирцы обрадовались было: вот, думали они, вестник спешит с вестью о победе. Когда же узнали, в чем дело, то начался по всему городу плач и стон: из всех почти семей были взяты ратники на войну. К вечеру стали собираться в город беглецы с несчастного побоища: кто был изранен, кто вернулся нагим, кто босым, – всю ночь понемногу сходились они. Князь собрал вече.

– Братья, владимирцы, – говорил он, – затворимся в городе и станем отбиваться!

– Как мы станем биться, – возражали ему владимирцы, – братья наши избиты, другие в плен попали, а те, что вернулись, безоружны.

Юрий просил владимирцев, чтобы они по крайней мере не выдавали его Мстиславу и Константину, и обещал сам в крайнем случае выехать из города. Владимирцы согласились на это. 29 апреля союзники подошли к городу и окружили его. Юрий не мог обороняться и сдался на милость победителей.

– Кланяюсь вам, братья, и челом бью, – сказал он, – жизнь мне оставьте и хлебом кормите!

Мстислав порешил отдать город Владимир Константину, старшему брату Юрия, а ему Городец.

Другой суздальский князь Ярослав бежал с побоища в Переяславль. В ярости он приказал заковать в кандалы всех новгородцев и смолян, какие случились в это время в Переяславле, и бросать их в погреб.

Новгородцев было более ста человек, многие из них задохнулись в тесных подвалах. Но сколько он ни злобился, а смириться перед победителями пришлось и ему.

Ни один князь не принес столько пользы Новгороду, как Мстислав Удалой. При нем никто не осмеливался нарушать новгородской старины, да и в других областях боялись творить насилия и не по праву занимать княжеские столы: Мстислав готов был всегда помочь правому, наказать нарушителя правды.

В это время в Галиче опять стали хозяйничать венгры. Мстислава тянуло туда потрудиться на пользу русского дела. Собрал он вече.

– Кланяюсь, – сказал он, – Святой Софии, гробу отца моего и вам. Хочу поискать Галича, а вас не забуду. Дай Бог мне лечь у Св. Софии, у гроба отца моего!

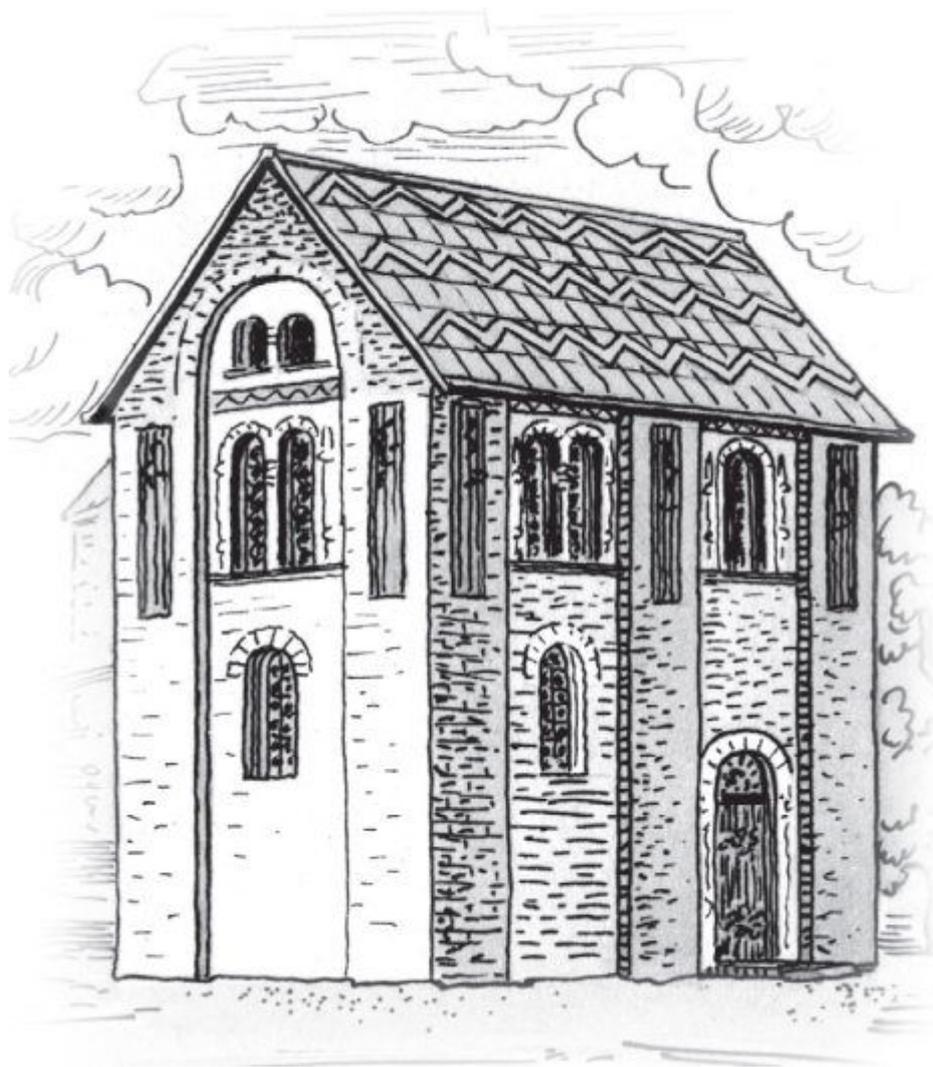
Сильно упрашивали новгородцы Мстислава остаться у них, но напрасно. Он уехал, и навсегда. Не довелось ему лечь у Св. Софии.

Государственный строй и быт русских одиннадцатого–тринадцатого столетий

К концу XII в. Русская земля распалась на несколько отдельных земель или областей. В каждой из них утвердился какой-либо княжеский род, который уже крепко держался волости, унаследованной от своего родоначальника; на ней и размещались все родичи. После Юрия Долгорукого переходы князей из одной волости в другую по старшинству почти прекратились – идут лишь споры между некоторыми князьями за Киев. Но он уже утратил прежнее значение первопрестольного города, которое переходит к Владимиру-на-Клязьме. При Андрее Боголюбском и Всеволоде III здесь сосредоточивается сильная великокняжеская власть, и великий князь стремится подчинить себе разрозненные русские земли. По смерти Всеволода великокняжеская власть слабеет, и каждая область представляет самостоятельное княжество.

Но несмотря на это раздробление земли, несмотря на то, что, казалось, совсем забыли, что она представляет одно государство, и несмотря на бесконечные распри князей, все-таки все отдельные волости составляли одну Русскую землю, они связаны были между собой неразрывными узами: жители всех русских волостей, подданные всех князей, враждующих между собой, говорили одним и тем же языком, исповедовали одну и ту же православную веру. Да и князья, как ни спорили между собой, какие «крамолы ни ковали» друг против друга, но забыть, что все они происходили от одного родоначальника, от Владимира Святославича, конечно, не могли. Наконец, церкви всех уделов были подчинены одному и тому же киевскому митрополиту, и Киев с его святынями по-прежнему является средоточием церковной власти, источником христианского просвещения. Вот те крепкие узлы, которые не позволяли разрозненным областям русским обособиться в совершенно отдельные государства, – узлы, которые наперекор стремлению некоторых князей связывали все княжества в одну Русскую землю. Этой связи сильно помогла и природа ее: равнина нигде не давала удобных границ для отдельных государств, а речная сеть еще больше стягивала их в одно целое.

Каждая область управлялась отдельно. Князь, дружина и народное вече – вот три правительственные силы, какие встречаем мы в XI и XII вв. в русских областях. В одном месте князь, пользуясь любовью и доверием народа, управляет самовластно, не обращая большого внимания на дружину (в Суздальской земле); в другой области вече забирает власть в свои руки, и князь во многом зависит от него (в Новгороде); в третьем княжестве разбогатевшая дружина начинает по примеру западных крупных землевладельцев стеснять княжескую власть (так было, например, в Галицкой Руси).

Княжеский терем XI в.

Но по большей части князь пользовался большою силою: он был верховным правителем страны, главным судьей, стражем ее от врагов: он определял подати, строил города (крепости), назначал наместников по своим городам, избирал и духовных сановников, конечно по соглашению с киевским митрополитом. В случае войны князь был главным воеводою, шел на врага во главе своей дружины и войска. Подчиненные младшие князья должны были чтить великого князя «в отца место» и, как говорилось тогда, «ходить в руке» у него, то есть покоряться ему, оттого и звали их подручными князьями. Они обязаны были не только повиноваться ему, но всячески выражать почтение: например, если случалось ехать вместе, то они ехали у стремени его. Но в своих уделах или волостях князья были независимыми правителями.

Князь был почти неразлучен с дружиной своей: на войне она окружает его; с нею он «думает», то есть совещается о всяких делах, военных и мирных, с нею ходит на полюдь, на охоты, с нею пирует и веселится. Чем больше тревоги и войны, тем дороже князю его дружина. Понятно, что во время непрерывных усобиц иным князьям плохо пришлось бы без дружины, вот почему многие из них всячески ублажают ее, щедро осыпают ее своими милостями. Дружинники – люди вольные, могут переходить от одного князя на службу к другому. У щедрого князя, подле которого живетя богато и привольно, нет недостатка в удалых сподвижниках, да у такого князя вдоволь и богатства. «С удалой дружиной найду

и серебро и золото», – говорил еще Владимир святой... Князь давал своей дружине содержание и жалованье деньгами, разными припасами и произведениями, какие собирались с народа, как дань, наконец, наделял землей. Сначала поземельная собственность при частых переходах князей из одной волости в другую не имела большой цены, но потом, когда князья остаются в своих вотчинах, то есть землях, унаследованных от отцов, поземельная собственность получает большое значение, и дружинники делаются богатыми землевладельцами.

Дружина делилась на старшую и младшую. К первой принадлежали бояре, княжьи мужи, ко второй – отроки, детские, бывшие телохранителями князя, его ближайшими слугами, составлявшими его двор. Число дружинников при князе обыкновенно не было велико, едва ли доходило до тысячи. Их было достаточно в мирное время для охраны порядка в области да для мелких междоусобиц; но в случае большой войны князья не только сзывали всю самую главную часть войска. Нередко более удалые ратники, или воины, свыкшись с боевой жизнью, поступали в дружину.

Бояре были главными советниками, или «думцами», князей. Из них князья избирали разных должностных лиц, назначали их наместниками в города, воеводами, тысяцкими и прочее. В ту пору не было еще точного разграничения властей и обязанностей, так что княжьи мужи, наместники, или посадники, получавшие от князя в управление города, имели в своих руках и военную власть, и суд творили, и дань собирали. Сверх княжьего жалованья в пользу наместников шла часть разных сборов и судебных пошлин. Иногда князь поручал даже и в том городе, где сам жил, своим тиунам (слугам) творить суд, а те иногда притесняли народ.

Главные доходы князя состояли в дани, которая собиралась с волости; затем шли судебные пени, или «виры», и торговые пошлины. Кроме различных припасов и разных естественных произведений: хлеба, меду, мехов, которые давались князьям в виде дани, они получали со своих собственных имений доходы, иногда огромные. При некоторых княжеских селах были княжьи дворы с кладовыми и погребами, полными всякого добра: и съестных припасов, дорогих вещей, тканей и прочее. Богатству князя Святослава Черниговского, как сказано, удивлялись иноземцы. Табуны в несколько тысяч коней паслись на привольных княжеских пастбищах, тысячи стогов хлеба собирались на пажитях, в погребах были сотни пудов меду, в кладовых и клетях хранилось много дорогих, златотканых одежд, украшений и дорогого оружия. Охоты и ловы могли доставлять тоже порядочный доход князьям. Было у них на что содержать дружину и разные придворные чины (дворский, стольник, меченоса, ключник, конюший и прочее).

* * *

В летописях находим немало известий о частной жизни князей. При рождении князя давали ему два имени: одно княжье (языческое), а другое христианское (Святополк – Михаил, Ярослав – Георгий, Владимир – Василий и т. д.). Когда княжичу исполнялось три или четыре года, совершался над ним обряд «постриг» и «всажения на конь»: у ребенка стригли волосы и торжественно сажали его на коня. Обряд этот, как думают, ведет начало от древнего обычая князей выстригать или брить голову, оставляя только клок волос, чуб. К маленьким княжичам приставляли так называемых «кормильцев», то есть дядек, из опытных бояр. Они должны были всячески оберегать и воспитывать своих питомцев. Княжих детей, как сыновей, так и дочерей, учили грамоте. Об учении явно заботились, недаром между князьями встречались большие книголюбцы.

Браки у русских князей были очень ранние: 15-17-летних княжичей женили на 10-12-летних княжнах (известен даже случай женитьбы четырнадцатилетнего князя на восьмилетней княжне).

Рано также сажали князей на престол, иногда 12 лет; в таких случаях делами заправляли родичи или кормильцы юных князей. Обряд вокняжения, или «посаждения на стол», совершался, конечно, высокопоставленными духовными лицами, митрополитом или епископами. Крещение, постриги, посажение на стол, свадьбы сопровождалась веселыми пирами.

Как обыкновенно проводили лучшие князья день – это ясно видно из поучения Владимира Мономаха. Вставали по большей части рано, до зари, совершали молитву или слушали заутреню, затем завтракали, а после того занимались делами, обсуждали различные вопросы с думцами своими или творили суд; если никаких важных дел не было, отправлялись на охоту с дружинниками. В полдень обедали и спали. Остальное время до вечера, если не представлялось неотложных дел, отдыхали или пировали с дружиной своей. Русский человек всегда любил повеселиться и рад был всякому случаю развернуться, потешить свою душу широким пиром. Меду крепкого, стоялого да вина заморского было вдоволь в княжеских погребах; были песельники, плясуны, скоморохи, игрецы... Конечно, в таком порядке жизнь князей протекала в мирное время, но войны и усобицы беспрестанно нарушали спокойное течение ее. Впрочем, князья по большей части уже не походили на древнего Святослава и нередко возили за собой даже в поход большие обозы с разными припасами, так что могли пировать и во время войны. Во время усобиц сражающиеся дружины старались обыкновенно отбить у своих противников княжеский обоз – знали, что там будет чем поживиться. Среди веселых пиров, охот и потех молодецких князья по большей части не забывали о церкви и духовенстве. Набожность была сильна в древности: многие князья ежедневно посещают богослужения, делают богатые вклады в церкви, строят новые храмы, роскошно украшают их, даже основывают новые монастыри, заботятся о благолепии их, жертвуют в пользу их не только деньги, но целые поместья со всякими угодьями, стараются снабдить церкви книгами, завести училища.

Ювелирные изделия XI–XIII вв.

С этой стороны раздробление Русской земли на уделы было даже полезно: князья соревнуются между собою, каждый старается свой город украсить храмами, чтобы они по богатству и красоте превзошли иногородние. До сих пор во многих древних городах

наших, где сохранились старинные церкви, можно видеть множество драгоценной церковной утвари, образов в богатых серебряных и золотых окладах, евангелий в дорогих переплетках, усыпанных драгоценными камнями, и прочее. Все это по большей части – дар щедрых князей, строителей этих церквей. Иные князья искали спасения от грехов и успокоения от мирских тревог и соблазнов в стенах монастырей, постригались в монахи. Князей хоронили при церквях в ограде или в самом храме. Обряд погребения совершался обыкновенно на другой день после кончины. По смерти князя все родичи и домочадцы надевали скорбное (черное) платье. За гробом князя несли его стяг (знамя) и вели его коня; у гроба ставилось копьё. Обыкновенно после смерти князя раздавались щедрые милостыни нищим и убогим и делались большие вклады по церквям на помин души усопшего. Над гробом не только пели похоронные песни, но и произносились причитания людьми, близкими к покойнику. Летописец, например, подробно говорит под 1078 г. о похоронах Изяслава. Весь Киев вышел навстречу телу своего князя. Его положили на сани (они в старину заменяли дроги) и сначала повезли, а потом понесли на руках по городу, и, по словам летописи, «нельзя было слышать пенья от великого плача и вопля: плакал по князю весь город Киев». Ярополк же шел за ним с дружиной и, оплакивая умершего, причитал:

– Отче, отче мой! Много ли без печали пожил ты на сем свете и сколько напасти принял ты от людей и от братья своей? И вот теперь не от брата погиб ты, но за брата своего положил главу свою!

Жизнь бояр, конечно, во многом походила на княжескую.

* * *

Все население, кроме духовенства и дружины, называлось «люди»; крестьян называли обыкновенно смердами, к ним же причисляли купцов, разных промышленников и ремесленников (гончаров, плотников и прочее).

Крестьяне занимались преимущественно земледелием, а где было удобно – скотоводством и бортничеством, то есть собиранием меда в бортах (дуплах старых деревьев). Рыбная ловля и разного рода охоты и ловы были тоже очень распространены. Занятия и жизнь простого люда очень устойчивы: целые века проходят, а перемен в народном быте почти никаких не происходит. Крестьяне нашего времени так же просто живут, как жили предки их за пятьсот, за шестьсот лет тому назад: почти те же у них способы обработки земли, так же ведется хозяйство – словом, жизнь простого сельского люда так же медленно изменяется, как и та природа, среди которой он живет. И пища в те времена мало чем отличалась от теперешней. Более всего употребляли ржаной хлеб, а на юге и пшеничный, кашу, овсяный кисель, различные овощи. Мясная пища была в старину обильнее и доступнее для простого люда, чем теперь, так как кроме домашней птицы и животных употреблялась разного рода дичь, которою полны были первобытные леса, и рыба, которою изобиловали озера и реки. Предки наши не гнушались мясом медведей и белок; но духовенство сильно восставало против этого, считая этих животных нечистыми, а также и против употребления в пищу давленины, то есть птиц, не зарезанных и не застреленных, а удавленных силками. Из напитков употреблялись квас, брага, пиво, мед. Заморские же вина были доступны, конечно, только богатым.

Крестьяне были в XII–XIII вв. люди свободные, могли переходить с места на место, как вольные работники; они нередко и переходили с одного участка земли на другой, более удобный; на севере, когда почва в одном месте истощалась, они передвигались на другое, очищали или выжигали себе в лесах поляны и жили здесь, пока можно было прокормиться...

На юге, в степной полосе, тучная черноземная почва могла бы надолго привязать сельчан к одному месту, но здесь постоянные налеты степных хищников да беспорядочные кня-

жеские уособицы сильно мешали мирному земледельческому быту, и население подвигалось все более к северу.

Кроме свободных людей были полусвободные, так называемые закупы, как бы временные рабы, обязанные отработать известное число лет своему заимодавцу за долг; были и холопы, то есть рабы, находившиеся вполне в руках своих господ. У князей и бояр по селам было много таких работников, которые носили общее название «челядь».

Городов на Руси в летописях упоминается до половины XIII в. около трехсот, но, конечно, их было больше; о многих городах летописцам не пришлось упоминать. Большие города, подобно Новгороду, о котором сказано выше, состояли из «кремля», или детинца, в котором находились главный соборный храм и двор князя или его наместника, дворы некоторых бояр и духовных лиц; тут же водворялась часть младшей дружины, «детские» (отсюда и слово «детинец»). К детинцу примыкал окольный город, или острог; он тоже ограждался валом, стеной с башнями, а с наружной стороны и рвом. Стены и башни городские были по большей части деревянные. Позже окольный город стали называть посадом, в нем жило более всего торговое население и различные ремесленники. Главным местом посада было торговище, или Торжок», куда в известные дни съезжались жители ближних сел и деревень для обмена своих произведений. Некоторые города, особенно стоявшие на торговых путях, быстро разрастались; к острогу или посаду примыкали новые поселки, предгордия, или слободы, жители которых обыкновенно занимались земледелием, огородничеством и рыбной ловлей. Эти слободы нередко впоследствии тоже обводились валом. Таковы были большие города; но кроме них было множество малых городов, или городков, представлявших села, огражденные рвом и валом с бревенчатым частоколом или тыном. Такие-то городки, конечно, и устраивали князья для обороны степной украины (окраины) от половцев. Где было меньше опасности, например на Севере, там население мало-помалу раскидывалось небольшими, неукрепленными поселками; городки тоже понемногу разрастались и превращались в открытые города, в которых развивалась мирная промышленность; наоборот, в беспокойных местах, как в южной и восточной окраинах, население все больше и больше сбивалось в городки, окапывалось, ограждалось от опасности и складывалось в военные общины, всегда готовые к войне и даже любившие ее.

Жилища строились, понятно, более всего из дерева: лесу на Севере было пропасть, а камень могли добывать только в некоторых местностях. Жилье складывалось обыкновенно из бревенчатых срубов. Сруб, или клеть, если устраивалась в ней печь или очаг, называли истопкой (отсюда и слово «изба»). Несколько клетей, соединенных между собой, составляли хоромы. Богатые жилища отличались от бедных прежде всего количеством клетей и величиной хором – состояли они из трех главных частей: зимнего жилья с печью (избы), летнего (клетей) без печи и находившегося меж ними светлого покоя, сеней, или сенницы, служивших приемной для гостей. Хоромы строились обыкновенно высокие – названные части их были во втором ярусе. Под ними находились подклетей; здесь были складочные места для разных хозяйственных принадлежностей, тут же были погреба, медуши и прочее. К сеням пристраивалось крыльцо, состоявшее из лестницы, верхней площадки, которая утверждена была на столбах, а сверху прикрыта кровлей. Над сенями надстраивалась еще светлая горница, терем, или повалуша. Кровля была обыкновенно крутая, двухсторонняя;

у богатых она покрывалась тесом, или гонтом, то есть мелкими дощечками, а у бедных – соломой. Хоромы ставились обыкновенно посреди двора, огороженного тыном или плетнем; по концам двора располагались службы для челяди, баня, конюшни, хлевы и прочее. Чем зажиточнее был хозяин, тем просторнее был его двор, тем больше построек находилось на нем.

Терема княжеские особенно украшались разными затейливыми украшениями, раскрашивались внутри и снаружи разноцветными красками, особенно пестрели ими украшения вокруг окон. Каменные здания считались на Руси в те времена большой редкостью.

Домашняя утварь (стол, скамья, кровать, бочки, ведра, лохани и прочее) делалась преимущественно из дерева. Видно, что столярное, токарное и бондарное промыслы процветали уже в XI–XIII вв. Были в большом ходу работы из лыка, лубка, мочалы (коробья, решета, рогожи и прочее). Процветал и кузнечный промысел (выделывались котлы, сковороды, косы, серпы, гвозди и прочее). Дорогие изделия, например церковная серебряная утварь, серебряные блюда, чаши, ложки и прочее тоже выделывались частью русскими мастерами; но многое, особенно украшения, шло из Греции и с Востока. Были и у нас на Руси заезжие художники, греки и немцы, от которых понемногу перенимали искусство и русские мастера.

Мужская одежда состояла из полотняной сорочки, или рубашки, и узкого нижнего платья, запущенного в сапоги. Затем сверх сорочки надевалась свита, или кожух, длинный, спускавшийся ниже колен и подпоясанный. Дружинники и купцы сверх свиты накидывали плащи, называли их корзнами, или мятлями. Они застегивались запоной обыкновенно на правом плече, – так, чтобы свободно можно было действовать правой рукой. Простой и бедный люд делал себе одежду, конечно, из более дешевых полотен и шерстяных тканей, а богатые носили тонкие шелковые или суконные ткани, а также греческие паволоки, синие, зеленые, красные (багряницы), оксамиты, златотканые узорчатые материи, стоившие, без сомнения, недешево. По краям одежда обыкновенно обшивалась золотой каймой. Сапоги носили тогда сафьяновые, разноцветные, нередко расшитые золотыми узорами. Шапки, или клобуки, делались иногда довольно высокие, с меховыми опушками. Князья не снимали с головы своих клобуков даже и во время богослужения. Зимой, конечно, одежда была меховая, у богатых из дорогих мехов, а у бедных баранья – то, что теперь называется «полушубком».

В древности русские выбривали не только бороду, но и голову, оставляли лишь чуб да усы. Но мало-помалу под влиянием Византии стали покидать этот обычай, и в конце XII в. мы видим по изображениям князей, что носили уже длинные бороды.

Богатство наряда более всего сказывалось в разных дорогих украшениях. Гривны, ожерелья, мониста, кольца серебряные и золотые – вот что особенно разнообразило наряды. Князья в торжественных случаях носили еще бармы – широкое оплечье, вышитое золотом, усеянное жемчугом, дорогими камнями и золотыми бляхами и прочее. Покрой и вид одежды в древности очень медленно изменялся, так что в XIII в. она почти та же, что и в XI в.

Женский наряд еще более отличался всякими украшениями. Они, конечно, служили необходимою принадлежностью женской одежды, которая во многом походила на мужскую, но была длиннее. У замужних женщин голова прикрыта была повоем, сверх которого иногда надевали род кокошника. Девушки волос не закрывали, головные их уборы иногда имели вид венцов.

Злые времена татарщины

Первая встреча русских с татарами

Раздоры и усобицы княжеские ослабили Русскую землю. К концу XII в. распалась она на несколько отдельных областей; каждая из них в свою очередь делилась на более мелкие уделы, где были свои князья. Эти князья, хотя были и близкие родичи между собою, но тоже нередко враждовали друг с другом. Все шло врозь. Хотя владимирские великие князья и задумали подчинить себе все русские области, всех удельных князей сделать своими «подручниками», но они далеко не достигли этого, как обрушилась на Русскую землю тяжелая беда.

В 1223 г., когда Мстислав Удалой был в Галиче, сюда неожиданно явился главный половецкий хан Котян; с ним было еще несколько ханов, его подручников. Никогда еще не видали русские князья половецких ханов в таком положении: они в страшной тревоге, смиренно, даже униженно, с поклонами просят Мстислава о помощи, приносят ему обильные дары.

– Пришли на нас, – говорят они, – лютые враги, разорили нашу землю. Помогите нам, а не то они придут и к вам и сделают с вами то же!

– Кто такие эти враги? – спрашивали князь и бояре.

Но половцы сами мало знали о врагах своих, могли рассказать только, что они пришли из-за Каспийского моря, что полчища их многочисленны, что они храбры и люты в бою, пощады никому не дают. Рассказали и о том, что они сначала победили разные кавказские племена, а потом напали на половецкие степи, множество половцев побили, других загнали за Дон и за Днепр. Больше ничего сообщить половецкие ханы не могли.

– Как же зовутся ваши враги? – спрашивают русские.

– Зовутся они татарами, – отвечают ханы.

Как быть? Вступать в борьбу с неведомым врагом или нет? Вопрос был важный – касался он всей Русской земли. Мстислав порешил созвать в Киев русских князей на совет и сообща предпринять необходимые меры. Понеслись гонцы во все стороны с тревожной вестью. Съехалось в Киев много князей: кроме Мстислава Мстиславича Удалого были здесь Мстислав Романович Киевский с сыном Всеволодом, Мстислав Святославич Черниговский с сыном, Михаил Всеволодович Черниговский, Даниил Романович Волынский и многие другие.

Прибыли в Киев и знатные половцы. Кланялись они тут всем русским князьям, умоляли их о помощи, дарили щедрые подарки: коней, верблюдов, быков, невольниц. Один из ханов даже христианскую веру принял, чтобы расположить к себе русских. Главный же хан Котян больше всего старался подействовать на зятя своего, на Мстислава Удалого. Побудить к войне воинственного князя было, впрочем, и нетрудно: у него и так горело уже сердце страстным желанием переведаться с храбрым и лютым врагом, творившим неправду и насилие, грозившим бедою всей Русской земле.

Долго толковали между собою на совете русские князья.

– Если мы, – убеждал их Мстислав Удалой, – не поможем теперь половцам, то они передадутся татарам и вместе с ними нападут на Русскую землю, хуже тогда будет.

Решено было идти навстречу врагам.

– Лучше нам их встретить, – порешили русские князья, – на чужой земле, чем на своей.

Князья разъехались, торопясь снарядить поскорее войска. С наступлением весны, с апреля, потянулись со всех сторон полки: одни ехали на ладьях, другие на конях, третьи шли пешком. Днепр был совсем покрыт ладьями, так что воды не видно было и можно было по

ладьям перейти с одного берега на другой. Отряды половцев тоже прибывали ежедневно. Сила собралась большая. Все верили в успех и бодро двинулись в половецкие степи.

Лето в тот год было знойное: солнце невыносимо палило, дождя не выпадало ни капли, от засухи земля трескалась, леса и травы загорались...

Татары, проведав о том, что на них идет большое русское ополчение, послали сказать русским князьям:

– Слышим, что идете вы против нас, послушавшись половцев, а мы не трогаем ни вашей земли, ни городов ваших, ни сел. Не на вас мы пришли, но по Божьей воле пришли мы на холопов наших, на поганых половцев. Возьмите с нами мир. Придут к вам половцы – бейте их и добычу берите себе. Слышали мы, что они и вам много зла творят.

Русские князья по совету половцев приказали избить татарских послов и продолжали поход. Когда русская рать подошла к устью Днепра, во второй раз явились татарские послы.

– Послушались вы половцев, – сказали они, – послов наших избили. Мы вас не трогаем, а вы идете против нас, – пусть Бог нас рассудит!

Этих послов князья отпустили, не причинив им никакого зла.

Русская рать шла далее... Вдруг разнеслась по всему войску весть, что передовой (сторожевой) отряд завидел татар. Молодой Даниил Романович понесся на своем борзom коне вперед: сильно ему хотелось поскорее увидеть невиданных еще врагов. За ним поскакало еще несколько молодых князей. Завидев толпу всадников, передовой татарский отряд скрылся.

Вернувшиеся с разведки молодые князья говорили разное: одним татары казались «простыми людьми» и плохими воинами, а другие утверждали, что они, татары, как по всему видно, «настоящие воины». Молодым князьям и Мстиславу Удалому не терпелось: горели они желанием поскорее схватиться с врагом. С небольшим отрядом Мстислав переправился через Днепр, встретил в степи сторожевой отряд татар, напал на него и разбил. Воины Мстислава угнали множество рогатого скота, который татары водили обыкновенно за собою. Этот успех ободрил русских. Все князья переправились через Днепр, десять дней шли по степи на восток, наконец дошли до реки Калки. За рекою стояла вся сила татар.

Мстислав Удалой понадеялся на свои силы – не дал вести Мстиславу Киевскому, с которым не ладил: думал, что и сам, без его помощи одолеет татар. Он велел юному Даниилу Волынскому перейти через реку, переправился и сам.

Даниил первый ударил на татар – отважно помчался вперед и врубился в толпу врагов; за ним неслись другие удалыцы. Раненный в грудь, он сгоряча не замечал своей раны и продолжал биться. Много татар было избито. В это время вступили в бой и половецкие орды; на беду, не выдержали они напора татар, смешались и побежали. Нестройные, бегущие толпы половцев навалились на русские полки, которые не успели еще изготoвиться к бою. Все пришло в смятение! С дикими криками со всех сторон налетали конные отряды татар на нестройную толпу половцев и русских и множество их избили. Никто не знал, что делать, куда идти. Пешие, конные, телеги – все перемешалось. Устоять нельзя было. Повернул Даниил своего коня к реке. Жажда мучила князя, припал он к воде. Тут только почувствовал свою рану, оглянулся, увидел, что все бежит в разные стороны, – и понял, что дело проиграно, что ничего не остается и ему, кроме бегства... Бежал и Мстислав

Удалой – бежал в первый раз от роду! Татары гнались до самого Днепра за бегущими русскими. Множество их погибло. Шесть князей было убито. Мстислав Мстиславич с остатками войска переправился через Днепр и велел изрубить и сжечь все лодки, чтобы затруднить переправу татарам.

Вооружение русского и монгольского конных воинов XIII в.

Мстислав Романович стоял в то время станом с подручными князьями на каменной горе, неподалеку от места битвы. Увидел он с высоты бегство русских, но сам не тронулся с места, не помог им и думал, видно, своими силами отбиться от врагов; велел укрепить стан, окружить его валом и кольями. Три дня отбивался он от татар... Тогда они пустились

на хитрость: начальник над бродниками, приставшими к татарам, клялся князю и целовал крест, что татары не причинят вреда русским, отпустят их за выкуп. Мстислав ясно видел, что ему не отбиться от врагов, и согласился наконец сдаться. Жестоко поплатились русские за доверчивость своего вождя: лишь только татары заняли укрепление, тотчас же перебили всех бывших там русских воинов, а князей, связавши их по рукам и ногам, положили на землю, навалили на них доски и сами сели на досках пировать. Несчастные пленники были раздавлены!

Татары шли дальше, предавая все огню и мечу. Напрасно жители некоторых городов с покорностью выходили навстречу им – всех избивали лютые враги без пощады. Ужас охватил всю Русскую землю. Не дойдя до Киева верст около ста, полчища татар повернули неожиданно назад и скрылись в азиатских степях столь же быстро, как появились. Все стихло.

Рассказав о несчастной битве на Калке (16 июня 1224 г.), летописец смиренно прибавляет:

«Совершилось это с нами за грехи наши. Бог насрал на нас неразумие; людей погибло без числа; были вопли, стоны и печаль по всем городам и волостям. Этих злых татар мы и не знаем. Откуда они пришли на нас, куда делись потом, – только Бог про то ведает!..»

Татары

У иноземных писателей сохранилось больше сведений о татарах, чем у нашего летописца. В азиатских степях, к северу от Китая, издавна кочевали орды татар, народа монгольского племени. Были они небольшого роста, широкоплечи, коренасты, с большими головами, которые они брили. Их широкие, смуглые и скуластые лица, с небольшими узкими глазами, казались нашим предкам отвратительными и страшными.

Занимались татары скотоводством; у них было множество разнородного скота – верблюдов, быков, особенно же овец и лошадей. Ели татары всякое мясо и жидкую кашу из проса – брали куски пищи нечистыми руками, обтирали их о свои кафтаны, сапоги или траву. Любимым напитком их был кумыс (лошадиное молоко). Владея огромными стадами, они не оставались долго на одном и том же месте, а беспрестанно перекочевывали с пастбища на пастбище, с реки на реку. Городов и прочных постоянных жилищ поэтому они не строили, а жили в круглых юртах (кибитках), сплетенных из хвороста и покрытых войлоком. Посредине юрты разводили огонь; дым от него уходил в отверстие, бывшее наверху. Такие юрты легко разбирались, когда надо было, а то и не разобранные ставились на телеги и перевозились на другое место.

Мужчины у татар обыкновенно присматривали за стадами. Любили они тешиться верховой ездой и стрельбой из лука. Стрелки и наездники они были превосходные. Дети у них с малых лет уже ездили верхом и пускали стрелы в цель. Они сами собою приучались к войне, потому что круглый год проводили на охоте. Девушки и женщины тоже ездили верхом и хорошо владели луками, притом были очень трудолюбивы – все хозяйство лежало на их руках; они стряпали, шили платье, сапоги, чинили телеги, выучили верблюдов. У татар было многоженство: каждый имел столько жен, сколько мог содержать.

Пока татары дробились на мелкие орды, они могли тревожить своих соседей только такими набегами, как набеги печенегов и половцев на Русскую землю. Орды татар часто враждовали между собою. Постоянные усобицы ослабляли их, и потому они не были особенно опасны для соседних народов. Но в конце XII в. дело изменилось. Между татарскими ханами явился необыкновенный человек. Это был Темуджин. Уже внешним видом своим он резко отличался от всех своих соплеменников: огромного роста, с широким лбом и длинной бородой, властолюбивый и необычайно мужественный, Темуджин обладал непреклонной твердой волей и был беспощадно жесток. Когда после смерти его отца некоторые из подвластных ханов хотели отложиться, он разбил мятежников и в семидесяти огромных котлах велел сварить главных виновников восстания. После того никто из подчиненных не смел ему противиться. Ханы различных татарских орд частью добровольно, частью от страха покорились ему. Подчинив себе силу тех ханов, которые не хотели добровольно признать его своим владыкою, Темуджин в 1206 г. собрал подручных князей (ханов) и клялся делить с ними все горькое и сладкое в жизни. Предание говорит, что какой-то старец-отшельник неожиданно явился в собрание ханов и пророчески возвестил, что Бог отдает Темуджину под власть всю землю и потому он должен именоваться Чингисханом (то есть великим ханом). Темуджин принял этот титул.

С этого времени начались завоевания татар.

«Как на небе существует одно солнце, так на земле должен быть один властелин, а все другие независимые властители и государства, не признавая его власти, тем самым оскорбляют волю неба и должны быть наказаны». Такого взгляда держался Чингисхан.

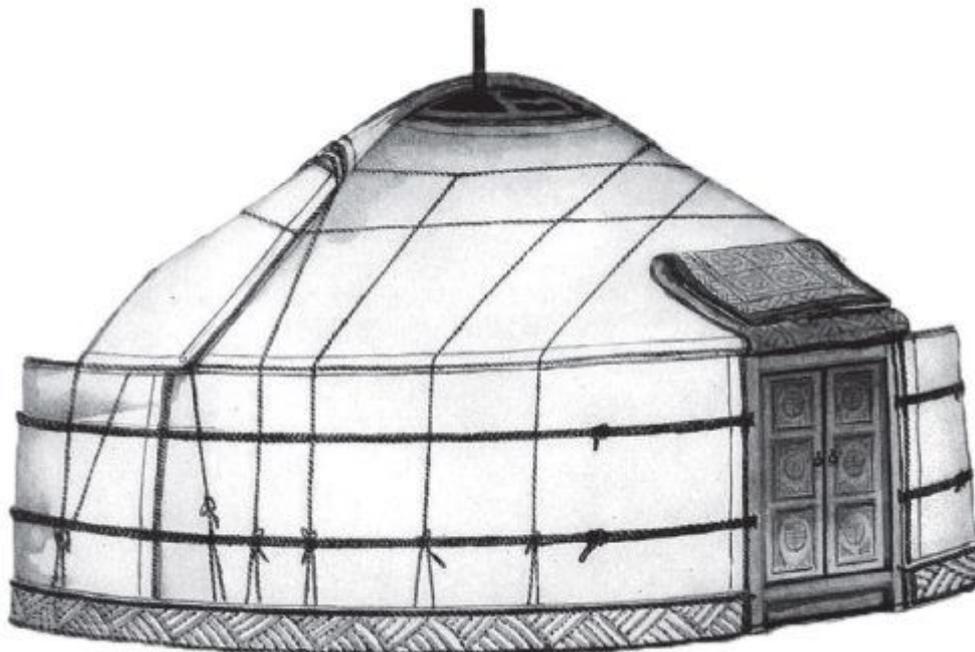

Чингисхан

Вся среднеазиатская степь, Северный Китай, Бухара, Туркестан испытали на себе силу страшной орды и должны были признать над собою власть Чингисхана. Войска монгольские обогнули южный берег Каспийского моря, вошли на Кавказ, в Грузию, затем проникли в степь Половецкую. Вот с этими-то полчищами, бывшими под начальством двух вождей – Джебэ и Субудая, и пришлось русским встретиться на реке Калке.

Татары представляли могучую военную силу. Они беспрекословно повиновались своим начальникам; ни один народ в мире не отличался таким послушанием и уважением к начальникам своим, как татары. Чингисхан дал им строгое военное устройство. Над каждым десятком человек был свой начальник – десятник, над десятью десятниками начальствовал сотник, над десятью сотниками – тысячник, над десятью тысячниками особый начальник – темник. Сторожевые отряды назывались караулами. Беглецы с поля битвы (если только не все войско бежало) предавались смерти. Если из десятка один или несколько храбро бились, а остальные не следовали их примеру, то последних умерщвляли. Если из десятка один или несколько попадали в плен, товарищи, не освободившие их, также предавались смерти. Понятно, что при таких жестоких военных обычаях татары поневоле отчаянно бились.

Каждый татарин должен был иметь лук, колчан со стрелами, топор и веревки, чтобы тащить осадные машины. Богатые, кроме того, имели сабли, копыя, брони, шлемы, лошадей. Некоторые делали брони для себя и лошадей из кожи. Щиты у многих были хворостяные. На всем скаку могли наездники очень метко пускать стрелы. Ведя постоянные войны при Чингисхане, татары научились брать укрепленные города, имели стенобитные и метательные машины.

Монгольская юрта

Необычайна была выносливость татар: легко сносили они голод и жажду, стужу и палящий зной. Притом, по словам древнего персидского историка, «у них было львиное мужество, собачье терпение, хитрость лисицы, хищность волка».

Вступая в неприятельскую землю, они посылали передовые легкие отряды, которые не опустошали страны, а старались только избить как можно больше людей. За ними шло целое войско, которое беспощадно истребляло все на пути. При встрече с неприятелем передовой отряд татар пускал в него стрелы и, если видел, что не справиться с врагом, обращался в бегство, чтобы заманить неприятеля к засаде. Прямо на врага они посылали обыкновенно войска из покоренных племен, а отряды самых храбрых татарских наездников шли в объезд направо и налево, в дальнем расстоянии, чтобы потом внезапно окружить неприятеля и напасть на него со всех сторон. Если неприятель упорно сражался и одолеть его оказывалось не под силу, тогда татары всем войском обращались в бегство и поражали преследующего врага стрелами. Не охотники они были до рукопашного боя – старались сперва перебить и переранить стрелами как можно больше лошадей и людей и тогда уже, уверенные, что легко одолеют ослабленного неприятеля, вступали с ним в рукопашную схватку. Татары между собою были честны (воров у них не было, и потому их юрты, или кибитки, не запирались), друг с другом были обходительны, помогали один другому в нужде; но к чужим, особенно к врагам, они относились совершенно иначе; здесь допускали обман, коварство и крайнюю жестокость. Убить человека им ничего не стоило. Пленных они избивали иной раз таким образом: сотники раздавали их своим людям по 10 человек на каждого, и те рубили несчастных топорами или расстреливали стрелами. Беспощадны они были особенно к знатым. Чингисхан постановил закон: не давать пощады ни имению, ни жизни врага. Из жителей покоренного города татары щадили только тех, кто знал какое-либо полезное для них ремесло, да сильных молодых людей, которых обращали в рабов.

Нашествие татар на Северную Русь

Казалось бы, несчастное побоище на Калке должно было заставить князей русских одуматься, собраться с силами, чтобы в случае нового нападения татарских полчищ дать им сообща мужественный отпор, спасти от лютой их Русскую землю. К несчастью, князья об этом вовсе и не помышляли: каждый только и думал о самом себе. Начались снова и на юге, и на севере бесконечные ссоры, смуты и усобицы; в Новгороде происходили по-прежнему народные волнения.

Необычайные явления в природе пугали суеверный народ – предвещали, по его мнению, страшные беды... Явилась на небе огромная звезда (комета), с виду похожая на копье. Затем началась такая засуха, какой никто из самых старых людей не помнил: леса, болота воспламенялись, густые облака дыма закрывали солнце, гарью был пропитан воздух, птицы мертвые падали на землю. Припоминали сказания, что при Всеволоде I было на Руси такое же лето и Русская земля страдала тогда и от нападений врагов, и от голода, и от язвы. В 1230 г. произошло землетрясение по всей Русской земле. Особенно сильно было оно на юге: каменные церкви распадались. 3 мая, когда праздновали в Киево-Печерской лавре память св. Феодосия, во время самой обедни, где присутствовали князь, бояре и митрополит, все почувствовали вдруг сильный подземный удар. Трапезница, где стояло уже кушанье для монахов и гостей, расселась, и кирпичи из свода падали на стол. Десять дней спустя произошло солнечное затмение; небывалые разноцветные облака пробегали по небу, показалось какое-то огненное облако. Суеверный народ пришел в ужас. Многие плакали, молились, каялись в грехах, просили друг у друга прощения, ждали смерти, думали, что наступает светопреставление...

В том же году в Новгороде был голод и мор. За четверть ржи приходилось платить гривну серебра и больше. Бедные ели мох, липовую кору, собак, кошек... Чернь, обезумевшая от голода, поджигала дома зажиточных людей, имевших запасы хлеба, и грабила их. Несколько десятков тысяч людей погибло от голода и болезней. На улицах, на площади, на мосту голодные собаки терзали не погребенные тела. Родители, чтобы не слышать воплей детей своих, отдавали их чужеземцам в рабство.

– Не было у людей жалости, – говорит летописец, – казалось, что отец стал чужим для сына, дочь для матери. Сосед соседу не хотел отломить куска хлеба!

Кто мог, бежал в другие области. Но бедствие было тогда по всей Русской земле, кроме Киева; в одном Смоленске, тогда очень многолюдном, умерло около тридцати тысяч людей. Весною следующего года вдобавок губительный пожар опустошил Новгород. Казалось, пришел ему конец. К счастью, немцы из-за моря привезли хлеб, и таким образом голод в Новгороде прекратился, и жители стали мало-помалу оправляться.

Таким образом, одна беда за другою обрушивалась на Русскую землю; но самое горшее было еще впереди.

* * *

В 1227 г. умер Чингисхан. Великим ханом провозглашен был сын его Угэдей. Новый властелин отправил племянника своего Батыя с огромным полчищем на запад для покорения стран к северу и западу от Каспийского моря.

В начале зимы 1237 г. двинул Батый свои бесчисленные полчища на болгар (живших по Волге). Столица их была обращена в пепел, жители беспощадно избиты. Сквозь густые леса татары вступили в южную часть Рязанской области.

Они послали требовать у рязанских князей покорности и десятины (то есть десятой части) всего имения их. Князья ответили послам:

– Когда из нас никого не останется в живых, тогда возьмите все!

Послали князя во Владимир к великому князю Юрию просить помощи, но ему надо было еще собрать войско. (Есть в одной летописи сказание, что рязанский великий князь послал сына своего Феодора к Батыю с дарами. Феодор был умерщвлен, а жена его, прекрасная Евпраксия, узнав о гибели любимого мужа, не хотела пережить его и покончила самоубийством – бросилась с младенцем своим с высокого терема.)

Монгольские конные лучники

Батый двинулся к Рязани. На пути татары разорили города Пронск, Белгород и другие, без милосердия избивая людей; 16 декабря осадили Рязань и устроили вокруг города тын, или острог, чтобы скрываться от русских стрел. Мог ли устоять город против врагов, когда их было во сто раз больше, чем защитников? Все защитники города должны были безотлучно находиться на стенах, ожидая с часу на час приступа, а татарские отряды, стоявшие под городом, могли сменяться и драться со свежими силами. Пять дней татары томили осажденных постоянной тревогой и поражали их стрелами; на шестой, 21 декабря, подошли к стенам

города, начали бить их стенобитными машинами, бросать в город огонь и зажгли крепость. Сквозь дым и огонь ворвались они в город. Никому не давали пощады: князь, его супруга, мать, бояре, народ погибли... Хищники распинали пленников или расстреливали их стрелами, связав им руки; грабили церкви, оскверняли их. Весь город с окрестными монастырями был обращен в груды развалин и пепла. Несколько дней продолжались дикие убийства. В некоторых летописях есть любопытное сказание о подвиге одного рязанского боярина – Евпатия Коловрата. Узнав о нападении татар, он спешил на родину, чтобы принять участие в обороне, но было уже поздно: пред ним были только пепелища да трупы избитых людей. Пылая чувством мести, Евпатий с 1700 воинами пустился вдогонку за врагами, нагнал их и неожиданным нападением смял их задние отряды. У татар поднялся страшный переполох. Некоторым из них почудилось, будто избитые рязанцы восстали на них. Батый спросил у взятых в плен, кто они такие.

– Слуги князя рязанского, – отвечали они, – полку Евпатиева. Нам велено с честью проводить тебя, как русские провожают от себя иноплеменников, – стрелами и копьями!

Долго татары не могли управиться с Евпатием и его удалцами. Он был, по преданию, настоящий богатырь: громадного роста и непомерной силы. Своим тяжелым мечом избил он много врагов – одних перерубал пополам, других рассекал вдоль до самого седла. Тысячи татар побиты были им и его дружиной.

Евпатий и смелая дружина его, конечно, погибли; немногие из них попали в плен. Батый, говорит сказание, уважая такое редкое мужество, велел освободить их.

Один город за другим гибли под ударами свирепых врагов... Суздальская рать, шедшая на помощь рязанцам, была разбита; взята и разрушена Коломна, сожжена Москва. Здесь попал в плен врагам второй сын Юрия – Владимир. Пришел в ужас великий князь Юрий, когда услышал о новых победах и неистовствах татар: тут только увидел он, что приходится иметь дело с могучим и страшным врагом. Поручил он защиту Владимира двум сыновьям своим, Всеволоду и Мстиславу, а сам с небольшою дружиною удалился в Ярославскую область, расположился станом на берегах Сити и стал поспешно отовсюду собирать к себе войско.

2 февраля подступили татары к стенам Владимира. Ужаснулся народ, увидев огромное полчище врагов. Князя Всеволод и Мстислав и воевода ободряли жителей. Небольшой конный отряд татар подъехал к Золотым воротам, и посланные Батыем люди спросили:

– Здесь ли великий князь или нет?

Вместо ответа со стен было пущено несколько стрел.

– Не стреляйте! – кричали из татарского отряда.

Затем татары выставили вперед взятого в плен князя Владимира Юрьевича и спросили:

– Узнаете ли вашего князя?

Изможденного, исхудалого Владимира трудно было узнать. Заплакали от горя братья его и воины, когда наконец признали его. Всеволод и Мстислав порывались немедля выйти из города и ударить на татар в открытом поле.

– Умрем, – говорили они дружине, – но умрем с честью и в поле!

Опытный воевода Петр сдержал их: надеялся он, что великий князь соберет войско и подоспеет вовремя на выручку своей столицы.

Часть войска Батыева отправлена была к Суздалю. Город этот был скоро взят. Немного спустя та же участь постигла и Владимир. Татары окружили его стены, установили свои пороки (стенобитные машины) и стали громить город. 6 февраля начали готовиться к приступу. Князя и бояре вполне сознавали, что спасения нет, что им не совладать с бесчисленными полчищами врагов, но унижаться и просить мира они считали постыдным да и бесполезным: им хорошо было известно, что татары никому пощады не дают. Оставалось одно – умереть, обороняя родные стены. Князя и некоторые бояре постриглись в иноки и приго-

товились к смерти. 7 февраля, в воскресенье, начался приступ; ворвались татары в город у Золотых ворот и с северной стороны от речки Лыбеди и еще в нескольких местах. Князя с дружиною укрылись в Старый, или Печерный, город, а епископ Митрофан, великая княгиня, супруга Юрия, с дочерью, внуками, снохами, с боярами и многими из жителей заперлись в главной соборной церкви. Татары отбили наконец церковную дверь, ворвались во храм, и начался грабеж. Драгоценные камни, золото, серебряные сосуды, ризы с икон, древние княжеские одежды, которые хранились в церкви, – все попало в руки хищников. Татары зажгли ее. Епископ громко молился и благословлял всех несчастных, осужденных погибнуть в пламени. Одни погибли от огня, другие задохнулись от дыма. Жители от старого до малого были беспощадно избиваемы; те немногие, которых хотели татары увести в рабство и тащили за собой, босых и нагих, гибли от стужи и болезней.

Князя Всеволод и Мстислав, видя, что никакой возможности нет отразить татар, отважились с небольшим отрядом пробиться сквозь полчище врагов и оба погибли в бою.

После того татары разделились на несколько отдельных отрядов: одни пошли к Ростову и Ярославлю, другие – на Галич и Городец, Переяславль, Юрьев, Дмитров и другие были взяты. В один февраль татары овладели четырнадцатью городами, кроме множества слобод и деревень.

Великий князь Юрий стоял в это время с войском на реке Сити. Когда весть о гибели столицы и семьи дошла до князя, он, по словам летописца, зарыдал...

– Господи, – проговорил он, – разве пришел для меня конец Твоему милосердию?! Лучше мне умереть, чем жить на этом свете. Ради чего останусь жить?

Но мужество не покинуло его: он решился вступить в бой с врагом. Отряд, посланный на разведку, вернулся с вестью, что татарские полки уже обходят русских. Юрий, брат его Святослав и племянники изготовили войско к бою.

Словно грозные тучи надвинулись полчища татар со всех сторон на русскую рать... Закипел кровавый бой... Отчаянно бились русские, напрягали они все силы – бились насмерть... Все было напрасно! Татары одолели: их и числом было больше, и в военном деле у них было больше сноровки, чем у русских воинов, из которых многие держали и оружие в руках первый раз в жизни. В этой несчастной битве, 4 марта, был убит и великий князь, и множество воинов. Один из племянников великого князя Василько попал в плен. Татары предлагали ему перейти на их сторону и помогать им в походе своими указаниями... Василько с негодованием ответил, что он не может быть заодно с лютыми кровопийцами и врагами отечества. Татары его убили.

Полчища Батгя направились к Новгороду. Слышали хищники много о богатствах его. Взяли они Волок-Ламский, Тверь и подступили к Торжку. Две недели длилась осада. Жители оборонялись мужественно – надеялись, что новгородцы вовремя подспеют на помощь и выручат их из беды. Но помощь не приходила. Город был взят, и жители беспощадно истреблены. Двинулись татары дальше, уничтожая все на пути, «кося людей (по выражению летописи) как траву». Около ста верст оставалось врагам до Новгорода, но они неожиданно повернули назад. Дело в том, что наступала весна; начиналось весеннее половодье рек и озер. Новгородская область изобиловала реками, озерами и болотами, и потому татарам приходилось беспрестанно устраивать переправы. И в наше время очень нелегкое дело устраивать их, особенно для многочисленного войска, а для татар это было гораздо труднее. Если нельзя было перейти вброд, то переправлялись они через реки обыкновенно так: делали большие кожаные мешки, набивали их сеном или клали в них одежду, сгоняли лошадей в воду, к хвостам их привязывали мешки, и на них, как на плотках, переправлялись. Понятно, что при широком разливе рек и быстром течении их такой способ переправы был очень опасен: кроме рек в Новгородской области на пути татарам беспрестанно встречались бы и широкие озера, и вязкие болота. Притом степняки привыкли к степному сухому воздуху,

и сырость порождала между ними болезни. Таким образом, природные свойства Новгородской области спасли Новгород от татарского погрома.

На возвратном пути упорное сопротивление татарам оказал город Козельск. Семь недель Батый ничего не мог сделать. Жители решились умереть, но не сдаваться татарам.

– Хотя князь наш и молод, – сказали они, – но положим жизнь свою за него: и на земле славу приобретем, и на небе венцы небесные получим!

После долгих усилий татары наконец разбили городские стены и ворвались в город; но и тут жители отчаянно резались с врагом. Часть их вышла из города, напала на татарские полки и перебила более 4000 врагов. Горсть этих смельчаков была вся истреблена. Хан в ярости приказал избить в городе всех без различия: и женщин, и младенцев. Кровь лилась потоками. Татары прозвали Козельск «Злым городом». Молодой князь Козельский (по имени Василий) пропал без вести; некоторые говорили, будто он утонул в крови.

По взятии Козельска Батый с полчищами своими двинулся в половецкие степи. Половецкий хан был разбит и удалился с остатками своего народа в Венгрию, где получил земли для поселения.

Нашествие татар на Южную Русь

В следующем, 1239 г. татары совершили нашествие на Южную Русь. Пошли они тем же путем, каким обыкновенно делали свои набеги половцы.

Взят был город Переяславль и опустошен. Церковь Св. Михаила, великолепно украшенная золотом и серебром, была разграблена и разрушена до основания. Большая часть жителей беспощадно истреблена... Затем татары осадили Чернигов, но здесь встретили сильный отпор. Город стоял на высоком берегу реки Десны, и жители отчаянно оборонялись, поражали неприятелей с высоты большими камнями. Наконец татары осилили, сожгли Чернигов и направились к Киеву. Батый слышал давно уже о богатстве и красоте древней русской столицы. Он послал с передовым отрядом своего родича Менгу, внука Чингисхана, осмотреть Киев. Увидел Менгу город с левой стороны Днепра.

На противоположном крутом берегу величественного Днепра красовался город. Гористый и обрывистый берег с его лесами и садами, белеющие стены, сверкающие главы многочисленных церквей – все это вместе представляло необыкновенно красивую картину. Менгу, по словам летописца, не мог надивиться красоте местоположения древней русской столицы...

В 1240 г. Батый явился под Киевом. Несметные полчища татар со всех сторон облегли город. От скрипа бесчисленных телег, рева верблюдов, мычания быков, ржания лошадей и свирепых криков татар такой гул стоял над Киевом, что, по словам летописца, жители, разговаривая между собою, едва могли слышать друг друга. Киев тогда был в руках Даниила Романовича Галицкого, но самого князя в городе не было. Для защиты его был оставлен воевода Димитрий. От одного взятого в плен татарина он узнал, что Батый стоит под стенами Киева со всеми важнейшими своими ханами и что вражьей рати нет числа. Но русский воевода выказал замечательную неустрашимость: он решился защищать город до последней крайности. Татары с той стороны города, где лес близко примыкал к городским воротам (Лядским), день и ночь били стены стенобитными орудиями (пороками). Наконец стены рухнули, и татары ворвались в город. Тучи стрел летели на защитников города. Загорелся отчаянный рукопашный бой... Треск ломающихся копий, щитов, лязг мечей и сабель, дикие вопли татар, стоны раненых, попираемых ногами, крики сражающихся – все это вместе сливалось в тяжелый, страшный гул. К вечеру татары овладели стеною. Утомленные мужественным сопротивлением, остановились они на отдых. За ночь русские устроили наскоро тын вокруг Десятинной церкви и готовились снова к борьбе. Множество жителей с пожитками своими заперлись в самой церкви. Спасения не было... Но никто и не думал умолять лютого врага о пощаде. Воевода Димитрий, страдая от раны, мужественно готовился к новому бою. Утром татары начали битву. Слабая, наскоро устроенная ограда не долго сдерживала их напор; но русские бились так отчаянно, что татары, хотя и достигли до церкви, но устлали весь путь своими трупами. Димитрий был схвачен татарами. Батый, беспощадно истреблявший пленных, уважал воинскую доблесть, и мужественному воеводе была дарована жизнь.

Несколько дней дикие победители торжествовали свою победу. Совершались всевозможные ужасы истребления и разрушения. Древний Киев исчез, и исчез навеки! Десятинный храм был разрушен до основания. Та же участь постигла Печерскую лавру и другие здания. (Хотя впоследствии Печерская лавра и была восстановлена, но, по словам позднейшего летописца, прежнее строение лавры было величественнее и красивее, чем новое.)

Весть о гибели Киева нагнала страх и на западных соседей. Даниил Галицкий поспешил в Венгрию просить помощи. Батый шел дальше на запад. Города Каменец, Владимир, Галич и много других были взяты, разграблены и разорены. Тогда пленный Димитрий,

по словам летописи, желая спасти русские земли от окончательной гибели, стал говорить Батыю:

– Будет тебе здесь воевать; время идти на венгров. Если станешь еще медлить, то там соберутся с силами и не пустят тебя в свою землю!

Батый, конечно, и сам это понимал и двинулся к венгерским границам.

Ужас охватил Западную Европу, когда разнеслась повсюду грозная весть о приближении татарских полчищ. Рассказы о жестокостях их на Руси, о свирепой кровожадности их разносились по всей Германии. Суеверны и невежественны были тогда европейцы: рассказывали, будто войско татар так громадно, что занимает пространство на двадцать дней пути в длину и на пятнадцать в ширину, будто огромные табуны диких лошадей следуют за полчищем татар, будто татары вышли прямо из ада, ужасны своим наружным видом и не похожи на других людей...

Германский император Фридрих II рассылал повсюду воззвания, чтобы все вооружались и готовились к отпору.

«Настало время, – писал он, – пробудиться от сна! Лежит уже секира при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью всему христианству. Давно уже слышали мы об ужасном враге, но считали опасность далекою, так как между врагом и нами было столько храбрых народов и князей. Теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабство, настала пора стать всему христианству против свирепого врага».

Но воззвание это не привело ни к чему – в это время и в Германии не было единодушия: император сильно враждовал тогда с папою, а без благословения его многие подчиненные императору князья и бароны не хотели идти в поход.

Весною 1241 г. перешел Батый Карпаты, разбил венгерского короля, потом поразил двух польских князей. Затем татары вторглись в Силезию; здесь разбили герцога силезского. Путь в Германию был открыт. Спасли ее войска чешского короля. При осаде города Ольмюца в первый раз татары потерпели поражение; разбил их здесь чешский воевода Ярослав из Штернберга. После этого орды татар скоро отхлынули снова на восток, и Западная Европа была спасена. Весь тяжкий гнет дикой орды пришлось выдержать только нашему отечеству...

* * *

Ужасное зрелище представляла Русская земля после татарского погрома. Словно морозная язва, землетрясение и лютые пожары – все вместе свирепствовали здесь... Груды обгоревших развалин вместо городов и сел, белеющие кости не погребенных людей, поля, заросшие сорной травой, – вот что представляла Русская земля в тех местах, где проходили дикие орды татар!

«Когда мы проезжали по Русской земле, – говорит путешественник Плано Карпини, видевший ее через пять лет после татарского погрома, – то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих в степи. Киев был прежде и велик и многолюден, а ныне в нем едва ли 200 домов».

Многие храбрые князья пали в битвах, другие скитались в чужих краях – искали помощи у иноземных государей – и не находили. Запустела земля Русская. Сотни тысяч людей были избиты, десятки тысяч уведены в плен. Редкая мать, оставшаяся в живых, не оплакивала участи своих детей, или погибших в бою, или замученных татарами, или уведенных в тяжелую неволю. Успевшие скрыться от свирепости врагов хотя и возвращались на родные пепелища, но что была им за жизнь, когда приходилось быть постоянно в страхе, чтобы не попасть в руки врагов?! Живые завидовали спокойствию мертвых...

Поездки русских князей в Орду

Узнав о гибели Юрия, следующий за ним по старшинству брат – Ярослав прибыл княжить во Владимир. Он оказался князем твердого нрава, очень деятельным и распорядительным. Дела было много. Приходилось восстанавливать из пепла города и села, собирать рассеявшихся жителей, ободрять их – словом, обновить государство. На дорогах, на улицах, в развалинах домов, в обгорелых церквях тлело множество не погребенных тел. Ярослав приказывал немедленно убрать их и схоронить, чтобы отвлечь заразу. И мало-помалу на севере восстановился порядок благодаря распорядительности великого князя. Раздал он братьям своим волости в управление и восстановил правосудие.

Татары оставляли в покое только те народы, которые показывали им полную покорность. О сопротивлении хану, конечно, Ярославу нечего было и думать: одна мысль о новом вторжении дикой орды приводила всех в трепет. Приходилось смириться и выразить покорность пред самым ханом, и великий князь отправился к Батю, который стал станом на берегу Волги. Хан, по словам летописи, принял Ярослава с честью и сказал ему:

– Будь ты старшим между всеми князьями в Русской земле.

За великим князем отправились в Орду и все родичи его, и другие князья. Но этим дело не ограничилось: пришлось Ярославу ехать в Татарию (т. е. Монголию) к самому великому хану с изъявлением покорности. Здесь Ярослав в 1246 г. и скончался.

Князьям приходилось в Орде подвергаться разным унижительным обрядам: проходить между пылающими кострами, разложенными подле ханской ставки, преклоняться пред изображением великого хана, становиться на колени, пить кумыс и прочее.

Вот как описывает свое представление Батю папский посол Платин:

«Когда мы прибыли к хану, нас поместили в расстоянии одной мили от жилища его.

Прежде чем вести нас в палатку Батю, нам объявили, что мы должны пройти между огней. Сначала мы не соглашались, но нам сказали: «Не бойтесь! Мы требуем этого лишь потому, что огонь уничтожит зло, если оно есть в намерении вашем против нашего повелителя или если вы несете с собою яд». Тогда мы ответили: «Мы готовы пройти меж костров, чтобы не дать повода подозревать нас в чем-либо подобном».

Когда пришли мы в Орду, чиновник Батю спросил, чем мы намерены ему ударить челом, то есть какие поднесем подарки. Когда подарки были даны, тот же чиновник спросил нас о причине нашего приезда. После этих переговоров нас повели в юрту. На пороге ее сделали нам наставление, как вести себя. Вошедши в юрту хана, мы стали на колени и сказали нашу речь, затем подали письмо и просили дать нам переводчиков для перевода его.

Батю окружает себя большим великолепием, имеет телохранителей и разных придворных чиновников, как император. Садится он на более возвышенном месте, как бы на троне, с одною из жен; другие жены, братья, сыновья и прочие младшие родичи садятся ниже на скамьях; остальные же лица за ними, на земле, мужчины вправо, женщины влево. Палатка Батю просторна и очень красива. Мы, объяснив наше дело, сели по левую сторону, так как обычай требует, чтобы приезжающие послы садились по левой стороне, а отъезжающие по правой. Среди палатки, ближе к двери, поставлен был стол с напитками в золотых и серебряных сосудах. Ни хан, ни вельможи его, особенно в собрании, не пьют без пения и музыки.

Когда хан едет на лошади, над головой его несут всегда зонтик на длинной палке; такой же обычай соблюдается и всеми более знатными татарами и женами их».

Золотые пайцзы – знаки представителей ордынской власти на Руси. XIV–XV вв.

Татары в то время, как настоящие кочевники, не имели еще домов, жили в юртах, хлебопашества не знали, а кормились одним скотоводством. Постоянных мест поселения у них не было, а были как бы подвижные огромные города: состояли они из множества юрт (кибиток). Где пожелает хан, там и устраивали кочевой город. Потом по приказу хана все укладывалось на телеги, навьючивалось на верблюдов, и огромный обоз из нескольких тысяч телег, запряженных волами и лошадьми, со стадами овец и другого скота, с табунами лошадей несколько дней шел по степи и располагался станом на новом месте, где приказывал хан.

Все князья, которые хотели сохранить свою волость, должны были ехать в Орду на поклон хану и получить от него ярлык, то есть утвердительную грамоту. Тем из них, которые не выказывали хану полной покорности, грозила большая беда.

В летописи сохранилось следующее сказание о смерти в Орде черниговского князя Михаила и боярина его Феодора.

Ханские сановники стали делать на Руси перепись оставшимся в живых жителям, налагали тяжкую поголовную дань на всех, – от крестьянина до боярина.

Прибыли они между прочим и в Черниговскую область и велели князю черниговскому Михаилу ехать в Орду на поклон к хану. Нечего делать – надо было повиноваться.

Когда князь Михаил прибыл в Орду, от него потребовали, чтобы он исполнил все обряды: прошел бы между огнями, поклонился бы изображениям умерших ханов. Михаил воспротивился и сказал:

– Недостойно христианам исполнять языческие обряды и поклоняться идолам, которым кланяются язычники. Вера христианская заповедует не кланяться ни тварям, ни идолам, но чтить святую Троицу: Отца, Сына и Святого Духа.

Сильно разгневался Батый, когда узнал, что князь не хочет исполнить требуемых обрядов, и велел сказать Михаилу:

– Если ты исполнишь волю мою, то и жив останешься, и всю область свою получишь; если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью!

На это князь ответил:

– Тебе, царю, кланяюсь, так как Бог дал тебе царство и славу мира сего; но тому, чему кланяются язычники, не поклонюсь.

– Но знай, – говорили ему татары, – неминуемая смерть ждет тебя!

– Хочу я пострадать за Христа и за истинную веру кровь свою пролить! – отвечал твердо Михаил.

Он достал запасные дары, которые были при нем, причастился Святых Тайн, читал молитвы и пел псалмы. Любимый боярин его Феодор пожелал разделить участь своего князя, пострадать вместе с ним. Напрасно внук Михаила, Борис Василькович, бывший с ним, и бояре уговаривали его подчиниться требованию хана.

– Все за тебя епитимию примем, князь, – умоляли они, – со всею областью твоею; подчинись воле хана!

– Не хочу я, – возразил князь, – быть только по имени христианином, а творить дела язычников... Для вас не погублю души своей!

Затем он сорвал с себя княжескую мантию, бросил ее и сказал:

– Возьмите славу сего мира, хочу славы небесной!

Б. А. Чориков. «Кончина Михаила Ярославича в Золотой Орде». Середина XIX в.

По данному знаку на князя бросились татары, повалили его, били в грудь, топтали ногами. Трепетали от ужаса русские бояре... Только боярин Феодор стоял спокойно и ободрял несчастного мученика, говоря, что умирает он, как подобает истинному христианину. Наконец, один из отступников, перешедших в веру татар, житель города Путивля, быть может, из сожаления к несчастному Михаилу, отсек ему голову. Такой же участи подвергся и боярин Феодор. Мужество этих мучеников и твердость их в вере, говорят, удивили самого Батю, и он назвал князя «великим мужем».

Церковь наша признала обоих мучеников святыми.

Даниил Романович

В первые времена тяжкого для Русской земли владычества татар было два замечательных русских князя: Даниил Галицкий и Александр Невский.

Галиция, или Червонная Русь, стала сильною областью со времени Владимирка, сына Володаря: он первый объединил ее, усилил присоединением новых земель, и его единственному сыну Ярославу досталось уже богатое и могучее княжество. Довольно мирно и спокойно шли дела в Галиции во время умного управления Ярослава (за большой ум он был прозван «Осмомыслом»). Хотя он и вмешивался в усобицы князей за Киев и посылал свои дружины на половцев, но большая часть его княжения протекла мирно. Торговля, промышленность и земледелие стали процветать. Богатая природа, тучная почва, густое население, близость к Византии и западным государствам – все это делало Галицию богатейшею областью на Руси. Но при Ярославе впервые сказалось и то зло, которое много беды принесло Галичу, – это боярские смуты. Бояре стали вмешиваться не только в правительственные, но даже и в семейные дела князя... Нигде на Руси бояре не имели такой силы, как в Галиции: здесь они владели большими и богатыми поместьями и не только хотели жить так же независимо от князей своих, как жили паны в Польше да бароны в соседних германских землях, но думали и заправлять делами княжества по-своему.

При сыне Ярослава – Владимире шли почти непрерывно боярские смуты, и соседи – венгры, поляки, немцы – стали вмешиваться в галицкие дела. По смерти Владимира (около 1200 г.) Волынский князь Роман завладел Галичем. Решительный, властолюбивый и суровый, он задумал сломить боярскую крамолу... Начались жестокие казни мятежных бояр, не успевших бежать. Роман не давал им пощады...

Даниил Романович Галицкий. Изображение на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде

– Не передавивши пчел, – говаривал он обыкновенно, – и меду не есть!

Забрав в руки галицкое боярство, Роман принялся за иноземных врагов Русской земли и не раз побивал половцев, ятвягов и литву. Современники сравнивали его с орлом и львом, а волынский летописец величает его даже самодержцем всей Русской земли. Иноземные властители заискивали в нем. Папа предложил ему, если он примет латинство, королевский венец и меч апостола Петра для завоевания новых земель.

В ответ на это Роман, говорят, обнажил свой меч и спросил:

– У папы такой ли? Пока меч при бедре моем, мне нет нужды покупать себе города иначе, как кровью!..

Такой князь был нужен Русской земле в ту пору, когда так много было смуты на ней.

К несчастью, он скоро был убит в сражении с поляками (1205), а старший сын его Даниил был еще ребенком. Снова начались в Галиче смуты и беспорядки. Хотя Роман и немало истребил бояр, но все-таки и после него боярство в Галиции было гораздо сильнее, чем в других русских областях.

Трудно было Даниилу утвердиться на отцовском престоле. Нашествие татар заставило его на время совсем даже покинуть родную страну. Он был одарен блестящими способностями, а те беды, изгнание и нужды, какие пришлось ему вытерпеть в детстве и юности,

закалили в нем твердость, выносливость и нравственную силу. Много ему пришлось вынести зла и обиды, но он не сделался жестоким, умел сдерживать свой гнев, где надо было...

Только в 1249 г. удалось Даниилу окончательно утвердиться в Галиции. Пришлось и ему подобно отцу беспрестанно вести борьбу с соседями: с венграми, ятвягами и литовцами.

Литовское племя, сначала разрозненное и потому слабое, мало-помалу стало уже подчиняться русским князьям, но упорная борьба с немцами, которые старались покорить литовцев и силою распространить среди них христианство, заставила их мелкие племена сплотиться; нашлись у них храбрые вожди, и они стали не только мужественно отбиваться от врагов, но сделались сильным и завоевательным народом. Пришлось Даниилу оборонять от Литвы русские области. Войны его были по большей части счастливы; принимал участие он и в спорах королей венгерского и чешского...

Не одними внешними делами прославился Даниил; он оказался и замечательным устройтелем своего государства. Следы татарского погрома быстро исчезли в его области: он обстроил снова разоренные города, основывал новые, привлекал в свою область население. Много перешло народу в Галицкую землю из других южных русских областей; немало явилось сюда и иностранцев: немцев, поляков, армян, но более всего евреев. Закипела и промышленность, и торговля...

Даниил устроил себе новую столицу. Раз во время охоты ему очень приглянулось одно место. Он спросил у приближенных своих, как называется оно.

– Холм, – отвечали ему.

– Пусть здесь будет город Холм, – сказал он и посвятил его св. Иоанну Златоусту. Тогда, по обычаю, всякий новый город посвящали какому-нибудь святому.

Недаром умный Даниил поселился на новом месте: в Галиче слишком сильны были еще бояре, и крепко держалась память об их власти, в новом же городе князь мог жить, окруженный верною дружиною, не боясь боярских козней.

Но заветною мечтою Даниила было освободить Русскую землю от татарского ига. Он был в то время самым сильным русским князем: кроме Галиции Волынская и Киевская области были в его руках. Он не считал себя еще данником хана, но, зная, что с татарами дело у него мирно не обойдется, завел сношения с Римом – надеялся, что папа побудит европейских государей помочь русским в борьбе с татарами. Обрадовался папа – задумал он при помощи Даниила подчинить себе Русскую Церковь, послал к нему своего архиепископа и объявил, что, признав главенство его, папы, русские ничего не потеряют и обряды Греческой Церкви не будут нарушены. Кроме того, предложил князю, чтобы задобрить его королевский венец, но Даниил не того искал.

– Что мне в королевском венце? – сказал он папскому послу. – Татары не перестают причинять нам зло. Зачем я буду принимать венец, когда мне не дают помощи!

Когда убедился Даниил, что папа более хлопочет о своем владычестве над Русскою Церковью, чем о помощи русским против татар, то прервал сношения с Римом и удалил из Галиции архиепископа, которого папа назначил было главою духовенства в Южной Руси.

Думал Даниил, что дело как-нибудь обойдется и ему можно будет не ехать на поклон хану, но ошибся. В 1250 г. прибыли к нему послы Батые с грозным требованием: «Дай Галич!» Опечалился Даниил: понимал он, что ему одному не под силу бороться с татарами, понимал, какая беда грозит родной земле, если нагрянут на нее снова дикие полчища татар. Помощи ждать было неоткуда. Подумал обо всем этом он и скрепя сердце порешил ехать в Орду и поклониться грозному и ненавистному хану.

Когда прибыл Даниил в Орду, обошлись здесь с ним очень приветливо, но все-таки он должен был покорно кланяться Батю и главной жене его, пить кумыс, которым тот любезно угощал его. Прожил в Орде он 25 дней и был милостиво отпущен. Батый отдал ему все области его в «вотчину», то есть в потомственное владение.

Радовались родичи князя и близкие ему люди, когда увидели, что вернулся он цел и невредим, – радовались, но и скорбели в то же время... Да и как было не скорбеть?! Знаменитый русский князь должен был преклоняться перед «поганым ханом»!.. Всем русским тяжело было это унижение. «О, злее зла честь татарская! – восклицает летописец. – Даниил Романович, князь великий, владевший Русской землей – Киевом, Волынью, Галичем, стоит на коленях, холопом называется, дань обещает платить, за жизнь свою трепещет, угроз страшится!»

Невыносима была Даниилу мысль, что долго еще ему придется сносить подобное унижение. Король венгерский примирил его с Римом; прислал папа ему драгоценный королевский венец и другие царские украшения, обещал ему помощь христианских государей Западной Европы. В 1255 г. Даниил был коронован.

Понадеялся он на помощь Запада и решился начать борьбу с татарами. Готовясь к обороне от них в случае неудачи, укрепил он города свои, но ошибся и на этот раз в расчетах: помощи ниоткуда не было; пришлось снова смириться перед татарами... даже с ними идти по воле хана воевать в Литву; пришлось даже по его приказу собственными руками уничтожать свои укрепления. Стены городов Львова, Стожка, Кременца и Луцка были разметаны. Бурундай, татарский военачальник, отправился сам с Васильком, братом Даниила, к городу Владимиру (Волынскому); неподалеку от него остановился на ночлег и сказал Васильку:

– Иди и размечи свой город!

Василько приехал в свой Владимир и, увидев, что нельзя скоро разобрать стен, приказал сжечь их. Когда прибыл Бурундай, они уже догорали. С радостью глядел он на погасавшие остатки их. Погасала с ним и всякая надежда у русских на скорое освобождение от ига татар...

Много потрудился Даниил. Почти вся Южная Русь была в его власти, и казалось, здесь соберется вся сила Русской земли; но не исполнилась заветная мечта его, не смог он своими силами выбиться из-под татарского владычества, не смогли и преемники его совершить это... В другом конце Русской земли собралась сила ее, сбросившая с русского народа тяжелое иго и соединившая разрозненные области в одно целое, а Галицкая Русь распалась на части и подпала под власть чужеземцев.

В 1264 г. Даниил умер. Не столько доблестные воинские подвиги его и многочисленные победы остались в памяти народа, сколько то, что он в тяжкие годы народных бедствий не потерялся, сумел не только загладить ужасные следы татарского погрома, но и привести свою землю в цветущее состояние, украсить ее богатыми городами, великолепными зданиями, усилить промышленность и торговлю, успокоить свой народ, утешить его... Эта умная, хозяйственная распорядительность Даниила особенно поражала современников. Другая черта, которую высоко ценили в нем, – это беспримерная дружба его к брату Васильку: с детских лет они были неразлучны, делили вместе и горе и радости, жили одною мыслью, одним сердцем. В те печальные времена нечасто встречалось на Руси такое братское согласие; понятно, почему летописец высоко ценит его. О Данииле можно сказать, как о Мономахе, что «был он братолюбец и добрый страдалец за землю Русскую!»

Александр Невский

В то время когда Даниил трудился на пользу Русской земли на юге, на севере стоял за нее другой знаменитый князь – Александр Ярославич.

Высокий ростом, статный, сильный, красивый, он поражал всех своею прекрасною, мужественною наружностью. Когда говорил он на вече или пред войском, его звучный голос, по выражению летописца, «гремел пред народом как труба».

В то время как татары громили Русскую землю с юго-востока, беда надвигалась на нее и с северо-запада: шведы задумали, пользуясь бедствием ее, завладеть финскими и соседними Новгородскими землями, чтобы по желанию папы распространить здесь римско-католическую веру. Зять короля Биргер вел большую шведскую рать и послал Александру надменный вызов:

– Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здесь и пленю землю твою!

В 1240 г. шведские корабли с большим войском под начальством Биргера вошли в устье Невы и стали на якорь при впадении в нее речки Ижоры. Шведы, видно, рассчитывали подняться по Неве, плыть через озеро и врасплох напасть на Ладогу, затем по Волхову идти на Новгород. Но Александр тоже не медлил: помолился у Св. Софии, получил благословение от владыки, наскоро собрал сколько мог ратной силы. Невелика была она, но он бодро двинулся к устью Волхова.

Александр Невский

– Не в силе Бог, а в правде! – говорил он.

В воскресенье (15 июля 1240 г.) ударил он на шведов. Они не ждали нападения: суда их стояли у берега, на берегу были раскинуты шатры... Новгородцы внезапно кинулись на шведов с топорами и мечами, прежде чем те успели схватиться за оружие. Застигнутые врасплох шведы смешались, и страх обуял их. В бегстве искали они спасения... Несколько витязей новгородских особенно отличились: один из них, гонясь за бегущим Биргером, заехал

сгоряча верхом на коне на корабль по опущенной на берег сходне. Его сбросили с конем в воду, но он, выбравшись невредимо из реки, снова ринулся в бой и поразил многих.

Другой с пешим отрядом ударил на неприятельские суда и три из них уничтожил. Третий врубился в толпу шведов, пробился до большого златоверхого Биргера шатра, подсек столб, и шатер рухнул, к сильной радости новгородцев. Были и другие удалцы, показавшие себя в этом бою. Сам Александр нагнал Биргера и нанес ему рану в лицо, «возложил ему печать на лицо», по словам сказания. Победа была блестящая. Убитые шведы покрыли все боевое поле. Ночью остатки шведского войска поспешно уплыли на своих судах в море.

Велика была радость новгородцев, и все славили Александра как неустрашимого вождя, как защитника православия. За эту победу и стали звать его Невским.

Сохранилось сказание о том, что ему в этой битве была оказана помощь свыше, что святые Борис и Глеб помогли ему.

Был в земле Ижорской, говорится в этом сказании, старшина по имени Пелгусий. Он принял крещение (христианское имя его было Филипп). Жил он очень благочестиво, соблюдал посты и удостоился видения... Незадолго до невской победы стоял он на берегу Невы на страже, всю ночь не спал, а под утро поразил его сильный плеск на воде. Увидел он лодку. Посреди нее стояли святые мученики Борис и Глеб в светлых ризах, в таком виде, как обыкновенно изображают их на иконах. Гребцы были скрыты как будто мглою. И услышал Пелгусий, как Борис сказал Глебу:

– Брат Глеб, вели грести, поможем нашему сроднику, князю Александру Ярославичу! Пелгусий рассказал ему об этом видении.

Как ни любили новгородцы Александра, а ужиться с ними долго он не мог: хотелось ему больше власти, и противны были ему вечевые беспорядки. Скоро после невской победы уехал он из Новгорода, а между тем здесь очень нужен был в то время такой именно князь, как Александр: большая опасность грозила Новгородской области со стороны немцев.

Восточное побережье Балтийского моря заселено было чудским и латышским племенами. Они в XII в. были еще язычниками и считались данниками отчасти Новгорода, отчасти полоцкого князя. Русские мало обращали внимания на эту страну. В 1158 г. во время сильной бури выбросило на берег в устье Западной Двины корабль немецких купцов (из города Бремена); с этого времени немцы завели меновую торговлю с жителями – увидели, что это выгодно, стали чаще приезжать сюда, устроили тут на берегу и складочное место для товаров. Полоцкие князья им позволили завести колонию.

Задумали тогда немцы распространить между язычниками-туземцами христианство, но это дело у них не ладилось: язычники здесь крепко держались за свою старину и встретили проповедников враждебно. Немцы увидели, что мирными средствами скорого успеха не добьешься, и стали силою принуждать народ креститься. Епископ Альберт с разрешения папы учредил для этого орден (общину) рыцарей. Это были монахи и воины в то же время: они исполняли монашеские обязанности и вместе с тем должны были вести непрерывную борьбу с врагами христианства. Таких военно-монашеских общин было в Западной Европе уже несколько. Новая община воинов-монахов стала называться орденом меченосцев.

В 1201 г. заложен был при устье Двины сильный немецкий город Рига, и с этого времени немцы-рыцари пускают в дело оружие; не словом и убеждением обращают язычников в христианство, а силою: захватывают земли у них, устраивают здесь себе замки (небольшие укрепления), обращают туземцев в рабство... Ожесточились поработанные. Некоторые из них бросались в Двину, думая таким образом смыть с себя то крещение, которое насильно было навязано им и вело за собою для них рабство и другие несчастья. Были при восстаниях озлобленных туземцев случаи бесчеловечной жестокости: они злобно мучили и убивали попавшихся в их руки врагов, жарили их... Но и немцы, победив восставших, не давали им никакой пощады: казнили их целыми тысячами, выжигали дотла их села и т. д. Из Гер-

мании беспрестанно прибывали новые рыцари, желая послужить «делу веры», и пополняли убыль в ордене меченосцев. Скоро он сделался многочисленным и могущественным.

Спохватились тогда полоцкие князья, поняли, как оплошали, позволив немцам утвердиться при устье Западной Двины, да было уже поздно!

С 1206 г. начинаются беспрерывные войны между орденом и соседними русскими княжествами. Одолеть рыцарей было нелегко: они были отлично вооруженные и лихие бойцы. Закованные с ног до головы в железное вооружение, рыцари с их тяжелыми и длинными мечами были страшными противниками. Эти «железные люди» не раз наносили поражения русским князьям, которые обыкновенно действовали не единодушно.

Завладели немцы и несколькими русскими городами, настроили новых на месте русских поселений.

После татарского погрома немцы могли рассчитывать, что легко овладеют соседними русскими землями. Им даже удалось захватить Псков, и стали они мало-помалу покорять и Новгородские земли. Неприятельские отряды доходили уже до окрестностей Новгорода, стояли в тридцати верстах от него, перехватывали купеческие обозы и наносили большой ущерб новгородской торговле. Тогда новгородцы стали просить Александра выручить их из беды. Сам владыка новгородский отправился к нему с просьбой об этом. Дело касалось не одной Новгородской области, а всей Русской земли, – Александр согласился и прибыл в Новгород.

Немедленно принялся он очищать Новгородскую область от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, где было уже утвердился немцы. С пленными обходился он очень милостиво, но изменников беспощадно вешал. Затем он дошел до Пскова, освободил его от немцев, двух здешних немецких наместников отправил в оковах в Новгород. После этого Александр вошел в Чудскую землю, во владения ордена. Здесь русская рать остановилась на Чудском озере и стала поджидать неприятеля. Немцы двинули против русских большую силу, и на льду озера (5 апреля 1241 г.) произошла знаменитая битва.

При виде врагов Александр поднял руки к небу и громко сказал:

– Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным народом!

Немецкие рыцари, построившись особенным боевым строем – клином, врезались в ряды русских, разорвали их строй надвое и думали уже, что победа на их стороне. Тяжелый гул от ударов мечей о щиты и шлемы, от треска ломающихся копий, от воинских криков и стонов раненых стоял над побоищем; лед побагровел от крови и местами трескался. Русские пришли в смятение, а немцы уже радовались победе, как вдруг, к ужасу их, Александр с запасным полком ударил на них с тылу и расстроил их ряды. Немцы обратились в бегство. Русские гнали их семь верст. Множество врагов было избито, много попало и в плен.

Торжественно вступал Александр после этой знаменитой битвы, названной в наших летописях «Ледовым побоищем», во Псков. Весь город вышел навстречу своему избавителю. Игумены и священники встретили его с крестами. Он ехал верхом. За ним вели знатных рыцарей, взятых в плен, а позади гнали огромную толпу простых пленных. Долго не умолкали радостные крики, которыми народ приветствовал знаменитого победителя.

Важную службу сослужил Русской земле Александр Невский своими победами. Невская битва и Ледовое побоище на долгое время отвадили и шведов, и немцев от попыток завладеть северными русскими областями. Западные враги Русской земли убедились, что русские, и поработанные татарами, могут еще постоять за себя. Папа, желавший подчинить Русскую церковь себе, тоже увидел, что силою тут ничего не поделаешь, стал заискивать расположения Александра, присылал даже, говорят, ему любезное послание (1238) и затем посольство с целью убедить его подчинить Русскую церковь Риму; но Александр, не знавший страха, не поддавался ни лести, ни хитрым уловкам, – все попытки папы не привели ни к чему.

Пришлось Александру оборонять Новгородскую область еще от третьего врага – от литовцев, которые стали делать разбойничьи набеги и доходили до Торжка. Александр три раза разбивал их, истребил многих вождей их и на некоторое время избавил Северную Русь и от литовских набегов.

Твердо, с оружием в руках отстаивал доблестный князь Русскую землю от западных недругов, но иначе относился он к могучему восточному врагу. Умный и расчетливый князь хорошо понимал, что отбиться от отрядов немцев и шведов – это не то, что бороться с громадной ордою свирепых врагов, пред которою трепетала не только вся Русь, но и Европа. Огромное, хорошо устроенное войско нужно было для борьбы с бесчисленными полчищами степняков, а земля Русская, опустошенная, обезлюдившая, обедневшая, разрозненная, могла ли выставить большую рать? Понимал Александр, что тут волей-неволей приходится действовать иным путем и, как ни горько, а надо скрепя сердце выказывать смирение и покорность хану.

Наши летописцы говорят, что сам Батый потребовал к себе Александра.

– Мне покори́л Бог многие народы, – велел хан сказать ему, – ты ли один не хочешь покориться державе моей? Если желаешь сберечь себе землю свою, приходи на поклон ко мне и увидишь честь и славу царства моего.

Александр отправился в Орду. По словам летописи, хан, познакомившись с ним, сказал своим приближенным:

– Все, что мне ни говорили о нем, – все правда: нет князя, подобного этому!

В Орде Александр ближе пригляделся к татарским порядкам, узнал, чем сильны были татары: полное повиновение начальникам, беспрекословная покорность воле хана спланивали суровых, выносливых и степных хищников в одну несокрушимую воинственную Орду.

Александр всеми средствами старался ублажить хана и его сановников, чтобы избавить Русскую землю от новых бед. Трудна была эта задача, когда даже и с родными братьями приходилось Александру враждовать!

Только в 1252 г. хан признал его великим князем и дал ему город Владимир. С этого времени пришлось Александру взять на себя тяжелое дело. Нелегко ему раньше было отбиваться от западных врагов, но зато блестящие победы, воинская слава, чувства народной радости и благодарности были наградою ему за тяжелые воинские труды. Теперь приходилось унижаться пред ханом, лукавить, заискивать расположения сановников его, одаривать их, чтобы спасти родную землю от новых бед; приходилось скрепя сердце уговаривать свой народ не противиться татарам, позволить сделать перепись, уплатить требуемую дань; даже иной раз он сам должен был в случае сопротивления силою заставлять своих исполнять требования врагов. Многие в то время думали, что он не жалел своего народа, действовал сообща с врагами, и злобились и клеветали на него. Многие ли понимали тогда, что только тяжелая необходимость заставляла его так поступать, что, поступи он иначе, новый страшный погром татарский обрушился бы над несчастной Русской землей?!

В 1256 г. новый хан (Берке) велел сделать вторую перепись на Руси. (Первая была сделана еще при Ярославе Всеволодовиче.) В земли Рязанскую, Муромскую, Суздальскую явились татарские численники, ставили своих десятников, сотников, тысячников; всех жителей, исключая духовных лиц, переписывали, чтобы обложить поголовною данью. Новый хан пожелал, чтобы перепись была сделана и в Новгороде. Когда весть об этом дошла сюда, здесь поднялся мятеж: Новгород не был подобно другим русским городам покорен татарским оружием, и новгородцы не думали, чтобы им пришлось добровольно платить постыдную дань.

Чувствовал Александр, что быть беде, но не мог ничего сделать в пользу Новгорода. Прибыл он сюда с татарскими послами, которые требовали десятины. Новгородцы наотрез отказались уплатить дань; однако ханских послов не только не обидели, но даже одарили и с честью отпустили домой. Народ волновался. Сильно злобились на Александра за то,

что он держал сторону татар. Новгородский князь Василий, сын его, и тот был на стороне недовольных новгородцев.

Тяжело было положение юного князя: не понимал и он, как большинство новгородцев, какая беда может постигнуть слушников хана: стать на сторону отца, по мнению Василия, значило изменить Новгороду, а противиться отцу было ему тяжело... Кончил он тем, что бежал в Псков. Александр на этот раз сильно разгневался, выгнал сына из Пскова, а некоторых новгородских бояр, главных зачинщиков мятежа, без пощады казнил.

Заволновались новгородцы... Напрасно более благоразумные уговаривали народ покориться тяжелой необходимостью.

– Умрем честно за святую Софию и дома ангельские, – кричал народ, – сложим головы наши у святой Софии!

Однако грозная весть о том, что ханские полки уже идут на Новгород, и увещания некоторых благоразумных бояр наконец подействовали. Волнение улеглось.

Татарские численники ездили по новгородским улицам, переписали дворы и удалились. Хотя после этого татарские чиновники не приезжали в Новгород собирать дань, но новгородцы должны были участвовать в платеже дани – отдавать свою долю ее великим князьям. Только что успокоился Новгород – в других городах поднялась смута. Татарские сборщики собирали дань самым бесчеловечным способом: брали ее с лихвою, забирали и пожитки в случае недоимок, а из бедных семей уводили людей в неволю; притом крайне грубо обращались с народом, и стало ему невмоготу терпеть: в Суздале, Ростове, Ярославле, Владимире и в других городах поднялись волнения, и сборщики дани были перебиты...

Хан пришел в ярость. В Орде собирались уже полчища – готовилась беспощадная кара мятежникам. Александр спешил к хану... Видно, нелегко было князю ублажить хана и его приближенных – зиму и лето прожил он в Орде, – но зато удалось не только спасти родную страну от грозившего ей погрома, но и выпросить для нее важную льготу: по просьбе Александра хан освободил русских от обязанности поставлять татарам вспомогательное войско. Тяжело было для русских проливать свою кровь за злейших врагов!..

Из Орды Александр возвращался больным. Крепкое его здоровье было надорвано постоянными тревогами и заботами. С трудом, еле перемогаясь, продолжал он путь, – доехал до Городца и здесь окончательно слег. Чувствуя приближение смерти, он принял схиму.

Ночью на 14 ноября 1263 г. его не стало.

Скоро долетела до города Владимира скорбная весть о кончине Александра. Митрополит Кирилл, служивший в это время обедню, обратился к народу со слезами на глазах и сказал:

– Дети мои милые, закатилось солнце земли Русской!

Народ горько оплакивал своего князя.

Тело усопшего князя перевезли во Владимир. Несмотря на зимнюю стужу, митрополит с духовенством встретил тело у Боголюбова, и отсюда со свечами и кадилами все духовенство провожало его до города. Огромная толпа теснилась около гроба: каждому хотелось приложиться. Многие громко плакали. 23 ноября тело Александра Невского погребли во владимирском монастыре Рождества Богородицы.

Потрудился Александр для Русской земли – мужественно и победоносно боролся с западными врагами, расчетливо, умно берег свой народ от хищных татар.

Среди трудных княжеских дел не забывал благочестивый князь и христианских обязанностей: много серебра и золота передавал он в Орду и немало несчастных выкупил из тяжкой неволи татарской.

Многие звали его своим ангелом-хранителем. Русская церковь причислила его к лику святых.

Смуты при сыновьях Александра Невского

Великокняжеский стол после Александра занимали два его брата: Ярослав Тверской (до 1272 г.), потом Василий Костромской (до 1276 г.). В это время на западе шведы и ливонцы снова начинают беспокоить Новгород и Псков. Впрочем, новгородцы с успехом отбиваются от врагов; особенно достопамятна битва при Раковоре (Везенберге) 1268 г.: здесь новгородцы после долгого и упорного боя нанесли сильное поражение ливонцам и датчанам. А Псков оборонял от немцев и литовцев доблестный Довмонт, литовский князь, перешедший на сторону русских и принявший крещение. Он послужил мечом своим Пскову так же доблестно, как служил Новгороду Александр Невский.

Недолго продержалось на Руси то спокойствие, о котором так радел Александр Невский. Сыновья его (Дмитрий и Андрей) начали кровавый спор за великое княжение. Два раза приводил Андрей полчища татар на Русскую землю (1282 и 1294), которую так берег от вражеских нашествий его отец. Хищники всегда рады были случаю пограбить, нагнать страху на русских, напомнить им времена Батыея.

Десятки лет нужны были, чтобы области, опустошенные при этом новом погроме, сколько-нибудь оправились.

Усобицы северных князей в тринадцатом и четырнадцатом столетиях отличаются от старых усобиц на юге. Прежде князья, враждуя между собою, старались овладеть Киевской великокняжеской областью или другим каким-либо старшим и лучшим уделом. Князья беспрестанно переходили с дружинами своими из одних областей в другие и считали их только временным своим достоянием. После смерти удельных князей земли их переходили не к их сыновьям, а к родичам, следующим за ними по старшинству в роде. Понятно, что южные удельные князья мало заботились о том, чтобы получше устроить, расширить и обогатить земли, где были они только временными гостями.

На севере установился мало-помалу другой порядок. Подобно Андрею Боголюбскому, который, сделавшись великим князем, остается в своем Владимире, а не едет в Киев, и другие северные князья предпочитают жить в своих городах: Тверской князь, сделавшись великим князем, не переезжает во Владимир, а остается в Твери, Переяславский – в Переяславле, Московский – в Москве. Каждый из этих князей старается свою область обогатить, увеличить за счет других земель, сделать главной и упрочить ее вместе с титулом великого князя за своим потомством.

Прежде нередко тот князь, у которого было много удали да дружина лихая, брал верх над другими; а теперь не то: одна страшная сила, словно туча грозовая, повисла над землей Русской – то сила хана. От него все зависит – от него получают русские князья власть свою и землю, в его руках и жизнь и смерть князей.

Кто из них лучше умеет снискать милость хана и воспользоваться ею, в руках того больше и силы. Прежде и с удалым князем, говорившим о себе, что он никого не боится, кроме Бога, можно было попытаться счастья в борьбе, силы этого удалыца-князя, то есть его дружина и войско, были не Бог весть какие многочисленные.

Московский князь Даниил Александрович

Теперь же и робкий, и вовсе не воинственный князь, успевший снискать «великую милость хана», мог быть страшен самым храбрым князьям, – стоило ему только съездить в Орду, и он мог привести оттуда рать хищников «без числа», а нашествия татар на Руси боялись пуще грома небесного. При таких обстоятельствах брал верх не князь-удалец с пылким сердцем, а князь с холодным, расчетливым умом, – князь-«политик», то есть способный обдумывать каждый шаг свой, сообразоваться да приноравливаться, умеющий пользоваться удачей, ловко извернуться в беде, перехитрить врага.

Та область, где у князей было больше способности к осторожной и дальновидной политике, должна была мало-помалу стать главной и подчинить себе остальные русские земли.

Более ловкими политиками оказались князья московские.

Летописное сказание говорит, что Москва была основана Юрием Долгоруким. В первый раз в летописи упоминается о ней под 1147 г.

На месте ее, по преданию, раньше было имение боярина Кучки. Он был казнен за какую-то вину.

Местность на берегу реки Москвы очень приглянулась Юрию Долгорукому, и он основал здесь городок, названный по имени реки Москвою.

Москва досталась в удел младшему сыну Александра Невского – Даниилу. Ему уже удалось сильно увеличить свой удел: он получил по завещанию от родича своего, умершего бездетным, Переяславль-Залесский с богатою областью. Напрасно великий князь (Андрей Александрович) хотел завладеть Переяславлем, – Даниил не выпустил из своих рук богатство приобретения.

Юрий и Иван Даниловичи

Особенно много потрудились для усиления Москвы сыновья Даниила – Юрий и Иван. Хорошо понимали они, какую силу имеет «ханская милость», и умели снискать ее. Кто приходился хану по душе, был угоден ему, того он мог назначить великим князем, не стесняясь ничем. Чтоб снискать милость хана, надо было всячески выражать пред ним покорность, угождать и ему, и главным приближенным его, задабривать приходилось их богатыми подарками. На деле выходило так, что кто из князей был побогаче, пощедрее и умел расположить к себе хана и вельмож его, тот и получал ярлык на великое княжение.

По смерти Андрея Александровича стал добиваться великокняжеского достоинства племянник Александра Невского Михаил Ярославович, князь тверской. Юрий Данилович Московский тоже поехал в Орду попытать счастья. На этот раз верх взял

Михаил: он был богаче московского князя и мог дать и обещать татарам больше, чем тот, – тягаться Москве с Тверью было еще рано. Юрий понял, что надо еще усилить Московскую область и увеличить свои средства. Раньше уже удалось ему присоединить к своим владениям город Можайск; затем отнял он от юного рязанского князя Коломну. Теперь владения его порядком разрослись; можно было снова попытать счастья в борьбе с Тверью. Борьба с нею началась у него из-за Новгорода. Юрию пришлось ехать в Орду. Три года прожил он там, не жалел поклонов, не щадил казны своей, щедро одаривал приближенных ханских, вкрался в такое доверие к хану, что тот женил его на своей любимой сестре Кончаке, принявшей христианскую веру, и назначил великим князем. Юрий с торжеством возвращался из Орды: он вел с собою полчища татар, – сильно хотелось ему наказать своего противника. Рать Юрия стала беспощадно опустошать Тверскую землю; но в декабре 1317 г. произошла битва, и Юрий был разбит. Многие попали в плен, в том числе татарский вождь и Кончака. Михаил Тверской готов был помириться, даже уступить достоинство великого князя своему сопернику, лишь бы тот не разорял Тверской области. На беду Михаила, Кончака умерла у него в плену; враги его стали говорить, что умерла она от отравы. Юрий с несколькими своими сторонниками поспешил в Орду, к хану Узбеку, с жалобой на тверского князя. Михаил чуял беду и сам спешил к хану. На пути уже встретил он ханского посла, который сказал ему:

– Зовет тебя царь, – поезжай скорее. Если через месяц не будешь там, то хан назначил уже войско на тебя и на твой город!

Бояре и сыновья Михаила уговаривали его не ездить, но он стоял на своем.

– Если я уклонюсь, – говорил он, – земля моя будет полонена и множество христиан перебито: лучше уж мне одному положить свою душу за многие души!

Когда прибыл Михаил в Орду, над ним был наряжен суд. Пущены были в ход всякие клеветы и наговоры. Михаил был обвинен в том, что «не давал царевой дани, бился против царского посла и уморил княгиню, жену Юрия». После того к Михаилу приставили стражу; надели на шею ему колодку (тяжелую доску с отверстием для головы и рук); нельзя было ему ни лечь, ни спиной опереться. Промучили несчастного князя таким образом с месяц и наконец убили.

Юрий торжествовал: Тверь была унижена, опасного соперника его не было в живых, Новгород подчинился ему. Он оборонял его от шведов, построил у истока Невы крепость Орешек (теперь Шлиссельбург), удачно защищал Новгородскую область от литовских набегов. Однако беда не миновала и его. Он был позван в Орду: сын Михаила Тверского Дмитрий, по прозванию Грозные Очи, обвинил его, будто он, взяв дань с тверских князей, не отдал ее татарскому послу. Вероятно, Юрий извернулся бы из беды и оправдался бы, но Дмитрий Михайлович при встрече с ним не стерпел: чувство мести, которое он со времени мучени-

ческой кончины отца своего таил в сердце, вспыхнуло в душе его, и он поразил заклятого врага своего мечом. За это самоуправство Дмитрий был казнен в Орде.

Брат Юрия Иван, по прозвищу Калита (слово «калита» означает «мешок с деньгами»), уже раньше, когда тому приходилось быть в Новгороде, управлял Московскою областью. Он больше всех прежних князей помог возвышению Москвы; часто ездил он в Орду, приобрел большое доверие и расположение Узбека. Как верный слуга хана, он получил право собирать дань ханскую и отвозить ее в Орду: часть дани он удерживал себе и таким образом увеличивал год от году свою казну. При нем татары не беспокоили Московскую землю. Посещения татар были всегда ужасны для русского народа; даже послы от хана, проезжая по русским землям, творили на пути насилия, бесчинства и оскорбляли русских. Благодаря тому что Иван Калита был в большой милости у хана и сам уплачивал дань, никто не смел обижать его людей.

«Перестали, – говорит летописец, – поганые воевать Русскую землю, отдохнули христиане от великой истомы и многой тягости и от насилия татарского, и с этих пор наступила тишина по всей земле».

Московская область благодаря этому спокойствию все больше и больше населялась: шел сюда отовсюду рабочий люд; бояре тоже охотно переходили от других князей к московскому. Это было очень выгодно для Московской области, потому что бояре приводили с собою целые тысячи «своих людей» и таким образом сильно содействовали заселению области. Гулящей земли было у московского князя вдоволь, и он охотно давал большие поместья переходившим к нему боярам. Они за это обязывались отправлять воинскую повинность: в случае надобности являться на войну и приводить с собою известное число вооруженных на свой счет людей; стало быть, переходы бояр с их людьми умножали и военные силы Московской области. Переселялись сюда и иноземцы, даже татарские, мурзы (мелкие князья) стали поступать на службу к богатому московскому князю.

Калита заботился о том, чтобы в его области процветали промыслы и торговля; он строго преследовал и беспощадно казнил воров и разбойников. Москва стала наполняться торговцами со всех сторон, на устье Мологи возникла тогда знаменитая ярмарка, куда съезжалось множество купцов с Запада и Востока. Росла промышленность и торговля, росли и доходы князя от пошлин, собираемых с купцов. Город Москва в княжение Калиты очень вырос и украсился. В это время кроме укрепления кремля и посад был обнесен крепкою дубовою стеною.

Михаил Тверской. Икона. XVIII в.

Особенно важным событием для Москвы было перенесение сюда митрополии. Раньше митрополиты жили в Киеве, но со времени татарского погрома, когда Южная Русь запустела и Киев был разорен и обнищал, митрополиты хотя по-прежнему и считались киевскими, но более всего жили во Владимире. Митрополит св. Петр сошелся с Иваном Даниловичем, полюбил его, подолгу проживал в Москве и убеждал князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богородицы.

– О боголюбезнейший и великий князь, – говорил он, – если ты моего совета послушаешь и соборную церковь каменную поставишь во имя Пречистой Богоматери, то тебя Господь благословит, прославит больше всех других князей и город этот распространит более всех других городов, и Имя Его святое прославится в нем. Потомство твое не оскудеет, и властители из племени твоего, царствуя в месте этом из рода в род, одолеют врагов своих. Святители станут жить здесь, и мои кости будут положены.

Слова эти оказались пророческими. Переходя от поколения к поколению, они в тяжелые времена ободряли и успокаивали московских государей. Собор во имя Успения Богородицы был заложен 4 августа 1325 г. Это была первая каменная церковь в Москве; построена она была по образцу Владимирского Успенского собора. Митрополит собственноручно устроил себе гробницу близ престола, а в следующем году скончался (21 декабря 1326 г.). Великий князь исполнил его завещание, похоронил его в приготовленной гробнице и достроил Успенский собор. Кроме того, соорудил каменную церковь во имя Миха-

ила Архангела (нынешний Архангельский собор); со времени Калиты здесь погребались все московские государи. Эти два храма принадлежат к главным святыням Москвы.

Преемник митрополита Петра – Феогност и следующие за ним митрополиты стали постоянно жить в Москве. Таким образом этот город сделался столицей всей Русской церкви.

Ловко пользовался Иван Калита всяким случаем, чтобы увеличить свои владения, подчинить себе других князей, унижить своих соперников. Обстоятельства ему благоприятствовали. В 1327 г. в конце лета явился в Твери ханский посол Чолхан (народ звал его Щелканом) с отрядом татар. Они, как всегда, бесчинствовали в городе, творили всякие насилия. Сам Чолхан занял княжеский двор и хозяйничал здесь, как дома. Бесчинства татар возбудили сильный ропот в народе; стали ходить слухи, будто татары хотят вместо русских князей посадить по всем городам для управления своих чиновников, что скоро начнут христиан обращать в басурман. Тверской князь Александр, носивший титул великого князя, неумел или не хотел сдерживать свой народ. Один случай послужил поводом к восстанию. Несколько татар задумали отнять у тверитянина лошадь; тот крикнул к народу, чтобы защитили его от обиды. Народ и без того уже был раздражен наглыми насилиями татар. Ударили в вечерней колокол. Сбежались тверитяне со всех концов и начали с яростью избивать татар... С утра до самого вечера происходила на улицах беспощадная резня. Чолхан с остатком своего отряда заперся в княжьем доме; но дом сожгли, и все скрывшиеся там погибли. Даже купцов ордынских не пощадила расходившаяся чернь. Не многим из татар удалось спастись.

Тверитян должно было постигнуть лютое мщение. В Орде могли думать, что избивание татар в Твери не было случайным и местным восстанием, что вся Русская земля хочет подняться на татар. Иван Данилович поспешил в Орду. Случай ему представился удобный погубить соперника. Во главе большой татарской рати шел Калита на Тверь; суздальский князь должен был ему помогать. Тверская область так беспощадно была опустошена, так обезлюдела, что целые десятки лет не могла оправиться от этого погрома; особенно сильно пострадали города Тверь и Кашин.

За эту расправу Узбек очень хвалил Ивана Даниловича, с этой поры он пользовался полным доверием и расположением хана. Александр Михайлович бежал в Псков, а князем в Твери стал брат его Константин. Великий князь по приказу хана должен был представить Александра в Орду на суд. Когда псковичи не хотели отпустить его от себя, то Иван Данилович готовился уже двинуть рать на Псков; но до войны дело не дошло. Митрополит Феогност по желанию великого князя отлучил непокорных псковичей от церкви, наложил на них церковное проклятие: во Пскове приходилось запереть церкви и прекратить всякое богослужение и церковные обряды.

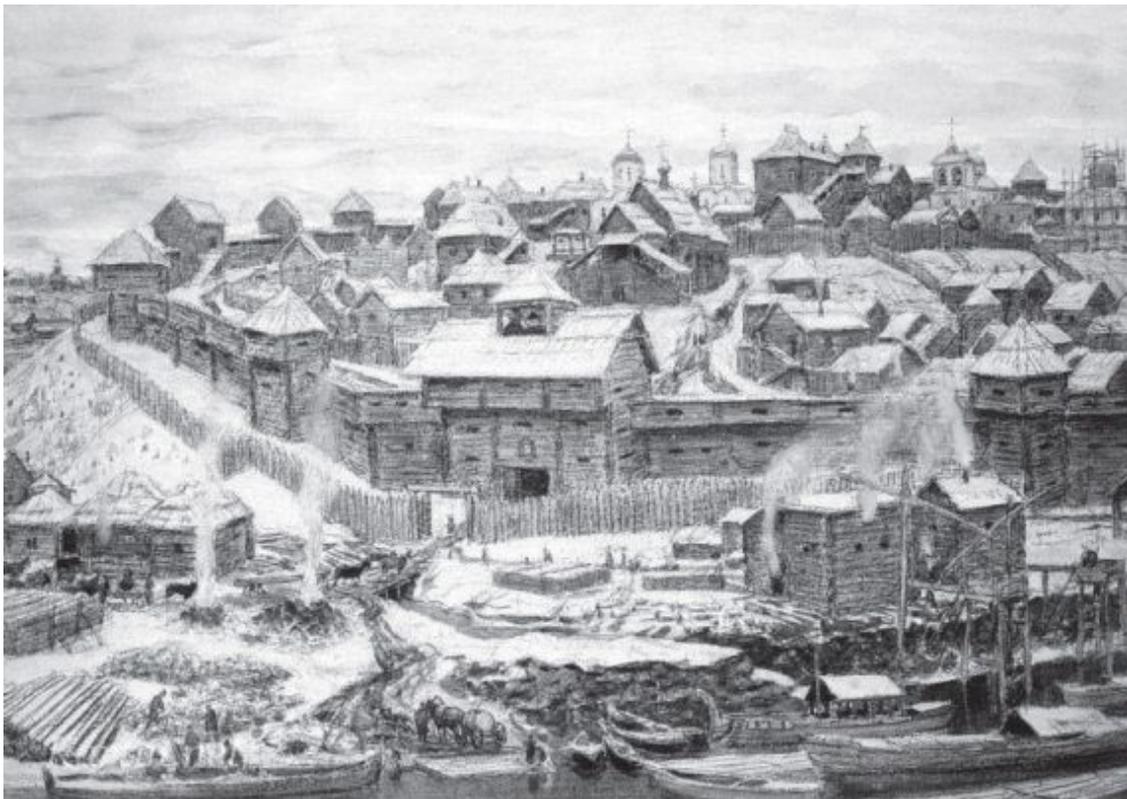
Александр не хотел подвергать псковичей такой беде.

– Братья и друзья мои, – сказал он им, – пусть из-за меня не будет на вас проклятия и отлучения. Я уеду, а вы не выдавайте врагам моей княгини!

Александр бежал в Литву. Псковичи тогда послали сказать Ивану Калите:

– Князь Александр уехал. Весь Псков тебе, великому князю, кланяется от мала до велика – и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малые дети.

Таким образом Псков в первый раз выразил Москве свою покорность. Иван Калита оставил Псков в покое; митрополит снял с псковичей церковное запрещение.

А. М. Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите... 1921 г.

Сила Москвы все росла да росла. Князья других северных русских областей боялись московского князя и должны были подчиняться ему. Одну дочь свою выдал он за ярославского князя, другую за ростовского; на зятьев своих смотрел он как на князей-подручников и самовластно распоряжался в их областях. Он был в большой чести у хана, и никто не смел противиться ему. Как только представлялся удобный случай, Калита, владея большим богатством, покупал земли, села и даже, говорят, целые города. Принудил он Новгород подчиниться Москве и платить дань. Около Москвы мало-помалу собирались и объединялись разрозненные русские области. Ивана Калиту недаром прозвали «собирателем Русской земли».

Иван Калита. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Ловкому, расчетливому и дальновидному Калите, казалось, все благоприятствовало. Раз только стряслась было над ним беда. Александра Михайловича тоска взяла по Твери, и захотелось ему во что бы то ни стало вернуться в свой родной город. Решился он на смелую попытку – отправился в Орду к хану Узбеку и сказал ему, по свидетельству летописца:

– Господин, самовластный царь! Много я совершил дурного против тебя; теперь пришел я к тебе принять либо жизнь, либо смерть, – как Бог тебе на душу положит, а я на все готов!

Такая прямота и покорность понравились Узбеку.

– Видите ли, – сказал он своим вельможам, – как князь Александр смиренною мудростью спас себя от смерти.

Хан позволил ему снова вернуться князем в Тверь.

Сильно опечалился Калита, когда заклятый враг его опять явился в Тверь, да еще вернулся «по милости хана». Эта милость хана, дававшая большую силу Ивану, была страшна для него в руках его врага. Надо погубить его, думал неразборчивый в средствах Калита, чтобы не погибнуть самому от него. Отправился он в Орду, взял с собою туда двух старших сыновей своих, представил их Узбеку как будущих важнейших и надежнейших слуг его рода, льстил ему и вельможам его, не жалел щедрых даров. Дело кончилось тем, что он сильно оговорил перед ханом своего врага, и участь последнего была решена. Его потребовали в Орду. Хотя и предчувствовал беду Александр, но на этот раз не ослушался, отправился к хану, быть может, чувствуя свою правоту и надеясь на «милость хана». Привез он щедрые дары, но ничто не помогло. Сын его Федор, приехавший вперед в Орду, со слезами на глазах

известил отца, что дело плохо. Доброхоты тверского князя не скрывали от него опасности и говорили ему:

– Царь хочет убить тебя! Сильно тебя оклеветали пред ним!

Александр ничего более не оставалось, как по-христиански приготовиться к смерти.

Он и сын его по приказанию хана были убиты.

После этого ничто уже не мешало Ивану быть полным хозяином на севере.

Состояние Русской земли в тринадцатом–четырнадцатом столетиях

В то время как росло могущество Москвы и около нее собиралась мало-помалу Русская земля, Кипчакская орда ослабела от непрерывных внутренних раздоров. Один хан отвергал другого. Подчиненные мурзы (мелкие князья) иногда совсем выходили из повиновения сарайских ханов (Сарай, татарский город на Ахтубе, протоке Волги, был в это время главным местопребыванием хана Кипчакской, или Золотой Орды, названной так по ханской ставке, изукрашенной золотом). Но, несмотря на все это, владычество татар для русских было по-прежнему грозно и тяжело. Ханы смотрели на Русскую землю как на свой улус (владение), на князей – как на слуг своих, заставляли их унижаться пред собою, творили над ними суд и расправу. К счастью, татары не преследовали христианской веры; хотя и во время первого нашествия грабили и разоряли церкви, но вообще отличались веротерпимостью. Один хан говорил европейскому послу о своей вере:

– Мы, татары, веруем во единого Бога, по воле которого живем и умираем; но как руке Бог дал различные пальцы, так и людям дал разные пути к спасению. Вам Бог дал писание, нам дал колдунов; мы и делаем то, что они нам указывают, и живем в мире.

По законам Чингисхана служители всех вероисповеданий освобождались от платежа дани; хотя татары взимали тяжелую дань со всех сел и городов, но с монастырей и церковей ничего не брали. Потом хан Менгу дал духовенству ярлык, по которому духовенство белое и черное освобождалось от платежа даней и всяких пошлин. «Пусть, – говорится в ярлыке, – беспечно молятся за хана и за его племя». От дани освобождались и все родичи священнослужителей, живущие с ними. Церковные вещи (книги, сосуды и пр.) объявлены неприкосновенными. Под страхом лютой смерти запрещено было хулить православную веру. Из этого видно, что христианской веры татары несколько не теснили; быть может, рассчитывали они этим смягчить духовенство, которое могло возбуждать народ против них. Если и случалось, что они казнили тех, кто отказывался пройти меж огней и исполнить некоторые обряды, то не за верования послушников, а за то, что они выказывали непокорность воле хана.

В 1313 г. хан Узбек принял магометанство; оно стало распространяться у татар. Магометане всегда старались искоренять все веры, всюду водворять свою; можно было думать, что с этого времени и татары начнут гонение против христианства на Руси, но они по-прежнему относились ко всем верованиям вполне равнодушно. В столице хана, Сарае, даже были христианские церкви и жил епископ. Русские митрополиты должны были подобно князьям ездить в Орду на поклон к хану.

Тяжелее всего татарское иго было для рабочего народа. Русские области были обложены тяжелой данью. Сначала хан посылал своих баскаков (чиновников) с военными отрядами собирать дань, а потом ханы стали отдавать ее на откуп хивинским (бессерменским) купцам; откупщики эти вперед уплачивали хану деньги, а потом собирали дань, конечно с большим барышом для себя. Они ходили по селам и городам с отрядами татар и производили сбор дани с бесчеловечной жестокостью. Если кто не платил, ссылаясь на бедность, того заподозривали, что он только притворяется неимущим, и беспощадно били его палками на улицах или на перекрестках, на рыночных площадях. Забирали у крестьян часто все пожитки, лошадей, земледельческие орудия; многие после таких поборов оставались беспомощными, нищими. Если нечего было взять у бедняков, то отбирали у них дочерей, сыновей или их самих уводили в рабство. До сих пор народ в песнях своих вспоминает, как «злой татарин собирал дань»:

С князей брал по сту рублей,

С бояр по пятидесяти,
С крестьян по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У кого дитяти нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

Не одни сборщики податей притесняли народ. Часто по русским землям ездили к разным князьям татарские послы с конными отрядами. Всюду, где приходилось им проезжать или останавливаться, они распоряжались, как полные хозяева, бесчинствовали, грабили, оскорбляли всячески народ, требовали, чтобы все выказывали им рабскую угодливость. Не только простой люд, но и купцы и бояре терпели от них оскорбления. С этой поры, думают, и усилился на Руси обычай у зажиточных людей скрывать своих жен и дочерей, даже держать их взаперти, чтобы охранить от обид и оскорблений. Нередко под видом послов заходили в русские области бродячие шайки татар и творили всякие насилия. Они охотно захватывали девиц и молодых женщин в рабство. У татар было многоженство, и потому невольниц в Орде охотно покупали.

Сохранилась у народа до сих пор память о ненавистных родственных связях с татарами. В одной колыбельной песне говорится о таком случае: попала в татарскую неволю русская девушка, когда была еще семилетним ребенком; стала она потом женою татарина, а через несколько лет попала в плен к этому татарину и ее мать.

– Привез я тебе русскую нянюшку, – говорит татарин своей молодой жене, – ты заставь ее делать три дела: ковры вышивать, гусей стеречь и детей качать.

Узнает мать в жене татарина свою родную дочь, убаюкивает ребенка, сына «своего злого врага и родной доченьки». Больно щемит сердце няни, когда она поет:

Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты по батюшке злой татарчоночек,
Ты не крещеный, не молитвенный,
А по матушке мил внучоночек,
Мой внучоночек– русская косточка!

Из южных и юго-восточных русских областей, куда непрерывно заходили шайки татар, народ толпами уходил на север. И тут была жизнь тяжелая, «сиротское житье», как выражался народ; но все же сюда пореже заходили татары. Страшно обеднел народ от татарских поборов. Много обнищавших крестьян принуждены были идти в кабалу, в холопы к зажиточным людям. Охотнее всего крестьяне селились на монастырских землях и княжеских: здесь было больше охраны от татарских насилий.

Сильную ненависть затаил в сердце русский народ к своему лютому врагу. До сих пор еще в народной речи удержались выражения и поговорки, указывающие на эту ненависть: «Злее злого татарина», «У татар, что у собак, души нет: один пар», «Не в пору гость хуже злого татарина» и др.

Тяжел был татарский гнет, породил он глухую злобу; но не умирала у народа и надежда высвободиться из тяжелой неволи, отомстить за все неправды и насилия своему лютому врагу.

В одной колыбельной народной песне мать напевает своему малютке сыну, чтобы он отомстил злым татарам, которые разграбили именье его отца:

Встань, пробудись, мое дитяtko.
Снимай со стены сабельки И все-то мечи булатные.
Ты коли, руби сабельками Злых татар с татарчонками.
Ты секи, кроши губителей Все мечами да булатными.

Тяжкая неволя, нищета, вечный страх, подавленная глухая злоба к лютому губителю породили много бед в жизни народа. Силен, крепок иной работник, за троих работает; стоит ему только за дело взяться, – да стоит ли? Заведет он себе хорошее хозяйство, заживет своим домком, – только приманка для лютых хищников! Ласкает мать своего ребенка, ласкает, да не радуется: «А что, думает она: как рощу я его только на потеху злому татарину?» Думает это, и тоскою щемит ее сердце.

Не жилось на Руси в тяжкие времена татарщины хорошей трудовой и семейной жизнью. Вместо «лихих работников» являлись все чаще и чаще «лихие разбойники», вместо хороших семьянинов – беспросыпные пропойцы. Пьянство, воровство и разбои умножились. Чаще, чем прежде, случались на Руси голодные годы, повальные болезни.

Духовенство и благочестивые люди видели в этом Божью кару за грехи и всякие беззакония, в которых утопал несчастный народ.

Глубокою скорбью проникнута речь проповедника Серапиона, епископа Владимирского, обращавшегося с пастырским назиданием к народу лет сорок спустя после татарского нашествия:

«Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, – говорит проповедник, – видя вас болящих делами беззаконными. Многократно беседовал я с вами, но не вижу в вас никакой перемены. Всегда сею я на ниве сердец ваших семя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плод... Чего мы не навлекли на себя? Каких не понесли мы наказаний от Бога? Не была ли пленена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не в короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на земле? Не отведены ли в плен жены и дети? А мы, оставшиеся, не поработаны ли были горьким рабством от иноплеменников? Вот уже сорок почти лет продолжается томление и мука, и тяжкие налоги не прекращаются, также голод и мор скота нашего. Мы и хлеба не можем есть в сладость. От воздыханий и печали сохнут кости наши. Что же довело нас до этого? – Наши беззакония и наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность».

В заключение убеждает снова Серапион своих слушателей покаяться и исправиться.

В другом поучении тот же проповедник горько сетует, что не видит в людях исправления, и напоминает им ужасную картинку татарского разорения:

«Мы ни в чем, говорит он, не оказывались лучшими. Тогда Господь навел на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий ни юной красоты, ни немощи старцев, ни младости детей; ибо мы подвигли на себя гнев Бога нашего... Разрушены Божии церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сделались добычей меча; тела преподобных иноков брошены в пищу птицам; кровь отцов и братьев наших, как вода обильная, напоила землю. Исчезла крепость наших князей, военачальников; храбрые наши бежали, исполненные страха, а еще более братьев и чад наших отведено в плен. Поля наши поросли травой, и величие наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось в удел другим, труды наши достались неверным. Земля наша стала достоянием иноплеменников, мы сделались предметом поношения для соседей наших, посмешищем для врагов наших. Свели мы на себя гнев Господа, как дождь с неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили от себя великую Его милость и довели себя до того, что на нас смотрят с сожалением. Нет наказания, которое не постигло бы нас».

«Земля колеблется от грехов наших, не может носить наших беззаконий, – говорил тот же проповедник, напоминая о землетрясении. – Отступим от всех злых дел, умоляет он: от разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резвоимания» (ростовщичества) и др.

Грубый и суеверный народ, по своему невежеству, приписывал часто разные бедствия: засухи, болезни, падеж скота, разным волхованиям и беспощадно мучил и сжигал людей, слывших колдуньями и волшебниками. Просвещенный Серапион сильно восставал против такого грубого суеверия и насилия народа:

«Я думал, говорит проповедник, что вы уже утвердились в вере и с радостью принимаете божественное писание... Между тем вы еще держитесь языческих обычаев, верите волхованию и сжигаете невинных людей... Из каких книг, из какого писания узнали вы, что от волхования бывает голод на земле и что опять волхованием умножается хлеб?»

Но не все пастыри церкви действовали подобно Серапиону: были и между ними люди, погрязшие в беззакониях и грехах. Главным хранителям чистоты Русской церкви, митрополитам, приходилось не раз обращать внимание на греховную жизнь священнослужителей. С целью исправить разные злоупотребления в церкви митрополии Кирилл II созвал собор во Владимире. В поучении священникам Кирилл говорит между прочим: «Простец (мирянин) согрешит – он даст ответ перед Богом за одну свою душу; а когда иерей согрешит, то соблазнит многих и за их души примет осуждение. Блюдите же отселе всякого греха: не работайте плоти, отстаньте от пьянства и объедения, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдайте и порученных вам людей, как научить их и представить непорочными на суде перед Богом. Ложных книг не читайте, еретиков уклоняйтесь, чародеев бегайте, говорящим не от божественных писаний заграждайте уста».

Чем дальше, тем все сильнее и сильнее гложло просвещение на Руси, реже и реже звучала задушевная обличительная проповедь, невежество и суеверие охватывало не только народ, но и священников: не могли они объяснить народу как следует Священное Писание, сами путались в разных суевериях и лжеучениях, не могли отличить истинных книг отложных. Всю беду эту причинило предкам нашим монгольское владычество.

Бедность, нищета от татарского разорения и поборов больше всего мешали просвещению. Не до учения, не до книг было, когда большинству приходилось думать о том, как бы не умереть с голода. Во время татарского погрома много погибло книг и дорогих рукописей. Еще дороже, чем прежде, стали цениться они; еще недоступнее, чем раньше, сделались они для недостаточных людей.

Сношения с образованной Византией затруднились: далек был путь туда из Северной Руси, да и опасен. Надо было проходить по безлюдным областям да по степям, где кочевали орды татар. К тому же и Византия в конце XIV в. доживала свои последние дни: турки со всех сторон уже теснили ее. От западного латинского образования русское духовенство бережно сторонилось, опасаясь вреда православию. Сношения с Западом чрез Новгород были исключительно торговые. Только монастыри являлись хранителями древнего благочестия и образования. Конечно, образование монастырское заключалось по большей части в простой начитанности, в умении читать да списывать книги. Но все-таки хотя бы простая грамотность держалась в монастырях, тогда как у мирян и она составляла большую редкость. В XIV–XV вв. не только бояре, но и князья нередко были вовсе безграмотны.

Северные монастыри

И прежде, до татарского погрома, монастырская жизнь считалась на Руси образцом праведной жизни, а в XIII и XIV вв., когда страшные бедствия обрушились на Русскую землю, монастырская жизнь получила в глазах наших предков еще большую цену. Страшно карал Бог в глазах богочестивых людей Русскую землю за греховную жизнь в «миру»; надо было думать о душе, жить жизнью духовною в святой «обители».

– Не для того мы созданы, – говорит один проповедник, – чтобы есть, пить, одеваться в различные одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наследовать будущие блага.

Понятно, что число монастырей во времена татарского владычества очень увеличилось, особенно много их было основано начиная с XIV в. В этом столетии несколько раз опустошали Русскую землю страшные заразительные болезни; ужас и уныние распространились всюду от этой новой Божьей кары. И прежде был обычаем на Руси, что благочестивый человек, готовясь умереть, старался загладить грехи свои, постригался в монахи, принимал схиму, а теперь, когда лютая смерть грозила всякому, многие в молодых даже летах поступали в иноки и отдавали все имущество монастырям. До двухсот монастырей во времена татарщины возникло преимущественно в северных лесах. Дикий, суровый Север с его непроходимыми дебрями заселялся пустынножителями, около которых потом собиралась братия и возникали новые монастыри.

Из северных монастырей особенно замечателен Троице-Сергиевский. Основателем его был св. Сергей Радонежский. Варфоломей (мирское имя св. Сергия) был боярского происхождения. Родители его, когда он был еще ребенком, переселились из Ростова в местечко Радонеж. Уже с детства Варфоломей выказывал склонность к строгой подвижнической жизни. До двенадцатилетнего возраста он удручал себя постом: в постные дни недели не ел ничего, а в другие питался только хлебом да водою. Большую часть ночи проводил без сна, в молитве.

– Дитя мое, – увещевала его мать, – не сокрушай тела своего многим воздержанием! Ты слишком еще молод – впадешь в болезнь. Тело твоё растёт и цветёт. Никто в годы твои такому посту не предаётся.

Увещания эти не действовали на благочестивого ребенка.

С трудом ему давалась сначала грамота; но потом чудесным образом открылась у него способность к ней, и он стал бойко читать и помогать при церковной службе. Рано почувствовал он и призвание к отшельничеству. Кротость, благочестие, доброта и любовь ко всем – вот свойства, которыми отличался он от своих сверстников.

Когда достиг он юношеского возраста, стал он проситься у родителей в «пустынь».

– Потерпи немного, – просили его родители, – мы стары и немощны. Братья твои женились и заботятся о своих женах. У тебя же одна забота – как бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи нам еще немного, а когда проводишь нас до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь.

Когда почувствовали родители Варфоломея приближение смерти, они постриглись. По смерти их Варфоломей отдал свою часть наследства женатому брату и пошел искать в окрестностях места для пустынного жития. С ним пошел и старший брат его Стефан: он после смерти жены хотел тоже посвятить себя Богу. В 12 верстах от Радонежа, в глухом лесу, срубили они себе келейки и маленькую церковь (на том самом месте, где ныне стоит богатый Троицкий собор Сергиевой лавры). По просьбе Стефана митрополит послал священников освятить церковь Св. Троицы, как желал Варфоломей.

Недолго пожил вместе братья!.. Не вынес Стефан скорбного жития среди глухого леса и тяжких лишений, какие приходилось переносить отшельнику, ушел он в общежительскую

обитель, в Москву. Варфоломей принял пострижение от игумена одного из монастырей, ближайшего к его «пустыни», и наречен был Сергием. Ему было тогда всего двадцать три года.

Прожил Сергей около двух лет в своей пустыни, в полном одиночестве среди глухого, непроглядного леса. Подкреплял он себя непрестанной молитвой. Не раз в ночное время, когда бушевал ветер, стонал лес, когда стаи голодных волков выли подле его кельи, жутко ему становилось, ужас одолевал его, слышались ему чьи-то страшные слова:

– Беги отсюда! Чего здесь ищешь? Разве не боишься умереть с голода? Душегубцы-разбойники убьют тебя или звери плотоядные растерзают тебя!

Но Сергей превозмог все эти страхи... Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость, перестал он даже бояться и лютых зверей: спокойно встречался с ними, и они не трогали его. Раз, говорится в житии, увидел он пред своей кельей медведя. Заметив, что зверь голоден, Сергей вынес кусок хлеба и положил ему на пне. Медведь стал часто приходить за пищей, и пустынный делил с голодным зверем свою скудную трапезу; бывали случаи, что Сергей отдавал ему последний кусок хлеба, а сам голодал.

Когда стало известно, что в лесу, близ Радонежа, спасается отшельник, начали приходить к нему монахи один за другим и строили подле его хижины свои кельи. Скоро собралось 12 человек. Они служили сами в деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургии призывали по временам соседнего священника. Через несколько времени с большим трудом уговорили самого Сергия принять игуменство. Он был рукоположен в священники и сделался игуменом.

Таково было начало Троице-Сергиевского монастыря.

Сначала эта обитель была очень бедна. Братии было всего двенадцать человек. Скудость во всем была такая, что богослужение совершалось при свете березовой лучины, богослужебные книги были писаны на березовой коре, священные сосуды были деревянные, священнические ризы сделаны были из простой крашенины. Случалось, что по несколько дней хлеба не было и братия голодала... Сам игумен одевался так бедно, что его принимали иногда за нищего, однако он постановил строгим правилом для братии жить своим трудом, а просить милостыню было строго запрещено, позволялось принимать только добровольные, невыпрошенные даяния. Св. Сергей подобно св. Феодосию подавал братии пример строгой жизни и трудолюбия: сам пек хлебы, шил обувь, носил воду, рубил дрова. Никогда не видели его праздным. Питался он только хлебом и водою; но крепкое его здоровье помогало ему выносить все страшные лишения и труды. Денно и ночью наблюдал он, чтобы все в его обители строго выполняли все монашеские обеты.

пользу монастыря. Обитель стала богатеть. О Сергии шла молва, что он обладает даром предвидения, что молитва его имеет чудесную силу. Но смиренный подвижник ни в чем не изменился: по-прежнему вел суровую жизнь, полную всевозможных лишений и тяжелых трудов, по-прежнему был он прост и добродушен в обхождении с другими, с тою же добротой обращался он как с нищими, питавшимися за счет монастыря, так и с князьями и боярами, делавшими богатые вклады.

Леса падали кругом обители, раскинулись около нее пажити и луга, вырастали починки и села. Крестьяне охотно шли работать на монастырь. Дорога к святой обители прорубалась сквозь лесную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергия дошла до Константинопольского патриарха. Предложил он подвижнику ввести в его монастырь общежительский устав. Митрополит св. Алексей любил Сергия, навещал его, советовался с ним. Чувствуя близость смерти своей, митрополит очень желал сделать его преемником своим; лучшего блюстителя Русской церкви, по мнению Алексея, нельзя было найти. Сергий решительно отказался, даже не хотел принять золотого креста.

– Прости, владыка, – сказал он, – от юности моей я не был златоносцем, а в старости тем паче хочу в нищете остаться.

Смирение было главным свойством св. Сергия: ему страшны были блеск и величие земное. Но и в смиренном звании игумена он принес, как увидим, большую пользу Русской земле.

Дивилась братия строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности в глубокой старости неустанно трудиться.

– Ищите прежде всего царствия Божия, – говорил он своей братии, – и все это дастся вам.

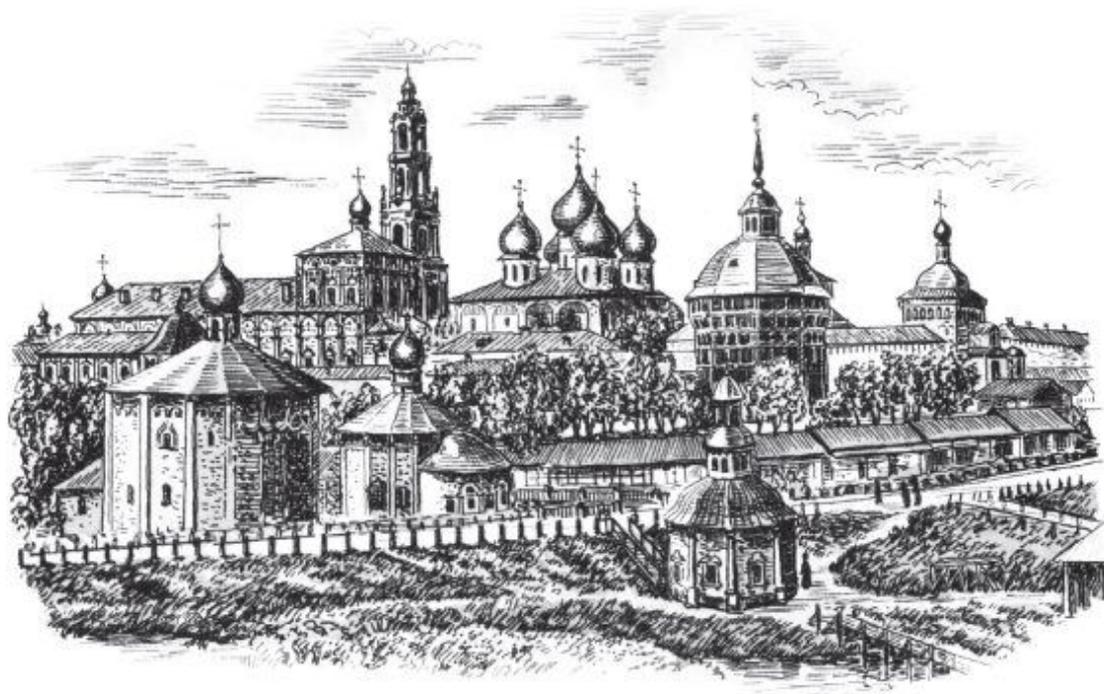
Св. Сергий скончался в 1397 г. Основанная им обитель имела такое же важное значение для Северной Руси, как Киево-Печерская лавра для Южной.

В настоящее время Троицкая лавра – один из самых богатых русских монастырей. Много святыни, драгоценной для русского человека хранится в ней; много дорогих и исторических воспоминаний связано с нею.

И при жизни св. Сергия, по его благословению, и по его смерти ученики его основывали новые обители. Особенно замечателен был впоследствии Кирилло-Белозерский монастырь, основанный учеником св. Сергия св. Кириллом. Ученики последнего в свою очередь распространяли монашество...

Великую службу сослужили Русской земле святые подвижники. В годы тяжелой неволи, рабского унижения, злобы, горькой нищеты, голода, повальных болезней легко человеку упасть духом, опуститься, зажить грубою, животною жизнью. И вот в такую тяжкую пору в разных концах Русской земли, в глухих местах, где не бывала человеческая нога, где ютились только дикие звери, являются один за другим пустынножители. Почет, богатство, семейные радости – все, что так дорого людям на земле, – все презрели эти подвижники; все это в их глазах ничто в сравнении с иною жизнью, жизнью вечною, духовною. Проведают о подвижнике люди, дивятся ему: старик один-одинешенек живет в безлюдной глуши, ни хищного зверя не страшится, ни лихого человека не пугается; боится только одного греха – боится его пуще лютой смерти. Тяжкие труды несет он, голод, холод добровольно терпит и все Богу молится. Рассказывают те, кому доводилось видеть пустынножителя, что приветлив он, светел душою, что готов утешить всякого скорбного, что сладко слушать слова его.

– Сам Бог, – говорит он, – претерпел всякие лишения, нужду и страдания за грехи людей, а нам, грешным людям, не великое дело – потерпеть нужду и лишения за свои грехи, которых паче меры... Ничтожна эта земля с ее кратковременными страданиями и горестями в сравнении с царством небесным, где жизнь вечная, красота неизреченная и радость без конца.

Троице-Сергиева лавра. Вид конца XIX в.

Светлее становилось на душе у несчастного, подавленного горем человека от таких речей, вера в лучшую будущую жизнь согревала душу его. Учился он у старца немощного телом, но крепкого духом, добровольно терпевшего всякие лишения и нужды, терпеливо сносить свою горькую долю, не падать духом.

...Недоступны были простому, темному люду священные книги, не приходилось слышать ему церковную проповедь: в тяжкое время татарщины и в больших городах на Руси все реже и реже раздавалась она, наконец, и совсем смолкла. Но сильнее книг и проповедей действовал на простых смертных людей живой пример подвижников и их простое задушевное слово. Молва об их подвигах широко расходилась и повсюду проникала в самые глухие уголки и поддерживала у темных людей веру в Бога и в будущую лучшую жизнь.

Симеон Гордый, Иоанн II и Димитрий Донской

Всякими способами – честными и нечестными – Калита усилил Московскую область, прибрал к рукам удельных князей, управился с Тверью, с Новгорода брал откупы, а в случае отказа посылал рать на Новгородские земли. Тягаться с Москвою уже было не под силу удельным князьям. Хотя Калита и поделил землю между тремя сыновьями и женою своей, но все же по смерти его (1341) никто не мог соперничать с его сыновьями: доверие и милость хана от него перешли к ним. Хан признал старшего из них, Симеона, великим князем, и, по словам летописи, «все князья русские даны были под руку его». Держал себя он с подручными князьями властно и гордо, за что и прозван был «Гордым»; но, несмотря на свою гордость, подобно отцу, он, как видно, умел и смиряться, где нужно было: пять раз ездил в Орду и возвращался оттуда с большою честью и ханской милостью. Зато татары никакого зла не причиняли московскому люду, хан даже помог Москве выйти из беды, когда литовский князь напал на нее.

Ловко пользуясь милостью ханов, всячески ублажая их, Калита и сын его спасали землю свою от татарских насилий и исподволь увеличивали свою область и силу.

Хитро усыпляя подозрительность ханов, смиренно кланяясь им, они взрастили Московскую землю, и она мало-помалу после них вошла в такую силу, что сбросила с себя татарское иго. Вот почему, несмотря на многое зло, какое творили они своим соперникам, в конце концов их внешняя политика оказалась выгодной не только для них самих и их потомков, но и для всего русского народа.

Симеон умер от моровой язвы (1353), которая свирепствовала тогда на Руси.

После его смерти пытался было суздальский князь Константин захватить великое княжение, да не удалось, несмотря на то что Иван II, брат Симеона, не походил на него, – был, по словам летописи, кроткий, тихий и милостивый князь; как видно, оказался он богаче и щедрее своего соперника – ярлык на великое княжение достался ему. При нем сказалась в Московской области сила бояр, которые после прекращения княжеских переходов из одной земли в другую стали обзаводиться поместьями и сделались богатыми землевладельцами.

Они начали даже выходить из повиновения князю и поднимать смуты; особенным значением из них пользовался «тысяцкий» – воевода, начальник военных сил, который порою мог передать свою власть, словно наследство, сыну. После смерти Ивана II (1359) остался десятилетний Димитрий. Трудное время наступило тогда для Москвы: суздальский князь Димитрий Константинович пытался удержать за собою великокняжеское достоинство, но московские бояре вступились за своего малолетнего князя: для них самих важно было, чтобы за Москвою осталось первенство, чтобы князь, которому они служили, был великим князем, а не подручным.

Бояре при поддержке митрополита св. Алексия добились того, что великокняжеское достоинство осталось за малолетним московским князем. Началась было усобица, но суздальский князь скоро примирился с московским, уступил ему и даже породнился с ним – выдал за него свою дочь.

У суздальского князя шла в это время усобица с братом Борисом за Нижний Новгород, и помощь Москвы была ему нужна. По просьбе Димитрия Ивановича митрополит послал в Нижний Новгород преподобного Сергия – требовать Бориса Константиновича на суд в Москву. Борис не послушался; тогда пр. Сергий по приказу митрополита и великого князя запер все церкви в Нижнем Новгороде, и дело кончилось в пользу Димитрия Суздальского.

Более тяжелую борьбу пришлось вести Москве с Тверью. Тверской князь Михаил Александрович, князь властолюбивый и решительный, вовсе не желал быть подручником московского князя и не терпел вмешательства его в дела своей области.

Митрополит Алексий. Икона. XVI в.

Ему было не под силу одному тягаться с Москвою, но была у него сильная подмога: в соседней Литве княжил в это время Ольгерд, женатый на сестре Михаила Александровича. Два раза он приводил литовского князя на Москву.

В обычае хитрого Ольгерда было не говорить никому заранее о том, куда направляет он войско, походы совершать чрезвычайно быстро и нападать неожиданно. Димитрий Иванович не успевал и рати собрать, как Ольгерд являлся под стенами Москвы. Взять город, впрочем, ему не удалось: в это время вместо прежних деревянных стен Димитрий Иванович построил здесь крепкий каменный кремль (1367); но литовцы страшно разоряли Московскую землю, жгли села, грабили пожитки, угоняли скот, избивали или уводили в плен людей, не успевших бежать и скрыться в лесах. Димитрий по уходе Ольгерда мстил тверскому князю тем же – беспощадно опустошал его землю и добычею, взятою в Тверской области, вознаграждал убытки Московской. Пробовал Михаил Тверской другим путем оси-

лить своего соперника, ездил в Орду, добыл ярлык на великое княжение; но из этого тоже ничего не вышло. Вести татарскую рать на Русскую землю, предать ее на разорение хищникам Михаила не хватало духу, а своей силой ему было не совладать с Москвою. Тем временем Димитрий Иванович успел задобрить хана подарками и оставался великим князем. В конце концов пришлось Михаилу, чтобы избежать полного разорения своей земли, примириться с противником своим и заключить договор, по которому он обязывался за себя и своих наследников подчиняться московскому князю, по приказу его ходить на войну самому или посылать своих воевод, не искать и не принимать от хана великокняжеского достоинства, отказаться от союза с Литвою. Особенно важно было условие о союзе против татар.

«Будем ли мы в мире с татарами, – говорится в договоре от имени московского князя, – дадим ли выход (дань) или не дадим, – это наше дело. Если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдём на них, то и тебе идти с нами вместе».

Из этих слов видно, что Димитрий Иванович считал себя уже в силах бороться с татарами и предвидел, что скоро наступит время борьбы с ними.

Орда в это время уже слабела и распадалась на части; сразу являлось по несколько ханов, которые свергали один другого. Случалось, что сыновья убивали отцов, чтобы скорее завладеть престолом, – и ханы беспрестанно менялись, во второй половине XIV в. было десятилетие, в которое переменилось их пятнадцать.

Некоторые вожди стремились отложиться и сделаться самостоятельными ханами. Трудно было в это время московскому князю и ладить с Ордою: ему приходилось сразу у двух враждебных ханов добывать себе ярлык на великое княжение.

Когда являлось несколько ханов, враждовавших между собою, как было знать, кому угождать, кто из них возьмет верх, да и одаривать сразу нескольких ханов было не под силу даже и богатому московскому князю. Казалось, настала удобная пора для русских покончить с тяжелым и постыдным для них владычеством татар.

После долгих смут в Орде овладел ханской властью воевода Мамай. Злобился он сильно на Димитрия Ивановича за то, что тот не обращал большого внимания на его требования, не хотел платить ему той дани, какую прежде платили московские князья ханам. К тому же в Нижнем Новгороде была избита татарская дружина, пришедшая с ханским послом и творившая всякие насилия. Убит был и посол. Никто из русских князей не поехал оправдываться и смягчать ханский гнев.

Ясно было, что русские князья выходили из повиновения. Мамай еще не собрался с силами, чтобы идти самому, а стал для острастки посылать небольшие орды на земли подручных Москве князей.

В 1376 г. напала с дозволения Мамаю Орда, под предводительством какого-то Арапши, на Нижний Новгород. Русская рать пошла навстречу. Русские думали, что татары еще далеко, и расположились у реки Пьяны отдыхать. День (2 августа) был очень знойный. Доспехи, копыя, сулицы и рогатины были на возах. Воины не ожидали близкой опасности, прохлаждались в одних охабнях (плащах), попивали себе мед, пиво и вино. Многие хвастались своею силою и удалью и не чаяли близкой беды.

Тем временем татары, разделившись на пять отрядов, кинулись вдруг с пяти сторон на безоружных русских так, что те не успели и оружия вынуть из телег. Много тут пало русских воинов напрасною смертью; многие кидались в реку Пьяну, думая спастись, и перетонули.

В следующем году опять Мамай послал свою Орду на Русь. Татары напали на Нижний, взяли его и разорили; а другое татарское войско пошло на великого князя.

Князь сам вышел навстречу ему. На реке Воже произошла битва. Москвичи выждали, чтобы татары переправились, а затем ударили на них разом с трех сторон. Татары не выдержали напора и побежали. Множество их перетонуло.

Русские переправились и погнались за татарами. Множество шатров, телег, кибиток и всякого добра досталось русским.

Радовались русские, когда увидели, что и они могут бить татар. Сильнее стала надежда на полное освобождение от лютых врагов. Победа эта должна была, конечно, повести к большой войне. Мамай пришел в ярость. И задумал он нагнать на русских такого страха, чтобы навсегда отбить у них охоту противиться ханской воле, – понял он, что иначе владычеству татар придет конец. Стал собирать Мамай огромное войско. Кроме татар, в ополчении этом были черкесы, ясы и разные наемные иностранцы. Он хотел повторить времена Батыя, разгромить Русскую землю.

Великая пора настала. Решался вопрос: быть ли Москве и Русской земле или окончательно погибнуть под ударами татар?..

Мамай, по словам одного сказания, говорил своим сановникам:

– Возьму Русскую землю, разрушу церкви русских, веру их на свою переложу, прикажу им поклоняться Магомету. Где были христианские церкви, там велю поставить мечети, посажу своих баскаков по всем русским городам, а князей русских перебью!

Олег Рязанский, который еще раньше вел борьбу с Дмитрием Ивановичем, изменил русскому делу, вступил в тайные переговоры с Мамаем, – боялся, что Рязань пострадает больше всех, так как через нее лежал путь татарам. Уверен был Олег, что Москве пришел конец: в это время Мамай заключил союз с литовским князем, – можно было думать, что Москве не выдержать удара двух таких противников.

В исходе лета 1380 г. узнал Дмитрий Иванович, какая гроза собирается над его головой. Рязанский князь, желая скрыть свою измену, извещал его об опасности.

«Но еще наша рука высока, – писал он Дмитрию Ивановичу, – бодрствуй и мужайся».

Куликовская битва

Усердно помолвившись, Дмитрий Иванович разослал гонцов по всем областям, чтобы ратная сила скорее отовсюду собиралась к Москве. Скоро вся Северная Русь пришла в движение. Целые города вооружались в несколько дней; тысячами ратники спешили к Москве. Отряд за отрядом вступал в столицу. Народ любовался бодрым видом воинов, блестящим вооружением князей и бояр. Все вострепелось, будто проснулось от долгого сна: ожила надежда на освобождение от позорного ига!

Дмитрий по совету духовенства отправил в Орду посла и предложил уплатить дань; но она казалась Мамаю мала, – войны нельзя было миновать...

Перед выступлением в поход отправился великий князь в Троицкую обитель. Жив был еще великий подвижник ее св. Сергей. Преподобный устроил для князя трапезу. Приметил Дмитрий двух иноков, которые были прежде ратными людьми и слыли богатырями, – один звался Пересвет, другой Ослябя, – и сказал св. Сергию:

– Дай мне, отче, на брань этих двух иноков! Ведомо мне, что были они великие ратники, крепкие богатыри, смышленные в военном деле.

Сергий приказал им идти с великим князем, взял схимы с нашитыми крестами, возложил им на головы.

– Носите их вместо шлемов, – сказал он, – это вам доспех нетленный вместо тленного. Пострадайте, – прибавил он, – как доблестные воины Христовы!

Дмитрий Донской. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Затем после трапезы Сергей благословил всех бывших с ним крестом, окропил святою водою и сказал князю:

– Господь Бог будет тебе помощник и заступник. Он победит и низложит супостатов твоих и прославит тебя.

Радостно забилось сердце Дмитрия Ивановича, когда услышал он эти пророческие слова.

На 12 августа было назначено выступление рати из Москвы. В этот день великий князь усердно молился в Успенском соборе, у мощей св. Петра-митрополита, первого заступника Москвы, молился и в Архангельском соборе, где были гробницы предков...

В это время священники с иконами и хоругвями обходили ряды воинов, наполнивших все площади и улицы у Кремля, и кропили их освященной водой. Величавое зрелище представляло русское воинство. Еще никогда Москва не видала такой большой ратной силы! Блестящие медные и стальные доспехи сверкали на солнце. Множество стягов (знамен) развевалось над войском, целый лес копий поднимался над ним. Но более всех привлекали взоры вожди в их позолоченных доспехах и приволоках (плащах), расшитых золотыми узорами.

Вся Москва вышла провожать ратников. Матери и жены плакали и голосили. Великая княгиня Евдокия прощалась у кремлевских ворот с мужем, от слез и слова вымолвить не могла...

Затрубили в трубы, ударили в бубны, и войско тронулось...

24 августа великий князь с московскими полками вступал в Коломну. Епископ встретил их с крестом у ворот города. Здесь присоединились к русскому ополчению еще некоторые отряды. Устроен был смотр всему войску. Никогда еще на Руси не собиралось такого большого ополчения: более 150 тыс. конных и пеших стояло в стройных рядах.

Тут пришла весть, что Мамай с огромными силами недели три уже стоит за Доном и поджидает своего союзника – литовского князя Ягелла. И об измене Олега Рязанского узнал в это время Дмитрий Иванович. Опечалился он, назвал с горестью Олега вторым Святополком.

Не все еще отряды собрались, но медлить нельзя было: надо было идти скорее через Рязанскую область в степи, чтобы не допустить Мамаю с его страшною ордою ворваться в русские земли. Приняв напутственное благословение коломенского епископа, Дмитрий Иванович выступил к устью реки Лопасни. Вожаками взяли здесь купцов, которые вели с Востоком торговлю, часто езжали туда и потому хорошо знали пути.

26 августа русское войско переправилось за Оку, в Рязанскую землю. Олег, узнав о силах Дмитрия Ивановича, испугался, недоумевал, что и делать, переезжал беспрестанно с места на место, посылал гонца за гонцом к татарам, к литовскому князю, – не знал, кого больше опасаться ему – Дмитрия или Мамаю. Совесть мучила Олега, но вражда к московскому князю и боязнь татарского погрома были в нем сильнее укоров совести.

Войска русские бодро шли вперед. Погода стояла хорошая: осенние дни теплы, земля суха. Когда рать подходила уже к Дону, прибыли навстречу люди из передового отряда, посланного для разведок, и принесли важную весть:

– Мамай стоит на Дону, на Кузьминой гати, и дожидает к себе Олега и литовского князя (Ягелла), а силы у Мамаю столько, что и перечесть нельзя.

Собрал Дмитрий Иванович на совет князей и воевод. Надо было решить вопрос: переходить ли русскому войску за Дон и напасть на татар или не переходить и ждать нападения врагов? Одни говорили:

– Лучше остаться на этой стороне реки. Враг силен: на всякий случай должны мы удерживать себе путь назад.

Другие, более решительные, особенно Ольгердовичи, говорили иное:

– Лучше переправиться как можно скорее. Надо, чтобы ни у кого не было и мысли назад возвращаться; пусть всякий без хитрости бьется, пусть не думает о спасении. Говорят, сила велика у врагов. Что на это смотреть! Не в силе Бог, а в правде!

В это время гонцы от преподобного Сергия привезли грамоту великому князю. Святой подвижник благословлял и обещал ему помощь Бога и Пречистой Богородицы.

Это послание очень ободрило великого князя. Прочел он в кругу своих соратников-вождей грамоту. Великую силу в глазах всех русских имело слово преподобного Сергия, – Дмитрий Иванович больше не колебался. Присоединился он к мнению Ольгердовичей.

– Честная смерть лучше позорной жизни, – сказал он в ответ слишком осторожным советникам своим. – Уж лучше было нам не начинать похода против безбожных татар, чем, пришедши сюда и ничего не сделавши, вернуться назад.

Да и надо было поспешить, чтобы не допустить литовцев соединиться с татарами.

Стали русские искать на реке бродов для конницы и строить мосты для пеших. В ночь с 7-го на 8 сентября русская рать перешла через Дон.

В эту ночь, говорит сказание, пришел к великому князю воевода Дмитрий Боброк, родом волынец. Он был смысленый, опытный воин и слыл искусным гадателем.

– Не желаешь ли, – сказал он великому князю, – я покажу тебе приметы, по которым ты узнаешь, что случится вперед?

Князь согласился, условившись держать это гадание в тайне, – сел на коня и вместе с Боброком выехал вперед.

Ночь была тихая и теплая. Пред ними расстилалось широкое ровное поле, звалось оно Куликово; позади них был Дон, впереди протекала речка Непрядва, приток его. Дмитрий с гадателем остановился посреди поля. Ночная мгла скрывала оба стана.

– Оборотись к татарской стороне, князь, и слушай! – сказал Боброк.

Несколько времени стояли они молча. Слышались им от татарского стана сильные крики, стук, звуки труб. Слышали они, как за вражеским станом страшно завывали волки, а по правой стороне зловеще кричали птицы, граяли вороны, стаями перелетали с места на место; на реке Непрядве гуси и лебеди крыльями плескали, предвещая грозу.

– Что, князь, слышал? – спросил Боброк.

– Слышал грозу великую! – отвечал Дмитрий Иванович.

– Оборотись теперь на полки русские! – сказал Боброк.

Послушал князь несколько времени и сказал:

– Не слыхать ничего. Тишина великая; вижу только множество огней и зарево от них!

– Князь-господин, – сказал Боброк, – огни – это доброе знамение тебе. Призывай помощь небесную и верою не оскудевай! Есть у меня еще примета, – сказал гадатель, сошел с коня, припал к земле ухом, долго пролежал он – все к чему-то прислушивался. Наконец поднялся, но стоял с опущенной головой, с грустным лицом и молчал...

– Ну что, брат, какова примета? – спросил его великий князь.

Боброк в тяжелом смущении молчал. Князь стал его упрашивать, умолять. Боброк прослезился. Заныло сердце у князя.

– Брат Дмитрий, скажи мне, – тревожно спрашивал он Боброка, – сердце у меня очень болит!

– Господин князь, – сказал наконец Боброк. – Поведаю тебе только одному об этих приметах, ты же никому не говори о них. Одна примета тебе на великую радость, а другая на великую скорбь!.. Слышал я, как земля горько, горько плакала: с одной стороны казалось, будто женщина-мать о детях своих плачет, по-татарски причитает, голосит и слезами разливается; с другой стороны слышалось мне, будто девица плачет в великой скорби и печали, плачет нежным голосом, тонким, как свирель. Много видывал я битв, не раз изведывал и

всякие приметы, знаю я их. Уповай на милость Божию, татар ты одолеешь; но твоего христианского воинства на поле ляжет от вражьего меча многое множество!

Заплакал князь от этих слов, но потом сказал:

– Как Богу угодно, пусть так и будет! Кто воле Его противник?!

Еще раз Боброк просил князя никому не говорить о гадании, чтобы не напало на воинов уныние. Когда князь с Боброком ехали с поля в свой стан, слышали они, как вдали страшно завывали волки, каркали вороны и орлы клекотали.

Страшная была эта ночь!

В ту же ночь, говорит сказание, один воин, стоявший на страже, видел видение: по воздуху двигалось с востока, словно туча, громадное полчище татар. Навстречу ему неслись два юноши в светлых, сияющих ризах, с мечами в руках, и слышан ему был голос: «Кто вам, татарам, велел губить наше отечество?» И начали юноши рубить врагов. Многих изрубили, а остальные разбежались. Когда воин рассказал о своем видении Дмитрию, догадался он, что то были святые Борис и Глеб...

Ранним утром войско стало готовиться к бою. Сначала густой туман лежал на земле. Русским это было кстати: Владимир Андреевич, князь серпуховский, и воевода Дмитрий Боброк с отборным отрядом успели занять незаметно для татар лес неподалеку от русского стана, вверх по Дону. С рассветом стал туман подыматься. Засияло солнце. Русское войско стояло уже в боевом строю. Вперед, по обыкновению, был выставлен сторожевой полк. Средними полками, преимущественно пешими, начальствовали князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи. На правом крыле были князь Андрей Федорович Ростовский, князь Стародубский и другие, на левом – князь Ярославский Василий Васильевич. Много было и других князей – вождей отдельных полков.

Великий князь с холма глядел на свою рать. Стройные, необозримые ряды войск занимали громадное пространство; развевались бесчисленные знамена и хоругви; сверкали на солнце доспехи и оружие воинов; еловцы (маленькие красные значки на шлемах) словно огнем пылали... Прекрасен был вид великого воинства!

Некоторое время любовался Дмитрий Иванович своим войском. Тяжело стало, конечно, у него на душе, когда подумал он, что многое множество воинов его сложат головы свои на этом поле. Он пал на колени пред своим черным знаменем, на котором сиял образ Спасителя, и долго усердно молился.

– Обрати, Господи, – взывал он, – лице Твое с яростью на нечестивых, творящих зло рабам твоим!

Сел затем великий князь на коня и стал объезжать ряды своего войска. Пред каждым отрядом он останавливался и старался добрым словом всех ободрить.

– Отцы и братья! – говорил он. – Бога ради, подвизайтесь, святых ради церквей и веры христианской! Сия смерть не в смерть, но в жизнь вечную!

Затем Дмитрий стал снова под свое черное знамя, снял с себя княжескую приволоку (плащ). Своего коня и приволоку отдал он боярину своему Михаилу Бренку, снова помолился и вкусил благословенного хлеба, присланного ему Сергием.

Великий князь хотел сам биться в рядах как простой воин. Воеводы удерживали его, говорили, что ему как главному вождю следует беречь себя, уговаривали его, но все было напрасно...

– Братья мои милые, добрые ваши речи, – отвечал Дмитрий, – но хочу я общую чашу с вами пить. Умру, так умру вместе с вами; жив буду – вместе с вами же!

«Битва на Куликовом поле в 1380 г.». Миниатюра из рукописи «Сказание о Мамаевом побоище». XVIII в.

Русское войско двинулось к устью Непрядвы, к татарскому стану. Часу в шестом дня русские увидели Мамаево полчище. Словно грозовая туча двигалось оно, сходя с холма.

Пешие татары шли рядами. Задние клали свои копья на плечи последним – копья у воинов второго ряда были длиннее, чем у передних. Татары по большей части сверх доспехов надевали кафтаны, сверх шлемов меховые или кожаные колпаки; одежда у них была темного цвета, и потому татарское войско не имело такого нарядного и блестящего вида, как русское.

Мамай с мурзами своими остановился на холме, чтобы наблюдать за битвою. Уже враждебные полчища стояли одно против другого и ждали знака, чтобы начать бой. Тогда из татарского войска выехал наездник по имени Телебей. Он был громадного роста и необыкновенной силы. Бой должен был начаться поединком. По обычаю татар, удальцы-силачи начинали битву и показывали другим пример.

Стал богатырь громко вызывать себе противника. Не сразу нашелся между русскими охотник биться с великаном. Но вот выступает Пересвет. Шлем его был покрыт схимою, которую возложил на инок-воина св. Сергей. Помолился Пересвет, принял от священника благословение, низко поклонился и русскому воинству.

– Отцы и братья, – сказал он, – простите меня, грешного!

Затем сел он на боевого коня и со словами: «Преподобный Сергие, помоги мне твоею молитвою!» – пустил коня во всю прыть... Навстречу несся татарский богатырь. На всем скаку, с налету, сшиблись они копьями. Удар был так силен, что кони их едва устояли и присели на задние ноги, а бойцы упали наземь оба мертвые...

Грянули трубы, и начался бой. «Боже, помоги нам!» – кричали русские. Татары призывали на помощь Магомета. Загорелась лютая схватка. Такой битвы не было никогда еще на Руси! На пространстве десяти верст кругом кипела кровавая сеча.

Несколько сот тысяч воинов бились с яростью. Казалось, земля дрожала, и страшно гудело все поле от ярых криков, стонов раненых, треска оружия и конского топота. Бились оружием, руками терзали один другого. Часа два уже длилось жестокое побоище. Кровью было залито все поле; телами было устлано оно так, что трудно было пройти. Труп валился на труп. Татары стали одолевать.

В русском войске были отряды молодых новобранцев, не бывалых еще в бою; притомились уже они, не выдержали нового напора врагов и обратились в бегство. Погнались за ними татары, пробившись до черного великокняжеского знамени; тут стоял любимец великого князя, воевода Бренк; приняли его враги за великого князя и убили. Много уже русских вождей пало. Знамя падало за знаменем.

Ужас охватил русских. Дрогнули самые смелые. Все бежало... Поражение русских было полное. Мамай торжествовал...

Давно уже порывался князь Серпуховский Владимир Андреевич ударить из лесу на татар, спасти своих от поражения; воевода Боброк удерживал его, говорил, что еще не время.

Владимир Андреевич уже терял терпение.

– Что же это такое, – с досадой говорил он Боброку, – к чему же стоим мы тут? Кому от этого польза? Беда пришла русскому войску!

– Да, беда великая, – отвечал Боброк, – но еще не пришла наша пора. Кто не впору начинает, тот беду себе принимает!

Наконец, когда татары, считая русских окончательно разбитыми, гнались за ними нестройными толпами и были уже сильно утомлены, Боброк крикнул:

– Пора! Да поможет нам благодать Свята го Духа!

Кинулись русские из засады на татар, словно соколы на стаю журавлей; с громким криком ударили они на врагов с тылу.

Вооружение русских и татарских воинов в XIV в.

Неожиданный удар ошеломил татар. Как испуганное стадо, заметались они, не зная, что делать...

– Беда нам! – кричали он. – Русские перехитрили нас. Худших из них мы побили, а теперь лучшие ударили на нас!

С переполоху чудилось татарам, что они уже вконец разбиты, что рать, напавшая на них, бесчисленна. Ободренные успехом, русские смело разили врагов, прорывали их толпы, врубались в середину их полчища, рубили их и справа, и слева, и сзади, и спереди. Татары в ужасе кидали оружие и бежали.

Мамай, увидев неожиданный поворот битвы, так оторопел и растерялся, что не послал на помощь своим запасные силы, бывшие у него, а сам пустился в бегство.

Татары бежали толпами: одни кинулись за Непрядву, и множество их потонуло в реке, другие бросились направо к реке Красивой Мечи. Русские гнали их и беспощадно избивали. Множество возов со всяким добром досталось в добычу победителям.

Часть русского войска преследовала татар до реки Мечи. Князь Владимир Андреевич остановил своего коня на месте побоища и велел трубить сбор. Стали съезжаться к нему вожди, оставшиеся в живых и не пострадавшие в бою. Великого князя не было...

– Где великий князь? – тревожно спрашивал Владимир Андреевич. – Кто из вас его видел?

Поехал Владимир Андреевич меж воинов и со слезами на глазах спрашивал, не видал ли кто великого князя, не слышал ли, где он. Один из воинов сказал, что видел его в пятом

часу, как он крепко бился; другой видел, как четыре татарина напирали на него; третий рассказывал, как он сам старался выручить великого князя из беды. Но сведений о том, жив ли он и где находится, никто дать не мог.

По приказу Владимира отроки княжьи и множество ратных людей рассеялись по бранному полю отыскивать великого князя. Долго искали его. Наконец двум ратникам посчастливилось найти его. Под ветвями срубленной березы лежал Димитрий. Глаза его были закрыты; но воины заметили, что он дышит.

– Жив, жив! – радостно закричали они. – Великий князь Димитрий Иванович здравствует!

Владимир Андреевич с князьями и воеводами поскакал к тому месту, где лежал великий князь. Доспехи его были избиты и измяты ударами татарских сабель.

Когда сняли с князя его вооружение, то оказалось, что ран на теле не было. Лишился чувств он от чрезмерного напряжения сил и утомления. Димитрий Иванович, хотя был крепкого телосложения, высок ростом, широкоплеч, но, по словам летописца, был весьма тучен и тяжел.

Мало-помалу пришел он в чувство и открыл глаза.

– Кто тут? Что за речи слышу я? – проговорил он.

Тогда Владимир Андреевич громогласно возвестил:

– Милостию Бога и Пречистой Матери Его, помощью сродников твоих, святых мучеников Бориса и Глеба, молением св. Петра и Сергия-игумена супостаты наши побеждены!

Когда великий князь совсем пришел в себя и понял, в чем дело, то прежде всего благодарил Бога за дарованную русским победу. Узнав о том, как нападение засадного войска на врага повернуло дело в пользу русских, великий князь обратился к Димитрию Боброку и сказал:

– Поистине разумен ты: тебе всегда должно быть воеводою!

Поехал великий князь со своими главными сподвижниками по бранному полю. Ужасно было это поле! Было оно устлано убитыми, умирающими ранеными. Казалось, все поле тяжело стонало... Тихо подвигались вперед кони: едва находили они место, где ступать. С поникшими головами, с тяжелой скорбью, со слезами на глазах ехали великий князь и спутники его. Давно ли восходящее солнце озаряло блестящие ряды русских воинов, бодрых, полных жизни и силы? Давно ли лучи его весело играли на блестящих доспехах? А теперь, на закате, освещало оно груды окровавленных тел, лица убитых, обезображенные мучительной смертью, лица раненых, искаженные страданиями, лужи и потоки крови, избитые доспехи, обломки и осколки всякого оружия! Все говорило о страшной жестокости боя: в одном месте убитый русский воин упал на труп побежденного им врага, в другом – убитый татарин лежал на русском; здесь, крепко переплетаясь руками и ногами, лежали мертвые татарин и русский, боровшиеся, очевидно, даже в предсмертных страданиях, а там поднималась целая груда тел русских и татар, бившихся в тесной схватке до последнего издыхания. Русская и татарская кровь смешивалась и струилась одним потоком из-под груды тел...

Перед некоторыми трупами князь останавливался. Увидел он князей Белозерских, отца и сына, – лежали они вместе.

– Братья, князья русские, – молвил со слезами Димитрий, сдержав коня своего, – молитесь Господа Бога о нас, да соединит Он нас вместе с вами в будущей жизни!

Постоял великий князь с тяжелой грустью и перед телом боярина своего Михаила Андреевича Бренка, лежавшего в великокняжеской приволоке.

– Вот, братья, наш починальник! – сказал Димитрий Иванович, узнав по схеме инок Пересвета. – Без него многим бы из нас пришлось испить здесь горькую чашу от руки татарского витязя!

Тут же, подле Пересвета, лежал труп его противника, великана-татарина. Многих храбрых князей и воителей узнал Дмитрий меж мертвыми. Тяжкая скорбь давила ему сердце, когда ехал он с побоища: он, по словам современника, «умывался слезами» при виде множества погибших. Правда, убитых татар было гораздо больше, чем русских, но и русских легло на Куликовом поле великое множество!..

Победа была великая, но вместе с тем и скорбная! Из огромного русского войска едва уцелело тысяч сорок. Более двухсот тысяч человек, татар и русских, пало на Куликовом поле, и Дон, по словам сказания, три дня тек кровью...

Так представляется нам, по разным преданиям и сказаниям, достопамятная Куликовская битва.

Восемь дней стояли русские на месте побоища: подавали помощь раненым, разбирали тела убитых, русских погребали, а татар оставляли на полу на добычу хищному зверю и птице...

Димитрий установил обычай вечно праздновать память воинов, убитых в Куликовской битве (Димитровская суббота).

Литовский князь Ягелло, спешивший соединиться с Мамаем, в день битвы был верстах в сорока от места боя. Узнав о победе русских, он поспешно отступил.

Понеслись гонцы от Димитрия в Москву, в Переяславль, в Кострому, во Владимир и другие города с радостною вестью о победе. Все со страхом и нетерпением ждали известия из войска, денно и нощно молились во храмах. Наконец желанные вести пришли. Восторг был неописанный. Все встрепенулось и ожило... Думали, что орда пала навсегда, что пришел конец татарскому владычеству!..

Димитрия прославляли, сравнивали его с Ярославом Великим, с Александром Невским, прозвали Донским, а Владимира Андреевича – Храбрым.

Но радоваться было еще рано!..

Нашествие Тохтамыша

Мамай был разбит Тохтамышем, ханом Орды, кочевавшей за рекою Яиком (Уралом). Тохтамыш воцарился в Орде и послал известить русских князей, что он победил их врага Мамайя. Димитрий принял ласково ханских послов, отпустил их с честью и вслед за ними отправил своих людей с богатыми подарками хану. То же сделали и другие князья. Думали все, что этим дело и обойдется, но ошиблись: Тохтамыш хотел властвовать над Русскою землею, как Батый.

В следующее лето явился от хана сановник с отрядом воинов в 70 человек и от имени хана потребовал, чтобы русские князья, как его подданные, ехали немедленно в Орду. Требование это поразило всех князей как громом: неужели, думали они, напрасно лилась русская кровь на Куликовом поле и все пойдет по-старому?! Мысль об этом приводила всех в негодование. Ханскому послу, доехавшему до Нижнего Новгорода, было дано знать, что великий князь не ручается за его безопасность, если он явится в Москву с отрядом своим. Побоялись татары народной ярости и уехали. Прошло еще около года: казалось, что они оставили русских в покое, но вдруг пришла тревожная весть, что татары захватили в земле Болгарской всех наших купцов и на их судах переправляются через Волгу. Затем пронесся слух, что Тохтамыш идет уже на Русскую землю и что Олег Рязанский показывает ему пути. Все это сделалось так скоро, что русские не успели и опомниться и приготовиться к отпору. Тохтамыш, видно, и рассчитывал напасть на Москву врасплох. Великий князь совещался с воеводами и с некоторыми князьями, как быть, что предпринять, но все, казалось, потеряли голову; Димитрий поехал в Переяславль, оттуда в Ростов и Кострому собирать полки.

Москва оставалась беззащитна. Тохтамыш взял уже город Серпухов и быстро шел к Москве. Пламя и дым горевших сел обозначали его путь. В Москве было полное безначалие.

Поднялся народный мятеж... Одни из москвичей хотели защищаться в Кремле, другие – спасаться бегством. Толпы народа со стен бросали камни в беглецов. Некоторые с оружием в руках стали у ворот и не пускали никого из города, творили всякие бесчинства и насилия. К счастью, нашелся опытный вождь, который прекратил смуту и водворил некоторый порядок. Это был Остей, один из литовских князей, случайно находившийся в ту пору в Москве. Он убедил москвичей выпустить из города всех искавших спасения в бегстве и затвориться в Кремле с готовыми защищаться до последней крайности.

Бояре и купцы свозили в Кремль свои пожитки и товары. Множество драгоценной церковной утвари, богослужебных книг из окрестных церквей было снесено в Кремль. Все надеялись на каменные стены его. Постройки вокруг Кремля, которыми могли воспользоваться татары, то есть весь посад, были сожжены москвичами.

23 августа появились татарские передовые отряды. Объезжали они кругом кремля, осматривали рвы и стены его. Видя малое число врагов, некоторые из москвичей храбрились, со стен ругали татар и старались всячески оскорбить их. Татары в ответ грозили русским своими саблями. Татарские отряды все подходили и подходили к Москве; к вечеру их была уже несметная сила. Приуныли тут москвичи. Некоторые из них, более благочестивые, стали готовиться к смерти, каялись в грехах, причащались...

Сначала шла перестрелка. Тучи стрел летели с той и с другой стороны. Татарские наездники носились на своих легких конях перед стенами кремля и на всем скаку били русских стрелами без промаха; их стрелки были гораздо искуснее русских. Пробовали татары взять кремль приступом, ставили лестницы и лезли на стены. Русские валили на врагов бревна, тяжелые камни, сшибали их с лестницы в ров, обдавали кипятком. Три дня пытались татары взять кремль приступом, но были отбиваемы. Летописец в первый раз говорит, что некоторые из русских били врагов из огнестрельного оружия. Большой урон потерпели

татары. Увидел Тохтамыш, что силою ему города не взять: стены кремля были крепки, стенобитных машин у татар на этот раз не было, русские мужественно бились. Пустился Тохтамыш на хитрость. На четвертый день подъехали к стенам знатнейшие мурзы и от имени хана вступили в переговоры.

– Царь наш, – говорили они, – не хочет разорять своего улуса; не бойтесь ничего, выйдите только к нему с честью и дарами. Царь наш хотел наказать холопа своего Димитрия, но его тут нет. Отворите город, царь вас пожалует.

Москвичи сначала не поверили этим словам; но суздальские князья, пришедшие с Тохтамышем, клялись, что татары зла не сделают москвичам.

– Нам поверьте, – говорили суздальские князья, – мы ваши христианские князья, мы ручаемся за то, что это правда!

Быть может, они и в самом деле верили, что Тохтамыш говорил правду. Поверили на этот раз и москвичи; посоветовались между собою, как быть. Надежда на скорую помощь была плоха, долго выдержать осаду нельзя было, – порешили сдаться на милость хана.

Отворились ворота кремля, и защитники его стали выходить; впереди шел Остей; за ним несли богатые дары хану; затем следовало духовенство в полном облачении, с иконами и крестами, далее шли бояре и народ. Татары выждали, пока защитники кремля вышли из ворот, затем вдруг, как хищные звери, ринулись на них и принялись рубить саблями всех без разбору и топтать конями... Это была уже не битва, а дикая, ужасная бойня! На месте ее остались растерзанные, раздавленные трупы, втоптаные в грязь иконы, кресты, священнические ризы... Ворвались татары в кремль. Оставшаяся здесь толпа народа обезумела от страха, люди в беспамятстве металась туда и сюда, ища, где бы укрыться от диких губителей. Многие прятались в церквях. Все напрасно! Татары разбивали церковные двери, вламывались в алтари и рубили нещадно всех – и стариков, и женщин, и детей... Церковные сосуды, одежды, княжеское имущество, пожитки бояр, товары купцов, снесенные в кремль, – все было разграблено. Множество книг, собранных отовсюду в кремлевские церкви, погибло. Что не было разграблено, то было уничтожено пожаром. Татары зажгли с нескольких концов город и отступили от Москвы, насытившись дикою мезью.

Ужасный вид представляли развалины Москвы!..

«Был дотоле, – говорит летописец о ней, – город великий, чудный, многолюдный! Много было в нем всякого богатства, и вот в один день все изменилось: видны только земля, пыль, пепел, множество лежащих трупов да святые церкви, разоренные, пустые и осиротелые!»

Татарские орды рыскали по всей великокняжеской области и страшно опустошили волости городов Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска и других. Из князей русских только Владимир Андреевич Серпуховский не потерял мужества: он неожиданно ударил на сильный татарский отряд и разбил его. Эта победа и слух о том, что великий князь собрал у Костромы сильную рать, побудили Тохтамыша отступить.

Когда Димитрий вернулся на свое родное пепелище, то, по словам летописца, заплакал.

– Отцы наши, – сказал он, – не побеждали татар, но были менее нас злополучны!

Действительно, со времен Калиты до Димитрия Донского Москва не терпела такого разорения.

Тяжелое дело предстояло Димитрию. Немедленно велел он погребать тела убитых. Собрано было их на пепелище одной

Москвы до 24 тыс. А сколько убито во всей области, сколько было сгоревших, изувеченных и уведенных в неволю, – этого и сосчитать нельзя было! Кремлевские стены, башни и стены некоторых церквей были целы, и Москва могла скоро вновь обстроиться, но не скоро она могла стать многолюдным и цветущим городом.

Пришлось опять князьям ездить в Орду, искать ханской милости, пришлось по-прежнему городам и деревням русским уплачивать татарам тяжелую дань.

Димитрий Иванович умер в 1389 г., 39 лет от роду.

Пред смертью он назначил великим князем сына своего Василия, благословил его великим княжением Владимирским. Уверен был Димитрий, что ни татары уже не помешают Василию, ни другие русские князья не посмеют оспаривать великокняжеское достоинство у него.

В тяжелые годы пришлось княжить Димитрию Донскому. Два раза Московская земля при нем была страшно опустошена литовцами, потерпела ужасный татарский погром. Кроме внешних врагов были и свои русские враги. У Московского князя шла постоянная война с Тверью и Рязанью. После нашествия Тохтамыша московская рать за измену Олега сильно разорила Рязанскую область. Вражда эта долго не кончилась бы, если бы преподобный Сергей не помирил Олега с Димитрием. Сверх того пришлось Димитрию Ивановичу унижать новгородцев. Слишком уже расходилась буйная удаль новгородской вольницы: два раза ушкуйники грабили Кострому, нападали на Нижний Новгород, на Вятку, мало того – они хватили людей и продавали их иноземцам в рабство. Разбои этих повольников так озлобили всех, что 26 городов с радостью послали свои ополчения на помощь Димитрию, когда он порешил силою обуздать новгородцев. Сначала новгородцы думали было обороняться, но скоро смирились, уплатили за все убытки, понесенные купцами от новгородских разбойников, и обязались уплачивать ежегодно великому князю так называемый черный бор (подать с черных людей). Кроме бедствий от усобиц, были и другие несчастья: страшная моровая язва свирепствовала на Руси в 1363–1364 гг., так что живые не успевали хоронить мертвых. От сильных засух не раз были голодовки и падеж скота.

Печальные следствия татарского владычества уже ясно сказывались. От погромов татарских и поборов бедность, нищета и горе были повсюду. Хотя народу стало легче, когда вместо татарских сборщиков начали русские князья сами собирать дань и отвозить ее в Орду, но и князья принуждены были брать с народа своего очень много, чтобы насытить корыстолюбие ханов, их жен и ханских вельмож. Кроме прямой дани, приходилось еще установить разные налоги и поборы. За право торговли, за провоз товаров должны были платить известные налоги; собирались пошлины и с разных промыслов: с рыбных ловель, с мельниц и прочее. Со всех почти промыслов и занятий шли пошлины. Прежде до татарского нашествия этого не было: платили только дань князьям, и то небольшую. Понятно, что под владычеством татар не могли на Руси процветать ни промыслы, ни торговля.

Бедность да неволя вредили сильно и нравам: бедняки привыкли унижаться, прибегать к разным уловкам и обманам, чтобы соблюсти свои выгоды. Торговцы, платившие большие пошлины, старались купить товар за бесценок, а продать втридорога. Ремесленники, которым давали купцы слишком низкую плату за их изделия, не старались улучшить их и заботились только о том, как бы побольше да поскорее наработать товару да сбывать его как-нибудь с рук долой. Сложилось даже убеждение, что без обману ни в торговле, ни в промыслах обойтись нельзя. Безысходная нужда побуждала многих к нищенству: «ходить по миру» многим даже и здоровым людям казалось более выгодным промыслом, чем какая-либо работа. Богатство, достаток были в те времена только приманкою и для хищных татар, и для других «лихих людей». Зажиточному человеку, чтобы не накликал на себя беды какой-либо, приходилось скрывать свое имущество, прикидываться бедняком, – «с босого да нагого – взятки гладки!». В те злосчастные годы привыкли люди жить кое-как, перебиваться изо дня в день, не заглядывать в неверное будущее, – являлась беспечность, привычка жить на авось. Но недаром говорит пословица: «Нужда слабого мнет, а в крепком волю кует». Мы видели уже, какие сильные духом подвижники являлись в те тяжелые времена. И между теми, которые не уходили от мирской жизни, немало было людей сильных, крепких волею. Среди всяких

бед и невзгод складывались нравы русского народа и свойства: сметливость, находчивость, изворотливость и та необычайная выносливость, которая и до сих пор удивляет иноземцев в русском человеке. «Голь на выдумки хитра», «Нужда научит калачи есть» – говорит наш народ в своих пословицах. Научился он посмеиваться, хоть иной раз и горько, над своим горем-злосчастьем. «Наготы, босоты изувешены шесты; холоду да голоду амбары полны», «Шапка волосяная, рукавицы своекожаные» – говорил народ в пословицах о своей бедности.

Не только в народе была бедность, была она и в других сословиях; таких богатых людей, какие встречаются в наше время, тогда и в помине не было. Даже и князья того времени были не богаче нынешних (т. е. конца XIX в.) крупных помещиков.

Печальна, неприглядна была жизнь русского народа в конце четырнадцатого столетия; но она скрашивалась светлой надеждою на скорое освобождение от тяжелого татарского ига. После Дмитрия Донского надежда эта уже не казалась никому несбыточной мечтой. Куликовская битва была великим событием для русского народа: после нее у русских прибыло смелости настолько, насколько убыло ее у татар. Битва эта была блестящей победой соединения русских сил. Сами ханы, на беду себе, не понимая, конечно, этого, помогли усилиться московским князьям и начать то «собрание Русской земли», которое сделало ее могучею, дало ей силы справиться с сильными врагами.

Две великие задачи обозначились ясно для потомков Ивана Калиты и Дмитрия Донского: первая – довершить собрание Русской земли, вторая – покончить с позорным татарским владычеством. Выяснилась уже и третья великая задача – борьба не на жизнь, а на смерть с Литвою, которая, пользуясь бедствиями Русской земли во времена татарщины, завладела многими русскими областями, окрепла, усилилась и постоянно грозила бедой Москве.

Много тяготы и труда пришлось еще вынести русскому народу, много крови пролить, чтобы выполнить эти задачи. Для князей московских ратное дело долгое время должно было быть самым важным.

Во время татарского владычества русское военное искусство сильно изменилось. Прежде русские князья во время своих усобиц и борьбы с половцами действовали обыкновенно небольшими отрядами, а теперь в борьбе с татарскими полчищами пришлось выставлять огромные ополчения. Постоянного войска, кроме небольшой княжеской дружины, не было. Собиралось оно только в случае надобности. По примеру татар русская рать делилась на тысячи, сотни, десятки.

Конница составляла главную часть войска. В древности русские дружинники и воины вооружались подобно норманнам, а в XV в. в военном деле многое заимствовано было у татар. Конский убор был тот же, что у татар. Кривые татарские сабли, стали заменять мало-помалу прежние мечи. Кроме сабель, наступательным оружием служили самострелы, луки, различного вида копья, секиры и палицы. Хотя и упоминается в летописи об огнестрельном оружии при Дмитрии Донском, но вошло оно в общее употребление позже. Охранительные доспехи были очень разнообразны. В старину не было одного общего для всех вооружения; каждый ратник вооружался по своим средствам и желанию. Исключение составляли только княжеские дружинники, которые, вероятно, имели хорошие и одинаковые доспехи. Щиты, шлемы, панцири, поножи, поручи должны были хорошо охранять от вражеских ударов бояр и богатых ратников, составлявших конницу. Шлемы были по виду очень разнообразны и носили разные названия (шишаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и др.). Панцири, защищавшие туловище, были тоже весьма разнообразны: у одних воинов были простые кольчуги, у других были бахтерцы, байданы, юшманы и колонтари – это были те же кольчуги с прибавлением металлических пластинок или щитков различного вида на груди, спине и боках; у третьих были куяки, то есть кожаные или суконные рубахи, на которых были прикреплены металлические бляхи различного вида. Полное и хорошее вооружение стоило очень дорого

и поэтому было доступно немногим. Так как оно было и очень тяжелым, то для пешего воина не годилось. Бедняки часто довольствовались только тегилями – это были толстые, набитые пенькой и простеганные кафтаны, в толще которых клали куски железа и обломки старого вооружения. На голову такие воины надевали вместо желанных шлемов сходные с тегилями толстые, набитые пенькой колпаки. Вооруженные подобным образом воины были очень неуклюжи на вид, но довольно хорошо защищены от стрел и сабельных ударов. Сами названия различных частей русского вооружения в конце XV в. показывают, что оно было заимствовано от татар и других восточных народов.

Княжение Василия I (1389–1425)

Усиление Москвы

С начала XIV в. Московская область все росла и росла. Как истые скопидомы, ничем не пренебрегая, ничего не упуская из виду, сколачивают себе мало-помалу достаток, так трудились и московские князья над собиранием Русской земли. Казалось, они думали только о себе, старались всякими способами захватить новые города и земли, привлечь население и забрать одного за другим всех русских князей в свои руки. Быть может, московские государи сначала и помышляли о своих лишь выгодах, но тем не менее в их руках совершалось великое дело – собирание русских сил в одно целое. Дело это стало всенародным, потому и шло так успешно. В Московской области лучше, чем где-либо на Руси, жилось мирному, промышленному люду, больше было тишины и порядка; в московских князьях народ привык видеть хороших, домовитых и расчетливых хозяев, которые себя не забывали, но и рабочих не теснили, и потому все, кому дорога была мирная, трудовая жизнь, кому ненавистны были вечные раздоры и усобицы мелких удельных князей, навлекшие столько бед на Русскую землю, – словом, все более здоровые силы тянулись к Москве и охотно отдавались под сильную руку ее князей. Над собиранием русских сил трудились не только князья: им помогали и бояре, и духовенство; но более помог сам народ, сама земля Русская. И вот Москва, как сказочный богатырь, из этой земли и набралась силой могучей.

К концу XIV в. Москва так окрепла, что Димитрий Донской попытался стряхнуть с русских плеч татарское иго. На Куликовом поле была проба соединенных русских сил. Оказалось, что уже можно брать верх над

Орду, но совсем покончить с нею было еще невмочь. Надо было еще подождать, еще понабраться силой.

В 1389 г. начал княжить сын Донского – Василий Димитриевич. Год спустя после того, как ханский посол посадил его на великое княжение, он уже едет в Орду, чтобы «примыслить» новые области. Приняли его в Орде так радушно и с такой честью, какой еще никто из русских не видывал, – словно не данник, а приятель и союзник приехал к хану. Дело в том, что хану в ту пору нужен был сильный и надежный союзник. Василию это было на руку; он уладил свои дела в Орде – купил у хана ярлык на Нижегородское княжество, несмотря на то что там был свой князь – Борис Константинович.

Борис, когда проведал, какая напасть готовится ему, созвал своих бояр, напоминал им о крестном целовании, умолял их верою и правдою постоять за него.

– Не печалься, господин князь, все мы тебе верны, готовы за тебя головы свои сложить и кровь пролить! – утешал Бориса старший из его бояр – Василий Румянец, утешал, а сам уже вел тайные переговоры с Василием Димитриевичем о выдаче ему своего князя: сильна была московская корысть – тянула к себе отовсюду служилых людей и бояр!

Возвращаясь из Орды, Василий отправил вперед в Нижний [Новгород] ханского посла со своими боярами. Борис хотел затворить перед ними городские ворота и не впускать их в город.

– Господин князь, – стал его уговаривать Румянец, – посол ханский и московские бояре едут сюда, чтобы скрепить с тобою мир и любовь, а ты ищешь вражды.

Впусти их в город. Что они тебе сделают? Мы все с тобою.

Въехали бояре московские в город и тотчас приказали ударить в колокола. Собрался народ. Ему громогласно было объявлено, что с этой поры Нижний принадлежит московскому великому князю.

Озадаченный Борис поспешно сзывает своих бояр.

– Господа мои и братья, милая дружина, – умолял он, – вспомните крестное целование ваше, не выдавайте меня врагам!

Напрасны были мольбы.

– Не надейся на нас, – сказал изменник Румянец, – мы уже не твои и не с тобою, а на тебя!

Нашлось и кроме Румянца много доброхотов Москвы. Бориса схватили. Народ тоже, как видно, не прочь был подчиниться великому князю. Скоро он сам прибыл в Нижний и посадил здесь своего наместника, а князя Бориса, жену его, детей и сторонников его велел разослать по разным городам и держать под стражей.

Так примыслил себе Василий Дмитриевич Нижний Новгород; по тому же ярлыку приобрел он Городец, Муром, Мещеру и Тарусу.

Дело не обошлось, впрочем, без борьбы: племянники Бориса и сыновья его добивались своей отчины, вербовали себе шайки бродячих татар и нападали на московские владения. Это была уже не война, а разбойничьи внезапные набеги.

Василий I Дмитриевич. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 г.

Хищники-татары беспощадно опустошали русские земли, творили всюду страшные зверства. Так, например, рассказывают о таком случае в 1411 г.: татары и дружина Даниила Борисовича подкрались к городу Владимиру в ту пору, когда все жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и сожгли их, множество людей избили. В соборной церкви заперся священник. Он собрал сколько мог драгоценных церковных вещей, спрятал все это в церкви, скрыл здесь и нескольких человек, а сам стал со слезами молиться перед

образом Богородицы. Татары прискакали к церкви, стали кричать, чтобы ее отперли. Священник стоит неподвижно и молится... Татары разбили дверь, ворвались в собор, содрали ризы с икон, ограбили всю церковь, а священника стали пытать, добиваясь, где у него спрятана казна и люди: ставили его на раскаленную сковороду, втыкали щепы под ногти, кожу сдирали, – священник не вымолвил ни слова. Тогда привязали его к лошадиному хвосту, и несчастный погиб мучительной смертью. Весь город после этого был пожжен и разграблен; жителей погнали в плен. Всего награбленного татары взять с собой не могли; чего не могли унести, складывали в кучи и жгли. Деньги делили между собой мерками. Колокола от пожара растопились. Город и окрестности наполнились трупами.

От таких внезапных разбойничьих набегов татар обороняться было очень трудно, и долго еще Русская земля страдала от них.

Попытался было Василий Дмитриевич завладеть Двинскими землями, принадлежавшими Новгороду, но это не удалось ему. Зато Псков он прибрал к рукам; псковитяне стали с той поры принимать к себе князей по указанию великого князя московского. В Тверской области в это время начались смуты и усобицы между родичами, мелкими удельными князьями. Василий Дмитриевич не преминул бы, конечно, воспользоваться этим и подчинить себе Тверь; но в ту пору ему было не до того.

Нашествие Тамерлана и Едигея

В то время, когда Кипчацкая Орда, к радости русских, ослабела и разлагалась, страшная гроза чуть не обрушилась снова на Русскую землю. В Средней Азии явился новый могучий завоеватель, подобный Чингисхану, страшный своей силой и жестокостью. Это был Тимур, или Тамерлан. Этот новый «владыка мира», как называли его, сплотив в одно целое разрозненные орды татар, привел в трепет всю Азию. Все земли от Аральского моря до Персидского залива, от Кавказских гор до пустынной Аравии подпали скоро под власть Тимура.

– Друзья и сподвижники! – говорил он своим эмирам, собираясь напасть на Индию. – Счастье, благоприятствуя мне, призывает нас к новым победам. Мое имя привело в ужас вселенную; движеньем перста потрясаю землю. Царства Индии для нас открыты. Сокрошу все, что дерзнет мне противиться!

Страшная сила Тимуровой орды давила все, что встречалось на пути. Могучий турецкий султан Баязет попробовал было сдержать завоевательное стремление этого «владыки мира» и был раздавлен его силою на Ангорских полях. На местах побоищ Тимур приказывал складывать горы из черепов истребленных им людей. Лучшего памятника его страшным делам и не выдумать.

С этим-то ужасным «истребителем людей», держащим, по его словам, судьбу в своих руках, отважился бороться хан Кипчацкой Орды – Тохтамыш, но в 1395 г. на берегах Терека был разбит и должен был бежать. Тимур перешел Волгу и вступил в наши юго-восточные пределы. Весть об этом поразила ужасом всю Русскую землю. Молва о несметных полчищах Тимура, о его свирепости и погромах широко и быстро разносилась в народе и ужасала всех.

Великий князь, однако, не потерялся: он немедленно велел собираться войску и во главе многочисленной рати стал на берегу Оки, на границе своих владений, готовый встретить врага. Это ободрило народ. Для того чтобы поднять дух испуганных москвичей, великий князь приказал перенести из Владимира чудотворную икону Богоматери, привезенную туда Андреем Боголюбским. В то самое время, когда митрополит, духовенство, наместник великого князя в Москве князь Владимир Андреевич Храбрый и толпа народа встречали икону, Тимур, дойдя до города Ельца и разорив его, двинулся со своим полчищем обратно в Азию. Наступала уже осень с ее непогодами, да притом Тимура не могли особенно привлекать бедные северные края... Вздохнул свободно русский народ; спасение от страшного погрома он видел в небесной помощи. Церковь наша установила 26 августа праздник Сретения Богоматери. С этого времени образ этот остался в Москве, в Успенском соборе.

* * *

Золотая Орда после погрома казалась совсем неопасной великому князю. Он по совету молодых бояр стал действовать решительнее. Несколько ханов сменилось в Орде, а Василий и не думал ехать туда на поклон, даже и посольства не посылал. Когда требовали от него дани, он отговаривался тем, что земля его так оскудела людьми, что и дань не с кого брать; а между тем она собиралась, но шла в казну великокняжескую. Над послами ханскими и гостями ордынскими стали уже посмеиваться в Москве.

В то время в Орде заведовал всеми делами князь Едигей. Терпел он долго пренебрежение Москвы, наконец решился напомнить московскому князю о себе; но уже смелости напасть явно на Москву у татар не хватало. Едигей дал знать в 1408 г. Василию, что хан со всею ордою хочет ударить на Литву, а сам внезапно, к ужасу москвичей, устремился с огромными силами к Москве. Застигнутый врасплох, Василий не успел изготавиться к отпору. Он оставил своего дядю Владимира Андреевича Храброго и братьев защищать столицу, а сам

удалился в Кострому, надеясь, что Москва, с ее крепкими стенами и пушками, продержится долго, а тем временем ему удастся собрать войско. Владимир Андреевич сжег посады вокруг Кремля, чтобы не дать прикрытия татарам, и изготовился к бою. Татары в конце ноября осадили Кремль, но приступы делать опасались. Между тем татарские шайки рассыпались по областям великокняжеским; начались обычные ужасы опустошения: города и села татары выжигали, церкви и монастыри грабили, попавших в плен убивали или угоняли толпами в неволю. Но Москвы взять не удалось Едигею. Он окружил ее и думал заморить защитников голодом. К счастью русских, в Орде в это время случилась беда: какой-то татарский царевич напал на хана, и он звал к себе Едигея как можно скорее на помощь. Три недели уже Москва была в осаде; хлебные запасы стали истощаться, и защитникам грозил голод, как вдруг Едигей предложил снять осаду, если ему дадут откуп. Осажденные с радостью уплатили 3000 рублей, и татарские полчища отступили от Москвы. Вся Русская земля после набега Едигея от Дона до Белоозера была страшно разорена; целые области запустели. Кто избежал от смерти сам, тому пришлось оплакивать смерть близких людей и гибель своего имущества.

Тамерлан

Уходя от русских владений, Едигей отправил великому князю следующее письмо:

«Великий хан послал меня к тебе с войском, узнав, что дети Тохтамышевы (враги хана) нашли убежище в твоей земле. Ведаем, что происходит в областях московских: вы ругаетесь не только над купцами нашими, не только всячески тесните их, но и самих послов ханских осмеиваете. Так ли водилось прежде? Спроси у старцев. Русская земля была нашим верным улусом: держала страх, платила дань, чтит послов и гостей ордынских. Ты не хочешь знать этого, и что же делаешь? Когда Тимур (Темир-Кутлук) сел на царство, ты не видал его в глаза, не присылал к нему ни князя, ни боярина. Минуло царство Тимурово; Щадибек 8 лет властвовал; ты не был у него! Ныне царствует Булат уже третий год; ты, старейший князь в русском улусе, не являешься в Орду! Все дела твои не добрые. Были у вас нравы и дела добрые, когда жил боярин Федор Кошка и напоминал тебе о ханских благодеяниях. Ныне недостойный его сын Иван – казначей и друг тебе: что скажет, тому и веришь, а думы старцев земских не слушаешь. Что вышло? – разорение твоему улусу. Хочешь ли княжить мирно? Призови в совет старейших добрых бояр, пришли к нам одного из них с древними оброками, какие вы платили царю Чанибеку, чтобы не погибла вконец твоя держава. Все писанное тобою к ханам о бедности русского народа – ложь: мы ныне сами видели твой улус и узнали, что ты собираешь в нем по рублю с двух сох. Куда же идет серебро? Земля Русская осталась бы цела и невредима, когда бы ты исправно платил дань ханскую; а ныне бегаешь как раб! Размысли и научись!»

Из укоров и жалоб этого письма видно, как сильно уже изменились отношения московского князя к Орде.

Икона Владимирской Божией Матери. XII в.

Много еще беды русским могли причинить татары; но уже ясно было видно, что владычеству их над окрепшей Русской землей приходит конец. Внезапные нападения их начинали походить все больше и больше на разбойничьи набеги, а дань княжеская обращалась в подачку хищникам, чтобы откупиться от их разорительных набегов.

Опаснее татар для Москвы становился западный сосед ее – Литва. В то время как московские князья собирают разрозненную Северо-Восточную Русь в одно целое, такое же стремление обнаруживают литовские князья, – захватывая юго-западные русские земли в свои руки. Столкновение Москвы с Литвой должно было произойти рано или поздно. Васи-

лию Дмитриевичу уже пришлось три раза выводить свои войска против тестя своего литовского князя Витовта, но до войны дело не дошло.

Литва и Русь

Литва

Малое литовское племя, как известно, издавна занимало долину реки Немана, распространяясь отсюда по Балтийскому поморью на юг до нижнего течения Вислы, к северу далее Западной Двины. В X–XI вв. это племя распалось на несколько народцев: летгола (латыши), жемгала, корсь, жмудь, литва (это имя сделалось потом общим для всего племени), пруссы и ятвяги.

Расселившись небольшими поселками в бедной местности среди дремучих лесов да топких болот и мелких озер, эти народцы мало сносились с другими племенами и долго хранили свои старозаветные нравы и обычаи, сроднившись с мрачными и заповедными своими рощами.

До XIII в. не было у литовского племени и сколько-нибудь определенного государственного строя. Упоминаются вожди, которые были, вероятно, не более как старшинами отдельных волостей. Волости эти не были связаны между собой общей государственной властью; каждая из них и каждый вождь действовали по своей воле.

Общие нравы, обычаи, язык и особенно верования – вот что поддерживало племенную связь между разрозненными поселками народцев литовского племени.

Литовцы, как и славяне, верили в верховное божество, подобное славянскому Сварогу, богу неба, отцу богов. Оно, по понятию литовцев, жило на небе, в великолепных чертогах, откуда созерцало весь мир и направляло его жизнь, но больше всего наслаждалось божественным покоем. Особенного общественного богослужения в честь этого верховного бога у литовцев не было.

Кроме этого божества, литовцы признавали множество богов и богинь. Наиболее выделялись среди них следующие: Перкунас (славянский Перун) – могучий громовержец, Поклус – бог ада (пекла) и Атримпос – бог воды.

Главное место богослужения, так называемое Ромново (что значит место покоя и благочестия), устраивалось в роще у большого дерева. Под ветвями векового дуба стоял здесь идол Перкуна, изображавший мощного мужа с кремнем в руке; с одной стороны его ставили Поклуса в виде безобразного старца, держащего черепа человеческие и животных, а с другой – Атримпоса, представлявшего юношу с чашей воды, прикрытой снопом; в чаше находилась змея. Змеи (ужи) хранились также в пне священного дуба.

Пред идолом Перкуна помещался алтарь, на котором пылал неугасаемый священный огонь – Зничь. По сторонам расположены были жилища жрецов. Все священное место окружалось стеною; над воротами у главного входа в Ромново высилась башня, где жил главный жрец.

Меньшие священные места были по разным областям, и там, а равно и в домах, чествовались меньшие боги, которых, по верованию литовцев, было великое множество.

Литовцы верили в загробную жизнь, где надеялись наслаждаться всевозможными благами и владеть всем, что им было дорого на земле. При погребении умерших с ними сжигали все, что было у них лучшего, – утварь, дорогие украшения, оружие, коня, а нередко и любимого слугу...

Главный, верховный жрец назывался Криве-кривейто, то есть жрец жрецов. Он избирался из среды других жрецов – кривейтов. Редко кому из простых смертных доводилось его видеть.

MIX.

Inundatio. Subita ex nostris operibus insolita aquarum refluxio facta est, 111. Id: Januarij, feria secunda, Luna X. multis damnum inferens, VII. diebus in sua rabe persistit. Obijt Recharius Paderbrunensis episcopus Cui successit Metimwerck Sanctus Bruno qui cognominatur Bonifacius archiepiscopus et monachus XI. suae conversionis anno in confinio Rusciae et Lituae a paganis capite plexus cum suis XVII, VII. Id: Martij perijt coelos. Obijt Vuigbertus Merseburgensis episcopus: Cui successit Thiatmarus. Sed et domi- nica die palmarum gutta sanguinis in quibusdam locis uestimentis hominum instillabant. Sol nebula horribili ex colore stupendo mutatus, mirantibus intuentium

Recharij ep
Metimwerck
Bruno
Rusciae
Lituanie
Vuigbertus ep
Thiatmarus ep

paganis

Фрагмент рукописи Кведлинбургских annalов с первым упоминанием о Литве

Жил он в таинственном уединении в упомянутой башне, наблюдал за движением звезд и других небесных светил, определял времена года, считая по лунным месяцам, старался прочесть на небе волю богов и выразить ее в судебных приговорах и при особенно торжественных жертвоприношениях.

Одеянием своим верховный жрец отличался от других жрецов – высоким остроконечным колпаком и белым поясом, опоясанным семь раз семь (то есть 49 раз). Как верховный, так и все второстепенные жрецы должны были вести безбрачную жизнь.

Ниже кривейтов стояли вайделоты, самый многочисленный класс жрецов. Они поучали народ, возвещали ему волю Криве-кривейто. Они оказывали сильное влияние на народ, могли возбудить его и направить на то или другое дело; войны, на которые они поднимали народ по воле верховного жреца, отличались необычайной жестокостью. Как среди литовских божеств были женские божества, так и между жрецами были жрицы-вайделотки. Это были девы, обязанные отказаться навсегда от замужества; они должны были поддерживать на алтаре неугасимый огонь – Зничь. Если же он погасал по недосмотру вайделотки, то виновная сжигалась, а огонь вновь добывался из кремня, который был в руке Перкуна.

Литовцы и крестоносцы

Разрозненные литовские волости, связанные между собою лишь племенной связью да властью могущественного Криве-кривейто, вероятно, долго еще не составили бы сильного государства, если бы исторические обстоятельства не помогли этому. Пока соседями литовцев были славяне, то есть русские и поляки, то столкновения с ними, взаимные нападения не обращались в постоянную истребительную войну: походы русских и польских князей на Литву ограничивались временным разорением пограничных поселков да собиранием дани, а вторжения литовцев в русские или польские пределы были мелкими набегами ради грабежа и добычи. Но с начала XIII в. дело изменилось. На границах Литовской земли появился новый грозный сосед – немцы.

В 1201 г., как известно, немцы стали твердой ногой при устье Западной Двины, основали тут город Ригу, и Орден меченосцев начал свою работу завоевания и порабощения туземцев под видом просвещения их христианством; а лет тридцать спустя явилась новая община монашествующих рыцарей – Тевтонский орден. Один из польских князей, Конрад Мазовецкий, призвал их на помощь против пруссов, доведенный до отчаяния частыми опустошительными набегами последних. Тевтонский орден получил свое окончательное утверждение в 1192 г., во время последних отчаянных попыток христиан удержаться в Палестине. Рыцари этого ордена носили черную тунику и белый плащ с черным крестом на левом плече. Они кроме обычных монашеских обязанностей давали обет биться беспощадно с врагами веры Христовой и ухаживать за больными; только немцы благородного, дворянского происхождения принимались в эту общину. Хотя эти бойцы прославились своими подвигами на востоке, но они ясно видели, что им не удержаться там, и потому предложение Конрада Мазовецкого пришлось им по душе: пред ними открывалось широкое поприще для подвигов, притом поближе к родине. Послы Конрада в 1225 г. предложили магистру ордена во владение область Хелмскую, или Кульмскую, с тем чтобы он обязался за это защищать польские владения от язычников-пруссков. Император Фридрих II согласился предоставить тевтонам сверх того и все земли, какие они отнимут от пруссов, но в зависимости от него, императора. В 1230 г. дело было окончательно слажено, и орден с магистром Германом Балком во главе начал свою деятельность.

В 1231 г. появились на Висле впервые суда этих новых воителей-крестоносцев. Они высадились на правом берегу, как раз там, где раскинул ветви священный дуб пруссов, и воздвигли здесь крепость Торн. Напрасно язычники напрягали все силы, чтобы изгнать дерзкого нарушителя святыни, – крепость устояла. Шаг за шагом подвигались немцы в землю пруссов; городки прусских старшин падали один за другим под мечами рыцарей, а взамен вырастали грозные немецкие замки. Пробовали пруссы в чистом поле отчаянным боем (на берегах реки Сиргуны) сломить рыцарей. Напрасно! Воинское искусство было на стороне последних, и пруссы, превосходившие тевтонов почти вдвое, были разбиты.

Рыцари, занимая страну, не только строили крепости, или замки, но и привлекали разными льготами немецких колонистов: воины, приходившие из разных стран помогать ордену в священной войне, получали от него земельные участки, на которых сооружали новые замки; туземцы (прусссы), уцелевшие от истребления, или бежали в Литву, или принуждались креститься и подчиниться власти новых господ. У них отбирали детей и посылали их учиться в Германию, с тем чтобы потом, возвратившись на родину молодыми людьми, воспитанными в духе христианства, они помогали распространять его среди своих соплеменников. Словом, немцы действовали тут, как всегда, с присущей им настойчивостью и последовательностью.

Вооружение литовского воина

Как ни злобились пруссы, как отчаянно ни противились тевтонам, но, раздробленные, не имевшие общего вождя, не могли устоять. Зато далее на востоке Орден встретил сильный отпор от Литвы, во главе которой теперь стоял князь, способный бороться где можно – силою, где надо – хитростью, понимавший, что для борьбы с немцами, сильным врагом всех литовских племен, необходимо их сплотить в одно целое. Это был Миндовг, по словам современников, «хищный, как волк, и хитрый, как лисица». Ему пришлось вести войну и на севере с Ливонским орденом, от которого он хотел оборонить жителей Курляндии и подчинить их своей власти, и на юге – с Даниилом Романовичем Галицким, да вдобавок надо было еще бороться с родичами. Справиться со всеми врагами внешними и внутренними было Миндовгу не под силу. Тогда он, чтобы склонить в свою пользу ливонского магистра, выразил желание принять христианство и действительно крестился. Обрадованный папа прислал в 1252 г. королевскую корону Миндовгу, который выставлял себя покорным сыном его, святейшего отца, а пред рыцарями – ревностным христианином, даже завещал Ордену всю свою Литву в случае бездетной смерти. Но все это было только ловкой игрой, чтобы провести врагов: он оставался в душе закоренелым суеверным язычником.

Обманув ливонцев своим притворством, Миндовг собрался с силами и с большим полчищем литовцев вторгся в 1259 г. в Курляндию и разгромил там рыцарские владения. Отряд тевтонских рыцарей прибыл, чтоб отразить литовцев, но был разбит наголову. Блестящую победу эти литовцы торжественно отпраздновали по-своему – сожжением пленных рыцарей в жертву своим богам.

Эта победа была знаком к общему восстанию. Оно вспыхнуло повсюду в 1260 г. в заранее назначенный день. Горе было христианам, не успевшим укрыться в замках и лесах!

Их беспощадно избивали или запирали в неволю, жилища их обращали в пепел. Миндовг теперь решился действовать открыто: отрекся от христианства и королевского титула, вторгся в Пруссию и нещадно опустошил ее. Два раза рыцари, получивши подкрепление из Германии, вступали в кровавый бой с восставшими, и оба раза потерпели решительное поражение. Только незначительную часть Пруссии удалось рыцарям удержать за собой, да и ту приходилось с трудом отстаивать от беспрерывных набегов язычников.

Казалось, дело тевтонских рыцарей было окончательно проиграно; но вышло не так. Орден постоянно пополнялся новыми крестоносцами; отряд за отрядом являлись они с юга и запада, особенно когда усиливались военные действия, и потому во время войны силы рыцарей не слабели, а росли; силы же язычников значительно убывали. Притом по смерти Миндовга начались в Литве беспрерывные смуты и усобицы; а рыцари по-прежнему неуклонно и неумолимо добивались своей заветной цели – завоевания Пруссии, и она была покорена лишь после полувековой упорной борьбы.

Покончив с Пруссией, тевтонские рыцари принялись снова за Литву. Конец XIII в. и первые годы XIV в. прошли в опустошительных набегах литовцев на владения Ордена и рыцарей – на Литву. Последние сильно добивались того, чтобы утвердиться на берегу Немана; но походы рыцарей, и сухопутные, и речные, были для них неудачны, а порой и гибельны.

С каким упорством и отчаянием боролись литовцы против немецкого владычества, ясно показывает такой случай. В 1336 г. большие силы явились на помощь Ордену. Великий магистр воспользовался этим, двинулся на Литву и осадил Пунэ (Поланген), острожек, куда укрывались на время опасности литовцы, делавшие набеги на владения Ордена. На этот раз около 4 тыс. народу из окрестностей искало здесь спасения. Скоро оказалось, что самая отчаянная оборона не спасет осажденных. Немцы были гораздо сильнее литовцев числом; они таранами разбили часть стены, которая во многих местах грозила рухнуть от подкопов; множество из осажденных было убито и погребено во время вылазок; почти все способные к бою литовцы были переранены. Вдобавок немцам удалось зажечь стену. Сдача крепости была неизбежной. Но смерть литовцам была милее немецкой неволи. Они сами перебили своих жен и детей, сложили их трупы на огромный костер среди крепости, зажгли его, а затем стали убивать друг друга. Начальник крепости Маргер умертвил собственноручно большую часть товарищей, поклявшись, что по истреблении их лишит и себя жизни; ему помогала в этом деле одна старуха, которая отрубила топором головы сотне воинов, а затем покончила и с собою – в виду ворвавшихся в крепость врагов. Маргер сдержал свою клятву; с горстью отчаянных храбрецов, не успевших еще пасть от его руки, он бился до последней крайности с ненавистным врагом и, когда все товарищи его пали, кинулся в подземелье, где скрыл свою жену, убил ее, а затем и самого себя. Мертвым молчанием встретил городок своего торжествующего врага, и груды тел литовских борцов, предпочитавших смерть немецкому плену, красноречиво говорили, с какой свирепой злобой смотрели суровые литовцы на своих закочеванных в железо поработителей.

Вооружение рыцаря-крестоносца

Постоянная и упорная борьба с немцами закалила еще сильнее и без того суровый нрав литовцев, наставила их более сплотиться и развила в них воинственность. Поддаваясь под напором сильных западных и северных соседей, рыцарских орденов, литовцы направили свои силы на русский восток. Западные русские области, обессиленные удельною рознью, а затем татарским погромом, представляли для воинственных литовцев легкую добычу, тем более что многим русским могло казаться легче подчиниться соседнему и родственному племени, чем сносить иго алчных татар.

В XIII в. упоминаются в летописях нападения литовских вождей на соседние русские области (Полоцк, Туров, Пинск и др.) с целью овладеть землею, а Миндовг уже утверждает свою власть на русской земле в Новогрудке и стремится завладеть другими соседними уделами и основать обширное Литовско-Русское государство. Из летописи видно, что уже в половине XIII в. к Новогрудскому княжеству принадлежали города Волковыск, Слоним, Здитов (так называемая Черная Русь); что пинские князья признавали над собою верховную власть Миндовга. Еще раньше племянники его, при содействии его, утвердились в Полоцке, Витебске и в земле Смоленской. Борьба Миндовга с Даниилом, который, конечно, не мог смотреть равнодушно на захваты русских земель, кончилась для Литвы благополучно. Сын Миндовга Войшелк помирил отца с Даниилом, выдал сестру свою замуж за Шварна, сына Даниила; а другому его сыну, Роману, отдана была в управление вся Черная Русь, но в зависимости от Миндовга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.